

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

**СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА
И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ
ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ГОСУДАРСТВ
ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

**Материалы XIV Международных
Конивских чтений**

13–14 мая 2015 г.

г. Владивосток

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2015

УДК 340
ББК 67
С89

Судебная реформа 1864 года и ее значение для формирования правовых систем государств постсоветского пространства: проблемы теории и практики : [Текст] : материалы XIV Международных Конивских чтений (Владивосток, 13–14 мая 2015 г.) / вступит. слово и заключение А.Б. Пекарского / под общ. ред. канд. юрид. наук, доцента А.В. Верещагиной ; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса ; Институт права. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2015. – 416 с.

ISBN 978–5–9736–0325–0

Сборник содержит доклады и выступления, представленные на XIV Международных Конивских чтениях, состоявшихся 13–14 мая 2015 года в г. Владивостоке, Россия. Круг вопросов, освещенных участниками, – некоторые аспекты истории формирования правового пространства в дореволюционной России; теоретические и прикладные проблемы современного публичного и частного права государств СНГ; сравнительно-правовые исследования законодательства государств постсоветского пространства.

Для юридической общественности, историков, аспирантов, а также студентов бакалавриата и магистратуры, обучающихся по специальности (направлению подготовки) «Юриспруденция».

Ответственные редакторы:

Белошапко Ю.Н. – кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права Института права ВГУЭС (Россия)

Верещагина А.В. – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой публичного права Института права ВГУЭС (Россия)

Довбыш А.В. ассистент кафедры публичного права Института права ВГУЭС (Россия)

Пекарский А.Б. кандидат юридических наук, профессор кафедры публичного права Института права ВГУЭС (Россия)

ISBN 978–5–9736–0325–0

© Владивостокский
государственный университет
экономики и сервиса, оформление,
2015

© Авторы статей, текст, 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.Б. Пекарский. Конивские чтения: эпизоды от замысла до сегодня</i>	8
Раздел 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	13
<i>Бажутов К.В.</i> Судебная реформа 1864 г. – этап в процессе демократизации судебной системы России	13
<i>Богоненко В.А.</i> Судебная реформа 1864 года в России: материально-правовые предпосылки и гипотеза рецепции Гражданского кодекса Франции	19
<i>Васильева М.А.</i> Исторические реалии формирования законодательства в сфере охраны лесного фонда России	27
<i>Верещагина А.В.</i> Судебная реформа 1864 года: предпосылки, основные начала, значение	34
<i>Жук Д.С.</i> Антитринитаризм и его соотношение (разграничение) с другими учениями радикальной направленности в контексте Реформации в ВКЛ	43
<i>Заяц С.С., Кузора С.А.</i> Исторические аспекты развития института уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в России	51
<i>Тимофеева А.А., Аникеева В.А.</i> А.Ф. Кони как создатель русской школы судебного красноречия	57
<i>Тимофеева А.А., Федоренко Е.Д.</i> Суд присяжных в России: опыт и проблемы	64
<i>Хомик Э.В.</i> Соотношение права и морали в российском обществе	73
<i>Шахновская И.В.</i> О подходах к понятию «социальная общность»	77
<i>Шикалова Е.В.</i> Роль судебной системы в формировании контрактной системы	86
Раздел 2. КОНСТИТУЦИОННЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА	93

<i>Абасова З.Т.</i> Конституционное право народов на самоопределение – право индивидуальное или коллективное?	93
<i>Балиева М.Ф.</i> Ответственность за нарушение права землепользования в Республике Таджикистан	100
<i>Белошапко Ю.Н.</i> Правовое регулирование финансов современной российской судебной системы	107
<i>Бенда С.А.</i> Общественный контроль в России: становление и развитие	117
<i>Божко В.Н.</i> Рычаги воздействия органов местного самоуправления на оплату труда в Украине	120
<i>Ищенко Н.С.</i> Экологическое сельское хозяйство – фактор обеспечения продовольственной безопасности государства	127
<i>Ищенко Н.С., Лапицкая О.В., Лапицкая Н.П.</i> Внедрение систем качества и безопасности продтоваров и оценка их эффективности	139
<i>Козлова Е.Е., Перижогна Ю.Д.</i> Административное задержание: пробелы в законодательном регулировании	150
<i>Назарова Д.В.</i> Правовая природа контракта о прохождении военной службы	158
<i>Прокопенко А.И.</i> Сравнительно-правовая характеристика основного нормативно-правового акта в сфере охоты Республики Таджикистан и Российской Федерации	167
<i>Судакова Т.С.</i> Проблема реализации прав и законных интересов детей трудящихся-мигрантов в РФ в сфере образования	173
<i>Трифонов Е.С.</i> Стабильность Конституции РФ и ее значение в конституционном развитии РФ	180
<i>Умедов К.М.</i> Порядок издания подзаконных нормативно-правовых актов	189

Раздел 3. ЧАСТНОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО В ГОСУДАРСТВАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ .. 199

<i>Глухова В.Е.</i> Реализация права работника на основной ежегодный оплачиваемый отпуск в Российской Федерации: пробелы правового регулирования	199
--	-----

<i>Грудина А.П.</i> Совершение гражданских сделок в отношении земельных участков на примере договора дарения: правовой опыт Российской Федерации и Республики Таджикистан	206
<i>Гусева А.С.</i> Спортивный контракт с несовершеннолетними в Российской Федерации: общая характеристика	216
<i>Каравалева Е.А.</i> Содержание института права частной собственности на землю в Беларуси, России и Таджикистане	224
<i>Кодиров Ш.К.</i> Договоры и особенности их гражданско-правового регулирования в сети Интернет по законодательству Республики Таджикистан	231
<i>Лукьянчук С.А.</i> Договор доверительного управления между хозяйствующими субъектами: вопросы правоприменения.....	239
<i>Максименюк В.В.</i> Туристическое путешествие: правовые аспекты	244
<i>Савицкая К.Д.</i> Теоретико-правовые основы установления особого порядка наследования цифровых активов	250
<i>Стражевич Ю.Н., Босык О.И.</i> Правовые проблемы определения наследственных прав пережившего супруга на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью	259
 Раздел 4. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ	
<i>Богачева Ю.Р.</i> Склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ: уголовно-правовая характеристика	270
<i>Ивашенко К.А., Сотникова Е.С.</i> Профилактика экстремизма в молодежной среде: тематика и проблематика учебных занятий с различными возрастными группами.....	277
<i>Ищенко Н.С., Гладышев В.В.</i> Некоторые проблемные вопросы уголовно-правовой защиты интеллектуальной собственности в Республике Беларусь	282
<i>Карлова Е.А.</i> Свободное время подростков в России	290
<i>Козлова З.С.</i> Уголовно-правовая характеристика правовых запретов, направленных на защиту земель лесного фонда	294

<i>Лантев С.А.</i> Метаморфозы «ограничения свободы»	302
<i>Малиновская К.А., Лантев С.А.</i> Условно-досрочное освобождение от наказания в виде лишения свободы в Российской Федерации	309
<i>Салчак С.Х.</i> Причины насильственной преступности в школе ...	315
<i>Сергиенко Э.Э.</i> Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства России и Казахстана в сфере защиты земельных ресурсов.....	321
<i>Сибиряков Г.Е.</i> Необходимость введения уголовной ответственности юридических лиц в России	326
<i>Тюгаев А.Р., Докишина А.Ю.</i> Опыт создания просветительских и пропагандистских материалов, направленных на профилактику экстремизма в молодежной среде.....	333
<i>Уханов А.Д.</i> Уголовная политика как важнейший элемент криминологической политики.....	338
<i>Шульга В.И.</i> Борьба с терроризмом и экстремизмом в уголовной и судебной статистиках	346

Раздел 5. УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ В РОССИИ

И ЗА РУБЕЖОМ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Бурлачук В.Д.</i> Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам ..	353
<i>Голованова П.А.</i> О проблемах осмотра жилища в уголовном процессе	359
<i>Заводовская И.С., Загвоздкин Н.Н.</i> Следственный эксперимент и проверка показаний на месте: проблемы разграничения	366
<i>Завьялова Д.В.</i> Ситуационный подход к производству следственных действий с участием малолетних/несовершеннолетних.....	370
<i>Овчинников Ю.Г., Зинченко Е.О.</i> К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя	376
<i>Помалейко А.И.</i> Проблемы регламентации института досудебного соглашения о сотрудничестве.	383
<i>Пьянников К.А.</i> Экспертиза как одно из средств доказывания при расследовании преступлений против безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта..	390
<i>Реховский А.Ф.</i> О суде присяжных в Японии	397

Сосункевич А.О. Вещественные доказательства стран СНГ:
анализ нормативных моделей. 404

Вместо заключения: Я преодолела свой страх 412

Конивские чтения: эпизоды от замысла до сегодня

Четырнадцать лет тому назад – 1 июня 2001 года во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса прошли первые Конивские чтения, получившие статус вузовских. Инициаторами их проведения стали функционировавший в то время на экономико-правовом факультете ВГУЭС Конивский комитет, научно-студенческое общество им. А.Ф. Кони и кафедра уголовного права и процесса.

На этих чтениях присутствовали студенты и преподаватели ВГУЭС, других ВУЗов города Владивостока, представители Главного Управления Министерства юстиции РФ по Приморскому краю, Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ по Приморскому краю, Приморской краевой коллегии адвокатов, Приморского филиала Коллегии адвокатов «Московский юридический центр», коллегии адвокатов им. В.В. Любарского, Фрунзенского и Ленинского районных судов г. Владивостока, других судебных и правоохранительных органов, действовавших на территории столицы края.

С этой даты ранее проводившиеся «клубные» или «камерные» «посиделки» членов НСО, как называли их некоторые студенты-активисты, посвященные отдельным трудам, датам, событиям жизни и деятельности Анатолия Федоровича Кони, чей скульптурный портрет работы заслуженного деятеля искусств России Эдуарда Владимировича Барсегова с майских дней 1996 года встречает гостей и хозяев ВУЗа в его стенах, приобретают новый формат. Конивские чтения становятся научно-правовой площадкой городского межвузовского общения с практикоориентированными задачами, вносящей свою лепту в формирование у его участников способностей уважительно и бережно относиться к историко-правовому наследию, глубже понимать социальную значимость юридической профессии, логически мыслить и творчески работать, анализировать возникающие проблемы, уметь по-конивски владеть словом, по-конивски жить и служить справедливо праву.

Меняются соорганизаторы, участники и выступающие Конивских чтений, в зависимости от их тематики. Наряду с упомянутыми вузовскими структурами, Управлениями Судебного департамента при Верховном Суде РФ и Министерства юстиции РФ по Приморскому краю, среди организаторов появляются адвокатские формирования, прокурорские подразделения, юридические службы и фирмы, избирательные комиссии города Владивостока и

Приморского края, другие ВУЗы, родственные по подготовке студентов-юристов.

Подсчитано: за 14 лет участниками наших Конивских чтений стало почти полторы тысячи человек, выступило из них более 200 студентов, преподавателей, юристов-практиков. В их числе были и те, кто стал по окончании ВУЗа нашими преподавателями – на кафедре публичного права Елена Юрьевна Смородникова, на кафедре частного права Елена Михайловна Тараненко, и Юлия Сенизбаевна Турсунова, защитившая свою кандидатскую диссертацию и ныне работающая в качестве судьи Пятого арбитражного апелляционного суда.

С выступления курсанта Хабаровской высшей школы милиции Дмитрия Герольдовича Нохрина, впоследствии защитившего кандидатскую диссертацию и ставшего помощником одного из судей Конституционного Суда РФ, Конивские чтения во ВГУЭС приобретают статус межрегиональных мероприятий.

Сегодня, как видно из программы 14-х чтений, они выходят на новый, более значимый уровень. Поступили заявки на участие в них от студентов, магистрантов и преподавателей ВУЗов России и других государств – Белоруссии, Таджикистана, Украины. Появляется прекрасная возможность узнать начинающих и уже имеющих опыт исследований зарубежных коллег.

Каждые Конивские чтения вносили в нашу университетскую жизнь что-то свое, особенное. Оставляли след в студенческо-преподавательской жизни. Порождали желание взглянуть на те или иные проблемы, отталкиваясь от тех воззрений, которые звучали из уст участников чтений.

Так, неожиданно возникшая в 2001 году дискуссия по вопросу о месте судебных и правоохранительных органов в жизнедеятельности нашего государства, их взаимоотношениях в советский и постсоветский период привела к тому, что ректорат ВУЗа услышал доводы сторонников изменения названия учебной дисциплины «Правоохранительные органы», с 2002 года переименовав ее в «Судебные и правоохранительные органы». Под этим названием она читается во ВГУЭС и сейчас.

Во время упомянутой дискуссии господствовал взгляд таких известнейших юристов исследователей, как В.П. Божьев, С.В. Бородин, С.А. Воронцов, К.Ф. Гуценко, А.Л. Рыбаков, В.М. Семенов, Ю.И. Скуратов, А.А. Чувилев, Ан.А. Чувылев, И.А. Семенцова и других, что суды – это однозначно правоохранительные органы. Особые, основные, со своей спецификой, но все-таки правоохранительные.

Ряд из упомянутых и других, вторящих им, авторов по-прежнему утверждают сей постулат. Более того, этот взгляд нашел свое место и в некоторых юридических энциклопедиях. Так, на 574-й странице Большого юридического словаря, вышедшего самостоятельным тиражом в 2009 году в издательстве ИНФРА-М, третьим изданием под редакцией доктора юридических наук, профессора А.Я. Сухарева, черным по-белому, с выделением текста курсивом, приводится: *«К П.о. относятся: суд, арбитражный суд, конституционный суд, прокуратура...»*. Далее следует перечень еще семи бесспорно правоохранительных органов. Завершая разъяснение этого термина, авторы словаря идут еще дальше, относя в широком смысле к понятию «правоохранительные органы» такие негосударственные институты, как адвокатура, третейский суд и др.

Участники Конивских чтений, доказывая свое понимание соотношения судебных и правоохранительных органов, наряду с доказательствами, приводимыми такими сторонниками четкой обособленности, ярко выраженной функциональной разнородности судов и правоохранительных органов, как С.И. Вахмистрова, Ю.А. Лукичев, В.М. Савицкий и некоторые другие, апеллировали также к грамматическому толкованию пункта «а» статьи 71 действующей Конституции РФ.

По их мнению, которое поддержало абсолютное большинство, закон, обладающий высшей юридической силой, в строке «кадры судебных и правоохранительных органов; адвокатура, нотариат» соединительным союзом «и» однозначно определил судебные и правоохранительные органы как два самостоятельных правовых понятия, а точкой с запятой два последних института отделил от двух первых, не присоединив их не к одному из них. Тем самым оставил их вне как правоохранительных, так и судебных органов.

Данный орган, по мнению участников тех Конивских чтений, должен был не только корректировать взгляды С.А. Воронцова, К.Ф. Гуценко и других их сторонников, но и повлиять на название программы дисциплины в новом, будущем поколении образовательных стандартов как для вузовского, послевузовского, так и для среднего специального профессионального образования, или привести к внесению изменений в Конституцию РФ. Пока не случилось!

Тринадцатые Конивские чтения (2014 год) были посвящены теме «Этика и право». Рефреном на них звучали слова А.Ф. Кони о необходимости для юных питомцев университета и для юристов в зрелом возрасте знать и помнить нравственные указания юридической, судебной этики, услышанные в стенах ВУЗа, чтобы и в со-

временной практической жизни надлежало «служить делу суда и управления», исполнять «нравственную обязанность пред Родиной и пред русским народом».

За два месяца до проведения этих чтений в процессе изучения курса «Профессиональная этика юриста» студенты побывали на судебных заседаниях у 12 судей Ленинского и Первореченского районных судов г. Владивостока, присутствовали на трех выездных заседаниях судов, проводившихся в учебной лаборатории ВУ-За «Учебный зал судебных заседаний», который оборудован и оснащен согласно распоряжению Ректора ВГУЭС в полном соответствии с современными требованиями, предъявляемыми к помещениям и зданиям российских судов.

До начала Тринадцатых Конивских чтений студенты, после присутствия на судебных заседаниях, написали о результатах своих наблюдений за действиями участников судебных процессов, свод которых был обсужден еще на занятиях.

Эти Конивские чтения, как отметили в своих выступлениях на них председатель Первореченского районного суда г. Владивостока И.В. Дышловой, начальник Управления Министерства юстиции по Приморскому краю И.Н. Баранник и вице-президент Адвокатской палаты Приморского края П.А. Обушный, успешно вписались в учебный процесс, дали студентам еще один повод для понимания конивского актуального и сегодня посыла о необходимости при разьяснении идеалов правосудия, правовой жизни, «ставить на первое место нравственные требования и задачи».

Выступление на этих Чтениях студенток Елены Караваевой, Зинаиды Козловой и Эльвиры Сергиенко «Кодекс студенческой этики как необходимый компонент нормативных актов, регулирующих внутриуниверситетскую жизнь», их призыв завершить в 2015 году работу по принятию такого кодекса в нашем Институте права поставил нас в необходимость предпринять соответствующие организационные меры для решения этого вопроса в грядущем новом учебном году.

В истории проведения наших Чтений, по желанию старшекурсников, поддержанному кафедрой и Конивским комитетом, имело место изменение формата их проведения. К традиционной форме дважды добавлялось проведение Малых Конивских чтений под девизом «Старшие младшим». На них перед первокурсниками выступали только студенты-старшекурсники со своими докладами, сообщениями и информацией по отдельным вопросам теоретико-правового наследия А.Ф. Кони и его современников, а также юридическим проблемам современности.

На нынешних, Четырнадцатых чтениях, я уверен, в той или иной мере вновь будут звучать суждения юристов Конивского времени, перекликаться с размышлениями и утверждениями современных авторов, проверяться на актуальность в сегодняшней жизни нашего права и государства.

Именно этого хотели мы – первоорганизаторы Конивского комитета, Конивских чтений. Нас осталось мало. Два действующих преподавателя – я и А.А. Тимофеева, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права; два, находящихся на заслуженном отдыхе – П.М. Комар и Ю.И. Сухин. И нам доставляет истинную радость тот факт, что Конивские чтения живут, востребованы, что география их участников расширяется, что А.Ф. Кони по-прежнему зовет вас, пришедших в этот зал, к участию в теоретических обоснованиях и исследованиях многих вопросов деятельности суда присяжных, прокуроров, адвокатов и судей, уголовно-процессуального законодательства и юридических сообществ, медико-правовых и этико-правовых проблем.

Хочется привести здесь слова одного из вдохновителей организации Конивских чтений и установки на территории нашего ВУЗа скульптурного портрета А.Ф. Кони, заслуженного юриста Российской Федерации, отдавшего более полувека своей жизни адвокатской деятельности, носившего в адвокатских кругах негласный титул «наш приморский Кони» – Владимира Владимировича Любарского: «Быть грамотным юристом без познания наследия А.Ф. Кони невозможно. Его книги должны быть настольными книгами для всех юристов. Прививать культуру их чтения и изучения необходимо с первых дней пребывания студента-юриста в учебном заведении». Что мы и стараемся делать всемерно и постоянно, в том числе и этими Конивскими чтениями.

***В добрый и плодотворный путь,
Четырнадцатые Конивские чтения!***

Вступительным словом IV Конивские чтения открыл
профессор кафедры публичного права Института права
ВГУЭС, канд. юрид. наук,
Председатель Конивского комитета ***А.Б. Пекарский***

Раздел 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 343.19

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 Г. – ЭТАП В ПРОЦЕССЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

К.В. Бажутов
студент 2 курса

С.Г. Капустин – научный руководитель: старший преподаватель

*Филиал Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса в г. Находка
Россия, г. Находка*

Проблема демократизации судебной системы России была и есть одной из самых ключевых задач. Действительно демократизация судебной системы, в конечном итоге, означает справедливость, беспристрастность правосудия и равные возможности граждан для доступа к правосудию. Судебная реформа 1864 года является по сути первым этапом в процессе демократизации судебной системы России и важным историческим наследием для современной судебной системы России.

Ключевые слова и словосочетания: демократизация, судебная власть, реформа, судебная система, Россия, справедливость.

THE JUDICIAL REFORM OF 1864 – THE STAGE IN THE DEMOCRATIZATION PROCESS OF THE JUDICIAL SYSTEM IN RUSSIA

K.V. Bazhutov
Student of the 2nd grade

Scientific adviser: senior lecturer S.G. Kapustin
*Branch of Vladivostok State University of Economics and Service
in Nakhodka Russia, Primorskiy kray, Nakhodka.*

The democratization of the judicial system in Russia was and remains one of the key tasks of state government. Indeed democratization of the judicial system, in the end, means fairness, impartiality of justice and equal opportunities for citizens to access to it. The judicial reform of 1864 is the first stage in the process of democratization of the Russian judicial system and an important historical heritage to modern Russian judicial system.

Keywords: *democratization, the judiciary, reform of the judicial system, Russia, justice.*

В данной работе рассматривается роль судебной реформы 1864 г. в демократизации судебной системы Российской империи и постсоветской России. Демократизация представляет собой процесс, направленный на формирование и укрепление демократических начал во всех сферах государственной и общественной жизни. Применительно к судебной системе демократизация означает создание равных возможностей граждан для доступа к правосудию, а также справедливость и беспристрастность правосудия. Рассматривая формирование отечественной судебной системы в исторической ретроспективе, и исследуя процессы ее демократизации, необходимо принимать во внимание положительную динамику в обособлении судебной власти, повышении ее самостоятельности, преодолении словного характера судебной системы, совершенствования судебного процесса в плане отхода от его инквизиционного характера и усиления начал состязательности. В научной литературе, говоря о демократизации судебной системы Российской империи, прежде всего, имеют в виду судебную реформу 1864 г. Рассматриваемая судебная реформа стала одним из кардинальных преобразований отечественной судебной системы за все время ее существования. Причем это были именно преобразования демократического характера. В результате реформы в России был создан новый суд: бессловный, основанный на принципах гласности и состязательности, презумпции невиновности с адвокатурой и присяжными заседателями [1].

Несмотря на явное отсутствие выраженных предпосылок для демократизации судебной системы Российской империи, реформа 1864 г. внесла в организацию работы суда демократические начала. В результате судебный процесс стал отвечать самым высоким демократическим стандартам своего времени. Несмотря на свои прогрессивные основы, новый судебный строй сохранял остатки словных судов (волостные суды по крестьянским делам), «инородческие» суды, значительная масса судебных дел подпадала под церковную юрисдикцию. Тем не менее, значение судебной рефор-

мы 1864 г. выходит далеко за рамки сферы судопроизводства. Эта реформа стала первым шагом на пути формирования в России системы разделения властей, отделив власть судебную от административной, о чем непосредственно говорилось в Учреждении судебных установлений. Неслучайно, что в современных условиях, в процессе демократизации судебной системы России, она восприняла целый ряд принципов и институтов судебной реформы 1864 г. Концепция судебной реформы, одобренная Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года, провозгласила необходимость глубоких преобразований в сферах законодательного регулирования, кадрового и ресурсного обеспечения, организации судебной деятельности [5]. В частности, этот документ утвердил системную роль Конституционного Суда. Кроме того, были поставлены такие задачи, как возрождение суда с участием присяжных заседателей и института мировых судей, введение судебного контроля за правомерностью заключения под стражу, введение принципа несменяемости судей, пересмотр ведомственных показателей работы правоохранительных органов и судов и многое другое.

Эта концепция стала новой попыткой возвращения к идеалам Судебной реформы 1864 года, а ее ключевые идеи были зафиксированы в Конституции Российской Федерации 1993 года и федеральном законодательстве о судебной системе.

В настоящее время многие авторы проводят параллели между нынешней судебной реформой в Российской Федерации и российской судебной реформой 1864 года. Обращение к историческому опыту реализации судебной реформы может оказаться весьма полезным для сегодняшнего российского общества. Действительно, целесообразно сравнить проведение судебной реформы 1864 года с современным реформированием судебной системы с тем, чтобы использовать весь накопленный положительный опыт. Сравнение состояния современной судебной системы Российской Федерации с основами судостройства царской пореформенной России является и весьма познавательным.

В результате проведения нынешней судебной реформы указанные выше принципы закреплены на уровне действующей Конституции Российской Федерации, Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» и иных законодательных актов. Эти и иные принципы правосудия достаточно успешно реализуются. К примеру, независимость судебной власти от законодательной и исполнительной выражается в том, что в настоящее время в Российской Федерации суды осуществляют контроль за законностью и обоснованностью решений и действий государственных органов и должностных лиц.

В результате проведения в России судебной реформы 1864 года было создано две системы судов: местные и общие суды. К местным судам относились мировые суды. Они рассматривали мелкие уголовные дела (проступки против общественного порядка, личные оскорбления и побои, мошенничества и кражи на сумму до 300 рублей), а также гражданские дела с ценой иска первоначально до 500 рублей, позднее – до 1500 рублей. Дела по спорам о недвижимом имуществе мировые суды не рассматривали. Мировой судья все подсудные ему дела рассматривал единолично. Они избирались на три года уездным земским собранием. Ими могли быть лица не моложе 25 лет, со средним или высшим образованием, обладавшие высоким имущественным цензом. Кроме участковых мировых судей, получавших жалование за свой труд, существовали так называемые почетные мировые судьи. Их труд не оплачивался. Почетными мировыми судьями являлись лица, имеющие значительный доход. Обычно ими были уездные и губернские предводители дворянства, отставные военные и статские чиновники и судебные чиновники высокого ранга. Они осуществляли свою деятельность при отсутствии участкового судьи либо при согласии обеих сторон. Второй (апелляционной) инстанцией для мировых судов являлся уездный съезд мировых судей, который включал в себя всех участковых и почетных мировых судей уезда. Приговоры съезда мировых судей считались окончательными. На них допускались лишь жалобы сторон и протесты товарища прокурора в кассационном порядке. Жалобы и протесты рассматривались уголовным кассационным департаментом Правительствующего Сената.

Обратимся теперь к рассмотрению судебной системы современной России, закрепленной в федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 года «О судебной системе Российской Федерации» [4]. В соответствии с указанным законом судебная система Российской Федерации выглядит следующим образом: все суды, действующие в Российской Федерации, подразделяются на две группы: федеральные и суды субъектов. Такое деление судов схоже с их делением на общие и местные, закрепленным в Судебных уставах 1864 года. Современная судебная система, несомненно, усложнилась по сравнению с системой судов, созданных в результате проведения судебной реформы 1864 года. Однако при этом закрепленная в действующем законодательстве система судов общей юрисдикции во многом схожа с системой общих судов, созданных в царской России в результате судебной реформы. Схожими, в частности, являются следующие моменты:

- 1) количество звеньев в системе общих судов пореформенной царской России такое же, как число звеньев в современной системе федеральных судов общей юрисдикции;

2) в соответствии с действующим процессуальным законодательством большую часть дел (кроме дел, подсудных мировым судьям) по первой инстанции рассматривают районные суды – низшее звено в системе федеральных судов общей юрисдикции. В царской пореформенной России также большую часть гражданских и уголовных дел (кроме дел, подсудных мировым судьям) по первой инстанции рассматривали окружные суды, являвшиеся судами низшего звена в системе общих судов;

3) суды второго звена в системе общих судов пересматривают акты районных судов, не вступившие в силу в порядке апелляции. В царской пореформенной России суды второго звена в системе общих судов – судебные палаты также являлись апелляционными инстанциями по решениям окружных судов, не вступивших в законную силу;

4) в настоящее время суды второго звена в системе общих судов – Верховные Суды республик в составе РФ, краевые, областные суды, автономной области и автономных округов, городов федерального значения рассматривают ряд дел, закрепленных в законодательстве, в качестве суда первой инстанции. Судебные палаты, являвшиеся судами второго звена в соответствии с Судебными уставами 1864 года, также были уполномочены на рассмотрение ряда дел по первой инстанции;

5) высшим звеном в системе федеральных судов общей юрисдикции в настоящее время является Верховный Суд Российской Федерации. Высшим звеном в системе общих судов в России конца XIX века являлся Правительствующий Сенат. И Верховный Суд РФ, и Сенат уполномочены на пересмотр актов всех нижестоящих судов, вступивших в законную силу [6].

Сравнивая местные суды пореформенной царской России с судами субъектов Российской Федерации, следует отметить следующее: как уже упоминалось выше, 17 декабря 1998 года принят федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации». Принятие законодателем волевого решения о возрождении данного института, несомненно, связано с эффективной деятельностью мировых судов, образованных в результате проведения в России судебной реформы 1864 года. Целесообразность принятия данного закона обосновывалась, среди иных причин, тем же обстоятельством, что и введение мировых судов в 1864 году, а именно: необходимостью приближения судов к населению. Возрождение в России института мировых судей является явлением положительным, поскольку этим будет обеспечено быстрое, без проволочек рассмотрение подсудных им дел и материалов. Кроме того, сторонники

возвращения института мировых судей в Россию оперируют тем, что их введение позволит значительно разгрузить районные суды.

У судебных систем двух рассматриваемых периодов есть и существенные различия. Различным является законодательное регулирование деятельности мировых судей. Существенным отличием является и то, что низшим звеном в системе общих судов пореформенной России в 1864 году являлись окружные суды, которые действительно были далеки от населения, таким образом существенно нарушался принцип доступности правосудия. В настоящее же время низшим звеном в системе федеральных судов общей юрисдикции являются районные суды, которые достаточно близки к населению. В соответствии с Судебными уставами 1864 года решения мировых судов пересматривал специально созываемый для этого орган – съезд мировых судей. Таким образом, окружные суды не загружались работой по пересмотру решений мировых судей. Ряд авторов, сторонников введения института мировых судей, высказывали обоснованное мнение, что требования к кандидатам на должности мировых судей должны быть ниже, чем к кандидатам на должности районных судов с тем, чтобы из мировых судей росли кадры для судов общей юрисдикции. Однако в соответствии с принятым законом «О мировых судьях Российской Федерации» к кандидатам на должности мировых судей предъявляются те же требования, что и к кандидатам на должности районных судов. К слову, в соответствии с Судебными уставами 1864 года к кандидатам на должности мировых судей предъявлялись более низкие требования, чем к кандидатам на должности судей окружных судов.

Таким образом, все вышеизложенное свидетельствует о большом историческом значении Судебной реформы 1864 года для становления судебной системы Российской империи и современной России. Безусловно, данная реформа является одной из самых тщательно разработанных «Великих реформ» эпохи правления Александра II и вполне логично рассматривать ее как этап демократизации судебной системы России.

1. Милосердова, Л.Ф. Судебная реформа 1864 г. как этап в процессе демократизации судебной системы России // Л.Ф. Милосердова // ЕврАзЮж – № 2 (45). – 2012. – С. 97-101.

2. Чистяков, О.И. Реформы Александра II. Сборник нормативных актов / О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. – М., 1998. – 464 с.

3. Судебная реформа Александра II [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 10.05.2015).

4. Высшая школа государственного аудита [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://audit.msu.ru/msu/k-150-letiusudebnoy-reformi> (дата обращения 10.05.2015).

5. Верховный Суд Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=8393 (дата обращения 10.05.2015).

6. Научно-практическая конференция к 150-летию судебной реформы 1864 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://procuror.spb.ru/20141127.html> (дата обращения 10.05.2015).

УДК 347

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА В РОССИИ: МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ГИПОТЕЗА РЕЦЕПЦИИ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА ФРАНЦИИ

В.А. Богоненко

заведующий кафедрой гражданского права, кандидат
юридических наук, доцент

Учреждение образования «Полоцкий государственный университет»

Республика Беларусь, г. Новополоцк

Опыт кодификации и судебных реформ применительно к историческим условиям развития государства, позволяет систематизировать знания, необходимые для принятия эффективных мер, направленных на совершенствование действующего законодательства и судебной системы. В представленном исследовании рассматриваются во взаимосвязи процессы, основные начала и проблемы, присущие процессу кодификации гражданского права и их влияние на состояние дел в сфере реформирования гражданского процесса и судопроизводства в России с начала XIX века и вплоть до проведения Судебной реформы 1864 года. Отдельное внимание уделяется гипотезе рецепции Гражданского кодекса Франции 1804 года. На основе изложенных положений делаются выводы, касающиеся сути реформирования в сфере материального и процессуального права, а также судоустройства.

Ключевые слова и словосочетания: кодификация, реформирование, судебная система, гражданский процесс, рецепция, судо-

производство, гражданское право, закон, иностранное законодательство.

JUDICIAL REFORM OF 1864 IN RUSSIA: SUBSTANTIVE ASSUMPTIONS AND HYPOTHESIS RECEPTION THE FRENCH CIVIL CODE

V.A. Bogonenko

Candidate of legal sciences, associate professor, head of
civil law department

*Polotsk State University
Novopolotsk, Belarus*

Experience of codification and judicial reforms in relation to the historical conditions of development of the state allows you to organize the knowledge necessary to take effective measures aimed at improving the existing legislation and the judicial system. In the present study examines the relationship of the basic principles and processes of the problems inherent in the process of codification of civil law and their impact on the civil proceedings reform process since the beginning of the XIX century and up to the judicial reform in 1864. Special attention is paid to the hypothesis of the reception of the Civil Code of France in 1804. On that basis the conclusions regarding to the essence of reform in the area of substantive and procedural law, as well as the judicial system, are set out.

Keywords: *codification, reforming, the judicial system, civil procedure, reception, litigation, civil law, law, foreign law.*

Реформу судебной системы 1864 года можно рассматривать как результат сложных процессов, происходивших в российском обществе с начала XIX века. Предпосылки для реформирования стали складываться задолго до самой хронологической даты, с которой принято связывать произошедшие изменения в системе судоустройства и судопроизводства. Подготовительные работы, непосредственно приведшие к реформе, представляли лишь видимую ее часть в форме законопроектов. При описании судебной реформы 1864 года, как правило, затрагивались исторические аспекты процесса, а также осуществлялась характеристика Судебных уставов и новой судебной системы. Таким образом, исследуемая тема часто трактовалась в жанре нарративной юриспруденции, что отчасти оправдывалось запросами в изучении института судебных реформ в неразрывном контексте с историей российского государства. Представляется чрезвычайно интересной попытка рассмотреть судебную реформу 1864 года с точки

зрения предпосылок, происходящих из области материального права, в частности, гражданского права.

В юридической литературе справедливо указывается на то, что неотъемлемым признаком гражданского общества и гражданского правосознания являются равные для всех возможности защищать свое достоинство, физическую неприкосновенность, частную жизнь. Невозможно говорить о гражданском обществе, когда существуют категории людей, лишённые этого. Существенный показатель состояния правосознания – положение детей и женщин, наличие у них законных возможностей отстаивать свое достоинство. К сожалению, в России в дореформенный период авторитет закона замещался авторитетом начальства [1, с. 1]. Достаточно мрачная характеристика давалась российскому государству в иностранной литературе начала XIX века. Скепсис относительно перспектив и состояния кодификации русского гражданского права времен Александра I обнаруживается во французской юридической литературе 1-й половины XIX века. Известный исследователь русского права В. Фуше (Victor Foucher) ужасается монархии, в которой ориентируются на всю свою силу, распределение на господ и крепостных. В этой огромной империи, по словам автора, выражен двуличный принцип абсолютной власти и феодального режима, которые приводят в замешательство так же, как отлучение от церкви. Фуше с гордостью отмечает, что во Франции, особенно горды завоеванными принципами свободы и равенства, поставленными во главу всего. Автор полагает, что законы империи должны быть связаны с различными группами населения, сопоставлены с их нравами, их сословием и занятием, так же, как развитие законов должно оцениваться после установления социального порядка и устранения препятствий, а также создания различных существующих условий, способных привести к совершенствованию законодательства [2, с. 5-6].

Таким образом, конструкция будущей реформы имела под собой довольно ветхую платформу материальных условий существования населения и социального уклада. Сложившийся к началу XIX века уровень имущественных отношений не позволял говорить о возможности успешного реформирования российского законодательства. Материальное право России, в том числе гражданское право, еще не состоялось как завершенное явление и со своей стороны не могло стимулировать процессы реформирования, относящиеся к судостроительству и процессуальному праву. Наглядным примером могут служить неудавшиеся попытки рецепции Гражданского кодекса Франции 1804 года и даже не в целом, как кодифицированного акта, а только лишь его отдельных положений.

Первоначально принятие кодекса послужило побудительным мотивом для рассмотрения перспектив российской кодификации, что в свою очередь, открывало дорогу к продолжению реформ в сфере гражданского процесса и судопроизводства. Казалось, что кодекс или его отдельные положения были открыты для заимствования русским гражданским правом. К этому располагала царившая в светском обществе атмосфера приятия или, во всяком случае, благодушия ко всему, что так или иначе было связано с событиями, происходившими во Франции в конце XVIII в. и в начале XIX в. Разговоры о французской революции и Наполеоне стали неотъемлемым атрибутом салонных бесед, светских балов и военных собраний [3, с. 45].

После французской Революции, которая всколыхнула саму Францию и Европу, а также визита Александра I в Эрфурт на встречу с Наполеоном Бонапартом (1808 г.), могло показаться, что складывалась благоприятная ситуация для заимствования положений Гражданского кодекса Франции, пусть и не буквального, но наиболее полного и приближенного к реалиям российской государственности и бытовавшего уклада жизни. Вместе с тем, нельзя не учитывать, что Российская империя обладала определенными традициями нормотворчества, весьма индивидуального и часто противоречивого по своему характеру, а также огромным количеством разбросанных по различным ведомствам актов. С другой стороны прослеживается стремление учесть особенности территориального устройства Российского государства, в том числе особенности мест проживания отдельных групп населения и целых народов.

Весьма примечательно, что очередная, десятая по счету комиссия была создана в 1804 году, практически в то же самое время, когда был промульгирован французский Гражданский кодекс. Однако практическая работа по кодификации задерживалась и только в 1809 г. Александр I утвердил разработанные М.М.Сперанским документы, определяющие характер работ. Предполагалось разработать три кодекса (уложения): гражданский, торговый и уголовный. Тем самым подтверждалось следование принятой во Франции модели кодификационного процесса, где уже действовали Гражданский кодекс и Торговый кодекс, а также был разработан Уголовный кодекс. Кроме того, следование французскому опыту кодификации явилось неотъемлемой частью всей программы преобразования системы власти в Российской империи. Манифестом Александра I от 1 января 1810 г. было объявлено о создании Государственного совета, в компетенцию которого среди прочего входили вопросы, связанные с принятием новых законов. Начиная с Непременного совета (1801 г.) российская власть последовательно пришла к официальному Государственному совету,

который по подобию французского Государственного совета формулировал свои мнения, утверждаемые императором.

Можно ли было ожидать сколько-нибудь успешной работы по гражданскому уложению, когда эту работу организовал и обеспечивал М.М. Сперанский? Все достоинства Сперанского, на которые обычно указывают в отечественной и зарубежной литературе не могли восполнить отсутствовавшего у него юридического образования и практики. М.А. Корф, хорошо знавший Сперанского и работавший под его началом, отмечает, что Сперанский поступил в комиссию законов без всякого юридического приготовления, чуждый немецкой литературе, по незнанию самого языка, незнакомый почти ни с чем, кроме французского кодекса и энциклопедического сочинения о французских законах Флорижона – автора теперь совсем забытого, а тогда составлявшего его настольную книгу. Напитанный наполеоновскими идеями, он не давал никакой цены отечественному законодательству, называя его варварским, и находил совершенно бесполезным и лишним обращаться к его пособию [4, с. 154].

Об уровне юридических знаний в Российской империи начала XIX века можно судить по тем замечаниям, которые высказывались по проекту гражданского уложения. Кроме того, содержание этих замечаний позволяет в большей степени понять истинные причины, по которым гражданское уложение так и не было принято российским обществом. Среди высказанных замечаний оказались следующие:

- Статьи проекта пусть даже и с подведенными на них ссылками русских указов, отзываются чем-то чужеземным, затрудняющим ясное уразумение их для русского законника.

- Статьи проекта гражданского уложения копируют Гражданский кодекс Франции 1804 года.

- Проект гражданского уложения содержит институты незнакомые русскому праву, например, положения о гражданских правах, многие положения, относящиеся к недвижимому имуществу или положения о так называемом семейном совете.

- Чрезвычайно небольшой объем гражданского уложения (248 страниц), что резко контрастирует с привычным русскому человеку представлением о многотомных изданиях русского права.

- Поскольку фактически речь идет о переводе Гражданского кодекса Франции, но только под заглавием русское гражданское уложение, перевод неточный и часто результатом его являются придумки самих переводчиков.

В контексте рассматриваемой темы обращает на себя внимание то обстоятельство, что кодификация гражданского права во Франции сопровождалась системными изменениями в сфере права, в том числе осуществлялось реформирование судебной системы. В России про-

цессы кодификации и реформирования судебной системы были разведены по времени. С другой стороны, реформа судебной системы во Франции имела такие основы цивилизованного общества, как институт адвокатуры, институт нотариата, система юридического образования, традиции толкования норм права. Реформирование во Франции лишь способствовало совершенствованию ранее созданных институтов, в то время, как в России реформа 1864 года только лишь сопровождалась появлением новых институтов, например, адвокатуры.

Одной из проблем российского кодификационного процесса, которая в большей степени дала о себе знать в 1-й j XIX века и отдалила проведение судебной реформы, проявилась в чрезвычайно большом количестве актов, которые должны были применяться в быте, судебной системе, а также губернскими правлениями, органами полиции и др. После Уложения 1649 года было издано достаточно много актов. Всего с 1649 г. по 1832 г. было издано более 35 тыс. актов [2, с.33-37]. По утверждению В.О.Ключевского, к моменту проведения Судебной реформы еще действовала большая часть актов из «Свода законов Российской империи», изданного в 1833 г. в 15 томах [5, с. 1151]. Еще одной проблемой, о которой трудно найти упоминание в современной литературе, стала проблема, вызванная наличием значительного числа актов, содержащих положения, полностью переведенные с иностранного законодательства. М.А. Корф указывает, что «некоторые законы Петра Великого были целиком переведены со Шведского, Голландского и Немецкого» [4, с. 161]. Однако данное замечание, вроде бы косвенно указывающее на существование принципиальных различий между российским правом и правом европейских стран, не претендовало на истину в высшей инстанции. В иностранной юридической литературе современники Судебной реформы 1864 г. обнаруживали общность российского права с правом европейских стран, имея в виду их общие корни. В. Фуше говорит о том, что «Изучая законодательство России, мы показываем великий российский народ, который освящен огнем христианской религии – двумя великими источниками, которыми полна плодородная земля цивилизованной Европы: Германский обычай и Римский закон [2, с. 7].

Одним из важнейших обстоятельств, препятствовавших заимствованию положений, содержащихся в иностранном законодательстве, стало то, что для реализации многих норм гражданского права требовалось наличие соответствующих гражданско-процессуальных норм. Сказанное в полной мере относится к попыткам заимствования норм Гражданского кодекса Франции 1804 года. Например, это касается Титула XVI «Лишение свободы в гражданском правоотношении. Согласно ст. 2059 основанием лишения свободы в гражданском право-

отношении является стеллионат (Le stellionat). Стеллионат чаще всего имеется, когда продают или передают в ипотеку недвижимое имущество, зная, что не являются его собственником; когда предлагается как свободное имущество, находящееся под ипотекой. Статья 2060 также определяет случаи, когда применяется институт лишения свободы в гражданском правоотношении, например, при необходимости сохранения имущества или в отношении нотариусов и судебных исполнителей для восстановления документов. Характерная особенность института лишения свободы в гражданском правоотношении выразилась в необходимости в отдельных случаях прибегать к нормам Гражданского процессуального кодекса (ст.ст. 126, 127, 191, 201, 213, 221, 552 и 824).

Можно предположить, что Судебная реформа 1864 года могла бы состояться намного раньше, уже в начале XIX века, если бы попытки кодификации гражданского права были поддержаны решительными действиями по созданию нового гражданского процесса и новой судебной системы. Ф. Лассаль (Franz Lassaulx) отметил, что нормы Кодекса Наполеона находятся в не менее совершенной гармонии с принципами гражданского процесса, последовавшего во Франции следом за Гражданским кодексом, чья характеристика состоит в следующем:

- в ограничении количества инстанций – самое большое две;
- в публичном судебном разбирательстве и в судебных прениях;
- в разделении особого производства и искового производства;
- в контроле прокуратуры;
- внесудебные предписания в отношении лиц, осуществляющих определенные публичные функции;
- в институте судебных исполнителей, которые также наделены полномочиями должностного лица [6, с. 95-96].

Уже в период царствования Николая I была предпринята новая попытка проведения судебной реформы. На взгляд Николая I, различные неудобства и злоупотребления при отправлении правосудия происходили главным образом от того, что не было полных на все законов, а если и были, то понимание их было затруднено чрезвычайным множеством один другому противоречащих указов, и что комиссия, учрежденная для составления законов, находилась в таком положении, что ее труды оставались совершенно бесплодными [7,с.2]. Чтобы поправить действие правительственного механизма, столь расстроенного, составлена была комиссия, известная под именем сенатора Энгеля. Комиссия должна была выработать проект нового судебного устройства. Выработанный проект отличался очень либеральными началами: уничтожалось тайное канцелярское производство, вводилась несменяемость судей и более строгое распределение судебных дел от административных. Император вполне одобрил эти

проекты, но нашел их более рассчитанными на будущее, чем на настоящее, и оставил их без последствий [5, с. 1150-1151].

Одной из причин, значительно затруднивших проводившиеся в 1-й j XIX в. кодификации российского законодательства может считаться фактическое отсутствие юридической науки, в том числе науки гражданского права. Рассматриваемый период времени характерен лишь началом развития университетского образования в России. Этот процесс, в отличие от многих европейских стран начался значительно позже, что отдаляло формирование ученой среды, среды высококвалифицированных преподавателей, а также научной основы университетских знаний. Происходил постепенный и непростой процесс формирования отечественной науки гражданского права, основывающейся на положениях римского гражданского права, с оглядкой на французскую и немецкую правовую доктрину.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- Работы, осуществлявшиеся в 1-й j XIX века, не могут считаться в полном смысле работами по кодификации. Имея лишь внешнее сходство с кодификацией вся работа, по сути, свелась к беглому ознакомлению с основами французского и немецкого права, собиранию многочисленных актов принятых после 1649 года, отличалась спонтанностью и многочисленными экспромтами, касавшимися состава комиссии, принципов ее работы, а также отчетности.

- Состояние русского права в 1-й j XIX в. указывало на его неспособность к заимствованию многих гражданско-правовых институтов зарубежного, в первую очередь французского права, как по причине их изначального отсутствия в русском праве, так и в силу фактического отсутствия опыта структурирования норм права.

- История реформирования российской судебной системы указывает на зависимость этого процесса в числе прочего, от процесса систематизации законодательства, в том числе кодификации гражданского права.

- Состояние судопроизводства и его реформирование, непосредственно обращенное к области процессуального права, должно основываться на оценке состояния действующего законодательства в части его материально-правовых норм.

- Опыт проведения судебных реформ и кодификации обнаруживает наличие неизбежного конфликта интересов в сфере частноправового и публично-правового регулирования, что требует системного подхода к реформенным процессам со стороны государства и непосредственно законодателя.

1. Попова, А.А. Судебная реформа 1864 года и развитие гражданского общества во второй половине XIX века / А.А. Попова // Общественные науки и современность. – 2002. – № 3. – С. 1-12.

2. Foucher, V. Code civil de L'Empire de Russie / V. Foucher. – A Rennes, Libraire-йditeur, Place du Palas. A Paris, Joubert, Libraire, Rue des Grйs, 14. 1841. – 564 p.

3. Пушкин, А. Дневники. Автобиографическая проза / А. Пушкин. – СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2008. – 352 с.

4. Корф, М.А. Жизнь Сперанского. Том первый. (части I и II). Издание исправленное. Санкт Петербург. 1861. – Издание императорской публичной библиотеки. – 388 с.

5. Ключевский, В.О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе / В.О. Ключевский. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2009. – 1197 с.

6. Lassaulx, F. Des Caractires distinctifs du Code Napolйon / F. Lassaulx. – a Paris, Chez Madame Duminiil-Lesueur, rue de la Harpe, 78. – 1811. – 112 p.

7. Пахман, С.В. История кодификации гражданского права. В двух томах, орд. профессора С.-Петербургского университета. Том второй / С.В. Пахман. – С.- Петербург. 1876. – 485 с.

УДК 343.9

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЛЕСНОГО ФОНДА РОССИИ

М.А. Васильева

преподаватель кафедры специальных дисциплин, майор полиции

*Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института Министерства внутренних дел России*

Россия, г.Уссурийск

В России на протяжении ее развития весьма существенно менялся взгляд на роль природных ресурсов в развитии прогрессивного государства. Нормативно-правовые акты, затрагивающие сферу защиты лесных ресурсов, в том числе возникшие в ходе Судебной реформы 1864 г., выявляют сформировавшееся на момент их издания отношение общества к значимости лесов. Анализ развития законодательства в области лесопользования в России позволил выделить три основных этапа: отношение к деревьям как

к священным; экономическая направленность и эксплуатация; экологический приоритет. Сформулированы основные тенденции развития законодательства в области защиты лесных ресурсов.

Ключевые слова и словосочетания: незаконная рубка; преступность; законодательство; экологический приоритет; периодизация законодательства.

HISTORICAL REALITIES OF ELABORATING THE IN THE SPHERE OF FOREST RESOURCES PROTECTION IN RUSSIA

M.A. Vasilyeva

Major of police, Lecturer of special disciplines department,

*Vladivostok branch of Far East legal institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
Ussurijsk, Russia*

In Russia the view of a natural resources role in advance of the progressive state has very significantly changed throughout its development. Legal acts affecting the sphere of forest resources protection, including ones arose during Judicial reform of 1864, reveal the relation of society to the importance of the woods at the time of their adoption. The analysis of legislation`s development about forest exploitation in Russia allowed to mark out three main stages: the relation to trees as to the sacred; economic orientation and operation; ecological priority. The main development tendencies of the legislation in the field of forest resources protection are formulated.

Key words: *illegal lumbering; crime; legislation; ecological priority; periodization of legislation.*

Охрана окружающей среды является приоритетной сферой в деятельности нашего государства. Ст. 42 Конституции РФ гласит: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением». В УК РФ предусмотрена отдельная глава 26, включающая в себя перечень деяний, посягающих на общественные отношения в области охраны окружающей среды, влекущих за собой уголовное наказание, что подчеркивает признание государством их значительной общественной опасности.

Одновременно следует учитывать, что категория «общественная опасность» деяния является исторически изменчивой, находящейся в зависимости от политических, социально-экономических, экологических процессов общества, которые по своей сути в разные временные периоды были далеко не всегда одинаково четко ориентированы на обеспечение экологического благополучия. Вместе с тем всегда законодательные акты, затрагивающие сферу защиты лесных ресурсов, в том числе возникшие в ходе Судебной реформы 1864 г., являлись показателем сформировавшегося в обществе отношения к значимости лесов и детерминировали переосмысление их роли в сохранении экологического и экономического потенциала страны.

Анализируя развитие законодательства в области лесопользования в России, полагаем возможным выделить три основных этапа.

1 этап. Первичное накопление знаний о лесе, его потребление. Не вызывает сомнения, что первое упоминание о необходимости защиты природных ресурсов теряется в глубине веков. Первая экологическая информация о сохранении лесов берет свое начало от древних языческих ритуалов, местных обычаев и обрядов. Славяне возвели в культ многие древесные породы, среди которых дуб был самым почитаемым. С природой отождествляли божественные силы, люди молились за сохранение лесов, поэтому можно сказать, что под защитой религии находились леса и рощи, так как считались священными [1, с. 310].

2 этап. Экономический приоритет в отношениях лесопользования.

Допетровский период. В XI–XIII вв. создается первый рукописный закон славянским землям – «Русская Правда», согласно которому введено право собственности на лесные промыслы, определены объекты регулируемого пользования, ограничивалось пользование лесом [2].

В 1485 г. Иван III предпринял первый официальный шаг по сторожевой охране лесов, назначив специального пристава, который обнаруживал нарушителей запрета на рубку леса и накладывал на них штраф.

В Уставной грамоте Василия III от 1530 г. предусматривалось наказание за порчу деревьев, в которых селились пчелы [3, с. 138]. Следует отметить, что законодательство того периода действовало преимущественно в рамках существующих промыслов и регламентировало порядок их использования.

Уже с XVI в. установлен заповедный характер оборонительных лесных засек, которые служили средством защиты от набегов

татар. Во времена Ивана Грозного была введена смертная казнь за нарушение норм охраны заповедных лесов – сечение головы.

В Соборных уложениях царя Алексея Михайловича закреплён порядок пользования лесами и определена государственная собственность на них.

Таким образом, в допетровское время выделяются неявные, неосознанные начала природоохранной деятельности. Охрана природы была побочным продуктом охраны собственности, что вряд ли можно расценивать как начало развития природоохранительного законодательства. Владельцы природных объектов не проявляли особой заботы о сохранении принадлежащих им природных богатств, использовали их по мере личной надобности. Природные объекты оказывались под правовой защитой государства, только становясь чьей-либо собственностью. Приходим к выводу о том, что правовые нормы были связаны с защитой прав собственников на природные объекты и не были направлены на обеспечение качества окружающей природной среды. Условия для формирования экологического законодательства еще не сформировались.

Петровский период. В период царствования Петра Великого появилось больше 200 документов, связанных с охраной природы, защитой и воспроизводством лесных насаждений, причем половина из них относится к корабельным лесам. Забота о будущих потребностях российского флота в древесине делала лесные указы Петра Великого по сути природоохранными.

Наиболее существенными можно назвать Указ 1701 г., в котором была определена особая охрана лесов по берегам рек, Указ 1703 г., которым созданы особые запретные полосы, простирающиеся вдоль рек. В запретных полосах запрещалась рубка ценных пород деревьев.

В сравнении с предыдущим периодом развития лесных отношений это уже была осознанная и бурная деятельность по охране лесных ресурсов, сопряженная с их интенсивным использованием для развития государства. Однако, по нашему мнению, сама по себе охрана окружающей среды, достигшая очевидных положительных результатов, выступала, как и раньше, лишь косвенным продуктом охраны собственности государства на природные ресурсы.

После правления Петра I. Последующие правители несколько сократили темпы развития природоохранного законодательства, однако каждый правитель обращал внимание на состояние лесов и издавал в отношении этого природного ресурса собственные указы.

Павлом I в 1798 г. была создана специальная структура высшего государственного органа управления лесами, явившегося

прообразом будущего Лесного департамента, что способствовало переводу управления лесами на высокий государственный организационный уровень.

Александр I издал «Положение о постоянной лесной страже».

Проведенная при Александре II Судебная реформа в 1864 г., предусматривавшая полное изменение судоустройства, также затронула отношения в сфере лесопользования. Согласно ст. 33 «Устава уголовного судопроизводства» мировым судьям были подсудны уголовные дела о незаконных рубках, за их совершение виновный мог подвергнуться следующим видам наказания: выговор, замечание и внушение, денежное взыскание не свыше 300 рублей, арест не свыше 3 месяцев, заключение в тюрьме не свыше одного года. Вместе с тем, созданный в результате реформы институт присяжных при рассмотрении уголовных дел о незаконных рубках выносил довольно снисходительные вердикты, не усматривая в лесах особой ценности в связи с тем, что труд человека к данному объекту кражи обычно приложен не был.

В 1888 г. Александр III издал «Положение о сбережении лесов», согласно которому в губерниях и уездах, независимо от вида собственности, выделялись защитные леса с ограниченным режимом лесопользования, а также создавались лесоохранительные комитеты, которые относили леса к указанным категориям, тем самым впервые признавалась природоохранная роль государства в отношении лесов.

В 1903 г. при императоре Николае II в Уголовном уложении был закреплен целый перечень норм, запрещающих незаконное лесопользование, в том числе предусматривалось наказание за несанкционированное пользование лесовладельцами и иными лицами лесными ресурсами, за рубку или корчевку леса, уничтожение лесной подстилки и т.д. [4, с. 487].

Имеющиеся положения не в полной мере обеспечивали сохранности лесов, и политика государства не признавала приоритетной задачу сохранения природных ресурсов. В отличие от других периодов, существенно увеличилась динамика изменений законодательства в области природоохраны, каждый правитель рассматривал рубку леса под новым углом зрения, поэтому единая политика в области охраны окружающей среды выработана не была. Уголовное законодательство в этой области не было достаточно сформировано, но создавало экологические предпосылки создания уголовно-правового природоохранного законодательства.

Советский период. В 1922 г. был принят УК РСФСР, впервые закрепляющий уголовную ответственность в ст. 99 за нарушение охраны природы. Однако в нем отсутствовали статьи, направленные

ные на непосредственную охрану леса. В 1926 г. в УК РСФСР ст. 99 была преобразована в ст. 85. В 1939 г. в ст. 85 УК РСФСР самовольная порубка леса была признана уголовно наказуемым деянием. Однако, как и раньше, лес рассматривался государством как собственность, считался имуществом.

В 1960 г. в УК РСФСР введено несколько природоохранных статей, в том числе ст. 169 об ответственности за незаконную рубку леса. Но отношение государства к лесам не изменилось, потеря лесов рассматривалась как снижение экономического потенциала региона. Об этом свидетельствует положение данной статьи в главе «Хозяйственные преступления».

Постсоветский период. Дальнейшее развитие уголовного законодательства в сфере охраны лесов связано с преобразованием УК РСФСР. В постсоветский период предприняты попытки создания УК РФ, который должен был изменить отношение государства к охране леса, окружающей природной среде в целом.

3 этап. Экологический приоритет в отношениях лесопользования

Заслугой современного государства является признание приоритета экологических интересов над экономическими, а значит в целом над меркантильными интересами любой группы граждан. Также обращает на себя внимание то, что экологическое законодательство постепенно проникает в другие отрасли законодательства.

Динамика роста количества нормативно-правовых актов в настоящее время не ослабевает, к числу важнейших преобразований, произошедших с 2000 г. можно отнести ликвидацию Федеральной службы лесного хозяйства и Госкомитета по охране окружающей среды с передачей их функций Министерству природных ресурсов; передачу части функций по управлению лесами органам государственной власти субъектов РФ; принятие нового Лесного кодекса РФ, изменившего систему управления лесами и ликвидировавшего государственную лесную охрану; широкомасштабное обновление нормативно-правовой базы, в том числе в области лесопользования в 2007–2014 гг.

Преобразования в области экологического законодательства стремительны, но не лишены нестыковок и пробелов, вносящих дисбаланс в систему охраны лесов. Вместе с тем указанные негативные обстоятельства устраняются путем корректировки имеющихся нормативно-правовых актов и их дополнения. Даже в настоящее время невозможно назвать экологическое и уголовно-правовое законодательство сформированным. В Лесной кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ и иные нормативные акты постоянно вносятся существенные изме-

нения. В связи с бланкетностью диспозиции состава преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, на содержании данного состава преступления отражаются все изменения в подзаконных актах, даже не затрагивающие вышеназванные основополагающие (для незаконной рубки лесных насаждений) кодексы.

Факт неослабевающей динамики создания новых нормативно-правовых положений в области экологии после 2007 г. отчетливо свидетельствует о продолжении стадии формирования экологического законодательства, влекущего создание все более и более разветвленной системы законодательных и иных нормативных правовых актов. То есть говорить о завершении этого процесса до сих пор не приходится.

При рассмотрении развития экологического законодательства от зарождения государственности до нашего времени выявляется тенденция его постоянного совершенствования, начиная от собственнического отношения к природе через пользование ею как экономическим ресурсом до признания природных богатств достоянием человечества, необходимым для дальнейшего поддержания жизни на Земле.

Проведенный нами анализ исторического развития норм, закрепляющих ответственность за нарушение лесопользования, позволяет сделать вывод о том, что, начиная с древнейших времен, государство с нарастающей силой потребляло для нужд населения лесные богатства, законодательно регулируя деятельность в области лесопользования. Законодательство о защите лесных ресурсов, в том числе возникшее в ходе Судебной реформы 1864 г., развивалось в тесной зависимости от экономической обстановки в стране, обнажая признание государством значимости лесных ресурсов и ориентируя население на государственно-приемлемое отношение к лесным ресурсам.

1. Thirgood. Man and the Mediterranean Forest. – London, 1981.

2. Ярослав Мудрый: в чем была его мудрость? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/angreal/post108165923/> (Дата обращения 12. 05.2015).

3. Булгаков, М.Б., Ялбулганов А.А. Природоохранные акты: от «Русской Правды» до петровских времен / М.Б. Булгаков, А.А. Ялбулганов // Государство и право. – 1996. – № 8. – С. 136–146.

4. Уголовное право. Особенная часть: учебник / Т.И. Ваулина, П.А. Волостнов, М.И. Ковалев, Т.В. Кондрашова и др.; отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – М.: ИНФРА.-М; НОРМА, 1998. – 755 с.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА: ПРЕДПОСЫЛКИ, ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА, ЗНАЧЕНИЕ

А.В. Верещагина

заведующая кафедрой публичного права, кандидат
юридических наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики и
сервиса*

Россия, г. Владивосток

Судебная реформа 1864 года образец комплексного подхода к преобразованию юстиции. Авторы Судебных уставов скрупулезно изучили имевшийся зарубежный и российский опыт и создали оригинальные нормативно-правовые акты, позволившие в феодальной России создать самостоятельную судебную власть. Этот опыт имеет важное значение для современных реформаторов, поскольку модернизации середины XIX и конца XX веков в России имеют схожие предпосылки.

Ключевые слова и словосочетания: история российского права, судебная реформа 1864, Судебные уставы, самостоятельность судебной власти, несменяемость судей, суд присяжных, досудебное производство, присяжная адвокатура

JUDICIAL REFORM OF 1864 YEAR: CAUSES, PRINCIPLES, IMPORTANCE

A.V. Vereshchagina

PhD in Law Head of Department of Public Law,
Institute of Law

*Vladivostok State University Economics and Service
Russia, Vladivostok,*

Court reform 1864 year is the pattern of the comprehensive approach to the justice's reorganization. Authors've Court Statutes thoroughly studied the foreign and Russian legislation and created original laws, which made it possible to form the independent judicial authority. This experience has the significance for the modern reformers,

because the modernizations middle XIX and end XX century in Russia have similar reasons.

Keywords: *history of Russian law, court reform 1864, Court Statutes, independent judicial authority, advocacy, preliminary investigation, jury, irremovability of judges*

Судебная реформа 1864 года имеет обширную историографию. Первое сочинение, посвященное, в том числе, и этому преобразованию, датировано 1872 годом. Его автор, А.А. Головачев, дал оценку каждой из основных инициатив правительства Александра II. Именно в этом сочинении мы найдем два важных момента, которые задали тон исследованиям Великих реформ Александра II: 1) понимание того, что судебная реформа 1864 года один из элементов модернизации середины XIX века и 2) Судебные уставы – плод компромисса сторонников и противников реформы в целом и глубины преобразований в частности [1, с. 289 и след.].

Отмеченная А.А. Головачевым системность проведенных в царствование Александра II реформ, позволяет сделать вывод о единстве предпосылок их проведения. Иными словами причины судебной реформы есть одновременно причины модернизации середины XIX века.

Основной среди них является кризис феодально-крепостнических отношений, ставших тормозом развития экономики. Появившиеся в недрах феодальной экономики рыночные отношения не могли поступательно развиваться в отсутствие рынка труда. Препятствием к его формированию была личная зависимость крестьян от помещиков.

Не способствовала развитию рыночных отношений имевшаяся в России государственность, которая безнадежно устарела, не соответствовала потребностям общества и не обеспечивала эффективного управления. В качестве основных пороков российского государства отмечали отсутствие 1) четкого разграничения компетенции государственных органов; 2) контроля за вынесением правительственных решений; 3) безответственность чиновников из-за имевшегося дублирования полномочий; 4) казнокрадство и взяточничество [2]. Как писал А.А. Бестужев: «...кто мог, тот грабил, кто не смел – тот крал...» [3]. В оценке коррупционности чиновничества объединились представители всех слоев российского общества, вне зависимости от своих идеологических предпочтений.

Еще одной предпосылкой модернизации середины XIX века стало идеологическое оформление идеи отмены крепостничества. Его основу составляла естественно-правовая теория с признанием формального равенства вне зависимости от социального происхо-

ждения, имущественного положения, конфессиональной, национальной и т.п. принадлежности личности.

В истории России, перечисленные выше предпосылки проведения реформ, имели место и раньше, но только к середине XIX века появилась еще одна – решительное желание общества и официальных властей осуществить перемены, поддержка перемен представителями всех сословий и наличие сил, которые были готовы эти перемены осуществить.

Как известно, поводом к проведению преобразований послужило поражение в Крымской войне, совершенно неожиданное для власти. Крымская война сделала явным для Монарха то, что обсуждалось в обществе и скрывалось за внешним блеском и величием Империи: несостоятельность государственного устройства; плачевное состояние финансов, армии; казнокрадство; несовершенство системы образования; стеснение гласности; отсутствие правосудия, излишняя централизация исполнительных органов и т.д.

Александр II, вступивший на престол после неожиданной смерти своего отца, был не меньшим, если не большим консерватором, чем его родитель, но он прекрасно осознал, что противодействии изменениям может привести к гибели государства. В своем Манифесте по случаю окончания войны Император провозгласил не только отмену крепостного права, но и необходимость судебных преобразований. Монарх понимал, что отмена крепостного права обуславливает их освобождение от юрисдикции помещиков, а, следовательно, необходима её замена. Именно поэтому подготовка отмены крепостного права шла параллельно с подготовкой судебной реформы.

В подготовке судебной реформы по критерию места проведения работ можно выделить два этапа: 1) с 1857 года по 1861 год и 2) с 1861 года по 1864 год.

На первом этапе проектами преобразований занималось II Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (далее СЕИВ) под руководством графа Д.Н. Блудова, сторонника паллиативных изменений.

После принятия манифеста об освобождении крестьян в 1861 году возникла необходимость в активизации подготовки судебной реформы. Граф В.Л. Бутков, бывший тогда Государственным секретарем, доложил Императору о недостаточной согласованности проектов, подготовленных под руководством Д.Н. Блудова, и высказал идею разработки основных начал судебной реформы, т.е. её концепции. С этого момента работа над судебной реформой сместилась в Морское министерство, где проходила под патронажем Великого князя Константина.

В сентябре 1862 года Монарх утвердил концепцию реформы, изложенную в «Основных положениях преобразования судебной части в России» (далее «Основные положения»). Документ готовился с пониманием того, что эйфория, всегда присущая обществу, вступившему на путь реформирования, быстро проходит. Поэтому в «Основных положениях» имелись не только декларации, но и детализация основных, наиболее важных судеустройственных и уголовно-процессуальных институтов: мировой юстиции (ст.ст. 10-21 части I Основных положений); суда присяжных (ст.ст. 27-38 части I основных положений); присяжных поверенных (ст.ст. 73-91 части I Основных положений) и др. Через два года после узаконения «Основных положений» 20 ноября 1864 года Александр II утвердил Судебные уставы.

Основную цель судебных преобразований разработчики видели в создании в России самостоятельной судебной власти. Они исходили из того, что только при наличии ее самостоятельности возможно отправление справедливого и милостивого правосудия.

«Основные положения» и Судебные уставы – результат огромной работы. Реформаторы изучили регламентацию судеустройства и судопроизводства европейских государств, практику функционирования юстиции в Европе, сочинения европейских юристов, проекты и записки, направлявшиеся в их адрес представителями российского гражданского общества. Дело о преобразовании судебной части в России, в котором собраны все эти материалы, составляет 74 тома, и в полном объеме они до настоящего времени не исследованы.

Конструируя российскую юстицию, авторы Судебных уставов отталкивались от теоретических разработок понятия и признаков самостоятельности судебной власти, характеризующейся: 1) отделением власти судебной от исполнительной и законодательной; 2) участием общества в отправлении правосудия; 3) состязательностью процесса; 4) устностью и гласностью судопроизводства; 5) наличием гарантий прав личности; 6) равенством всех перед законом и судом. Эти концептуальные положения нашли проявление в следующих судеустройственных и уголовно-процессуальных институтах: судебное место; несменяемость судей; суд присяжных; состязательность; процессуальное положение прокурора; защита в формальном смысле, осуществляемая присяжными поверенными; свобода оценки доказательств.

Несмотря на безусловные достоинства, отмечавшиеся, в том числе, и европейскими исследователями [4], регламентация Судебных уставов не была идеальной. Помимо указанных и не указанных положительных новаций, в них содержалось ряд спорных

моментов. Наиболее явным, дающим себя знать до настоящего времени, дефектом стала регламентация досудебного производства. Основа порока коренилась в отсутствии в Судебных уставах чёткого определения модели досудебного производства – является ли оно деятельностью органов дознания по установлению обстоятельств совершения преступления и лица его совершившего или это деятельность по подготовке материалов к судебному разбирательству в отношении уже установленного органом дознания лица. Придание досудебному производству одновременно розыскного и судебного характера привело к его оценке современниками как самого «узкого», проблемного места уголовной юстиции («самое больное место действующего порядка судопроизводства») [5, с.187]. Сконструированная в XIX веке модель досудебного производства стала основой формирования в советский период беспрецедентной по своему не соответствию сущности правосудной деятельности модели уголовной юстиции (гипертрофированное досудебное производство и вторичное, по отношению к нему, судоговорение), которая существует по сей день в современной России и некоторых других государствах СНГ.

Закреплённая в Положении о введении Судебных уставов тактика проведения реформы легализовала продвигавшуюся Министром юстиции Д.Н. Замятниным идею их постепенного введения в России [6]. Фактически сначала на предполагаемой для судебного преобразования территории проводили предварительный мониторинг, направленный на сбор различных сведений, служивших основанием принятия решения о возможности (или не возможности) реформирования и степени его кардинальности. Учитывались плотность населения, его конфессиональный, национальный и др. состав, политические предпочтения, развитость коммуникаций, кадровое обеспечение и др. [7, с.865-866]. На основании полученных данных определялись изъятия, с которыми Уставы реализовывались в тех или иных регионах. В частности, в некоторых губерниях, где пролегла черта оседлости (девять западных и Бессарабская, Екатеринославская, Полтавская, Таврическая, Херсонская и Черниговская), квотировалось участие евреев в коллегиях присяжных заседателей. Оно должно было соответствовать процентному отношению их общего числа в каждом уезде к общей численности населения всего уезда. Старшина коллегии присяжных мог быть только христианином [8; 9]. Политическая ситуация и связанные с ней особенности политики царского правительства повлияли на реформирование на Кавказе, в Польше, Белоруссии, Правобережной Украине, Прибалтике, Туркестанском крае и других окраинах России. По инициативе Министра юстиции К.И. Палена постепен-

ность введения Судебных уставов дополнили частичностью реализации их отдельных институтов. Это воплотилось в создании в 1872 году сначала только мировых судов в 9 западных губерниях [10, с. 220-224]. И лишь затем, в 1880 году, открыли Киевскую судебную палату с тремя окружными судами в Киевской, Подольской и Волынской губерниях. Только в 1882 году организовали окружные суды во всех остальных выше поименованных губерниях с судебной палатой в Вильно [8]. Продвижение Судебных уставов в полном объеме затянулось и не завершилось к 1917 году. В частности, в Приморской области (территория Приморского края современной России) суд присяжных так и не стал данностью, а мировые судьи не избирались населением, а назначались из числа рекомендованных лиц.

Судьба Судебных уставов после их утверждения не была безоблачной. Перечисленные выше начала входили в конфликт с имевшейся формой государства, и сразу после принятия Уставов началась их корректировка. Неверно думать, что вносившиеся изменения носили только консервативный характер, имели место и улучшения регламентации отдельных институтов, но все-таки доминировала охранительная тенденция. Прежде всего, подверглись изменениям «в видах правительства» судоустройственные институты, обеспечивавшие самостоятельность судебной власти и независимость отправления правосудия – несменяемость судей и суд присяжных [11, с.1033-1041]. Использовались такие приемы корректировки, как: расширение возможности привлечения к дисциплинарной ответственности судей по инициативе Министра юстиции; снижение роли общего собрания судебного места в решении организационных и процедурных вопросов его функционирования; усиление имевшихся в первоначальной редакции Судебных уставов и недопустимых в судебной системе отношений власти-подчинения между членами окружных судов и судебных палат и первоприсутствующими; сокращение подсудности суда присяжных и др. Из подсудности суда присяжных исключили дела об убийстве и насильственных действиях против должностных лиц, совершённых в отношении них при исполнении ими служебных обязанностей; против порядка управления; должностных и государственных преступлениях и т.п. [12,13]. Последнее использовалось в современной России, когда некоторые категории уголовных дел, преследуя те же охранительные цели (сиречь, по политическим мотивам), законодатель изъясил из подсудности суда присяжных (террористический акт, насильственный захват власти или насильственное удержание власти; вооруженный мятеж ст. 205, 278, 279 УК РФ)[14; 15].

Напротив, процессуальные аспекты расследования и разрешения уголовных дел преимущественно совершенствовались. К концу XIX века в Судебные уставы внесли более 700 поправок. Несмотря на это, даже в «обезображенном виде» основные начала Судебных уставов были сохранены.

По мнению большинства авторов, занимавшихся и занимающихся судебной реформой 1864 года, основными причинами сложной пореформенной судьбы Судебных уставов, изменений, внесённых в них воследовавшим законодательствам, которые не позволили реализовать их в первоначальной, наиболее продуманной редакции на территории всей России, являлись: 1) отмеченная выше диспропорция между формой российского государства и содержанием Судебных уставов; 2) постепенность их введения на территории России; 3) начало реформирования до окончания всех подготовительных работ; 4) недостаточно последовательная регламентация отделения судебной власти от исполнительной; 5) неготовность части общества, прежде всего российского истеблишмента, к принятию некоторых положений Судебных уставов, например, сословного равенства в суде; 6) устаревшее уголовное законодательство.

Любая масштабная модернизация, особенно если она оказалась достаточно успешной, а судебная реформа 1864 года, пожалуй, самое удачное и последовательное преобразование юстиции в истории нашей страны, всегда источник заимствования бесценного реформаторского опыта для тех, кто хочет им воспользоваться. К положительному опыту судебной реформы 1864 года, который может быть интересен современному реформатору, следует отнести: 1) комплексность реформирования в широком (судебная реформа одна из проведенных Великих реформ Александра II) и узком (одномоментное реформирование судоустройства и судопроизводства) смысле; 2) тщательность подготовительных работ, которые включали скрупулёзное изучение опыта других государств и имевшейся в России юстиции. Это позволило создать оригинальные, самобытные конструкции многих институтов, в частности, суда присяжных; 3) привлечение общественности к работе над проектами судебных актов; 4) разработка концепции судебного реформирования, на основе и в соответствии с которой созданы Уставы. Такой подход придал им цельность и согласованность вводимых институтов; 5) вредоносность компромиссов и как их результат отказ от последовательной регламентации основополагающих институтов, которые влекут стократное ухудшение последующих регламентации (досудебное производство) и правоприменения.

Современная судебная реформа в России, к сожалению, доказательство того, что реформатор не захотел и (или) не смог воспользоваться опытом преобразований середины XIX века. Как следствие, длительные реформаторские потуги (в течение 24 лет, начиная с утверждения Концепции судебной реформы 1991 года) привели к итогу, который не удовлетворяет ни консерваторов, ни либералов. Закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации ряда новелл (либерализация назначения уголовного судопроизводства, чёткое разграничение процессуальных функций между субъектами правоприменения; институты предварительного судебного контроля, недопустимости доказательств, реабилитации и др.) не изменило содержание правоприменения. Оно, по-прежнему, образец обвинительного уклона. Причины, по нашему мнению, коренятся в 1) игнорировании описанного выше положительного и отрицательного опыта (фрагментарность преобразований, отсутствие концепции, лихорадочность подготовки, половинчатость нормативной регламентации и т.п.) и 2) негативной преемственности – правоприменитель использует привычные для него приёмы правоприменения, сложившиеся в советский период.

1. Головачев, А.А. Десять лет реформ. 1861-1871/А.А. Головачев. – СПб.:1872. – 398 с.

2. Куприц, Н.Я. Из истории государственно-правовой мысли до-революционной России (XIX в.) / Н.Я. Куприц. – М.: 1980. – 168 с.

3. Бестужев, А.А. Об историческом ходе свободомыслия в России (письмо к Николаю I) / А.А. Бестужев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bestuzhev.ouc.ru/pismo-k-nikolayu-iz-petropavlovskoy-kreposti-ob-istoricheskom-hode-svobodomyслия-v-rossii-.html> (дата обращения: 28.04.2015).

4. Миттермайер, К. Новый проект русского уголовного судопроизводства / К. Миттермайер // Журнал Министерства юстиции. – 1864. – №8. – С.3-24.

5. Щегловитов, И.Г. Пересмотренные судебные уставы накануне законодательного обсуждения / И.Г. Щегловитов // Журнал Министерства юстиции. – 1902. – №1. – С. 151–214.

6. Положение о введении в действие Судебных Уставов 20 ноября 1864 года: Высочайше утверждённое 19 октября 1865 года // ПСЗ II. Т.XL Отд.II. № 42587. – СПб.: Тип. II Отд-ния СЕИВ Канцелярии, 1867.

7. Верещагина, А.В. О роли Министерства юстиции Российской империи в реформировании уголовной юстиции в соответст-

вии с Судебными уставами / А.В. Верещагина // Право и политика. – 2015. – №6. – С. 864–873.

8. О введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 года в полном их объеме в девяти западных губерниях: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 19 июля 1877 г. // ПСЗ. Собр. второе. Т. LII. Отд. II. №57589. – СПб.: Типография II Отделения СЕИВ Канцелярии, 1879.

9. Об участии евреев в составе присяжных заседателей по губерниям: Бессарабской, Екатеринославской, Полтавской, Таврической, Херсонской и Черниговской: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 5 июня 1884 г. // ПСЗ. Собр. третье. Т. IV. №2285. – СПб.: Государственная типография, 1887.

10. Полянский, Н.Н. Мировой суд /Н.Н. Полянский//Суд и права личности: сб. ст. / под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. – М.: Статут; РАП, 2005. – С. 220-224.

12. Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащим ведению судебных мест с участием присяжных заседателей: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 7 июля 1889 года // ПСЗ. Собр. третье. Т. IX. №6162. – СПб.: Государственная типография, 1891.

13. О порядке издания Общего Наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 20 мая 1885 года // ПСЗ. Собр. третье. Т. V. №2959. – СПб.: Государственная типография, 1887.

14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2015) // СЗ РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.

15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.06.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2015)//Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – №52. – Ч.1. – Ст. 4921.

**АНТИТРИНИТАРИЗМ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ
(РАЗГРАНИЧЕНИЕ) С ДРУГИМИ УЧЕНИЯМИ
РАДИКАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМАЦИИ В ВКЛ**

Д.С. Жук

аспирант 4 курса, Белорусский
государственный университет

Республика Беларусь, г. Минск

Для современной историко-правовой науки Беларуси актуальным является изучение политического и правового аспекта Реформации, что позволит более четко сформулировать политические и правовые традиции белорусского народа и с их учетом успешно решать ныне существующие проблемы в политической и правовой сферах жизни общества. Антитринитаризм является одним из религиозных направлений Реформации в ВКЛ с присущим ему политико-правовым содержанием. Однако, проблемы в его идентификации препятствуют полноценному изучению политического и правового аспекта антитринитаризма, а вместе с ним и всей Реформации.

Ключевые слова и словосочетания: антитринитаризм (антитринитариизм), арианство (ариане), унитаризм (унитарии), литовские или польские братья, социнианство (социниане).

**ANTITRINITARISM AND ITS RATIO AND
DISTINCTION FROM THE OTHER TEACHINGS OF
A RADICAL RIENTATION IN THE CONTEXT OF
THE REFORMATION IN THE GRAND DUCHY OF
LITHUANIA**

D.S. Zhuk

4th grade postgraduate, Belarusian State University

Republic of Belarus, Minsk

For the modern historical-legal science of Belarus study of political and legal aspects of the Reformation is urgent, and it allows clearly formulating the political and legal traditions of the Belarusian people

and successfully solving the existing problems in the current political and legal spheres of society on their basis. Antitrinitarism is one of the religious schools of Reformation in the Grand Duchy of Lithuania with inherent political and legal content. However, there are problems in its identification, and they obstruct full research of political and legal aspects of antitrinitarism and whole Reformation.

Keywords: *antitrinitarism (anti-Trinitarians), arianism (arians), unitarian (unitarians), lithuanian or polish brothers, socinianism (socinians).*

Научным сообществом Реформация воспринимается, как многоаспектное общеевропейское явление религиозного происхождения. Однако более пристальное рассмотрение данного явления позволяет увидеть в нем политический и правовой аспекты. При этом важным является то, что политический и правовой характер был присущ в той или иной степени всем религиозным направлениям реформационного движения. В первую очередь это касалось лютеранства, кальвинизма и антитринитаризма. Насчет последнего, в современной белорусской и русской историко-правовой науке существует нерешенный вопрос, связанный с отсутствием конкретного разграничения между ним с одной стороны и арианством (арианами), унитаризмом (унитариями), литовскими или польскими братьями, социнианством (социнианами) со второй. По этой причине, в ряде научных источников и некоторыми исследователями для обозначения рассматриваемого нами христианского учения – антитринитаризма (антитринитариев) используются названия «арианство» («ариане»), «унитаризм» («унитарии»), «литовские» или «польские братья», «социнианство» («социниане») или некоторые из них одновременно, что само по себе некорректно с научной точки зрения. Решение данной проблемы позволит исследователям политической и правовой составляющей Реформации, в том числе в ВКЛ, более качественно подойти к ее всестороннему изучению и, в особенности, к определению ее роли в развитии политической и правовой мысли, а также законодательства тех стран, в которых она себя проявила.

В.Ф. Шалькевич отмечает, что после того как в середине 60-х годов XVI ст. (около 1563–1565) в кальвинистском движении произошел раскол, из множества кальвинистов выделилось более радикальное направление протестантизма, приверженцы которого сразу получили несколько наименований: ариан, антитринитариев, социниан, унитариев [1, с. 80–81]. Ученый подчеркивал их одинаковость и подкреплял свою точку зрения ссылкой на французского просветителя XVIII ст. Вольтера (1694–1778) и его бессмертный труд «Философские письма» (1733) [2], где один из

листов данной книги (седьмой) был озаглавлен: «О социнианах, или арианах, или антитринитариях» [2, с. 89]. Но эти факты не убеждают нас в правильности позиции автора. Более того, когда обратимся к сноскам и комментариям к «Философским письмам» Вольтера, даваемым в книге «Философские сочинения», на которую ссылался В.Ф. Шалькевич, то мы увидим, что там содержится трактовка социниан, ариан и антитринитариев, согласно которой они представляют собой христианские секты, для которых общим является отрицание триединства Бога [2, с. 726]. Заметим, что подчеркивается общность одного из положений этих учений, а не самих учений в целом.

В.М. Конон считает, что антитринитаризм с арианством обозначают одно и то же учение [3, с. 332], а С.А. Подокшин добавляет сюда и литовских братьев, допуская, что названия антитринитарии, литовские братья и ариане обозначают одно и то же учение [4, с. 58; 5, с. 50]. Г.В. Грушавый антитринитариев называет арианами, польскими или литовскими братьями, позже социнианами [6]. А И.М. Дубенецкая и вовсе считает, что социнианство и антитринитаризм – это разные направления арианства, которые существовали в Беларуси [7, с. 23].

На наш взгляд, наиболее остро стоит вопрос о соотношении именно антитринитаризма (антитринитариев) и арианства (ариан). В науке при решении этого вопроса можно выделить два направления.

Представители первого из них не проводят различий между антиинитаризмом (антитринитариями) и арианством (арианами). К ним относятся: Г.В. Грушавый, С.А. Подокшин, С.А. Яцкевич, В.Ф. Шалькевич, В.М. Конон, И.М. Дубенецкая и др. Представители второго направления разграничивают антитринитаризм (антитринитариев) и арианство (ариан). Среди них О.И. Левицкий, Р.Ю. Виппер, Е.А. Будрин, М.Р. Бургете, А.А. Савич и др.

Некоторые ученые из числа представителей первого направления, высказывали свои мысли об антитринитаризме (антитринитариях) и арианстве (арианах), при этом противоречили сами себе [4, с. 58; 5, с. 50]. Главной причиной этому служило отсутствие четких критериев разграничения антитринитаризма (антитринитариев) и арианства (ариан).

Также нерешенность вопроса о соотношении данных учений привела к возникновению противоречивых взглядов между представителями обоих направлений. В частности, насчет времени зарождения антитринитаризма. Г.В. Грушавый, С.А. Подокшин, С.А. Яцкевич свидетельствуют о том, что учение антитринитариев

возникает или берет свое начало во II – III ст. [4, с. 58; 6, с. 131, с. 400].

О.И. Левицкий, А.А. Савич, Р.Ю. Виппер, Е.А. Будрин связывают возникновение антитринитаризма с личностью М. Сервета, который и разработал радикальное учение Реформации в первой половине XVI ст. [9, с. 9; 10, с. 105–106; 11, с. 31; 12, с. 39].

Что касается отношения представителей первого направления Г.В. Грушавого, С.А. Подокшина, С.А. Яцкевича к личности М. Сервета, то они не считали его основателем антитринитаризма. В тоже время каждый из этих ученых подчеркивал его важную роль в развитии и становлении данного христианского учения [5, с. 38; 6; 8, с. 400].

При таких обстоятельствах, особое значение для определения соотношения между антитринитаризмом (антитринитариями) и арианством (арианами) представляет рассмотрение их сущности.

Обобщая мнения различных ученых насчет трактовки антитринитаризма, можно сказать, что он представлял собой христианское учение, основанное М. Серветом в первой половине XVI ст., которое отрицало основной догмат христианства – догмат тринитетства Бога, отстаивая его единство, и составляло радикальное направление Реформации. С позиции ортодоксальной церкви оно рассматривалось как проявление вольнодумства и еретизма.

В свою очередь, арианство представляло собой течение в христианстве (ортодоксальной церковью трактовалось как ересь), основателем которого был александрийский пресвитер Арий (около 256–336 гг.), возникшее в IV ст. в Восточной Римской империи и отрицавшее учение об единой сущности Троицы.

С учетом вышеизложенного, в вопросе соотношения арианства (ариан) и антитринитаризма (антитринитариев) необходимо принимать во внимание то, что арианство, возникшее в IV ст. (основоположник Арий), как таковое, исчезло в раннем Средневековье. Антитринитаризм появился благодаря М. Сервету в XVI ст. в других, отличающихся от IV ст. культурно-исторических, политических, правовых, социально-экономических условиях и обстоятельствах. Именно поэтому, нельзя считать их одинаковыми христианскими (религиозными) учениями, несмотря даже на то, что антитринитаризм имел в своей основе идейные корни (истоки), бравшие свое начало от учения ариан.

Много ученых и научных источников подчеркивают, что антитринитарии называли себя унитариями.

Так, в одном из них сказано, что антитринитарии были противниками учения о Святой Троице и назывались еще унитариями [13]. В другом научном источнике говорилось о том, что анти-

тринитарии известны также под названием унитариев, а среди их представителей назывались М. Сервет и И. Кампанус [14]. Приблизженным по смыслу к этому высказыванию, нам представляется мнение И.П. Давыдова, который подчеркивал, что в эпоху Реформации антитринитарии идентифицировали себя как унитарии [15]. Была и мысль о том, что антитринитарии это общее название всех противников церковного догмата Троицы во все времена Реформации, которые также называли себя унитариями [16, с. 844]. Такая трактовка носила универсальный характер и получила свое дальнейшее распространение. Так, например, в одном из научных источников отмечалось, что унитарии считались общим названием всех христианских сект, отрицающих догмат Святой Троицы и признающих только одно лицо. В качестве примера приводились социниане [17].

Есть мнение относительно того, что термин «унитарии» возник в середине XVI – XVII ст.ст. и с 1638 года был принят самими приверженцами унитаризма, а, начиная с Реформации XVI ст., унитарии составили левое рационалистическое крыло протестантизма [18]. В свою очередь, Н.И. Барсов отмечал, что унитарии это новейшее название для протестантских направлений, отрицающих Святую Троицу [19, с. 9].

Высказывалась мысль о том, что унитаризм в Европе возник из учения итальянцев Л. Социна (1525–1562) и его племянника Ф. Социна (1539–1604) в процессе протестантской Реформации. А в Польше и Венгрии вольнодумцам удалось объединиться в свободную единую общину, которая приняла название социниан или унитариев [20].

Как видим, большинство ученых и научных источников свидетельствуют о том, что антитринитариев (антитринитаризм) допустимо называть унитариями (унитаризм) и использовать их название в качестве второго названия антитринитаризма. Такая мысль близка и нам. Вместе с тем, мы признаем компетентность позиции о том, что унитарии являлись новейшим названием для протестантских направлений, которые отрицали Святую Троицу. Это объясняет то, что унитарии также были известны под названием социниан, которые в свою очередь возникли в результате эволюции антитринитаризма, переняв от него основные постулаты.

Относительно польских и литовских братьев, мнения ученых совпадают и сводятся к тому, что эти термины используются в качестве вторых названий польских и литовских антитринитариев соответственно.

Так, С.А. Подокшин пишет, что «антитринитарии Польши называли себя польскими братьями, а Великого княжества Литовского – литовскими братьями» [5, с. 50].

В историко-правовой науке не существует общности взглядов насчет сопоставления социнианства (социниан) и антитринитаризма (антитринитариев).

На наш взгляд, наиболее полное и адекватное тогдашним историческим условиям и обстоятельствам определение социнианства дал С.А. Подокшин. Им оно определялось, как антитринитарное религиозно-философское движение XVI–XVII ст.ст., распространенное преимущественно в Польше и ВКЛ, основные положения которого сформулированы Ф. Социном [21]. Он же, как нам представляется, высказал наиболее аргументированную позицию насчет соотношения антитринитаризма и социнианства. По его утверждению, термин социнианство «не совсем отвечает содержанию, которое в него вкладывается. В XVI–XVII вв. в Западной Европе понятие «социнианизм» зачастую применяли к определению всего антитринитаризма – и досоцинианского и послесоцинианского. Западноевропейские мыслители в ряде случаев не располагали достоверными сведениями о раннем антитринитаризме, и с их легкой руки все идейное наследие польского и белорусско-литовского антитринитаризма получило название социнианизма» [5, с. 164–165]. По мнению С.А. Подокшина антитринитаризм потерял свою социальную остроту и эволюционировал в социализм, который сместил акцент своей доктрины с критики социальных устоев общества на критику правящего религиозно-философского мировоззрения [5, с. 96]. Е.А. Будрин высказывал похожую мысль об эволюции антитринитаризма в социнианство, подчеркивая роль Ф. Социна [22, с. 288–289].

На наш взгляд, в широком смысле социнианство и антитринитаризм могут обозначать одно и то же учение, в основе которого лежит отрицание догмата о Троице. Такая теоретическая точка зрения подкрепляется тем, что антитринитаризм, в широком смысле можно определить, как общее название всех противников церковного догмата Троицы во все времена Реформации. Поэтому понятно почему понятие социнианство может быть использовано для определения антитринитарианского учения.

Если рассматривать социнианство в узком смысле, то очевидным становится разница между ним и антитринитаризмом. Так, социнианство является тем учением в которое антитринитаризм эволюционировал в XVII ст. Эта эволюция сопровождалась рационализацией религиозно-философских взглядов и идей антитринитаризма, в итоге чего некоторые из них перешли (кристаллизировались) в общественно-политические и правовые. Можно также сказать, что социнианство было учением, которое возникло на идейной основе антитринитаризма и со временем под влиянием

религиозно-философских, общественно-политических и правовых обстоятельств стало итогом его эволюционного развития.

Таким образом, в вопросе соотношения антиринитаризма (антиринитариив) с арианством (арианами), унитаризмом (унитариями), учением литовских, польских братьев и социннианством (социннианами) наблюдается неоднозначная ситуация. Установлено, что антиринитаризм и арианство различные учения. Антиринитаризм и социннианство в зависимости от научных подходов к рассмотрению последнего, могут обозначать как различные, так и одинаковые учения. В данном случае, все зависит от толкования социннианства в узком или широком смысле. Антиринитаризм и унитаризм в основном обозначают одинаковое учение, но необходимо учитывать то, что унитаризм может пониматься и как общее название всех противников догмата Троицы во все времена Реформации, т.е. иметь обобщающую трактовку. Антиринитаризм и учение польских и литовских братьев это два одинаковых, взаимозаменяемых названия под которыми принимается одно и то же христианское учение.

1. Шалькевіч, В.Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі / В.Ф. Шалькевіч. – Мінск: Маладзёжнае навуковае супольніцтва, 2002. – 248 с.

2. Вольтер, *Философские письма* / Вольтер // *Философские сочинения* / отв. ред. В.Н. Кузнецов; пер. С.Я. Шейман-Топштейн. – М., 1988. – С. 70–226.

3. Конан, У.М. Гістарычны і духоўны партрэт эпохі / У.М. Конан // *Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі: у 6 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі; рэдкал.: В.Б. Евароўскі [і інш.]. – Мінск, 2010. – Т. 2. – С. 327–336.*

4. Подокшин, С.А. Антиринитариив / С.А. Подокшин // *Белорусская ССР: краткая энциклопедия: в 5 т. – Минск, 1979. – Т. 1. – С. 58–59.*

5. Подокшин, С.А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы: Вторая половина XVI – нач. XVII в. / С.А. Подокшин. – Минск: Наука и техника, 1970. – 222 с.

6. Грушавы, Г.Ул. Антытрынітарыі / Г.Ул. Грушавы // *Энцыкл. гіст. Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1993. – Т. 1. – С. 131.*

7. Дубянецкая, І.М. Арыянства / І.М. Дубянецкая // *Рэлігія і царква на Беларусі: энцыкл. давед. – Мінск, 2001. – С. 22–23.*

8. Яцкевіч, С.А. Антытрынітарыі / С.А. Яцкевіч // *Беларус. энцыкл.: у 18 т. – Мінск, 1996. – Т. 1. – С. 400–401.*

9. Будринь, Е.А. Михаилъ Серветъ и его время / Е.А. Будринь. – Казань: Типографія Императорскаго Университета, 1878. – 396, III с.
10. Виперъ, Р.Ю. Кальвинъ / Р.Ю. Виперъ // Энциклопедическій словарь: [в 86 т.] / изд.: Ф.А. Брокгаузъ, И.А. Ефронъ; под ред. К.К. Арсеньева, О.О. Петрушевскаго. – СПб., 1895. – Т. 14 (27). – С. 102–107.
11. Левицкій, О.И. Социніанство въ Польше и югозападной Руси / О.И. Левицкій // Киевская старина. – Киевъ: Типографія К.Н. Милевскаго; Типографія Г.Т. Корчакъ-Новицкаго, 1882. – Т. 2, апрель, май, іюнь. – № 4. – С. 25 – 57, 193 – 225, 401 – 432.
12. Савич, А.А. Нариси з історії культурних рухів на Україні та Білорусі у XVI– XVIII в. / А.А. Савич. – Київ: Всеукраїнська Академія Наук, 1929. – 333 с.
13. Антитринитарій // Большая энциклопедія: словарь общедоступныхъ сведений по всѣмъ отраслямъ знанія: [в 22 т.] / под ред. С.Н. Южакова. – СПб., 1904. – Т. 1. – С. 690.
14. Антитринитаріи // Малый энциклопедический словарь: в 4 т. / Репринт. воспроизв. изд. Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона. – М., 1994. – Т. 1. – Стб. 177.
15. Давыдов, И.П. Антитринитарии / И.П. Давыдов // Новая российская энциклопедия: в 12 т. – М., 2005. – Т. 2. – С. 475.
16. Антитринитаріи // Энциклопедическій словарь: [в 86 т.] / изд.: Ф.А. Брокгаузъ, И.А. Ефронъ; под ред. И.Е. Андреевскаго [и др.]. – СПб., 1890. – Т. 1 А. (2). – С. 844–845.
17. Унитаріи // Малый энциклопедический словарь: в 4 т. / Репринт. воспроизв. изд. Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона. – М., 1994. – Т. 4. – Стб. 1829.
18. Унитарии // Большая советская энциклопедия: в 30 т. – 3-е изд. – М., 1977. – Т. 27. – С. 22–23.
19. Унитаріи // Большая энциклопедія: словарь общедоступныхъ сведений по всемъ отраслямъ знанія: [в 22 т.] / под ред. С.Н. Южакова. – СПб., 1904. – Т. 19. – С. 9–10.
20. Унитарии // Большая энцикл.: в 62 т. – М., 2006. – Т. 53. – С. 223.
21. Падокшын, С.А. Сацыніяне / С.А. Падокшын // Энцикл.гіст.Беларусі: у 6 т. – Мінск, 2001. – Т. 6, кн. 1. – С. 235.
22. Будринь, Е.А. Фаустъ Социнъ / Е.А. Будринь. – Казань: Типографія Императорскаго Университета, 1886. – 304, 15 с.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ**

С.С. Заяц
курсант 3 курса

С.А. Кузора
доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юри-
дических наук

*Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России Россия, г. Владивосток*

*В настоящее время одной из актуальных проблем уголовного су-
допроизводства является совершенствование института производ-
ства по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершен-
нолетними. Изучение становления и развития этого института по-
зволяет сформулировать предложения по его совершенствованию.*

***Ключевые слова и словосочетания:** уголовное судопроизвод-
ство, несовершеннолетний, следственные действия, уголовное
преследование.*

**THE HISTORICAL ASPECT OF DEVELOPMENT
OF THE INSTITUTION OF CRIMINAL
PROCEEDINGS AGAINST UNDER-AGED
IN RUSSIA**

S.S. Zayats
Student of the 3rd grade

S.A. Kuzora
Candidate of legal sciences, Associate professor
of criminal proceedings department

*Vladivostok branch of Far Eastern Legal Institute of Ministry
of Internal Affairs of Russia
Russia, Vladivostok*

Currently, one of the actual problems in the sphere of criminal proceedings is improving the institution of criminal proceedings involving under-aged. The study of the establishment and development of criminal proceedings involving under-aged allows tracing the law development in this area and generating suggestions to improving it.

Keywords and phrases: criminal justice, juvenile, investigation, prosecution.

Понятие «несовершеннолетнего» характерно для многих отраслей российского права. Под общеюридический термин «несовершеннолетний» попадает «тот, кто не достиг определенного возраста, с которым закон связывает его полную гражданскую дееспособность, т. е. с этого момента он может в полной мере реализовывать свои права, которые предусмотрены Конституцией Российской Федерации и другими законами страны, к таким правам могут относиться как субъективные права, свободы, так и юридические обязанности». Как правило, в общепринятые международные нормативные документы устанавливаются возраст совершеннолетия с 18 лет, однако в национальном законодательстве ряда стран этот возраст может быть снижен либо увеличен» [4, с. 90].

«На современном этапе развития юридической науки и практики именно эффективность правового воздействия на общественные отношения, складывающиеся в сфере совершения преступного деяния несовершеннолетним, является мерилем действующих специальных норм права, учитывающих особенности личности таких лиц» [6, с. 92]. Личность несовершеннолетнего преступника – диалектическая совокупность индивидуальных и типичных свойств человека в возрасте от 16 (14) до 18 лет, определяющая его конкретное социальное качество – сущность [7].

В силу определенных возрастных способностей, личность несовершеннолетнего обладает определенными психологическими свойствами и качествами. Выявление ее специфических особенностей, затем их изучение, может дать возможность выбрать наиболее целесообразные с точки зрения эффективности меры предупреждения преступности среди несовершеннолетних на ранних этапах. Но, тем не менее, многие нормы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних находятся в общей системе всего российского права, зависят от них и развиваются вместе с ним.

Несовершеннолетние являются особой категорией субъектов уголовной ответственности в силу возраста, психологических и физических качеств, которые необходимо учитывать при применении к ним мер уголовно-правового и уголовно процессуального характера.

Российский законодатель установил дифференцированный порядок уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних.

За основу в данном подходе лежит восприятие несовершеннолетнего как субъекта, права которого в силу его ограниченных возрастных особенностей не могут быть обеспечены в полном объеме при применении общего порядка уголовного судопроизводства.

В настоящее время общество достаточно гуманно относится к несовершеннолетним, об этом говорит и то, что порядок уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних выделено в отдельную главу Уголовно-процессуального кодекса РФ [1]. Если взглянуть на ретроспективный разрез развития данного института уголовно-процессуального права, то можно отметить, что в течение длительного периода времени специфика правового статуса несовершеннолетних, в том числе и в рамках уголовного судопроизводства, не находила своего отражения в законодательстве и судебной практике. Это объясняется в первую очередь тем, что на протяжении столетий детство не рассматривалось как особый период в жизни человека. И уж тем более речь не шла об охранительной направленности всего социального взаимодействия по отношению к несовершеннолетним.

«В основе становления процессуальной формы по уголовным делам в отношении несовершеннолетних лежат определенные закономерности, для выявления которых необходимо использовать соответствующие методы. Среди таковых особую роль играет историко-правовой метод. Б. М. Кедров писал: «Изучение прошлого может и должно служить средством для того, чтобы понять настоящее и предвидеть будущее и на основе этого осмыслять развитие науки как целенаправленный исторический процесс» [5, с. 165].

На протяжении достаточно долгого исторического периода времени уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России, не выделяло несовершеннолетних в отдельную категорию субъектов процессуальных отношений, не содержало правил, которые бы защищали их права и законные интересы, отсутствовало раздельное содержание взрослых и несовершеннолетних преступников в местах предварительного заключения и отбывания наказания.

Для подтверждения данной точки зрения существуют следующие аргументы: во-первых, в законодательстве Древней Руси нормы, регулирующие вопросы уголовного преследования несовершеннолетних, а также их защиты, отсутствовали. Упоминание о детях содержится лишь в связи с регулированием гражданско-правовых отношений, касающихся наследования, опеки, долговых обязательств.

В этой связи следует согласиться с мнением А. В. Комарницкого о том, что «...древнерусское законодательство никак не регулировало ответственность малолетних за совершение тех или иных правонарушений, и это дает право полагать, что к несовершеннолетним применялись меры наказания наравне со взрослыми» [3, с. 47].

В дальнейшем никаких существенных изменений, касающихся несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве не было, до принятия Соборного уложения 1649 года. С этого времени уголовное судопроизводство берет публичные начала уголовного преследования, однако этот документ так же, как и ранее действовавшие нормативные правовые акты, не содержал специальных норм, регулирующих уголовную ответственность детей.

Окончательный поворот в сторону розыскного уголовного преследования произошел в годы царствования Петра I. Только во времена его правления в российском праве появились новеллы, касающиеся уголовного преследования и наказания малолетних. В Артикуле воинском 1715 г. впервые указывалось на необходимость при назначении наказания принимать во внимание возраст малолетнего, совершившего преступление. Так, в толковании к артикулу 195 говорится: «Наказание воровства обыкновенно умалется, или весьма отставляется, ежели... вор будет младенец, которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть».

Однако данное правило действовало лишь в случае совершения кражи малолетним. Если же он обвинялся в совершении убийства или государственного преступления, Артикул воинский не исключал возможность назначения жестокого наказания, а также применения к «недорослям» пыток [5, с. 166].

Следующим, хотелось бы отметить такой значимый уголовно-процессуальный акт, как Устав уголовного судопроизводства России, принятый в 1864 г., но и он не содержал норм, которые в полной мере содержали бы специфику предварительного следствия в отношении несовершеннолетнего. Однако в нем впервые упоминается о привлечении к участию в суде законных представителей несовершеннолетних, о регулировании вопросов об избрании меры пресечения лиц в возрасте от 10 до 17 лет, было введено правило, в соответствии с которым дело в отношении несовершеннолетнего могло быть рассмотрено в закрытом судебном заседании. В качестве важнейшей гарантии защиты от незаконного уголовного преследования появилось правило об обязательном участии защитника.

В дальнейшем, в 1897 г. в главу 4 Устава уголовного судопроизводства «Об исследовании события преступления» был введен раздел «Производство по делам несовершеннолетних от 10 до 17 лет для разрешения вопроса о том, действовал ли обвиняемый во время совершения преступного деяния с разумением». Данный раздел включил в себя шесть статей, только две из которых затрагивали стадию предварительного следствия. Так, если судебный следователь признавал необходимым привлечь в качестве обвиняемого несовершеннолетнего от 10 до 17 лет, то он производил расследование всех обстоя-

тельств, которые могли «служить основанием для суждения о том, действовал ли обвиняемый во время совершения преступного деяния с разумием, обращая особенное внимание на степень его умственного и нравственного развития и сознания преступности учиненного им деяния, а также на причины, приведшие его к совершению преступления». Принципиально новым для российского законодательства стал Закон о воспитательно-исправительных заведениях 19 апреля 1909 г., который объявлял Положение о порядке применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних обвиняемых.

Как отмечалось в Циркулярном распоряжении по Главному Тюремному Управлению на имя губернаторов, начальников областей и градоначальников от 27 мая 1909 г., правила нового Положения указывали на стремление законодателя: 1) широко и твердо поставить дело предупредительно-исправительного воспитания; 2) заменить уголовную кару по отношению к несовершеннолетним до 17 лет; 3) избавить несовершеннолетних от клейма представших перед судом. В частности, указанное Положение предусматривало возможность замены такой меры пресечения как «взятие под стражу» несовершеннолетних обвиняемых в возрасте от 10 до 17 лет помещением в воспитательно-исправительные заведения. Кроме этого, до окончания следствия несовершеннолетние обвиняемые по возможности содержались «отдельно от прочих воспитанников, с применением общих постановлений о наблюдении прокурорского надзора за содержащимися под стражей». Суммируя то, что касалось несовершеннолетних в уголовном процессе России до создания «детских» судов, можно сказать, что законодательство содержало малый объем норм, предусматривающих юридическую защиту прав несовершеннолетних в уголовном процессе, небольшая специфика для несовершеннолетних в общеуголовном процессе не обеспечивала эффективности этой защиты [2].

Последующие изменения уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, связаны с изменениями законодательства, которые происходили в период с 1917 по 1991 г.

Данный временной период можно условно разделить на 4 этапа развития:

- на первом этапе с 1917 г. по 1935 г. в уголовно-процессуальной сфере законодательно закрепляется преимущество воспитательных мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей;

- на втором этапе с 1935 г. по 1958 г. с одной стороны делается разработка более четких мер по ликвидации беспризорности подростков, с другой – резкое расширение и ужесточение уголовно-правовых методов борьбы с преступностью несовершеннолетних в ущерб мерам воспитательного характера и карательная направленность уго-

ловно-процессуального законодательства и практики его применения с главенствующей ролью подзаконных нормативных актов;

- на третьем этапе с 1958 г. по 1991 гг. в период действия УПК РСФСР, уголовно-процессуальное законодательство содержало специализированные правовые нормы, регулирующие особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, в том числе касающиеся предмета доказывания по делам в отношении несовершеннолетних, применение задержания и заключения под стражу, других мер пресечения, проведение отдельных следственных действий, решение вопроса о подследственности уголовных дел данной категории. Вместе с тем, отдельные правила УПК РСФСР, касающиеся регламентации производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, с течением времени объективно устарели, не отражали произошедших изменений в обществе и не соответствовали современным представлениям и прогрессивным идеям о правосудии в отношении несовершеннолетних;

- последний, четвертый период с 1991 г. по настоящее время – это период проведения судебной реформы в России, принятие в 2001 г. УПК РФ, содержащего ряд новелл в области уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних.

Таким образом, мы видим, что становление института уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, на разных временных отрезках значительно отличалось друг от друга и претерпевало множество изменений. Каждый из рассмотренных нами периодов характеризуется определенными нормативными актами, которые регулируют данную сферу общественных отношений.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 # 174-ФЗ (ред. от 08.06.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2015) (18 декабря 2001 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173888/ (дата обращения: 14.06.2015)

2. Боровик, О.В. Особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: дис. ... кан. юрид. наук / О.В. Боровик: – М., 2006. – 220 с.

3. Комарницкий, А.В. Основы ювенальной юстиции: учебник / А.В. Комарницкий. – СПб.: Знание, 2010. – 589 с.

4. Марковичева, Е.В. Процессуальная дееспособность несовершеннолетних в российском уголовном процессе / Е.В. Марковичева // Современное право. – 2009. – № 5. – С. 90–93.

5. Машинская, Н.В. Возникновение и развитие процессуальной формы производства по делам о преступлениях несовершеннолетних

в досоветский период / Н.В. Машинская // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. – № 1 (22). – С.165–171.

6. Мищенко, Е.В. Некоторые условия дифференциации уголовно-процессуальной формы по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / Е.В. Мищенко // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2013. – № 2 (78). – С. 91–97.

7. Особенности личности несовершеннолетнего преступника [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lawtech.ru/pub/buppdic/g0000097.htm> (дата обращения: 23.12.2014).

УДК 67.3

А.Ф. КОНИ КАК СОЗДАТЕЛЬ РУССКОЙ ШКОЛЫ СУДЕБНОГО КРАСНОРЕЧИЯ

А.А. Тимофеева

профессор кафедры теории и истории российского
и зарубежного права, кандидат исторических наук,
доцент

В.А. Аникеева

студентка 1 курса

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

Судебная реформа 1864 г. серьезно преобразовала русское судопроизводство. Введенные ею новые процессуальные принципы – устность, гласность, состязательность, равенство сторон в процессе позволили выдвинуться большой плеяде судебных ораторов, глубоко понявших свою роль, умевших владеть словом и вносящих в это умение истинный талант. Создателем русской школы судебного красноречия по праву считается А.Ф. Кони.

Ключевые слова и словосочетания: *судебная реформа, судебные ораторы, красноречие, правовая культура, традиции.*

A.F. KONY AS THE CREATOR OF RUSSIAN JUDICIAL ELOQUENCE SCHOOL

A.A. Timofeeva

Candidate of historical sciences, professor of Department of theory and history of Russian and foreign law

V.A. Anikeeva

Student of the 1st grade

*Vladivostok State University of Economics and Service
Russia, Vladivostok*

Judicial reform in 1864 year seriously transformed the Russian proceedings. Introducing its new procedural principles – orality, publicity, competitiveness, equality of the parties in the process, has highlighted a large galaxy of judicial speakers who deeply understood their role of mastering the speech and made this with truly talent. A.F. Kony is considered by right as the creator of Russian judicial eloquence school.

Keywords and phrases: *judicial reform, judicial speakers, eloquence, the legal culture and traditions.*

Судебная реформа, проводимая ныне в нашей стране, обострила интерес к истории становления национального правосудия, его генезису и основным этапам эволюции: ее успех, а равным образом успех государственно – правовых реформ во многом зависит от того, насколько их программы учитывают отечественный исторический опыт и уроки прошлых кардинальных изменений политико-правовых институтов.

Многовековая история юриспруденции сформулировала общие требования к юридической профессии, личности юриста и выдвинула целый ряд персоналий, чей вклад в развитие права является абсолютной ценностью. Построение правового государства, формирование гражданского общества требуют новых подходов к фундаментальным проблемам правовой теории, новых нравственных и правовых идеалов, которые невозможно развивать без учета творческого наследия выдающихся русских юристов прошлого. Нельзя не отметить утрату сегодня навыков ораторского искусства, которым ранее так славилась адвокатура.

Судебные прения – одна из необходимых и важных частей судебного разбирательства. Участники выступлений не только изла-

гают свои соображения по делу, но и, что важнее всего, стремятся убедить суд в правильности собственных выводов. Именно на этом этапе судебного разбирательства и выясняется степень грамотности юриста, его дар убеждения, последовательность в изложении фактов, рассмотренных через призму закона.

Судебные ораторы пореформенной эпохи привнесли в российский судопроизводство совершенно новые и непривычные в социальной практике риторические нормы, создали богатый и удивительно функциональный юридический язык, который нередко превращал судебные речи в интереснейшие произведения литературы. Востребованная преобразованиями элита общества была воспитана на образцах блестящей дворянской культуры пушкинского века, на русском литературном языке.

В речах К.К.Арсеньева, П.А.Александрова, Н.П. Карабчевского, В.Д. Спасовича, К.Ф.Хартулари, Н.И. Холева мы находим всесторонний глубокий разбор обстоятельств дела, глубину и ясность мысли, строгую логику рассуждений; в выступлениях С.А. Андреевского, А.М. Бобрищева-Пушкина, В.И. Жуковского, М.Г. Казаринова, Ф.Н.Плевако, П.Н. Обнинского, – тонкий психологический анализ действий подсудимого, выразительность речи.

Среди выдающихся ораторов особое место по праву занял А.Ф. Кони, умения которого развивались и совершенствовались самобытно, как самобытно развивалось русское судебное красноречие. Безупречной, прогрессивной деятельностью завоевал он имя «рыцаря права» – крупнейшего юриста своего времени, высшего эталона правовой культуры. Рассказанные А.Ф. Кони случаи из судебной практики легли в основу крупных произведений, например, романа Л.Н. Толстого «Воскресенье», поэм А.Н. Апухтина и Н.А. Некрасова. В многогранной деятельности А.Ф. Кони правовая российская традиция имела своего проникновенного интерпретатора и проповедника. Он неоднократно выступал по делам предпринимателей, защищал свободу совести и права верующих, ему принадлежит вошедшее во все хрестоматии правовой практики судебное решение об оправдании Веры Засулич.

У А.Ф. Кони было все, что необходимо судебному оратору: огромный запас знаний, острый, наблюдательный ум, строгая логика мышления, дар широкого обобщения фактов, незаурядное литературное мастерство, а главное – огромная теплота, душевность, тонкое понимание движений человеческой души, умение дать правильный анализ человеческим поступкам. В судебных поединках его могучим и верным оружием была справедливость. Она помогала ему в борьбе с косностью, беспринципностью, надменностью и лицемерием.

Судебная речь Анатолия Федоровича выстраивалась на основе тщательного всестороннего анализа житейской обстановки и личности подсудимого, истинно гуманного отношения к нему и, соответственно, обладала ясностью, логичностью, точностью, лаконичностью, искренностью.

Каждая речь А.Ф. Кони – удивительное художественное произведение, в котором много сравнений, обобщений, замечаний, изящество высказанных мыслей. При этом выступления А.Ф.Кони всегда просты, лишены словесных украшений; в них нет лести в адрес судьи, а дар психологического анализа не противоречит темпераменту оратора.

К чертам типичного судебного оратора А.Ф. Кони относят спокойствие, отсутствие лицедейства в голосе, жестах, в манере держать себя на судебном заседании. Стремлению к истине должны способствовать глубокие мысли и «простейшее слово».

А.Ф.Кони как прокурор не давил на судью, не обличал подсудимого, но умело анализировал улики, устрняя возможные сомнения.

Как идеальный судебный оратор, Анатолий Федорович сочетает комплекс знаний по подготовке и произнесению публичной речи сообразно с требованиями закона, оставляя судьям единственную возможность – вынесение справедливого приговора.

По мнению А.Ф.Кони, самые сильные аргументы и доказательства должны быть в конце речи. Обвинительные речи, произнесенные перед присяжными заседателями, отличались тонким и умелым анализом доказательств, глубокой психологией и знанием человеческой души.

Большинство обвинительных речей А.Ф. Кони начинались и заканчивались обращением к присяжным заседателям с мыслью о справедливом приговоре. Неудачное завершение речи, например: «У меня все», или: «Я закончил», может снизить качество речи, ее воздействие. Таким образом, овладение логическими основами твердости, внимательное отношение к построению речи и к логике изложения позволит судебному оратору сделать речь настоящей доказательной и убедительной [1, с.55].

А.Ф. Кони выступал в суде в качестве обвинителя, но многих поражало, что он находил доводы в защиту подсудимого. Сам он часто подходил с большим негодованием к обвиняемому и в этом духе начинал свою речь, но по мере того как говорил, в нем росли сомнения в пользу обвиняемого, жалость к нему как жертве и т.д., и конец речи был иным.

А.Ф. Кони старался облегчить слушателям восприятие основного содержания своих речей. Делал он это не сухо, формально, а

образно, художественно. А.Ф. Кони умело пользовался народными поговорками, афоризмами, литературными образами. Все это делалось с большим тактом и всегда кстати. Он щедро использовал сравнения, которые помогали глубже уяснить суть дела, осмыслить те или иные эпизоды и содействовали правильной оценке имеющихся в деле доказательств.

Выступления А.Ф. Кони вызывали огромный интерес в русском обществе: залы судебных заседаний были, как правило, заполнены публикой. Во многом причинами такого успеха были личные качества Анатолия Федоровича. «Нарядный убор в виде исключительно широкого образования сочетался (по мнению С.Ф.Платонова), с внутренней силой воспитательного назидания» [2, с. 67].

А.Ф. Кони же в своих выступлениях неоднократно подчеркивал значение нравственных начал в судебной деятельности: «Можно и даже должно говорить, – писал он, – об этической подкладке судебного красноречия, для истинной ценности которого недостаточно одного знания обстоятельств дела, знания родного языка и умения владеть им и, наконец, следования формальным указаниям или ограничениям оберегающего честь и добрые права закона» [3, с.32].

Общеизвестно, что для судебных ораторов России XIX в. свойственна мощная этическая аргументация. К.И. Чуковский в мемуарных записях об А.Ф. Кони пишет: «У него было великое множество тем, но о чем бы он ни говорил, всякая его лекция звучала как моральная проповедь, всячески упорно твердившая о том, как прекрасна человеческая совесть, сколько счастья в служении добру» [4, с.78].

Сам А.Ф. Кони утверждал, что «в области судебного состязания проведение в судебную жизнь этических начал тесно связано с разработкой того, что нравственно дозволительно или недозволительно в судебных прениях. Вот почему можно и даже должно говорить об этической подготовке судебного красноречия, для истинной ценности которого недостаточно одного знания обстоятельств дела, знания родного языка и умения владеть им и следования формальным указаниям закона [5, с. 66]. Девиз А.Ф. Кони «Цель не может оправдывать средства» – высоко гуманен.

Судебным ораторам Анатолий Федорович рекомендовал безоговорочно выполнять три условия: «Нужно знать предмет, о котором говоришь, в точности и подробности, выяснив себе вполне его положительные и отрицательные свойства; нужно знать свой родной язык и уметь пользоваться его гибкостью, богатством и своеобразными оборотами, причем, конечно, к этому знанию относиться и знакомство с сокровищами родной литературы... Нако-

нец, ... нужно не лгать... искренность по отношению к чувству и к делаемому выводу или утверждаемому положению должна составлять необходимую принадлежность хорошей, т. е. претендующей на влияние, речи» [6, с.8].

Особую значимость А.Ф.Кони придавал защитительной речи адвоката. По его мнению, защитник – не слуга клиента, но в своем общественном служении – слуга государства. При этом, защищая законные интересы клиента, адвокат должен действовать только законными средствами.

По мнению А.Ф. Кони, адвокат – это человек, у которого лучшее образование идет впереди специального; это позволяет дать правильную оценку явлений жизни и принять по ним нужные решения.

И прокурор, и адвокат, и судья должны выполнять свой долг без пафоса, негодования, раздражения. Главная цель – осуществление правосудия.

«Как для врача в его практической деятельности не может быть дурных и хороших людей, заслуженных и незаслуженных болезней, а есть лишь больные и страдания, которые надо облегчить, так и для защитника нет чистых и грязных, правых и неправых дел, а есть лишь даваемый обвинением повод противопоставить доводам прокурора всю силу и тонкость соеих диалектики, служа ближайшим интересам клиента и не заглядывая на далекий горизонт общественного блага» [5, с. 71].

Основа деятельности судебного оратора – неукоснительное уважение к закону. В своих выступлениях в суде А.Ф. Кони стремился раскрыть смысл применяемого закона, его сущность; ему при этом не свойствен догматизм и казуистичность.

Самое трудное для оратора – найти правильное, нужное начало. А.Ф. Кони советовал подбирать такое вступление, которое бы “зацепило” слушателей, привлекло их внимание. Какое бы вступление ни избрал судебный оратор, важно помнить, что в нем должен отразиться тот конфликт, на котором строится судебная речь; оно должно быть связано с главной частью, служить отправной точкой для исследования обстоятельств дела; не должно быть длинным; стилистически должно гармонировать с основной частью.

Речь А.Ф. Кони наполнена обращением ко всем присутствующим. Он заинтересовывает каждого, использует риторические вопросы, заставляя задумываться об ответах на них («Существуют ли условия в показаниях Аграфены Суриной?», «Может быть показание это имеет своей исключительной целью коварное желание набросить преступную тень на Егора? Такая цель может быть объяснена только страшной ненавистью») и так далее.

Весьма осторожно он относился к мимике и жесту: «Не надобно качаться весьма, будто веслом гребешь, или руки стискивать в кулаках, или в бока упирать».

Современники А.Ф. Кони утверждали: «Этим речам нельзя подражать, но по ним нужно учиться». [6, с. 102.]. Силу ораторского искусства Анатолия Федоровича составляли его великолепные личные качества, высокие нравственные идеалы, которым он следовал и в жизни, и в работе.

А.Ф. Кони был без преувеличения одним из отцов русской судебной реформы второй половины XIX века и одним из создателей российской прокуратуры. Он без устали работал над Судебными уставами и проявлял высочайший профессионализм, основанный на строгой логике разума, но, как нам представляется, главные приоритеты отдавал нравственности – от Кантовского морального закона до учения Христа. Причиной этого, наверное, было то, что лучшие умы России того времени бились исключительно над высочайшими нравственными проблемами и часто довольно презрительно относились к западным, рационалистическим и технологическим, установкам. Кони был другом Л.Н. Толстого, В.Г. Короленко, И.С. Тургенева, общался с Ф.М. Достоевским.

Интересы А.Ф. Кони многогранны: достаточно перечислить названия литературных работ Кони: «Нравственный облик Пушкина», «Мотивы и приёмы творчества Некрасова», «Лев Николаевич Толстой», «В.Г. Короленко и суд». Наверное, пореформенная Россия действительно была вершиной подъёма национальной культуры, если обер-прокурор был к тому же литератором, проповедником высокой морали и правозащитником.

Вошли в историю имена П.А. Александрова, А.Л. Боровиковского, Н.П. Карабчевского, Л.А. Куперника, В.Д. Спасовича, Ф.Н. Плевако, А.И. Урусова и других звезд первой величины русского судебного мира. Их выступления и активная жизненная позиция вошли в российскую историю.

Законность и нравственность – это та духовная атмосфера, в которой должен действовать судебный оратор. Жизнь и творчество А.Ф.Кони – и сегодня ориентир для укрепления законности, развития правовой культуры, охраны прав личности.

-
1. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов) / Н.Н. Ивакина. – М., 2007. – 325 с.
 2. Лукашевич С.В. Топика как способ создания аргументации в юридических текстах / С.В. Лукашевич. – М., 2007. – 265 с.
 3. Андреева А.П. Памяти Анатолия Федоровича Кони, 1844–1927 / А.П. Андреева / Правоведение. – 1978. – № 4. – С. 84–90.

4. Глушаченко С.Б. Либеральные учения русских юристов второй половины XIX – начала XX веков / С.Б. Глушаченко / РА юридических наук Научные труды 1: сб. ст. / отв. ред. В. В. Гриб. – М., Юрист. – 2001 – Т.1. – 400 с.

5. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Собр. соч. в восьми томах. Т.4 – М., 1967. – 366 с.

6. Кони А.Ф. Судебные речи. Собр. соч. в 8 т. Т. 3. – М., 1967 – 379 с.

УДК 67.3

СУД ПРИСЯЖНЫХ В РОССИИ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

А.А. Тимофеева

профессор кафедры теории и истории российского
и зарубежного права, кандидат исторических наук,
доцент

Е.Д. Федоренко

студентка 1 курса

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

Одной из основ демократического правового государства, продекларированного Конституцией Российской Федерации 1993 г., является независимая судебная власть. Возрождение в России суда с участием присяжных заседателей после многолетнего перерыва – одно из направлений современной судебной реформы. Активизация интереса к этой теме – не только дань уважения юристам XIX в., но и необходимость использования опыта, накопленного после судебной реформы 1864 г.

Ключевые слова и словосочетания: судебная реформа, институт присяжных заседателей, демократизация и гуманизация судебной системы, форма судопроизводства.

A JURY TRIAL IN RUSSIA: EXPERIENCE AND PROBLEMS

A.A. Timofeeva

Candidate of historical sciences, professor of Department
of theory and history of Russian and foreign law

E.D. Fedorenko

Student of the 1st grade

*Vladivostok State University of Economics and Service
Russia, Vladivostok*

One of the foundations of a democratic state and state of law, which is declared by the Constitution of the Russian Federation of 1993, is an independent judiciary. The revival of the jury trial in Russia after a long break is one of the areas of modern judicial reform. Increasing of interest in this topic is not only a tribute to the lawyers of the 19th century, but also caused by the need to use the experience gained after the judicial reform of 1864.

Keywords: *judicial reform, the institution of the jury trial, democratization and humanization of the judicial system, a form of proceedings.*

Одной из задач судебно-правовой реформы, проводимой в Российской Федерации, является реализация конституционного права граждан на судебную защиту их прав и свобод, которую в истинном виде может осуществить независимый, свободный от корыстных интересов, политических симпатий и идеологических предубеждений суд, выступающий гарантом законности и справедливости.

Введение института присяжных заседателей в уголовном процессе выступает одним из важнейших направлений демократического преобразования суда, формирования нового правосознания и правосудия. Необходимо отметить, что ни один правовой институт, введенный до или в ходе современной судебной реформы в России, не вызвал столько дискуссий в обществе, как суд присяжных.

Совершенно очевидно, что в основе столь неоднозначного отношения к суду присяжных как форме судебной процедуры лежат, с одной стороны, дежурные, исторически повторяющиеся аргументы, которые условно определяются как корпоративное отрицание, довод к кошельку и апелляции к законности. С другой стороны, эффективность его функционирования затрудняется недоста-

точной проработанностью законодательного регулирования, несовершенством организационных и процессуальных форм, слабым социально-психологическим обеспечением [1, с.18].

Современные западные исследования суда присяжных отличает чётко выраженный прагматический подход, направленный на изучение всех основных этапов данной судебной процедуры, их особенностей – тактические ходы и риторические приёмы, а также изучение основных субъектов процесса: заседателей, обвиняемых, свидетелей с их социальными, половыми, возрастными, психологическими характеристиками. В этом аспекте обращение к истории вопроса, изучение отечественного опыта оправдано и целесообразно.

История суда присяжных в нашей стране началась в ходе реализации судебной реформы 1864 г. – важнейшей части преобразований, проводимых в России в царствование Александра II. Неслучайно это правление вошло в историю как эпоха Великих реформ.

По мнению как современников, так и исследователей судебной реформы 1864 г., она была самой демократической, наиболее последовательной в ряду преобразований второй половины XIX в. в России. Дореформенная судебная система России была чрезвычайно громоздкой и сложной, имела сословный характер и множество специальных судов. Правосудие нередко отправляли люди, не имевшие юридического образования. Сама процедура судебного разбирательства была архаичной. Судьи не допрашивали свидетелей, истцов, ответчиков, подсудимых и даже не видели их. Они лишь читали бумаги, составленные в полиции (если дело уголовное) или представленные сторонами (если дело гражданское). В зал суда не допускали не только публику и журналистов, но даже лиц, заинтересованных в рассмотрении дела, ответчиков, истцов, подсудимых. Подсудимый не мог воспользоваться помощью адвоката: людей такой профессии в России просто не существовало. О состязательности суда не могло быть и речи [2].

В условиях инквизиционного розыскного процесса, тайного и письменного судопроизводства, система господства формальных доказательств целиком отдавала подсудимого на произвол судебных чиновников. Волокита и вымогательство получили такое распространение, что и министру юстиции графу В.Н. Панину однажды пришлось через вторые руки давать взятку, чтобы ускорить ход имущественного дела своей дочери.

Изменить такое положение вещей можно было только заменой старого суда новой судебной системой – независимой от административной власти, открытой и подконтрольной обществу. В

стране, где каждый третий житель находился в крепостном рабстве, сделать это было непросто.

В России предложение о введении суда присяжных впервые было представлено Екатерине II ученым-юристом С.Е. Десницким в начале работы Уложенной комиссии 1767 г. Выдающийся реформатор и государственный деятель М.М. Сперанский также предлагал Александру I эту форму суда, но подготовка судебного преобразования началась в России только после Крымской войны.

«Отцы» суда присяжных в России – видные юристы Н.А. Буцковский, С.И. Зарудный и Д.А. Ровинский детально разработали законодательство о нём с учётом как зарубежного опыта деятельности суда с участием присяжных заседателей, так и особенностей национальной истории и менталитета.

Появление суда присяжных в российской действительности вызвало множество дискуссий и комментариев. Бытовали мнения, что этот институт не сможет прижиться на российской почве в виду особенностей её территориального устройства и менталитета. Многие протестовали, предчувствуя большое количество оправдательных приговоров, которые может повлечь за собой данная форма судопроизводства. К тому же, большинство профессиональных юристов не устраивала перспектива доступа к правосудию юридически безграмотных граждан, представителей забитой массы крестьян, "вчерашних рабов", которых они называли "толпой", "улицей" [3; 4].

Активным защитником суда присяжных являлся А.Ф. Кони, который был убежден, что с водворением гласности и устности суд присяжных сделал ключевым объектом именно личность, со всем многообразием её внутренних нравственных мановений, с опорой на которые и определяются истинная виновность. Суд присяжных "разметал по сторонам тот ворох бумаг, докладов, протоколов, проектов резолюций и т.п., под которыми был прежде погребен живой человек, становившийся лишь номером дела" [5, с.148].

Ещё одним достоинством суда присяжных является различие факта вины и истинной виновности, главным критерием определения которой выступает умышленное или неосторожное отношение вменяемого человека к своему деянию [6, с.35]. Таким образом, слова "виновен" и "совершил" не являются синонимами [7, с.18].

Важно помнить, что закон – это средство, но не цель и он должен служить человеку, а не наоборот, поэтому нельзя нарочито следовать "букве закона", забывая о том, что на первом месте находится личность. По мнению А.Ф. Кони, формальная справедливость не всегда приравняется к истинному правосудию [8, с.343].

Разве можно по закону справедливо осудить голодного юношу, пытавшегося украсть провизию, чтобы не умереть с голода, или нищую старушку, которая украла медный чайник стоимостью в тридцать копеек? Присяжные с пониманием и милостью относятся к подобного рода "нарушителям".

Появление суда присяжных способствовало становлению судебной власти, основанной на принципах равенства, справедливости, гласности, презумпции невиновности, состязательности сторон. Наравне с судьями-профессионалами правом вершения правосудия наделялись 12 членов коллегии присяжных заседателей, которая формировалась из "обычных" граждан, не искусственных судебной бытностью. Для них судебный процесс являлся неким «святилищем», не был каждодневностью жизни, что способствовало возникновению у присяжных ощущения вовлеченности в "сакральный" процесс судопроизводства и благотворно сказывалось на их правовой культуре, правовом воспитании. Впоследствии они уносили с собой в свой быт то чувство справедливости, свидетелями и реализаторами которой им довелось побывать.

Занимательна цитата одного из американских присяжных из Честертона: «И самое страшное во всей машине правосудия, во всех судах, магистратах, судьях, поверенных, полисменах, сыщиках не то, что они плохи (есть и хорошие), не то, что они глупы (есть и умные), а то, что они привыкли. Они не видят на скамье подсудимых подсудимого; они видят привычную фигуру на привычном месте. Они не видят ужаса судебного разбирательства – они видят механизм своей работы. И потому, ведомая здоровым чутьем, христианская цивилизация мудро порешила вливать в их тела свежую кровь, а в мозги – свежие мысли людей с улицы. <...> Наша цивилизация поняла, что признать человека виновным – слишком серьезное дело, и нельзя поручить его специалистам» [9, с. 105].

Называя суд присяжных судом улицы, его противники, сами того не замечая, обозначили его положительные стороны. С.А. Андреевский отметил, что улица – место, где никто не позволит себе бесстыдства. Именно с улицы впустили свежий воздух в комнату, пропитанную духом канцелярского формализма [6, с. 8].

Законом от 16 июля 1993 г. был восстановлен суд присяжных, отмененный в советской России. Стоит отметить, что в основу законопроекта был положен опыт дореволюционный, вплоть до его копирования. При этом базисом являлись Уставы уголовного судопроизводства 1864 г. Однако не все положения были заимствованы, многое, к сожалению, упущено. Это обстоятельство делает особенно актуальным анализ деятельности суда присяжных дореволюционного периода.

Один из важнейших вопросов – критерии отбора кандидатов в присяжные: наличие образования, прохождение службы в тех или иных должностях и т.д. Специфической чертой отбора присяжных дореволюционного периода был имущественный ценз, служивший барьером для доступа крайней бедности к этой форме судопроизводства. Так сохранялась независимость и беспристрастность лиц, которым предстояло выполнять обязанности присяжного заседателя.

В законе о присяжных заседателях 2004 года имущественного ценза нет. А.А. Демичев предложил его восстановить, дабы исключить возможность получения какого-либо неправомерного дохода через исполнение функций присяжного заседателя, устранить из списков кандидатов люмпенизированных граждан, тем самым предупредить проблему подкупа присяжных [10]. Данная идея, тем не менее, поддерживается не всеми.

В 1917 г. Комиссия по корректировке норм суда присяжных повысила образовательный ценз, сделав обязательным для кандидатов умение не только читать, но и писать по-русски. Частым упреком современному суду присяжных служит нередкая безграмотность кандидатов в присяжные. Сегодня в Госдуме обсуждаются положения о возможном введении образовательного ценза для присяжных, правда указывается, чтобы для определения виновности по конкретным преступлениям отбирались люди с профильной профессией и образованием. Подобное предложение подверг резкой критике председатель партии «Гражданская инициатива» Андрей Нечаев, по словам которого такое нововведение может превратить суд в комедию. Следуя такой логике, дела о травмах, видимо, должны рассматривать врачи, а дела о разбое – разбойники?» [11].

Система общих списков, куда включались лица, обладавшие необходимым цензом, является одним из главных достоинств суда присяжных, так как присяжные – не выборные судьи, а все лица, соответствующие критериям отбора. При этом никто не мог быть призван в присяжные более одного раза в два года [5, с.7-8].

УПК РФ ограничивает возможность участия одного и того же лица в течение года в судебных заседаниях в качестве присяжного заседателя *одним разом в год*, однако на практике случается, что одни и те же люди, кочуют из процесса в процесс, ходят в суд, как на работу. Тем самым они становятся "профессиональными присяжными", что в какой-то степени нарушает беспристрастность и саму сущность суда присяжных, где правосудие осуществляют непрофессионалы. К тому же сама коллегия присяжных в подавляющем большинстве состоит из домохозяек и безработных.

Представляется, что причиной подобных явлений служат частые отказы кандидатов от участия в заседании. По этому поводу председатель Амурского областного суда С.Н. Семёнов говорит: "С одной стороны, закон за неявку присяжного заседателя в суд без уважительной причины предусматривает наказание в размере 25 минимальных размеров оплаты труда. То есть, получается, что это уже не право гражданина на участие в судопроизводстве, а обязанность. Но, что значит – «неявка без уважительных причин»? Денег нет приехать, детей не с кем оставить, да даже не детей, а скотину или дом с печкой. Есть работа такая, которую не на кого переложить... – считать ли это уважительной причиной? Да и трудно рассчитывать на качественное рассмотрение дела, если присяжного заставляют из-под палки работать. Некоторые специалисты по правам человека считают, что это нарушение прав человека, так как Конституция страны в перечне обязанностей российского гражданина не прописала эту норму"[12].

Отказ кандидатов в присяжные от участия в судебных процессах порождает трудности с формированием коллегий, особенно по «тяжелым» делам. Так, например, долгое время не могли сформировать коллегию по делу "приморских партизан": это удалось сделать с шестого раза.

Неофициальными причинами отказов в основном являются следующие: во-первых, люди не хотят брать ответственность за решение и подвергаться стрессу, участвуя в судоговорении; во-вторых, не желают отрываться от трудового процесса, упуская возможность карьерной самореализации, что в основном касается молодежи, в – третьих, многие боятся стать предметом угроз, подкупа, порицаний с преступной или заинтересованной стороны как в процессе дела, так и по его окончании. Стремление уклониться от обязанностей присяжных имело место и в XIX веке.

В середине 1880-х гг. по подсчетам А.Ф. Кони, «суду присяжных в России подсудно было втрое больше, чем во Франции, и вчетверо больше, чем в Австрии». Таким образом, по количеству дел, приходившихся на суд присяжных, Россия значительно превосходила страны Западной Европы.

Из всех институтов, установленных в России в результате буржуазных реформ, суд присяжных был самым демократическим. Он в широком масштабе обладал правом помилования, являвшимся прежде исключительной прерогативой верховной власти. Присяжные олицетворяли волю большинства в осуществлении одной из важнейших частей государственного управления – судебной власти. В большинстве случаев приговоры присяжных были просты и справедливы, однако в практике суда присяжных бывали

случаи, когда оправдательный приговор выносился действительно на противоречивых основаниях. Наиболее ярким примером служит дело Веры Засулич, стрелявшей в Трепова в отместку за оскорбленного студента Нечаева

Думается, что здесь не обошлось без политических настроений присяжных, и истоками подобного вердикта послужили веяния эпохи: им важно было противостоять властям, они всем сердцем поддерживали противоборствующих.

От чего зависит мнение присяжных и что влияет на вынесение вердикта? В ряде публикаций называются такие факторы, как судебное красноречие, эмоции, убеждения, но главным являются доказательства. Нельзя не согласиться с тем, что в современном суде есть, казалось бы, мелкие недостатки: несмотря на запрет сношения с представителями сторон, присяжные могут ненароком столкнуться с ними в помещениях общего пользования (будь то туалет, буфет или коридор). Тогда возникает риск получить предубеждение к подсудимому сквозь призму предрасположенного или, наоборот, негативного отношения к представителю одной из сторон, непроизвольно сложившемуся в ходе общения, нарушая принцип беспристрастности [13].

Но главной проблемой современного суда присяжных является заметное снижение его роли в последние годы. Несмотря на значительное увеличение количества судов присяжных (с 9 примерно до 100), число рассмотренных дел непропорционально мало. Так, по статистике на долю присяжных приходится лишь 0,05 % дел. Из этого следует, что существующая судебная система отторгает этот институт. Законом от 30 декабря 2008 г. №321 из ведения присяжных изъято 9 составов преступлений: теракты, захват заложников, организацию незаконного вооруженного формирования, массовые беспорядки, государственную измену, шпионаж, захват власти, мятеж и диверсию [19]. Такая же тенденция наблюдалась и в дореволюционной России.

Путь развития российского суда присяжных тернист и своеобразен, но результаты его деятельности имели большое общественное и политическое значение. Российская Федерация, став преемницей опыта дореволюционной России, унаследовала потрясающий феномен, который открыл дорогу "общественной совести" к осуществлению правосудия, способствовал объективности суда, ликвидировав жесткий обвинительный уклон в процессе судопроизводства, способствовал становлению настоящей независимой судебной власти.

Как напутствие современному поколению звучат слова А.Ф. Кони, не потерявшие актуальности на сегодняшний день: «Приняв с доверием к народным силам учреждение, ранее созданное другими странами, недостаточно относиться к нему с теоретическим сочувствием. Необ-

ходимо, чтобы все, кто любит и ценит это учреждение, поддерживали его рост и здоровое развитие прямотдушным изучением и посильным устранением условий, препятствующих этому развитию».

1. Марасанова, С.В. Организационные и процессуальные проблемы деятельности суда присяжных / С.В. Марасанова: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 184 с.

2. Энеев, А. Исторические этапы возникновения и развития суда присяжных заседателей в России / А.Энеев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: metasputnik.ru/dsxc/106-eneev.html (дата обращения: 05.05.2015).

3. Верещагина, А.В. Заметки о суде присяжных / А.В. Верещагина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – №6 (263). – С. 207–219.

4. Верещагина, А.В. Нормативная модель суда присяжных по Судебным уставам 1864 года / А.В. Верещагина // Адвокатская практика. – 2007. – №2. – С. 36–42.

5. Традиции адвокатской этики: избранные труды рос. и фр. адвокатов (XIX- начало XX в.) – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 370 с.

6. Плевако, Ф.Н. Избранные речи / Ф.Н. Плевако – М.: Юрид. лит., 1993. – 542 с.: портр.

7. Суд присяжных в России: громкие уголовные процессы, 1864–1917 гг.: сборник / сост. Казанцев С.М. – Л.: Лениздат, 1991. – 510 с.

8. Кони, А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Т.1. Из записок судебного деятеля / А.Ф. Кони / под общей ред. В.Г. Базанова и др.; ред. тома А.П. Могиланский; прим. В. Гинева и М. Выдри – М.: Юрид. лит., 1966. – 567 с.: фот. Предм. указ.: с. 530–540.

9. Пашин, С. История суда присяжных в постсоветской России / С. Пашин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://index.org.ru/journal/30/02-pashin.html> (дата обращения: 05.05.2015).

10. Демичев, А.А. Теневое право и суд присяжных / А.А. Демичев // Государство и право. – 2004. – №7. – С. 104–107.

11. Правозащитники вступились за суд присяжных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ng.ru/> (дата обращения: 05.05.2015).

12. Суд присяжных. Делая шаг назад, мы далеко продвигаемся вперед. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oblsud.tsl.ru/> (дата обращения: 05.05.2015).

13. Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. – М.: Велби, 2003. – 720 с.

СООТНОШЕНИЕ ПРАВА И МОРАЛИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Э.В. Хомик

преподаватель кафедры криминалистики
и специальной техники

*Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России
Россия, г. Владивосток*

Российское государство как правовое государство, переживает сложный, переходный этап своего развития. Проводятся экономические реформы, совершенствуется духовная и культурная жизнь общества, большое внимание уделяется совершенствованию правоохранительной системы, реализуются права человека и гражданина, развивается законодательная база, проводятся правовые реформы. Право и мораль, имея неразрывные связи, занимают главенствующее место при формировании правового государства.

Ключевые слова и словосочетания: право, мораль, правосознание, правовое государство, нормы морали, нравственность.

THE RATIO OF LAW AND MORALITY IN RUSSIAN SOCIETY

E.V. Khomik

Lecturer of Criminalistics and special technique
Department

*Vladivostok branch of Far Eastern Legal Institute of Ministry
of Internal Affairs of Russia*

Russian state as a legal state is going through a difficult transitional phase of its development. Economic reforms are taken, the intellectual and cultural life of society is improving, high attention is paid to the improvement of the law enforcement system, human rights are actively implemented, legislation is developing and legal reforms are carried out. Law and morality, while having inextricable connection, occupy a leading position in the foundation process of the law-governed state.

Keywords and phrases: law, morality, sense of justice, law-governed state, moral principles, morality.

Еще в древности философы Демокрит, Платон, Аристотель, Цицерон писали о значении двух общественных явлений – право и мораль. Этой проблематикой занимались и русские исследователи – В.С. Соловьев, И.А. Ильин и др. Так, И.А. Ильин указывал на то, что право есть лишь минимум нравственности или юридически оформленная мораль [1, с.58].

Российское государство как правовое государство, переживает сложный, переходный этап своего развития. Проводятся экономические реформы, совершенствуется духовная и культурная жизнь общества, большое внимание уделяется совершенствованию правоохранительной системы, реализуются права человека и гражданина, развивается законодательная база, проводятся правовые реформы.

Изменения в общественной жизни, переоценка ценностей влечет за собой необходимость переосмысления понятий права и морали, которые являются основными регуляторами общественной жизни.

Право и мораль – взаимосвязанные и неразделимые понятия. От эффективного использования этих инструментов в значительной мере зависит состояние законности и правопорядка в стране.

Российский менталитет способствует тому, что граждане не разделяют мораль и право, и закон зачастую воспринимается гражданами не как основополагающий принцип жизни в обществе, а как насажденное нечто сверху, как средство ограничения свободы действий. В своей жизни они зачастую пользуются не нормами закона, а моральными установками, которые, по сути, должны быть только основой права. Когда возникает противоречие между нормами права и морали, первенство отдается преимущественно нормам морали и нравственности, по причине того, что только те действия, которые признаются обществом неправомерными, могут быть осуждены. И общество, таким образом, оставляя за собой право на определение того что можно делать, а чего нельзя, признает доминанту нравственного права над юридическим.

Устойчивость моральных норм и нравственности в обществе при отсутствии должного нормативного регулирования общественных отношений приводит, как правило, к правомерному поведению граждан в спорной ситуации.

Двойственный характер отношения к праву у русского общества присутствовал на протяжении всего периода формирования правовой системы. В итоге сформировалось две правовые системы: система обычного права, которая формировалась из правил

поведения, обычаев, взглядов общества в разные исторические периоды, и система права, созданная государством и гарантированная последним. Обычай и право исторически на Руси считались идентичными понятиями, соответственно с изменением обычаев, менялось и право, что влекло за собой придание обычаю формы закона. Однако норма воспринимается как законная, только если государство в должной мере реализует полностью свои функции по защите прав и интересов граждан общества и стремится к социальной справедливости. Идеал должного, реализуемый государством, вступает в противоречие с обычным правом. Государство, пытаясь ликвидировать дуализм правовой системы, не осуществляя при этом в должной мере своих функций, теряет легитимность, что дает возможность для поиска новых версий идеала должного, форм и способов реализации этих идеалов. Эти и другие правовые представления русского народа открывали возможность для проведения социального эксперимента по созданию в будущем справедливого государственного и общественного устройства, который и начал происходить в XX веке, в процессе реализации коммунистического идеала в Советском государстве и праве [2, с.154]. Но эксперимент не удался в связи с тем, что многие базовые идеи были изменены, произошла подмена понятий, что привело к искажению целей, которые были приемлемы только для определенных групп населения. События последних двадцати пяти лет привели к недоверию населения к закону. И, как следствие, ослабление доверия повлекло изменения в морально-нравственной сфере.

Понятная для русского менталитета тяга к социальной справедливости подвергается давлению со стороны «западнической законопослушности». И.А. Ильин предупреждает против этого влияния, идущего через каналы позитивного законодательства, через которые нам прививаются чуждые идеи и дух римского права, дух правового формализма [3, с.520].

Нестабильность нравственных понятий и правосознания в обществе, проявляется в индивидуальном правовом поведении конкретного человека. К сожалению, российское законодательство нередко поражает своей нестабильностью, частыми и порой противоречивыми изменениями, сложившаяся практика правоприменения, государственной деятельности, деятельности органов местного самоуправления приводит к тому, что среди населения растет настроение недовольства законом, механизмом защиты от противоправных действий и, как следствие, повышение уровня преступности в целом.

Так как связи между такими понятиями как «правовая культура», «правосознание» и «правовое поведение» практически нераз-

рывны, представление о бесперспективности обращения за защитой своих прав, бессилия закона и безнравственности права перерастает в установку общественного сознания, которое и влияет на поведение индивидуумов. Такое поведение имеет множество отклонений противоправного характера. Более того, зачастую такое поведение получает одобрение со стороны окружения индивидуума, что свидетельствует об отсутствии правильных социальных установок. Также большое влияние на формирование неприятия закона оказывает культивирование интереса к криминальной среде, распространенность использования тюремной лектики на всех уровнях социальной жизни.

Неприятие закона и отсутствие правового воспитания в обществе усугубляет и без того неустойчивые представления россиян о праве, которое становится инструментом в руках отдельных лиц, движений, партий в достижении интересующих их целей. Подрыв уверенности в торжество закона приводит к самостоятельной реализации своих прав на защиту граждан, что не всегда носит правовой характер, и зачастую такие действия оправдываются обществом.

Эффективность правовой системы напрямую зависит от духовного и культурного воспитания человека, от правовой пропаганды и от правового воспитания. Закрепление в законе и определение государством четких духовно-культурных ориентиров и ценностей, установка государственной политики по развитию духовной самореализации и психологической зрелости личности, следует назвать важнейшими задачами современного Российского государства.

1. Ильин, И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин. – М.: Изд-во Рарог, 1993. – 235 с.

2. Туркулец, С.Е. Методологические основания социального проектирования в зеркале социологии права / С.Е. Туркулец // Социология власти. – 2009. – №3. – С. 153–161.

3. История политических и правовых учений / под общ. ред. О.Э. Лейста. – М.: Зерцало, 2004. – 565 с.

О ПОДХОДАХ К ПОНЯТИЮ «СОЦИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ»

И.В. Шахновская
ассистент кафедры теории и истории
государства и права

*Полоцкий государственный университет
Республика Беларусь, г. Новополоцк*

Рассматриваются вопросы определения понятия «социальная общность» в юриспруденции и некоторых социальных науках. Изучаются подходы к понятию «социальная общность», выработанные социологами, представителями социальной философии, юридических наук. Рассматривается природа и сущность прав социальных общностей. Приводятся признаки, по которым социальные общности следует разграничивать с такими сходными понятиями как «политические партии» и «общественные организации».

Ключевые слова и словосочетания: социальная общность, политическая партия, общественная организация, коллективные и индивидуальные права социальных общностей.

ON APPROACHES TO THE DEFINITION OF «SOCIAL COMMUNITY»

I.V. Shakhnovskaya
Assistant lecturer of department of theory and history
of state and law

*Polotsk State University
Novopolotsk, Republic of Belarus*

The definition of "social community" in law and some social sciences is examined. Approaches to the concept of "social community", developed by sociologists, representatives of social philosophy, legal science are explored. The nature and essence of social communities are examined. The signs by which social community should distinguish between such similar concepts as "political parties" and "social organization" are given in this article.

Keywords and phrases: social community, political party, social organization, collective and individual rights of social communities.

Существуют различные подходы относительно уяснения понятия «социальная общность» как в юридических, так и в отдельных социальных науках. К примеру, социальные общности являются предметом изучения общей социологии. Так, существующие точки зрения и позиции исследователей к определению социальной общности в зарубежной и отечественной социологической науке выделяют около десяти различных подходов, среди которых микро/макросоциологический, системный, пространственный, структурный, психологический, поведенческий, коммуникативный, деятельностный и др.

К примеру, представители первого подхода [1, с.54] рассматривают социальную общность "как социальное образование, которое противопоставляется обществу по размеру, объему, характеру, содержанию, направленности связей между людьми и способам их изучения". Системный подход ориентирован на комплексное изучение социальной общности с учетом ее основных характеристик: ценностных ориентации членов данной общности, условий их жизни, характера социальных связей, отношений, интеракции, коммуникации, нормативной и ценностной основы взаимодействия [2, с.65]. Сторонники пространственного подхода считают в качестве одного из ее определяющих факторов "стабильно ограниченную территорию (постоянное место жительства), на которой осуществляется социальное взаимодействие людей, обладающих прочными связями между собой" [3, с.86].

В социальной философии исследователи "под социальной общностью понимают реально существующее объединение людей, характеризующееся какими-то объективными признаками (трудом, местом проживания, уровнем дохода и т.п.), чувствами, взглядами, ментальностью, ролью в обществе" [4,с.124]. С.Э. Крапивенский [5, с.126] изучал такие социальные общности как род, племя, народность, нация, классы в процессе исторического возникновения и перехода (трансформации) из одной общности в другую. Большое внимание уделяется причинам такого "перехода". Различия между социальными общностями имеются в количественном их составе, а также в складывающихся внутри общности отношениях. Он понимает под родом кровнородственное объединение людей. Объединение же двух и более родов составляло племя. Однако, как отмечает автор, объединение не означает механического сложения родов. Племя есть объединение вышедших из одного корня, но впоследствии отделившихся друг от друга родов. Как и род, племя

продолжает оставаться этнической категорией, так как в основе его продолжают находиться кровнородственные связи.

Но формирование племени уже кладет начало разделению функций внутри общности: хозяйственная функция остается за родом, другие общественные функции закрепляются за племенной организацией [6, с.87]. С. И. Росенко [7,с.291] отмечает, что к началу XXI столетия появляются новые признаки в идентификации социальных общностей, возрастает социальная мобильность, формируется правящий класс, класс производственных и непроизводственных работников, новый средний класс, появляются новые промежуточные группы, возникают крупные региональные наднациональные и надгосударственные образования. История общества свидетельствует, что тенденцией развития социальной структуры является ее постоянное усложнение, возникновение новых общностей в зависимости от уровня технико-технологического базиса и типа цивилизации. Таким образом, для философов важно изучение различных общностей как субъектов социального развития. Социальная философия также изучает законы, согласно которым в обществе складываются устойчивые, большие группы людей, отношения между этими группами, их связи и их роль в обществе. Эти законы и составляют содержание особой области общественной жизни – его социальной сферы.

Существующие знания ученых – представителей социологических наук позволяют сделать вывод о том, что понятие социальной общности понималось ими в широком смысле. Общим для всех социологов является то, что человек одновременно является членом общностей различного типа. Состояние человека в той или иной социальной общности носит постоянный характер. Это объясняется тем фактом, что понятие социальной общности было выработано, опираясь на категории психологии, социологии, культуры, этнологии.

В настоящее время на уровне правовой доктрины не существует единого подхода к определению термина "социальная общность".

В учебниках по общей теории права при рассмотрении вопроса "субъект правоотношения" лишь упоминается о таких субъектах как: а) общественные образования (народы, нации) [8]; б) коллективные субъекты (города, районы и иные территориальные единицы, избирательные округа, народ, общественные объединения, предприятия, коммерческие структуры и проч.) [9]; в) коллективные образования [10].

Авторы учебников по конституционному праву зарубежных стран также выделяют в качестве субъектов конституционного

права общности людей. Так, А.В. Малько [11, с.57] отмечает, что субъектами конституционного права могут выступать: физические лица, государственные образования, органы государства и негосударственные объединения. К числу последних относятся: 1) общности людей — народ, нации и иные этнические группы, население региона, автономии, административно-территориальных единиц и муниципальных образований; 2) органы местного самоуправления и управления; 3) ассоциации граждан и коллективы публичного характера. Б.А.Страшун [12, с.98] подразделяет субъектов конституционного права на две большие группы: физические лица и общественные образования. К первой группе субъектов относятся граждане, иностранцы, группы граждан, избиратели и депутаты как лица со специальной правоспособностью и их группы. В качестве примера автор приводит Италию, где группы избирателей являются субъектами права законодательной инициативы. Ко второй группе субъектов принадлежат государство в целом, его органы, а иногда и их обособленные части (например, палаты, комиссии, партийные группы в парламентах), территориальные единицы, учреждения и органы самоуправления, а также политические партии и другие общественные объединения.

В правовой науке существуют подходы, согласно которым социальные общности не являются субъектом права. Так, П.Н. Позняков [13, с.18] отмечает, что субъектом права могут быть социальные образования, поскольку являются способом юридического бытия социальной общности. Следовательно, социальная общность к субъектам права не относится.

При определении сущности социальной общности следует определить, к какой группе прав (индивидуальных или коллективных) относятся права лиц, входящих в ту или иную общность. В связи с этим обратимся к институту коллективных прав. Как отмечает В.Е.Чиркин [14, с.10], вопрос о правах определенных коллективов довольно детально рассматривается в гражданском праве (с позиций юридического лица), в трудовом праве (например, в связи с правом на забастовку), однако в конституционном праве, которое должно было бы содержать исходные положения, обобщающих исследований нет. Существуют два подхода к сущности коллективных прав: а) коллективные права – это права, принадлежащие группам людей; б) коллективные права – это индивидуальные права, реализуемые в коллективе.

Так, по мнению американского ученого Б.Дж. Сингера [15, с.49], коллективные права – это те права, которыми индивидуумы обладают в силу их коллективной принадлежности к какому-либо подсообществу. Е.Р.Зайцева [16,с.87] придерживается другой точ-

ки зрения и в качестве примера коллективных прав (индивидуальных прав, реализуемых в коллективе) приводит право на петицию, на объединение, на митинг, шествие, демонстрацию.

Весьма интересной представляется точка зрения М.Д. Смьсллова [17, с.100], который предлагает в качестве критерия разграничения индивидуальных и коллективных прав критерий "нарушения", т.е. возможности нарушения права в целом либо отдельного индивида. В этой связи под коллективными правами должны пониматься такие права, которые не только осуществляются коллективно, но и которые могут быть нарушены в отношении определенного сообщества в целом и не могут быть нарушены в отношении отдельного индивида. Так, например, право на собрания, свободу ассоциаций, право на выборы и другие могут быть нарушены в отношении конкретного индивида, в то время как право народов на самоопределение или права меньшинств сохранять и развивать свою культурную самобытность могут быть нарушены в отношении только соответствующей группы людей как таковой.

Следовательно, в отношении прав социальных общностей имеет право на существование 2 главных подхода: 1) права социальных общностей – формы реализации индивидуальных прав граждан; 2) права социальных общностей – права коллективов. Нам представляется, что ни один из этих подходов не может быть универсальным. Права общностей могут быть как индивидуальными правами, так правами коллектива. Это зависит от вида общности, от способа ее формирования, от причины объединения. Так, например, право наций на самоопределение, право инициативных групп по проведению референдумов на сбор подписей, право граждан на реализацию законодательной инициативы являются "чисто коллективными". В то же время такие социальные общности в конституционном праве как избиратели, группа лиц, участвующих в проведении митинга, демонстрации являются, по сути, лишь формой реализации индивидуальных прав отдельных граждан и созданы именно для этих целей.

В.Е. Чиркин [14, с.12] объясняет слишком позднюю заинтересованность (лишь после Второй мировой войны в западных конституциях стали появляться положения о "правах трудящихся") правами общностей в конституционном праве существованием тоталитаристской направленности. Автор указывает, что в обществе постоянно возникают и исчезают, существуют и действуют самые разные коллективы, разные общности людей. Среди них — временные коллективы (например, инициативные группы избирателей, выдвигающие кандидата, или политические демонстрационные групп населения), постоянные (политические партии и др.), созна-

тельно созданные людьми для защиты своих интересов (например, профсоюзы), или естественно складывающиеся, например, различные социальные группы со своими интересами (крестьянство, интеллигенция и др.), объединения, сочетающие несколько признаков (партийно-государственная номенклатура в странах тоталитарного социализма). Однако их конституционные права так и остались "в тени".

Конституция Республики Беларусь [18] содержит общую формулировку относительно прав социальных общностей. Так, согласно ч.1 ст.14 Конституции "государство регулирует отношения между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов" [18].

В отдельных конституциях есть и другие положения, относящиеся к определенным социальным группам внутри общности "народ", например, упоминавшееся положение некоторых западных конституций об особой защите прав "трудящихся". В основных законах стран тоталитарного социализма провозглашалась иногда ведущая роль рабочего класса (и права, вытекающие из этого). В Китае и сейчас городское население, как коллектив, имеет особое право на преимущественное представительство в избираемых коллегиальных органах государственной власти – собраниях народных представителей (вплоть до парламента – Всекитайского собрания народных представителей) по сравнению с сельским (5:1) [14]. В последние годы в конституциях (Бразилия, Колумбия, Португалия и др.) получили закрепление коллективные права политической общности – политической оппозиции (правда, в некоторых англосаксонских странах соответствующие отношения сложились гораздо раньше, но главным образом на основе "джентльменских" соглашений и почти не получили отражения в нормах конституционного права). Оппозиция имеет доступ ко всем официальным документам правительства, право на ответ (реплику) в правительственных газетах, на информацию и т.д. [19].

Создается множество других временных коллективов, у которых могут быть коллективные права, отличные от прав их членов. В.Е.Чиркин [14, с.13] в качестве примера приводит инициативные группы избирателей (не менее 100 чел.), выдвигающие в Российской Федерации кандидатуру на должность Президента. Только такой коллектив, а не отдельный избиратель – его участник может это сделать. Временным коллективом является Федеральное собрание в Германии, создаваемое с единственной целью – для избрания Президента республики (в нем присутствуют приблизительно

1300 человек – депутаты нижней палаты парламента и такое же количество представителей 16 земель).

Для уяснения содержания понятия "социальные общности как субъекты права" важным является рассмотрение понятий, которые следует разграничивать от исследуемого понятия.

Во-первых, понятие "социальные общности" следует отличать от "общественных организаций" как субъектов конституционного права.

Согласно ч.1 ст.1 Закона Республики Беларусь "Об общественных объединениях" [19] общественным объединением является добровольное объединение граждан, в установленном законодательством порядке объединившихся на основе общности интересов для совместной реализации гражданских, социальных, культурных и иных прав. Общественные объединения, союзы являются некоммерческими организациями.

Сходными чертами являются: 1) добровольность объединения; 2) общность интересов; 3) цель объединения – для реализации, защиты своих прав. Главное отличие состоит в характере реализуемых (защищаемых) прав. Права социальных общностей носят политический характер.

Понятие "социальные общности" следует также разграничивать с понятием "политические партии".

В соответствии с ч.1 ст.1 Закона Республики Беларусь "О политических партиях" [20] под политической партией понимается добровольное общественное объединение, преследующее политические цели, содействующее выявлению и выражению политической воли граждан и участвующее в выборах. Политические партии, союзы являются некоммерческими организациями. Различие объясняется тем, что политические партии, в отличие от социальных общностей, являются организациями. Организация – объединение людей со своей внутренней структурой, правилами жизни и деятельности и, как правило, регламентируемых уставом. Социальные общности не имеют определенной внутренней структуры, не имеют в своем составе органов управления, их деятельность не регламентируется уставом. По организационному признаку социальные общности отличаются также от рассмотренных выше общественных объединений.

В научно-практическом комментарии к Конституции Республики Беларусь Г.А.Василевич [21, с.79] понимает под общностями совокупность людей, имеющих общие социальные признаки, например, социальная группа, профессия, место проживания, религиозная принадлежность.

Вывод. Был проведен анализ подходов к понятию «социальная общность», имеющих в отдельных социальных науках и правоведении. В результате было выявлено, что в социологии термином «социальная общность» охватываются всевозможные объединения людей. Юриспруденция же изучает лишь те социальные общности, которые могут стать объектом правового регулирования. В результате исследования были определены признаки, по которым социальные общности необходимо разграничивать с политическими партиями и общественными организациями.

-
1. Теннис, Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф.Теннис.- СПб., 2002. –176 с.
 2. Ядов, В.А. Социологическое исследование: методология, программы, методы / В.А. Ядов. – Самара, 1995. – 201 с.
 3. Сорокин, П. Система социологии. Т. 2 / П.Сорокин. – М., 1993.- 176 с.
 4. Соколов, С.В. Социальная философия: учеб. пособие для вузов / С.В.Соколов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 440 с.
 5. Крапивенский, С.Э. Социальная философия: учебник для гуманитар.-соц. специальностей высших учебных заведений. 3-е изд., исправленное и дополненное / С.Э. Крапивенский. – Волгоград: Комитет по печати, 1996. – 352 с.
 6. Алексеев, П.В. Социальная философия: учеб. пособие / П.В.Алексеев. – М.: ООО "ТК Велби", 2003 – 256 с.
 7. Росенко, С.И. Человек в системе социальных связей / С.И. Росенко // Основы современной философии. – СПб., 2001. – С. 291–292.
 8. Доржиев, Ж.Б. Теория государства и права: учебно-метод.пособие / Ж.Б. Джорджиев. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2005.. –345 с.
 9. Лазарев, В.В. Общая теория права и государства: учебник / В.В. Лазарев. – М.: Юристъ, 2001. – 520 с.
 10. Венгеров, А.Б.Теория государства и права: учебник для юридических вузов. – 3-е изд / А.Б.Венгеров. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
 11. Малько, А.В. Конституционное право зарубежных стран / О.В. Афанасьева, Е.В. Колесников, Г.Н. Комкова, А.В. Малько; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.В. Малько. – М.: Норма, 2004. –320 с.
 12. Страшун, Б.А. Конституционное (государственное право) зарубежных стран: В 4 т. Т. 1–2. Часть общая: учебник / Б.А. Страшун.– М.: Издательство БЕК, 2000. – 784 с.

13. Позняков, П.Н. Правовое положение коллективных публичных субъектов права: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.01 / П.Н.Позняков. – Нижн.Новгород, 2003. –36 с.
14. Чиркин, В.Е. Индивид и общество: коллективные конституционные права. Эссе / В.Е.Чиркин // Право и политика. – 2004. – №4. – С. 9–15.
15. Сингер, Б.Дж. Демографическое решение проблемы этнического многообразия / Б.Дж.Сингер // Вопросы философии. – 1994. – №6. – С. 78–94.
16. Зайцева, Е.Р. Коллективные формы реализации и защиты основных прав и свобод граждан: дис...канд. юрид. наук. 12.00.02 / Е.Р.Зайцева. – М., 1993. –170 с.
17. Смыслов, М.Д. Определение меньшинства. Меньшинства и права на самоопределение / М.Д.Смыслов // Московский журнал международного права, 1993.-№1.- С.91-110.
18. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.): Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Национ. центр правовой информации Респ.Беларусь.- Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=2101>. (дата обращения: 16.10.2014).
19. Об общественных объединениях [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 04.10.1994 № 3254-ХП // Право (Законодательство РБ).- Режим доступа: <http://www.levonevski.net/pravo/norm2013/num67/d67215.html>. (дата обращения: 18.11.2014).
20. О политических партиях [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 05.10.1994 № 3266-ХП // Право (Законодательство РБ).- Режим доступа: <http://www.levonevski.net/pravo/norm2013/num67/d67194.html>. (дата обращения: 18.11.2014).
21. Василевич, Г. А. Конституция Республики Беларусь (научно-практический комментарий) / Г.А.Василевич. – Минск, 2002. – 206 с.

РОЛЬ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В ФОРМИРОВАНИИ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ

Е.В. Шикалова

аспирант 1 года обучения, Юридическая школа

*Дальневосточный федеральный университет
Россия, г. Владивосток*

Для современной России актуальной является проблема правового статуса судебного прецедента. Особенно остро эта проблема стоит в свете приведения к единообразию судебной и правоприменительной практики в области правового регулирования контрактной системы. А также легализации судебного прецедента как источника правового регулирования государственных закупок.

Ключевые слова и словосочетания: *Контрактная система, судебный прецедент, правоприменительная практика, единообразие правоприменения.*

THE ROLE OF THE JUDICIARY IN THE SHAPING OF CONTRACT SYSTEM

Y.V. Shikalova

Postgraduate of the 1st year, Law School

*Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia*

The legal status of judicial precedent is very actual problem for Russia nowadays. This problem is even keener in the aspect of unifying the judicial and law enforcement practice in the field of legal regulation of the contract system, as well as legalization of judicial precedent as a source of legal regulation of government purchases.

Keywords: *The contract system, judicial precedent, law enforcement practice, the uniformity of law enforcement.*

Судебный прецедент – это решение вышестоящего суда, имеющее императивное решающее значение для нижестоящих судов при разрешении аналогичных дел в будущем [1], исторически возник и развивался в условиях англо-саксонской правовой систе-

мы, где прецедент является источником права и носит принудительный характер. В то время как традиция права континентальной правовой системы изначально отрицала и отрицает возможность существования судебного прецедента в качестве источника права. Однако, со временем судебный прецедент в странах континентальной правовой системы, оставаясь не признанным *de jure* в качестве источника права, *de facto* начинает играть значительную роль в правовом регулировании [2].

Проблема статуса судебного прецедента в качестве источника права в российской юридической науке и практике на протяжении многих лет остается дискуссионной. Обычно в России вопрос о судебном прецеденте возникает применительно к постановлениям Европейского Суда по правам человека, решениям Конституционного Суда Российской Федерации, постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, постановлениям Президиума Верховного Суда Российской Федерации, применяющимся в настоящее время постановлениям Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации и постановлениям Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации.

Однако в настоящее время проблема существования в России судебного прецедента в качестве источника права приобретает свою актуальность в несколько другом ключе. А именно в свете обязательности судебных решений по аналогичным делам для практики правоприменительных органов, и в частности, Федеральной антимонопольной службы. Количество отмен решений УФАС арбитражными судами, причем по аналогичным делам, свидетельствует о разнице правопонимания отдельных положений законодательства.

Большинство ученых-юристов, в частности Е.И. Спектор [3], И.А. Ястржембский [4], С.К. Загайнова [5], И.В. Воронцова [6], в указанном контексте рассматривают судебный прецедент в качестве источника права.

В средствах массовой информации многие практикующие юристы высказываются о том, что судебный прецедент фактически является источником российского права, а следовательно должен применяться и органами государственного контроля. Так, например, председатель упраздненного Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А.А. Иванов неоднократно указывал на то, что судебный прецедент в российской юридической практике применяется.

Также необходимо учитывать, что Верховный суд Российской Федерации в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» разъяснил, что

суды в целях достижения единства судебной практики должны учитывать: постановления Конституционного Суда Российской Федерации о толковании положений Конституции РФ, подлежащих применению в данном деле; постановления Пленума Верховного Суда РФ, принятые на основании статьи 126 Конституции РФ и содержащие разъяснения вопросов, возникших в судебной практике при применении норм материального или процессуального права, подлежащих применению в данном деле; постановления Европейского Суда по правам человека, в которых дано толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подлежащих применению в данном деле [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что судебный прецедент в России в качестве источника права *de jure* не признается, однако *de facto* существует и применяется.

Однако существование судебного прецедента только *de facto* в России в качестве источника права вызывает много проблемных вопросов. Остановимся на некоторых из них более подробно.

1. Какой подход к судебному прецеденту в настоящее время применяется российской правовой системой?

Наиболее распространенной типологией правовых систем является деление на англо-саксонскую и романо-германскую правовые системы, в связи с этим, представляется целесообразным рассмотреть подходы к судебному прецеденту в каждой из указанных правовых систем.

Долгое время в отечественной правовой науке к судебному прецеденту применялся подход правовой системы континентального права. Причиной тому служили, в первую очередь, исторические и субъективные факторы. Однако, в последние десятилетия, как ученые, так и практикующие юристы, все чаще говорят о том, что в России к судебному прецеденту подход романо-германской правовой системы уже не применим.

Например, по мнению, А.А. Иванова, российская правоприменительная практика отошла от подхода континентальной правовой системы к судебному прецеденту с того момента, как высшие суды получили право принимать постановления пленумов о толковании законов и косвенно приняла англо-саксонский подход [8].

Мнение А.А. Иванова представляется верным, поскольку правовые позиции высших судов, выраженные в виде судебных прецедентов, в России носят общеобязательный характер, обладают признаками нормативного акта, подзаконного характера [9, С. 85], а, следовательно, должны распространяться на аналогичные правоотношения. Уклонение от правовых позиций, выраженных в виде судебного прецедента, при вынесении решения по аналогич-

ному делу может привести к отмене или изменению данного решения, как нарушающее единообразие в толковании и применении судом норм права на основании ст. 391.9 ГПК РФ [10]. Однако для правоприменительной практики иных органов власти подобные санкции отсутствуют.

Вместе с тем, судебный прецедент в российской правовой системе официально не признается источником права, в отличие от англо-саксонской правовой системы. В континентальной правовой системе судебный прецедент влияет только на то правоотношение, которое подвергалось анализу суда и не обладает признаками нормативности, в отличие от англо-саксонской правовой системы. Поэтому можно сделать вывод о том, что российская правовая система частично восприняла подход к судебному прецеденту англо-саксонской правовой системы.

2. Возможно ли рассматривать судебный прецедент в качестве источника права для государственных контролирующих органов?

Необходимо обратить внимание на то, что цель обеспечения единства в правоприменении и его результатов заявляется чаще как относящаяся к категории публичных интересов [11, С. 301.]. При этом единство правоприменительной практики рассматривается как явление, служащее целям некой всеобщей пользы. Исходя из этого, противоречащими принципу единства правоприменительной практики признаются акты государственных органов, хотя и не содержащие ошибки с точки зрения правовых принципов и законов, но вступающие в противоречие с разработанной моделью разрешения аналогичных по характеру спора и применяемой норме ситуаций, которая может иметь как правовое, так и правонарушающее содержание. Еще более губительным с точки зрения верховенства права является то, что, как правило, не признаются нарушением единства правоприменительной практики акты органов государственной власти, хотя и ошибочные с точки зрения материального и процессуального права, но находящиеся в гармонии с устоявшейся практикой. Это приводит к систематическому нарушению прав граждан и организаций. Публичный интерес, к категории которого относят цель поддержания единства правоприменительной практики, не может рассматриваться как некое абстрактное явление, содержательно отличающееся от частных интересов. Публичный интерес складывается из частных интересов и может существовать лишь во имя их воплощения.

Единство правоприменения судами и иными государственными органами, обусловленное необходимостью эффективной защиты прав и законных интересов субъектов права на основе равенства всех перед судом и законом, служит достижению одной цели –

обеспечение верховенства права. Ввиду этого конституционно оправданной и единообразной следует признавать лишь такую практику, которая формирует модель разрешения споров исключительно на основе правовых принципов и правовых законов, служит эффективной защитой прав и свобод отдельного субъекта. Единообразная практика необходима лишь в том случае, если она действительно позволяет исключить чиновничий произвол и возможность вынесения правонарушающих судебных актов. Единство судебного и внесудебного правоприменения не должно рассматриваться как формализованная политика государственных органов по реализации норм действующего законодательства.

Вместе с тем высокая квалификация судей, по сравнению с чиновниками контролирующих органов, не всегда обладающих достаточными правовыми знаниями, должна обеспечить тот факт, что именно судебная практика, в форме судебных прецедентов, должна лечь в основу правоприменения.

3. Нужно ли в России *de jure* признавать судебный прецедент источником права?

Представляется, что законодательное закрепление в России судебного прецедента в качестве источника права в настоящее время необходимо в виду следующего.

Во-первых, в странах общего права судебный прецедент, существующий более века, зарекомендовал себя с положительной стороны, именно поэтому элементы судебного прецедента постепенно начали проникать в правовые системы стран, которые традиционно относят себя к странам континентальной правовой системы, в частности в российскую правовую систему.

Во-вторых, в основу сегодняшней реформы гражданского судопроизводства положено достижение единства судебной практики, на что указывал В.В. Путин и депутаты Государственной Думы РФ при обосновании необходимости принятия поправки к Конституции Российской Федерации о Верховном Суде РФ [12]. Представляется, что законодательное признание судебного прецедента источником права также позволит достичь единства всей правоприменительной практики.

В-третьих, официальное признание судебного прецедента источником права позволит существенно снизить влияние на чиновников таких внешних факторов, как административное давление и коррупция. Ведь иногда достаточно трудно оценить, принято ли конкретное решение по внутреннему убеждению должностного лица или под влиянием указанных выше внешних факторов. Существование судебного прецедента, применяемого к тем или иным правоотношениям, позволит участникам правоприменительного

процесса самим определить, соответствует ли оцениваемое решение уже сформированной прецедентной позиции[8].

Однако в действующем законодательстве Российской Федерации, в частности в ГПК и АПК РФ, какие-либо указания относительно возможности признания судебного прецедента источником права отсутствуют. Вместе с тем, видится, что на законодательном уровне можно признать общеобязательность судебных прецедентов, созданных Европейским судом, Конституционным судом Российской Федерации, Верховным судом Российской Федерации, Высшим Арбитражным судом Российской Федерации с помощью закрепления в процессуальном законодательстве нового принципа – принципа единства правоприменительной практики.

Под единством правоприменительной практики, как правило, понимается «единообразное толкование и применение закона, являющееся следствием единообразной правовой квалификации аналогичных юридических дел» [13, с. 724.]. Развивая данное положение, можно добавить, что единство судебной практики предполагает обязательность при рассмотрении и разрешении дел, в порядке гражданского судопроизводства постановлений Европейского Суда по правам человека, решений Конституционного Суда Российской Федерации, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, постановлений Президиума Верховного Суда Российской Федерации.

Представляется, что законодательное закрепление в процессуальном законодательстве принципа единства правоприменительной практики на сегодняшний день единственный легальный механизм, позволяющий законодательно закрепить общеобязательность судебных прецедентов в российской правовой системе.

В случае такого закрепления именно судебные прецеденты составят значительный массив источников правового регулирования контрактной системы. Что, в свою очередь, позволит выделить основные направления ее реформирования.

1. Иванова, Т.А. Особенности судебного прецедента и обычая как источников международного частного права / Т.А. Иванова [Электронный ресурс]. – URL: <http://legalconcept.org/wp-content/uploads/2013/09/15-Иванова.pdf>

2. Голубцов, В.Г. Судебный прецедент в России: формирование современных подходов / В.Г. Голубцов // Второй пермский конгресс ученых-юристов: материалы международной научно-практической конференции. [Электронный ресурс]. – URL: <http://territoriaprava.ru/topics/20597>

3. Спектор, Е.И. Судебный прецедент как источник права / Е.И. Спектор // Журнал российского права. – 2003. – №5. – С. 86–96.
4. Ястржембский, И.А. Являются ли постановления ВАС РФ источником права? / И.А. Ястржембский / АПК и ГПК 2002 г.: сравнительный анализ и актуальные проблемы правоприменения / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2004. – С. 51–60.
5. Загайнова, С.К. Место судебной практики среди источников российского права: историографический анализ / С.К. Загайнова // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2005. – № 4. – С.209–237.
6. Воронцова, И.В. Нормы международного права как источник гражданского процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Воронцова. – Саратов, 2015
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Российская газета».2003. № 260.
8. Иванов, А.А. Речь о прецеденте / А.А. Иванов [Электронный ресурс]. – URL: http://taxpravo.ru/analitika/statuya-70932-rech_o_pretsedente
9. Абросимова, Е.Г. Институт права и публичной политики: монография / Е. Г. Абросимова. – М., 2002.
10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от от 14.11.2002 №138-ФЗ. // СЗ РФ. – 18.11.2002. – № 46, ст. 4532.
11. Морщакова, Т.Г. Верховенство права и конституционные основы единообразия судебного правоприменения // Жуйков В.М. Лафитский В.И., Морщакова Т.Г., Наумов А.В., Новикова Е.В., Рахмилович А.В., Федотов А.Г., Яковлев В.Ф., Редкол.: Жуйков В.М., Новикова Е.В., Субботин М.А., Федотов А.Г., Вступ. ст.: Зорькин В.Д. Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике. – М., 2009. – С. 215-258.
12. Обоснование необходимости принятия поправки к Конституции Российской Федерации о Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.asozd2.duma.gov.ru/> Законопроект № 352924-6.
13. Осокина, Г.Л. Гражданский процесс. Особенная часть / Г.Л. Осокина. – М., 2007. – 957 с.

Раздел 2

КОНСТИТУЦИОННЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ – ПРАВО ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ИЛИ КОЛЛЕКТИВНОЕ?

З.Т. Абасова

аспирант 3 года обучения, Юридический факультет
им. М.М. Сперанского

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Россия, г. Москва*

Конституционное право народов на самоопределение является неотъемлемым правом народ, принадлежим им безоговорочно. В рассмотрении вопроса о праве народов на самоопределение много подводных камней, в частности, неопределенность в вопросе субъектного состава права народов на самоопределение. Субъектом права народов на самоопределение, исходя из правовых актов (как международных, так российских), является народ. Но неопределенность в понимании термина народ порождает много вариантов в определении субъекта права народов на самоопределение.

Ключевые слова и словосочетания: право народов на самоопределение, права народов, индивидуальные и коллективные права, права третьего поколения, самоопределение народов.

THE CONSTITUTIONAL RIGHT OF PEOPLES TO SELF-DETERMINATION – IS IT THE RIGHT OF INDIVIDUALS OR COLLECTIVE?

Z.T. Abasova

Postgraduate of the 3rd year, Law faculty
of M.M. Speranskiy

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Moscow, Russia*

The constitutional right of peoples to self-determination is an inalienable right of the people belonging to them unconditionally. In considering the issues of the right of peoples to self-determination are many pitfalls, in particular, the uncertainty in the matter of subjective right of peoples to self-determination. The subject of the right of peoples to self-determination on the basis of legal acts (both international and Russian), is the people. But uncertainty about the meaning of the term «nation» generates a diversity in the definition of the right of peoples to self-determination subject.

Keywords: *the right of peoples to self-determination, the right of peoples, individual and collective rights, the rights of third generation, self-determination of peoples.*

Противоречия, появляющиеся между правами народа, нации, правами человека, правами государства, национальных меньшинств, малых народов, народностей, являются одной из причин межнациональных конфликтов, в которых каждая из сторон выдвигает свои доводы правоты, законности, справедливости, отстаивает свое право на суверенитет, свои притязания на пересмотр границ, используя при этом исторические аргументы, интерпретируемые в свою пользу, при отстаивании своего право на самоопределение. Но право народа на самоопределение неотделимо от беспрекословного осуществления прав личности, и законность подобного коллективного права опровергается или подтверждается отношением народа, стремящегося к самоопределению, к праву каждого человека вне зависимости от его религиозных убеждений, национальной принадлежности, и тому подобных факторов. В этом аспекте можно говорить о том, что права индивида выше коллективных прав нации и народа. При адекватном развитии процессов самоопределения народа проблема ранжирования коллективных и индивидуальных прав не должна возникать, потому как цивилизованное восприятие самоопределения неотделимо от принципа нерушимости прав человека. Таким образом, правовые нормы

международного уровня выражают неделимость коллективного права народа на самоопределение и прав отдельного индивида, их равную значимость, дают правовую основу для их полноценного развития [6, с.142].

Вопрос о том, к индивидуальным или коллективным правам относится право народов на самоопределение, волнует мировое сообщество с давних прав. Позиции, мнения, подходы к данному вопросу достаточно разнообразны.

Как считает В. Федосенко, особенность коллективных прав заключается в том, что они принадлежат не отдельным лицам, как таковым, а коллективам, объединенным по принципу солидарности, в силу своей природы. Коллективные права осуществляться отдельными индивидами не могут. Индивид может принять участие в реализации коллективных прав только на положении члена коллектива (здесь не учитывается личный статус индивида). Например, отдельно взятый представитель коренного малочисленного народа не может использовать право на самоопределение индивидуально. Но, в тоже время, он пользуется определенными льготами, установленными государством, при реализации своего права на самоопределение вместе с другими представителями своего народа [14, с. 63–67].

По мнению О.И. Тиунова, индивидуальные права и свободы человека и коллективные права народов имеют общую характерную черту, они являются неотъемлемыми от их носителя. Первые неотъемлемы от личности индивида, вторые от народа как такового. Между коллективными правами народов и правами человека нет какого-либо барьера. Коллективными правами пользуется весь народ и лица, относящиеся к данному народу. Коллективные права народов укрепляют права и свободы отдельной личности. Если же коллективные права нарушаются, то это приводит и к нарушению прав и свобод человека [11, с. 235].

В. Стингер считает, что коллективные права это права, которыми в силу их коллективной принадлежности к какому-либо сообществу обладают индивидуумы. Потому как члены такого под-сообщества пользуются такими правами коллективно, то можно сказать, что это права сообщества. Более того, это значит, что существуют права, которые могут быть исключительно коллективными, например, право объединяться, чтобы совместно конституировать сообщества [10, с.94].

Достаточную интересную конструкцию коллективных прав представил канадский ученый У. Кимлика. Он полагает, что данная группа прав существует в отношениях между некой этнической общностью и всем обществом и государством. Они призваны

ограничивать или предотвращать несправедливое для меньшинства экономическое и политическое доминирование группы большинства. Так, этническое меньшинство может требовать право вето в решениях непосредственно его касающихся, гарантированного представительства в законодательных и совещательных органах, чтобы артикулировать и отстаивать там свои интересы. Другая форма «внешней поддержки» гарантированная помощь государства этническим школам, культурным центрам, печатным органам, то есть тем институтам, которые не могут существовать за свой счет. Разновидностью «внешней поддержки» являются земельные претензии коренных народов, то есть передача определенных земельных участков в исключительное пользование этих народов [14, с. 69–70].

Бесспорно, на наш взгляд, мнение С. Маркуса Эльмаса о том, что «признание комплекса коллективных прав какой-либо общности не влечет за собой автоматически благополучия всех элементов, составляющих эту общность. Между индивидуальными и коллективными правами действует механизм взаимообогащения, между ними и не может быть антагонизма» [16, с.131].

В.Я. Бойцов предлагает трехчленную классификацию субъектов права, выделив следующие группы: социальные индивиды, социальные образования (организации) и социальные общности (народ, нации, трудовые коллективы и территориальные объединения людей) [1, с.79–93].

Аналогичным по данному вопросу является мнение Н.С. Бондаря, который, помимо индивидуальных прав человека и коллективных прав, которыми обладают коллективные субъекты (группы, общины), выделяет также права наций и народов. К последним он относит право каждой нации на самоопределение, на выбор форм своей этнической жизни, которое является юридической предпосылкой политико-правового статуса нации (народности), в силу которого она самостоятельно и свободно осуществляет свое социальное, экономическое и культурное развитие. При этом он считает, что вряд ли есть основания искать в триаде «индивидуальные права человека – коллективные права группы – права нации приоритет тех или иных прав» [3, с.22–23].

Как известно, традицию выделять три поколения прав человека заложил чешский ученый Карел Васак, который увязывал три поколения прав человека с тремя лозунгами Французской революции: свободой, равенством и братством [17, с.837- 839].

Первое поколение прав человека содержится в Международном пакте о гражданских и политических правах от 16.12.1966 года, а второе – в Международном пакте об экономических, соци-

альных и культурных правах от 16.12.1966 года, и, наконец, третье содержится в различных международных договорах универсального и регионального характера. К третьему поколению относятся такие права, как право на развитие, право на мир, право на здоровую (благоприятную) окружающую среду и, в том числе, право народов на самоопределение, а также иные права, которые только лишь начинают получать международно-правовое признание. К. Васаки назвал их правами солидарности. Таким образом, наряду с общей генерационной концепцией начала развиваться более частная солидарная концепция прав человека [14, с.5–11].

С.В. Поленина по поводу появления третьего поколения прав человека пишет: «вопрос о возможности закрепления стандартов правового статуса тех или иных социальных групп населения в качестве норм международного права, вычлененных по присущим им общим признакам (возрастным, социальным, половым, национальным и т.д.), долгие годы не только отрицался. Сама его постановка трактовалась как акция пропагандистская. Но, постепенно жизнь ломала догму об исключительном индивидуальном характере прав индивида. Зарождалось третье поколение прав человека, охватывающее права таких категорий граждан, которые по политическим, физиологическим, социальным и иным причинам не имеют равных наряду с другими гражданами возможностей для осуществления общих для всех людей прав и свобод, и в силу этого нуждаются в определенной поддержке, как со стороны государства, так и со стороны мирового сообщества в целом» [9, с.72–73].

Как подчеркивает Я.А. Бороздина, суть «третьего поколения» прав человека заключается в идее, что во многих случаях удается лучше всего защитить права индивидуума, защищая права соответствующего слоя населения, к числу которых он принадлежит [2, с.10].

Н.И. Новикова считает, что «некоторые права индивида могут быть защищены только через коллектив» [8, с.54].

По мнению Е.Р. Зайцевой, в действующем национальном законодательстве понятие «коллективных прав и свобод» почти не употребляется, так как для права термин «коллективный» слишком общий и не определяет с достаточной точностью, кто же наделен теми или иными правами [4, с.150].

Французский конституционалист Франсуа Люшер отмечал: «...принцип свободного определения народов не может служить оправдательным аргументом, потому как до тех пор, пока коллектив остается составной частью французского народа, он не может «самоопределиваться» независимо от мнения всего французского народа». Далее он пишет: «Отсюда становится ясным, насколько

взрывоопасный характер обретает использование слова «народ», которое порой с легкой руки присваивается какому-либо французскому региону или провинции (корсиканский народ, бретонский народ, и т.д.)» [7, с.171].

Р.А. Тузмухамедов отмечает «преюдициальный характер права на самоопределение как коллективного права перед индивидуальными правами и свободами человека» [12, с.110].

Как справедливо подчеркнул В.Р. Филлипов, «даже интерпретация нации как персонального союза с фиксированным в кадастрах членством не дает оснований полагать, что все индивиды, входящие в этот союз, обладают единными устремлениями и волей вне зависимости от своей социально-статусной, конфессиональной, возрастной и прочей принадлежности; что все они имеют единообразное суждение по поводу перспектив сохранения и развития своей этнокультурной самобытности» [15, с.65].

Можно было бы назвать право народов на самоопределение коллективным правом, так как народ, являясь субъектом права народа на самоопределение, в той или иной мере, представляет собой все же «коллектив». Но наиболее верным подходом, на наш взгляд, является отнесение права народов на самоопределение к правам народов как отдельной категории прав. Выделение такой категории прав, как «права народов», наряду с индивидуальными и коллективными правами, продиктовано объективной закономерностью. Реалии современного мира вынуждают обособлять права народов и ставить их в один ряд с индивидуальными и коллективными правами. Более того, склонение к отнесению права народов на самоопределение к отдельной категории, именуемой «права народов», объясняется как раз особенностью и неоднозначностью субъекта данного права, так как для отнесения какого-либо права к категории коллективных прав, достаточно всего лишь наличия такого элемента, как «определенная группа людей».

1. Бойцов, В.Я. О круге субъектов советского государственного права / В.Я. Бойцов // сб. науч. трудов. Вып. 1. – Уфа, 1970. – С. 79–93.

2. Бороздина, Я.А. Классификация прав и свобод человека / Я.А. Бороздина // Международное право и права человека. – 2007. – № 6 (39). – С. 10–13.

3. Бондарь, Н.С. Конституционное право как средство разрешения межнациональных конфликтов / Н.С.Бондарь // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт международных стран. – М., 2000. – С. 21-25.

4. Зайцева, Е.Р. Коллективные формы реализации и защиты основных прав и свобод гражданина / Е.Р. Зайцева: дис. ...канд. юрид. наук. – М., 1993. – 170 с.
5. Кимлинка, У. Этнический нейтралитет государства не только не нереален, но и нежелателен / У. Кимлинка // Государственная служба за рубежом. Национальные отношения в полиэтнических государствах. Рефератный бюллетень 2001. – № 1 (37). – С. 69–70.
6. Лукашева, Е. А. Права человека: учебник для вузов / Е.А. Лукашева. – М.: Изд-во Норма, 2001. – 316 с.
7. Люшер, Ф. Конституционная защита прав и свобод личности / Ф. Люшер. – М., 1993. – 384 с.
8. Новикова, Н.И. Права человека и права коренных народов Севера России: гармония или антагонизм? / Н.И. Новикова // Человек и право. Книга о летней школе по юридической антропологии. – М., 1999. – С. 54–64.
9. Поленина, С.В. Мультикультуризм и права человека в условиях глобализации/С.В. Поленина // Государство и право. – 2005. – № 5. – С. 66–77.
10. Стингер, В. Демократические решения проблемы этнического многообразия / В.Стингер // Вопросы философии. – 1994.– № 6.
11. Тиунов, О.И. Международное гуманитарное право: учебник / О.И.Тиунов. – М.: Норма, 1999. – 584 с.
12. Тузмухамедов, Р.А. «Третье поколение прав человека и права народов» / Р.А. Тузмухамедов // Советское государство и право. – 1986.– №11.– С. 109–113.
13. Умнова, И.А. Современные концепции прав человека в международно-правовом и конституционном измерениях / И.А. Умнова // Омбудсмен. – 2012. – № 2. – С. 5–11.
14. Федосенко, В.А. Коллективные права: понятие, сущность, правовая природа, содержание и перспективы развития / В.А. Федосенко // Юрист. – 2002.– №10. – С.63-67.
15. Филипов, В.Р. Национально-культурная автономия: классическая концепция и ее современная интерпретация / В.Р. Филипов // Национально-культурная автономия: проблемы и суждения. – М.: Центр «Этносфера». – 1998. – С. 63–84.
16. Эльмас, С.М. Права человека в национальной и международной перспективах / С.М. Эльмас // Права человека в истории человечества и в современном мире. – М., 1989.
17. Vasak, K. Pour unetroisieme generation des droits de l'homme/ К. Vasak // Studies and essays on International humanitarian law and Red Cross principles / Ed. by C. Swinarski. – Hague. – 1984. – P. 837–839.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

М.Ф. Балиева

магистрант 2-го года обучения, Российско-Таджикский
Славянский Университет

Таджикистан, г. Душанбе

*В статье исследуется ответственность за нарушение права
землепользования в Республике Таджикистан*

Ключевые слова и словосочетания: *юридическая ответст-
венность за земельные правонарушения, земельное законодатель-
ство Республики Таджикистан.*

LIABILITY OF INFRINGEMENT OF LAND USE RULES IN REPUBLIC OF TAJIKISTAN

M.F. Balieva

Undergraduate of 2nd yeat, Russian-Tajik (Slavic)
University

Tajikistan, Dushanbe

*A liability of infringement of land use rules in Republic of
Tajikistan is examined within this article.*

Keywords and phrases: *liability of land law rules infrigement,
land law of Republic of Tajikistan,*

Институт юридической ответственности за нарушение прав землепользования является одним из важнейших элементов механизма государственного регулирования земельных отношений в целом. Земельные отношения в Республике Таджикистан регулируются Конституцией Республики Таджикистан, Земельным Кодексом [1] и иными законодательными актами [4].

Земля в Республике Таджикистан является исключительной собственностью государства, оно гарантирует эффективное её использование в интересах народа.

Землепользователями в Республике Таджикистан являются физические и юридические лица. Физические и юридические лица

могут быть первичными или вторичными землепользователями.

Первичными землепользователями являются физические и юридические лица, пользующиеся земельными участками в бессрочном, срочном или пожизненном наследуемом пользовании. Вторичными землепользователями являются физические и юридические лица, пользующиеся земельными участками на условиях договора аренды.

Основания и порядок возникновения, изменения прекращения права землепользования, права и обязанности землепользователей, в том числе по отчуждению права землепользования определяются Земельным кодексом Республики Таджикистан. Истребование земель, ранее принадлежавших предкам, не допускается.

В Таджикистане действует уникальная система законодательного регулирования земельных отношений, построенная на основе государственной собственности на землю с частным использованием и владением земельными участками, дополненными элементами их распоряжения. Права пользования и наследуемого владения дополнены распорядительными правами: субаренды (вторичного пользования), передачи права пользования на участок при переходе права собственности на недвижимость (здание, помещение, сооружение), залога землепользования для получения ипотечного кредита и правом осуществлять застройку участка.

Правовая охрана земель, как один из видов ее охраны, представляет собой совокупность юридических норм, направленных на обеспечение рационального использования земли, сохранение и улучшение ее естественных свойств. Это достигается путем установления запретов и дозволений, поощрения за примерные действия субъектов и наказание правонарушителей.

Под нарушением правил землепользования понимаются такие правонарушения, которые непосредственно наносят либо потенциально могут нанести вред земле как экологическому объекту, т.е. земля является непосредственным объектом данных правонарушений.

К нарушению правил землепользования относятся следующие содержащиеся в КоАП РТ составы правонарушений: [3].

Статья 141. Нарушение права государственной собственности на землю

Статья 142. Бесхозяйственное использование земель

Статья 143. Нецелевое использование земель

Статья 144. Нарушение требований режима использования земель для расчетов.

Статья 145. Проектирование, размещение, строительство и ввод в эксплуатацию

Статья 146. Невыплата налога на землю

Статья 147. Загрязнение земель

Статья 148. Использование земли без документа, подтверждающего право на

Статья 149. Нарушение порядка передачи земли для использования

Статья 150. Соккрытие сведений о наличии специального земельного фонда

Статья 151. Самовольный обмен земельных участков

Статья 152. Нарушение установленного порядка перевода земель из одной группы в

Статья 153. Принятие незаконного решения о выделении и использовании

Статья 154. Искажение сведений о земельном кадастре

Статья 155. Непредоставление или предоставление ложных сведений о состоянии и

Статья 156. Неиспользование земельных участков без уважительных причин.

Статья 157. Нарушение сроков сдачи некультивированных земель и земель, вновь

Статья 158. Нарушение сроков возврата временно занимаемой земли или

Статья 159. Уничтожение или повреждение межевых и других установленных

Статья 160. Воспрепятствование оформлению документов на выделение и

Статья 161. Воспрепятствование проведению инвентаризации земельного участка

Статья 162. Уклонение от исполнения предписания

Статья 163. Уклонение от регистрации земельного участка

Статья 164. Невыплата компенсаций за ущерб, причиненный землепользователям, и потери сельскохозяйственной продукции.

Одним из основных методов правовой охраны земель является юридическая ответственность за нарушение земельного законодательства.

Юридическая ответственность представляет собой систему принудительных мер, применяемых к физическим или юридическим лицам в случае их неправомерного поведения как субъектов права на землю.

Принудительные меры могут иметь характер предупреждения и пресечения неправомерного поведения субъектов или наказания

их за совершение таких действий. Лица, совершающие неправомерные действия, считаются правонарушителями, а сами неправомерные действия – правонарушениями. Применяемые к правонарушителям меры называются правовыми санкциями. Содержание правонарушений, как действий, противоречащих требованиям правовой нормы, а также содержание санкции, как меры государственного воздействия на правонарушителя, должны быть зафиксированы в законе.

Земельное правонарушение, как любое другое, характеризуется четырьмя элементами; объектом, субъектом, объективной стороной и субъективной стороной правонарушения [8, с.172].

Ответственность за правонарушение может наступать только при наличии всех четырех элементов, отсутствие хотя бы одного из них исключает ответственность.

Объектом земельного правонарушения является земельный строй, установленный земельным законодательством. В качестве конкретного объекта выступает земля, конкретный земельный участок, земельные распоряжки, права собственников, владельцев, пользователей, арендаторов земли,

Объективная сторона земельного правонарушения – это конкретные деяния нарушителя, посягающего на земельные интересы участников земельных отношений (например, уничтожение межевых знаков, самовольный захват участка и т.д.) [5, с.36].

Субъекты земельного правонарушения – это конкретные физические или юридические лица – правообладатели земли, которые нарушили нормы земельного законодательства [5, с.37]. Субъектами такой ответственности выступают также должностные лица или руководящие работники предприятий, организаций, учреждений, которые также являются правообладателями земли, и "сторонние" физические и юридические лица,

Субъективную сторону земельного правонарушения составляет психическое отношение субъекта к совершаемому деянию, т.е. как нарушитель относится к совершаемому деянию: совершает егоумышленно или по неосторожности, халатности,

При привлечении виновных к юридической ответственности за земельные правонарушения необходимо соблюдать установленные в законодательстве основания и условия ответственности.

Основание ответственности – наличие закона, правовой нормы, которыми предусмотрен тот или иной вид преступления. Условия ответственности также установлены законодательством. Эти условия делают возможным привлечение субъекта к ответственности, а отсутствие хотя бы одного из них делает таковое невозможным. Такими условиями являются: против-

правное поведение субъекта; наличие вреда; наличие прямой причинной связи между вредом и деянием; вина нарушителя [6, с.114].

Субъект правонарушения несет ответственность лишь в том случае, если его поведение, деяние (действие или бездействие) являются противоправными, т.е. если он нарушает нормативное предписание. Если деяние не является таковым, то субъект не может быть привлечен к ответственности. Ведь в жизни иногда случается, что субъект совершает то или иное деяние, которое можно считать правонарушением, однако оно не предусмотрено прямо законом, а без закона не может быть и ответственности.

Вред, причиняемый земельным правонарушением, может быть имущественным, либо моральным. Имущественный ущерб возникает при нарушении законных имущественных интересов собственника, владельца, пользователя или арендатора (например, загрязнение земли, снижение урожайности в течение нескольких лет). Моральный вред не причиняет имущественного ущерба, но наносит вред нравственного или физического характера (например, трудовой дисциплине, установленному порядку, коллективу, личности).

Причинная связь между правонарушением и вредом подтверждает, что вред возник именно по этой причине, а не по какой-либо другой. Иногда прямая причинная связь причинения вреда может отсутствовать, но имеется угроза причинения вреда (если это прямо не предусмотрено законом), тогда виновный также может привлекаться к ответственности. Но если это совсем не связано с действиями конкретного лица, то такое лицо вообще не может привлекаться к ответственности (например, при стихийном бедствии).

Вина правонарушителя – обязательное условие привлечения его к ответственности. Без вины нет ответственности. Вина может быть умышленной или неосторожной, неумышленной, халатной. В зависимости от этого устанавливаются разные меры наказания или взыскания. Указанные требования, основания и условия являются обязательными для всех форм собственности.

С точки зрения продвижения рыночных реформ и создания благоприятного климата для дальнейшего развития частного сектора экономики земельное и землеустроительное законодательство имеет ряд недостатков.

Корень всех проблем лежит даже не в том, что в Республике Таджикистан отсутствует частная собственность на землю, а в том, что законодательно земля выведена из категории недвижимой собственности и рыночного оборота. Законодатель определил, что

земля находится в собственности (в данном случае исключительной, государства, ст. 2 Земельного кодекса), но собственник не должен пускать ее в рыночный оборот как недвижимость. Подтверждением тому служит ст. 142 ГК РФ [2], которая не относит землю к недвижимым вещам. Основные распорядительные функции остаются у государства, и делается это с целью "создания условий для рационального использования и охраны земель, воспроизводства плодородия почв, сохранения и улучшения природной среды, для равноправного развития всех форм хозяйствования" (преамбула ЗК РФ).

Все остальные слабости с точки зрения развития рынка законодательной системы вытекают из представленной выше юридической трактовки земли как объекта собственности.

Количество нарушений правил землепользования возрастает в связи со сложившимися противоречиями в понятиях экономической и экологической рациональности. Экономически эффективная деятельность землепользователя не всегда является эффективной с экологической точки зрения и зачастую противоречит экологическим принципам.

Безусловно, формирование эффективной государственной земельной политики – сложный, многогранный и, в то же время, целостный процесс, требующий всестороннего, глубокого изучения мирового и исторического опыта регулирования земельных отношений и выработки на этой основе экономически обоснованных, рациональных моделей, методов и форм управления земельными отношениями, интегрированных в общую систему мер по стабилизации национальной экономики. Без решения этой задачи вывести управление земельными ресурсами на качественно новый уровень, необходимый для поступательного развития земельной реформы, не представляется возможным.

Всё вышеизложенное свидетельствует о том, что назрела острая необходимость разработки новых подходов к определению роли государства в земельных отношениях и, в частности, к институту административной ответственности как меры принуждения, устанавливаемой государством за нарушение правил использования земель.

Несмотря на общетеоретические исследования многих учёных, проблема административной ответственности за правонарушения в области отношений землепользования, в условиях нарастающей антропогенной нагрузки, проводимых реформ в земельном и административном законодательстве становится в настоящее время всё более актуальной и будет оставаться такой ещё длительное время.

Немало неразрешённых вопросов возникает из-за несовершенства многих норм об административной ответственности, несоответствия положений различных отраслей права, в связи с чем создаются условия для нарушения правил землепользования. Это требует теоретического осмысления административной ответственности за нарушение правил землепользования и её роли в механизме государственного регулирования земельных отношений.

1. Земельный кодекс Республики Таджикистан от 13 декабря 1996 года (действующая редакция) // Ведомости Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1996. – №23. – Ст. 351.

2. Гражданский кодекс Республики Таджикистан (Часть первая) (действующая редакция) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1999. – №6. – Ст. 153.

3. Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях от 31 декабря 2008 года №455 (с изм. и доп. по состоянию на 26.07.2014) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414710 (дата обращения 28.04.2015).

4. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 575 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1989. – №9. – Ст.68.

5. Панкратов, И.Ф. Ответственность за нарушение земельного законодательства / И.Ф. Панкратов // Законодательство и экономика. – 1997. № 5/6. – С. 30–43.

6. Иконицкая, И.А Основы земельного права Российской Федерации: учеб. пособие. – М.: Юрист, 1997. – 120 с.

7. Земля и право: пособие для российских землевладельцев / под. ред. С.А. Боголюбова. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. – 348 с.

8. Комментарий к Гражданскому Кодексу РФ. Ч. 1 / под. ред. О.Н. Садикова. – М.:НОРМА-ИНФРА, 1997.

9. Земельное право России: учебник для юридических вузов / под.ред. проф. В.В. Петрова. – М.: Зерцало, 1997.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Ю.Н. Белошапко

доцент кафедры публичного права, кандидат
юридических наук, доцент

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

Современная российская судебная система невозможна без правового регулирования её финансов и формирования надёжной финансовой системы. Данная проблема сохраняет актуальность с момента Судебной реформы 1864 г. Надлежащее финансирование судов – одна из важнейших гарантий независимого осуществления правосудия.

Ключевые слова и словосочетания: суд, прокуратура, судебная система, финансы, финансовая система, финансирование, бюджетное право, налоговое право, страховое право.

LEGAL REGULATION OF THE FINANCE OF CONTEMPORARY RUSSIAN JUDICIAL SYSTEM

Y.N. Beloshapko

Candidate of legal sciences, Associate professor of Public
law department

*Institute of Law, Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia*

The contemporary Russian judicial system is impossible without legal regulation of its finance and is impossible without formation of a reliable financial system. The problem keeps urgency from the moment of Judicial reform of 1864. Appropriate financing of courts is one of the major guarantees of independent realization of justice.

Keywords: court, public prosecutor's office, judicial system, finance, financial system, financing, budgetary law, tax law, insurance law.

Современная российская судебная система невозможна без правового регулирования её финансов и формирования надёжной финансовой системы. Данная проблема сохраняет актуальность с момента Судебной реформы 1864 г. Надлежащее финансирование судов – одна из важнейших гарантий независимого осуществления правосудия. Мы будем придерживаться собственных подходов к раскрытию заявленной темы.

Судебная система РФ – совокупность и взаимосвязь всех судебных органов России. *Главой 7 Конституции РФ* [1] к судебной системе подключена *прокуратура* (суд и прокуратура указаны в «едином пакете»). Поскольку прокуратура отсутствует в системе и структуре органов представительной и исполнительной власти, можно сделать только один логический вывод: прокуратура – судебный орган.

В Российской Федерации действуют федеральные суды и суды субъектов РФ [2]. *К федеральным судам относятся*: Конституционный Суд Российской Федерации; Верховный Суд Российской Федерации (в его систему входят – верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции; арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов РФ и специализированные арбитражные суды, составляющие систему федеральных арбитражных судов). *В суды субъектов РФ включаются*: конституционные (уставные) суды субъектов РФ; мировые судьи (являются судьями общей юрисдикции субъектов РФ).

Все вышеперечисленные судебные органы нуждаются в финансировании.

Финансы судебной системы (на наш взгляд) – совокупность публичных общественных отношений, возникающих в процессе формирования, распределения, использования денежных фондов как источников финансового обеспечения судов и прокуратуры. *Финансовую систему судов и прокуратуры* составляют, думается, только три финансово-правовых института – бюджетное право, налоговое право, страховое право.

1. БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. *Конституцией РФ в категоричной форме установлено, что финансирование судов производится только из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральными законами [1, ст. 124].*

Финансирование Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных судов и мировых судей осуществляется на основе утвержденных федеральным законом нормативов и указывается отдельными строками в федеральном бюджете. Финансовое обеспечение деятельности Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ осуществляется аппаратами этих судов. Обеспечение деятельности других судов осуществляется Судебным департаментом при Верховном Суде РФ. Финансирование федеральных судов, мировых судей, органов судейского сообщества, органов и учреждений Судебного департамента осуществляется Судебным департаментом в пределах бюджетных ассигнований федерального бюджета. Расходы на исполнение судебных решений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок предусматриваются в федеральном бюджете, бюджетах субъектов РФ, местных бюджетах [2; 3].

Правительство РФ при разработке проекта федерального бюджета в части финансирования судов обязано взаимодействовать с председателями высших судов – Конституционного, Верховного; с руководителем Судебного департамента; Советом судей. При наличии разногласий Правительство РФ должно приложить к проекту федерального бюджета предложения перечисленных судебных органов вместе с правительственным заключением по указанным предложениям. Представители перечисленных судебных органов вправе участвовать в обсуждении федерального бюджета в Федеральном Собрании РФ. Размер бюджетных средств, выделенных на финансирование судов в текущем финансовом году или подлежащих выделению на очередной финансовый год, может быть уменьшен лишь с согласия Всероссийского съезда судей или Совета судей России [2; 3].

К отдельным судебным органам бюджетное право применяется с особенностями:

Конституционный Суд РФ (КС РФ) – является главным федеральным судом России в силу уникальных полномочий, поскольку вправе признать не соответствующим Конституции РФ нормативные правовые акты Федерального Собрания, Президента и Правительства и т.д., а также не вступившие в силу международные договоры РФ [1, ст. 125; 4]. Не имеет территориальных подразделений, составляющих единую централизованную систему. Финансируется отдельной строкой из федерального бюджета. При этом выделенными бюджетными средствами распоряжается самостоятельно. Смета расходов КС РФ не может быть уменьшена по срав-

нению с предыдущим финансовым годом. Имущество КС РФ – федеральная собственность, переданная суду в оперативное управление.

Верховный Суд РФ – самостоятельный элемент судебной системы, которому подчиняются как суды общей юрисдикции, так и арбитражные суды. Финансируется из федерального бюджета [5].

Финансовое обеспечение деятельности судов общей юрисдикции осуществляется за счёт федерального бюджета на основании базового законодательства [6]. Финансирование и обеспечение военных судов и *Военной коллегии* осуществляется за счёт средств федерального бюджета. Порядок финансирования и обеспечения деятельности военных судов в военное время и при введении чрезвычайного положения определяется соответствующими федеральными конституционными законами. Администратор военного суда осуществляет свои полномочия под контролем председателя соответствующего суда и под руководством соответствующего подразделения Судебного департамента. Администратор, в частности, разрабатывает проект сметы расходов военного суда, утверждает его у председателя военного суда и только после этого проект сметы представляется в Судебный департамент. Здания, сооружения и движимое имущество являются федеральной собственностью и используются военными судами только в целях осуществления правосудия или организационного обеспечения своей деятельности. Военные суды освобождаются от уплаты арендных и иных платежей за пользование землей, отведённой для размещения зданий и сооружений, которые находятся во владении военных судов, коммунальных и иных платежей за эксплуатацию данных зданий и сооружений [7].

Присяжные заседатели судов общей юрисдикции. За время исполнения присяжным заседателем обязанностей по осуществлению правосудия соответствующий суд выплачивает ему за счёт средств федерального бюджета компенсационное вознаграждение в размере одной второй части должностного оклада судьи этого суда пропорционально числу дней участия присяжного заседателя в осуществлении правосудия, но не менее среднего заработка присяжного заседателя по месту его основной работы за такой период [8].

Финансовое обеспечение *арбитражных судов* производится за счёт средств федерального бюджета. При этом размер расходов на содержание арбитражных судов округов, специализированных арбитражных судов, арбитражных апелляционных судов и арбитражных судов субъектов РФ устанавливается Верховным Судом РФ с учётом мнения Судебного департамента при Верховном Суде

РФ. Арбитражные суды хотя и входят в систему Верховного Суда РФ, но к судам общей юрисдикции не относятся [9].

Новеллой является впервые реализованное именно в арбитражной системе конституционное положение о возможности создания специализированных судов. Суд по интеллектуальным правам стал специализированным арбитражным судом, рассматривающим в пределах своей компетенции дела по спорам, связанным с защитой интеллектуальных прав, в качестве суда первой и кассационной инстанций. Соответствующие дела рассматриваются данным Судом независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возник спор, организации, индивидуальные предприниматели или граждане. Должностные оклады председателя, заместителей председателя, председателей судебных составов и судей Суда по интеллектуальным правам устанавливаются в размере должностных окладов соответственно председателя, заместителей председателя, председателей судебных составов и судей федерального арбитражного суда округа [10].

Конституционные (уставные) суды субъектов РФ – относятся к судам субъектов РФ. В нарушение ст. 124 Конституции РФ, ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» в п. 2 ст. 27 установил, что указанные суды финансируются за счёт регионального бюджета. Однако глава 7 Конституции РФ не предусматривает создание судов, финансируемых не из федерального бюджета.

Конституция РФ прямо не предусматривает обжалование в Конституционный Суд РФ правовых норм, содержащихся в федеральных конституционных законах. Поэтому до 2007 г. считалось, что только Федеральное Собрание РФ вправе привести ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» в соответствие со ст. 124 Конституции РФ. Однако в своём постановлении от 21.03.2007 г. Конституционный Суд РФ указал, что Конституция РФ, имеющая высшую юридическую силу и, следовательно, верховенство по отношению к федеральным конституционным и федеральным законам, не допускает существование нормативных правовых актов, соответствие которых Конституции РФ не подлежит судебной проверке в порядке предусмотренных ею видов судопроизводства. Принимаемые на основе и во исполнение Конституции РФ федеральные конституционные законы по своей юридической природе не могут служить инструментом для изменения её положений, т.е. должны соответствовать Конституции РФ и подлежат проверке в порядке конституционного судопроизводства в соответствии со статьей 125 Конституции РФ [11].

Следовательно, появилась возможность с помощью конституционного судопроизводства привести ФКЗ «О судебной системе

РФ» в соответствие со ст. 124 Конституции РФ. Однако никто данной возможностью не воспользовался. Таким образом, ст. 124 Конституции РФ нарушается сознательно. Как мы полагаем, проблему можно решить, если посредством внесения изменений в соответствующее законодательство сделать конституционные (уставные) суды структурными территориальными подразделениями Конституционного Суда РФ.

Финансирование мировых судей [12] (мировых судов, к сожалению, не существует) осуществляется за счёт федерального бюджета. Проблема в том, что материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей (мы убеждены, что это – элемент финансового обеспечения) осуществляют органы исполнительной власти соответствующего субъекта РФ в порядке, установленном законом данного субъекта РФ. Это прямо нарушает ст. 124 Конституции РФ. Целесообразно, думается (посредством внесения изменений в действующее законодательство), не только создать мировые суды, но и отнести их к категории федеральных. В этом случае не только финансирование, но и материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей будет осуществляться исключительно из федерального бюджета, и они не будут зависеть от региональных чиновников.

До недавнего времени самостоятельным элементом российской судебной системы являлось Дисциплинарное судебное присутствие – особый судебный орган, рассматривавший жалобы по поводу досрочного прекращения полномочий судей. Формировался он из представителей Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ. Организационное, финансовое и материально-техническое обеспечение его деятельности осуществлялись Судебным департаментом при Верховном Суде РФ в пределах бюджетных ассигнований. В ходе судебной реформы 2014 г. дисциплинарное судебное присутствие было оперативно исключено из судебной системы РФ, а его функции перешли к Верховному Суду РФ [13].

Прокуратура Российской Федерации [14] – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории РФ. Прокуратура РФ выполняет и иные функции, установленные федеральными законами. Систему прокуратуры РФ составляют Генеральная прокуратура РФ, прокуратуры субъектов РФ, приравненные к ним *военные и другие специализированные прокуратуры*, научные и образовательные организации, редакции печатных изданий, являющиеся юридическими лицами, а также прокуратуры городов и

районов, другие территориальные, военные и иные специализированные прокуратуры. Все они имеют в оперативном управлении объекты социально-бытового и хозяйственного назначения. По общему правилу, прокуратура РФ финансируется из федерального бюджета, однако в отношении военной прокуратуры имеются нюансы. До 01.01.2017 г. финансовое обеспечение деятельности органов военной прокуратуры осуществляется соответственно Министерством обороны РФ, иными федеральными органами исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, в соответствии с бюджетным законодательством РФ [14, п. 1 ст. 50]. С 01.01.2017 г. данная норма утрачивает силу. Однако остаётся другая норма [14, п. 2 ст. 50], согласно которой материально-техническое обеспечение органов военной прокуратуры, выделение им служебных помещений, транспорта, средств связи и других видов обеспечения и довольствия (а всё это, по нашему убеждению – элементы финансового обеспечения) осуществляются соответственно Министерством обороны РФ, иными федеральными органами исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, по установленным нормам. Таким образом, финансовая зависимость военной прокуратуры от чиновников МО РФ остаётся, а, следовательно, остаётся и коррупциогенный фактор. Мы полагаем, что вся прокуратура (т.е. и военная) должна финансироваться во всех смыслах этого слова из федерального бюджета.

II. НАЛОГОВОЕ ПРАВО – применяется к суду, прокуратуре, а также к их работникам как специфическим субъектам налоговых отношений. Суд и прокуратура как организации освобождаются от налогообложения (исключение из данного правила может быть предусмотрено только Налоговым кодексом РФ). Судьи и работники прокуратуры профессиональных налоговых льгот *не* имеют, т.е. не освобождаются от налоговой обязанности. При этом они ежегодно обязаны предоставлять в налоговые органы применительно к себе, а также своим супругам и несовершеннолетним детям сведения о доходах, об имуществе, принадлежащем им на праве собственности, и обязательствах имущественного характера [15, п. 3 ст. 3]. Кроме того, суды на основании НК РФ и процессуальных кодексов являются *сборщиками* государственной пошлины, которую обязаны платить заинтересованные лица при обращении в суды. Т.е. суды (и судьи) – не только получатели бюджетных средств: они ещё и пополняют бюджеты.

III. СТРАХОВОЕ ПРАВО – применяется при осуществлении обязательного страхования жизни и здоровья работников суда и прокуратуры. Регулируется специальными законами [14; 15]. Страховщиками являются финансово устойчивые юридические

лица, которым возмещение страховых вознаграждений идет из федерального бюджета. Нормы об обязательном государственном страховании *не* применяются, если будет установлено, что причинение вреда *не* связано со служебной деятельностью (данное правило, думается, содержит коррупциогенный фактор, поскольку относит решение о страховой выплате на усмотрение страховщика, тогда как выплата должна быть безусловной; судьи и работники прокуратуры должны быть защищены не только на служебном, но и на бытовом уровне).

Отдельно хотелось бы остановиться на запретах и ограничениях в судебной системе, также во многом носящих финансовый характер.

Судья не вправе [15, п. 3 ст. 3]:

– заниматься *предпринимательской* деятельностью лично или через доверенных лиц, в том числе принимать участие в управлении хозяйствующим субъектом независимо от его организационно-правовой формы;

– использовать в целях, не связанных с осуществлением полномочий судьи, средства материально-технического, *финансового* и информационного обеспечения, предназначенные для служебной деятельности;

– получать в связи с осуществлением полномочий судьи, не предусмотренные законодательством РФ *вознаграждения* (ссуды, денежное и иное вознаграждение, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов) от физических и юридических лиц. Подарки, полученные судьёй в связи с протокольными мероприятиями, со служебными командировками и с другими официальными мероприятиями, признаются федеральной собственностью или собственностью субъекта РФ и передаются судьёй по акту в суд, в котором он занимает должность судьи, за исключением случаев, предусмотренных законодательством РФ. Судья, сдавший подарок, полученный им в связи с протокольным мероприятием, со служебной командировкой и с другим официальным мероприятием, может его выкупить в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации;

– выезжать в служебные командировки за пределы территории РФ *за счёт* средств физических и юридических лиц, за исключением служебных командировок, осуществляемых в соответствии с законодательством РФ, международными договорами РФ или договорённостями на взаимной основе Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Совета судей РФ, конституционного (уставного) суда субъекта РФ с соответствующими судами иностранных государств, международными и иностранными организациями;

– открывать и иметь счёта (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами (это же касается супруга и несовершеннолетних детей судьи).

Преподавательская, научная и иная творческая деятельность судьи не может финансироваться исключительно за счёт средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено законодательством РФ, международными договорами РФ или договорённостями на взаимной основе Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, конституционного (уставного) суда субъекта РФ с соответствующими судами иностранных государств, международными и иностранными организациями.

Аналогичные вышеизложенным требования предъявляются и к работникам прокуратуры [14].

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что финансовая система судов должна быть только федеральной, а поэтому нуждается в дальнейшем совершенствовании. Любое финансирование – исключительно из федерального бюджета. Бюджетные средства во всех без исключения случаях должны перечисляться напрямую (т.е. без посредников в лице Судебного департамента, Министерства обороны и др.) на открытые в Банке России счета каждого конкретного суда и прокуратуры (Интернет и современные технологии позволяют это сделать), – руководители которых и должны быть главными распорядителями выделенных им бюджетных средств, т.е. нести за их целевое расходование персональную ответственность. Система финансового контроля позволяет (при условии надлежащего выполнения контролирующими лицами своих обязанностей) исключить финансовые и должностные правонарушения.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. – 1996. – № 3, ст. 152.

2. О судебной системе Российской Федерации: федер. конституционный закон Рос. Федерации от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 1997. – № 1, ст. 1.

3. О финансировании судов Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 10 февраля 1999 г. № 30-ФЗ // СЗ РФ. – 1999. – № 7, ст. 877.

4. О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституционный закон Рос. Федерации от 21 июля 1994 № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 13, ст. 1447.

5. О Верховном Суде Российской Федерации: федер. конституционный закон Рос. Федерации от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ // СЗ РФ. – 2014. – № 6, ст. 550.

6. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: федер. конституционный закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 2011. – № 7, ст. 898.

7. О военных судах Российской Федерации: федер. конституционный закон Рос. Федерации от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 1999. – № 26, ст. 3170.

8. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ // СЗ РФ. – 2004. – № 34, ст. 3528

9. Об арбитражных судах в Российской Федерации: федер. конституционный закон Рос. Федерации от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 1995. – № 18, ст. 1589.

10. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам: федеральный конституционный закон Рос. Федерации от 6 декабря 2011 г. № 4-ФКЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/>. (дата обращения: 24.04.2015)

11. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» в связи с жалобой граждан В.И. Лакеева, В.Г. Соловьева и В.Д. Уласа: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 21 марта 2007 г. № 3-П // Российская газета. – 2007. – 30 марта.

12. О мировых судьях в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. – 1998. – № 51, ст. 6270.

13. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон Рос. Федерации от 5 февраля 2014 г. № 4-ФКЗ // Российская газета. – 2014. – 7 февраля.

14. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 // СЗ РФ. – 1995. – № 47, ст. 4472.

15. О статусе судей в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 30, ст. 179; СЗ РФ. – 2001. – № 51, ст. 4834.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

С.А. Бенда

магистрант 1 курса, кафедры конституционного права
России и зарубежных стран «ВГУ»

*Воронежский государственный университет
Россия, г. Воронеж*

Статья посвящена становлению и развитию общественного контроля в Российской Федерации. Автор выделяет этапы общественного контроля в республиканской истории России после принятия Конституции РФ 1993 г., анализирует существующее правовое регулирование, делает вывод о многообразии нормативных правовых актов об общественном контроле.

Ключевые слова и словосочетания: общественный контроль, субъекты общественного контроля, осуществление общественно-го контроля, общественный контроль в сфере труда.

PUBLIC CONTROL IN RUSSIA: FORMATION AND DEVELOPMENT

S.A. Benda

Undergraduate of the 1st year, Department of Russian and
foreign constitutional law

*Voronezh State University
Voronezh, Russia*

The article is devoted to the formation and development of public control in the Russian Federation. The author distinguishes the stages of public control in Republican history of Russia after the adoption of the Constitution of the Russian Federation 1993, and analyzes the existing legal regulation, then concludes that there is diversity of legal acts on public control.

Keywords: public control, the subjects of public control, realization of public control, public control in the sphere of labor.

Общественный контроль является важным элементом жизнедеятельности всякого подлинно «культурного государства», «по-

литика которого состоит из максимально обдуманных действий и которое использует все имеющиеся ресурсы на благо общества» [3; С. 48]. В правовой литературе много внимания уделяется принципам, способам осуществления, субъектам общественного контроля [4].

1. Истоки общественного контроля: история и современность

В советской России прообразом общественного контроля выступал народный контроль (см.: Закон СССР от 30.11.1979 г. «О народном контроле в СССР»). Согласно этому закону, народный контроль сочетал госконтроль с общественным контролем трудящихся. Однако органы такого контроля, составляющие определённую вертикаль, являлись государственными органами. Этот закон утратил силу в 1991 г.

После прекращения Советского Союза как геополитической реальности в России были приняты нормативно-правовые акты, регулирующие общественный контроль: ФЗ от 04.04.2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации», ФЗ от 10.06.2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» и ряд других, большинство из которых действует и в настоящее время. Так, нормы об общественном контроле содержатся в: Земельном кодексе РФ (ст. 72.1. «Общественный земельный контроль»), Жилищном кодексе РФ (ч. 8 ст. 20 об общественном жилищном контроле) и др.

Однако в законодательстве России отсутствовало чёткое определение общественного контроля, не были сформулированы его цели, задачи, методы, не определены субъекты. В литературе отмечалось, что: «отсутствие единого закона об общественном контроле не позволяет говорить о нём как об эффективном способе выявления нарушений законодательства публичными субъектами» [1].

В 2014 г. был принят ФЗ от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», который устанавливает правовые основы организации и осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также государственных и муниципальных организаций и иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия.

Общественный контроль определён как «деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов

местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений».

Определены субъекты общественного контроля: 1) Общественная палата Российской Федерации; 2) общественные палаты субъектов Российской Федерации; 3) общественные палаты (советы) муниципальных образований; 4) общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

Для осуществления общественного контроля в случаях и порядке, которые предусмотрены законодательством России, могут создаваться: общественные наблюдательные комиссии, общественные инспекции, группы общественного контроля, иные организационные структуры общественного контроля.

Граждане имеют возможность участвовать в осуществлении общественного контроля в качестве общественных контролёров, общественных инспекторов и общественных экспертов, которые будут привлекаться субъектами общественного контроля. Негосударственные некоммерческие организации также вправе участвовать в осуществлении общественного контроля и быть организаторами таких его форм, как общественный мониторинг, общественное обсуждение.

2. Общественный контроль в сфере труда. В настоящее время правовое регулирование общественного контроля в сфере труда находится в зачаточном состоянии. В ФЗ от 17.07.1999 г. №181-ФЗ «Об основах охраны труда в Российской Федерации», утратившем силу в 2006 г., была ст. 22 об общественном контроле за охраной труда. Действующий в настоящее время Трудовой кодекс не содержит норм, регламентирующих общественный контроль. Несмотря на то, что действует общественный совет при Минтруде РФ, информация о его деятельности крайне ограничена, что не позволяет сделать заключение об эффективности данного совета.

Вывод. Во-первых, правовое регулирование общественного контроля в современной республиканской истории России прошло два периода: до принятия Федерального закона 2014 г. «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» и после его принятия, когда были конкретизированы порядок, субъекты и иные вопросы его осуществления.

Во-вторых, помимо ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» действуют и иные нормативные право-

вые акты, которые закрепляют реализацию общественного контроля в определённых сферах (выборы, земельные отношения, ЖКХ) и в отношении отдельных субъектов (лица, находящиеся в местах принудительного содержания, несовершеннолетние).

1. Аникеева, А.О. Институт общественного контроля в современном российском законодательстве: проблемы и перспективы развития [Электронный ресурс] / А.О. Аникеева // Сайт Уполномоченного по правам человека в Калужской обл. – Режим доступа: <http://www.ombudsman.kaluga.ru/library/?content=item&item=514> (дата обращения: 22.04.2015).

2. Кулешова, Н.Н. О современном состоянии общественного контроля в России / Н.Н. Кулешова // Юридическая наука. – 2011. – № 2. – С. 21 – 24.

3. Сазонникова, Е.В. «Культурное государство» и взаимосвязанные с ним понятия / Е.В. Сазонникова // Вестник Воронежского государственного университета. – Сер. Право. – 2011. – № 2. – С. 47–52.

4. Филимонов, А. Общественный контроль: перспективы законодательного закрепления [Электронный ресурс] / А. Филимонов // СПС «Гарант»: Новости и аналитика. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/article/544004/> (дата обращения: 22.04.2015).

УДК 349.232

РЫЧАГИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ОПЛАТУ ТРУДА В УКРАИНЕ

В.Н. Божко

д-р юрид. наук, доцент,
кафедра уголовного, административного и трудового
права

*Полтавский юридический институт
Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого
Украина, г. Полтава*

Для современного государства с рыночной экономикой характерна не только либерализация экономических процессов, но и контроль над деятельностью субъектов хозяйствования. В сфере оплаты труда государство предоставляет значительные рычаги

влияния работникам и работодателям. Правосубъектностью в указанных отношениях обладают и органы местного самоуправления. Однако в Украине они еще не достаточно эффективно используют свои полномочия, хотя налог на доходы физических лиц является основным источником наполнения местных бюджетов.

Ключевые слова и словосочетания: оплата труда, заработная плата, органы местного самоуправления, труд, работник, работодатель, территориальное соглашение.

LEVERAGE LOCAL GOVERNMENT PAYROLL IN UKRAINE

Bozhko Volodymyr Mukolayovuch,
Doctor of Law, Associate professor,
Assistant professor of Criminal, Administrative and Labor
Law in Poltava

*Law Institute of Yaroslav Mudryi National Law University, Ukraine,
Poltava*

For a modern state with a market economy is characterized by not only the liberalization of economic processes, but also monitors the activities of economic entities. In the area of wages the state provides significant leverage for employees and employers. Legal personality in this respect possess and local governments. However, in Ukraine it is not enough to effectively use their powers, although the tax on personal income is a major source of filling local budgets.

Keywords: salaries, wages, local governments, labor, employee, employer, territorial agreement.

Труд человека – единственный источник материальных и духовных ценностей. Человечество издавна ищет самый эффективный способ мотивации его к труду. Лишь с течением времени стало понятно, что человек способен превратить свою жизнедеятельность в средство собственного существования только тогда, когда результаты его труда будут пригодными обеспечить ему и членам его семьи достойный уровень жизни.

В процессе труда совмещают свои усилия коллектив работников и работодатель. Поэтому его результаты распределяются между ними благодаря процессу «оплата труда», а размер заработной платы конкретного работника зависит не только от результатов его труда, но и от того, кто и на каких принципах организует этот процесс, чьи интересы в нем воплощены.

При феодальной, буржуазной, капиталистической общественно-экономических формациях государство преимущественно не вмешивалось в процесс оплаты труда – его формировали субъекты трудовых правоотношений. При социалистической формации – в соответствии с принципом «От каждого по его способности, каждому – по его труду» оно самостоятельно нормировало оплату труда, воплощая в ней собственные и публичные интересы. В то же время значительная часть добавленной стоимости распределялась через разнообразные общественные фонды. Поэтому источником удовлетворения потребностей работника были не только его заработная плата, но и средства этих фондов, которые, вопреки провозглашенному принципу, обеспечивали всем возможность бесплатно получать образовательные, медицинские, санаторно-курортные, культурные и иные социальные услуги.

В условиях рыночной экономики работник вынужден сам их оплачивать. Это предопределяет необходимость не только изменения парадигмы отношений между человеком и государством, но и реформирования механизма правового регулирования оплаты труда. Статус субъектов отношений оплаты труда приобретают не только коллективные субъекты трудового права, но и органы местного самоуправления.

Таким образом, становление рыночной экономики в демократическом, социальном и правовом государстве, желания приблизиться к европейским ценностям, стремление способствовать реализации права отечественных работников на достойную жизнь – все это побуждает к переосмыслению тех теоретических основ, на которых должно основываться правовое регулирование оплаты труда органами местного самоуправления.

В соответствии со статьей 140 Конституции Украины и статьей 2 Закона Украины «О местном самоуправлении в Украине», местное самоуправление – это гарантированное государством право и реальная способность территориальной общины – жителей села или добровольного объединения в сельскую общину жителей нескольких сел, поселка, города – самостоятельно или под ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления решать вопросы местного значения в пределах Конституции и законов Украины.

Согласно части второй статьи 19 Основного Закона Украины, органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны действовать лишь на основе, в пределах полномочий и способами, предусмотренными Конституцией и законами Украины.

Следовательно, органы местного самоуправления могут влиять на оплату труда исключительно в пределах полномочий, определенных в Конституции и законах Украины. Предусматривают ли указанные нормативно-правовые акты какие-либо рычаги их влияния на оплату труда? Попробуем найти ответ на поставленный вопрос.

В соответствии со статьей 5 Закона Украины «Об оплате труда» от 24 марта 1995 года №108/95-ВР, субъектами организации оплаты труда являются: органы государственной власти и местного самоуправления; работодатели, организации работодателей, объединения организаций работодателей или их представительские органы; профессиональные союзы, объединения профессиональных союзов или их представительские органы; работники.

Организация оплаты труда осуществляется на основании: законодательных и других нормативных актов; генерального соглашения на национальном уровне; отраслевых (межотраслевых), территориальных соглашений; коллективных договоров; трудовых договоров.

Согласно статье 15 указанного Закона формы и системы оплаты труда, нормы труда, расценки, тарифные сетки, схемы должностных окладов, условия внедрения и размеры надбавок, доплат, премий, вознаграждений и иных поощрительных, компенсационных и гарантийных выплат устанавливаются предприятиями в коллективном договоре с соблюдением норм и гарантий, предусмотренных законодательством, генеральной, отраслевыми (межотраслевыми) и территориальными соглашениями.

В соответствии со статьей 1 Закона Украины «О социальном диалоге в Украине» от 23 декабря 2010 года № 2862-VI, социальный диалог – это процесс определения и сближения позиций, достижения общих договоренностей и принятия согласованных решений сторонами социального диалога, которые представляют интересы работников, работодателей, органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по вопросам формирования и реализации государственной социальной и экономической политики, регулирования трудовых, социальных, экономических отношений.

Для ведения социального диалога на национальном и территориальном уровнях из равного числа представителей сторон социального диалога соответствующего уровня образуются Национальный трехсторонний социально-экономический совет и территориальные трехсторонние социально-экономические советы (ст. 9 указанного Закона). Трехсторонние социально-экономические советы осуществляют совещательные, консультативные и согласи-

тельные функции путем выработки предложений и рекомендаций с учетом интересов сторон социального диалога, в том числе и относительно оплаты труда, обеспечения достойных условий труда на предприятиях, в учреждениях и организациях, расположенных на территории соответствующей административно-территориальной единицы.

В соответствии с подпунктом 9 пункта «б» части первой статьи 34 Закона Украины «О местном самоуправлении в Украине» от 21 мая 1997 года № 280/97-ВР, к делегированным полномочиям исполнительных органов сельских, поселковых, городских советов принадлежит, в том числе, и участие в социальном диалоге, в ведении коллективных переговоров, заключении территориальных соглашений, осуществлении контроля за их выполнением, разрешении коллективных трудовых споров (конфликтов) на предприятиях, учреждениях и организациях, расположенных на соответствующей территории; уведомительная регистрация в установленном порядке коллективных договоров и территориальных соглашений соответствующего уровня.

Кроме того, согласно статье 40 указанного Закона, исполнительные органы сельских, поселковых, городских советов, кроме полномочий, предусмотренных данным Законом, могут осуществлять и другие, предоставленные им законом, полномочия.

Следовательно, в соответствии с действующим отечественным законодательством, единственным рычагом влияния органов местного самоуправления на оплату труда наемных работников предприятий, учреждений, организаций является территориальное соглашение, которое может заключаться на уровне любой административно-территориальной единицы Украины: Автономной Республики Крым, областей, районов, городов, районов в городах, поселков и сел. Условия соглашения должны учитываться при определении форм и систем оплаты труда, норм труда, расценок, тарифных сеток, схем должностных окладов, условий внедрения, размера надбавок, доплат, премий, вознаграждений и других поощрительных, компенсационных и гарантийных выплат (статья 15 Закона Украины «Об оплате труда»).

Однако осуществленный нами анализ правоприменительной практики свидетельствует, что на уровне поселка, села или города в Украине территориальные соглашения никогда не заключались. Вместо этого, начиная из 1994 года, они заключаются исключительно на уровне областей. Так, например, в Полтавской области до сих пор действует Региональное соглашение, заключенное между Полтавской областной государственной администрацией, объ-

единениями работодателей и Полтавским облпрофсоветом на 2010–2012 годы.

В соответствии с разделом IV «В сфере оплаты труда» указанного соглашения, стороны договорились:

4.1. Совместными усилиями осуществлять необходимые меры относительно соблюдения действующего законодательства о труде, норм Генерального, отраслевых соглашений и этого Соглашения.

4.2. Продлить работу по возобновлению тарифной системы как основы формирования межквалификационных (междолжностных) соотношений в оплате труда работников разных квалификационных групп.

4.3. Принять реальные меры для ликвидации задолженности по заработной плате, возникшей на предприятиях и в организациях области, в частности, на тех, которые находятся в процессе банкротства и на экономически неактивных предприятиях.

4.4. Способствовать обеспечению соблюдения действующего законодательства относительно первоочередности выплаты заработной платы работникам всех отраслей и форм собственности, в том числе в случае банкротства предприятия.

4.5. Рекомендовать предприятиям и организациям вносить в коллективные договоры нормы, касающиеся:

- порядка и условий формирования фондов оплаты труда;
- поэтапного увеличения части основной заработной платы в общем размере начисленной заработной платы до 65–75 %.

- постепенного увеличения удельного веса расходов на оплату труда в структуре расходов на производство продукции (предоставление услуг, выполнения работ) с доведением его уровня не менее чем до 30–40 %;

- установление тарифной ставки рабочего 1 разряда по отношению к размеру минимальной заработной платы, установленной законом, не меньше чем предусмотрено в Генеральном, отраслевом соглашениях (кроме учреждений, организаций отдельных отраслей бюджетной сферы).

4.6. Ежеквартально осуществлять обмен информацией между Сторонами регионального Соглашения:

- о количестве переданных в суд материалов относительно привлечения к ответственности руководителей за несоблюдение гарантий оплаты труда, а также о результатах их рассмотрения;

- о результатах проверок по вопросам соблюдения законодательства об оплате труда на предприятиях области, а также о количестве предписаний Территориальной государственной инспекции труда в Полтавской области относительно нарушений законода-

тельства о труде и мероприятий влияния на руководителей, не выполнивших требований предписаний.

4.7. Затрагивать вопрос перед собственниками и органами, которые осуществляют управления имуществом предприятий, учреждений и организаций, относительно расторжения трудовых договоров (контрактов) с их руководителями при ухудшении экономического положения предприятий, систематическом нарушении законодательства о труде, невыполнении обязательств коллективных договоров и соглашений по вине руководителей предприятий.

Обязательство областной государственной администрации:

4.8. Обеспечить своевременность оплаты труда работников бюджетных учреждений и организаций и других социальных выплат населению (стипендий, трансфертов населению и т. п.), в подведомственных учреждениях, содержащихся за счет областного бюджета, согласно действующему законодательству и не допускать задолженности по текущим выплатам.

4.9. Способствовать росту реальной заработной платы пропорционально темпу роста внутреннего валового продукта в регионе.

4.10. При заключении контрактов и назначении на должности руководителей предприятий, которые относятся к сфере управления облгосадминистрации, учитывать мнение профсоюзных органов и объединений работодателей.

4.11. Осуществлять ежемесячный мониторинг состояния погашения задолженности по выплате заработной платы в разрезе отраслей и территорий, инициировать проведение общих с контролирующими органами и профсоюзами проверок предприятий-должников, которые не используют имеющиеся денежные средства на ликвидацию задолженности.

4.12. Принять меры для погашения задолженности по заработной плате работникам предприятий государственной формы собственности и акционерных обществ с государственной долей собственности (50 % плюс одна акция) к концу 2010 года.

4.13. Обеспечить выполнение статьи 57 Закона Украины «Об образовании» относительно предоставления педагогическим работникам ежегодного денежного вознаграждения в размере одного должностного оклада (ставки заработной платы) за добросовестный труд, образцовое выполнение служебных обязанностей.

4.14. При формировании бюджетов в учреждениях здравоохранения предусмотреть в сметах доходов и расходов затраты на материальную помощь работникам (в том числе на оздоровление) из расчета одного должностного оклада на год.

Проанализировав обязательства, предусмотренные в действующем Региональном соглашении, заключенном между Полтавской областной государственной администрацией, объединениями работодателей и Полтавским облпрофсоветом на 2010-2012 годы, пришли к выводу об отсутствии реальных норм, выполнение которых способствовало бы увеличению размера заработной платы наемных работников. Дублируя содержание отечественного законодательства, мероприятия, предусмотренные в разделе IV указанного Соглашения, не увеличивают уровень гарантий в сфере оплаты труда.

Следует также отметить, что органы местного самоуправления не привлекались к заключению действующего и всех предыдущих региональных соглашений. Почему же они сами не стремятся влиять на оплату труда наемных работников? Ведь в увеличении их заработной платы должны быть заинтересованы не только наемные работники, но и территориальные общины, органы местного самоуправления, т.к. в соответствии со статьями 64, 65 Бюджетного кодекса Украины, налог на доходы физических лиц является основным источником наполнения местных бюджетов.

УДК 349.6(476)

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО – ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Н.С. Ищенко

кандидат юридических наук, доцент права, доцент

Гомельский государственный технический университет

имени П. О. Сухого

Республика Беларусь, г. Гомель

Для многих государств в мире (в том числе и для Беларуси) в условиях ухудшающегося экологического состояния окружающей среды жизненно необходимо формирование, развитие экологического (органического) сельского хозяйства как фактора обеспечения не только качества и безопасности продовольственных товаров, но и продовольственной безопасности государства. Автор полагает, что органическое сельское хозяйство — не только один из методов производства продуктов питания, но и альтернатива

сегодняшнему интенсивному земледелию, которое в ближайшей перспективе просто не сможет существовать. Подведены некоторые итоги развития сектора органического сельского хозяйства в Беларуси и в других странах.

Ключевые слова и словосочетания: интенсивное земледелие, окружающая среда, экологическое/органическое сельское хозяйство, Беларусь, продовольственная безопасность.

ECOLOGICAL AGRICULTURE – FACTOR SECURITY FOOD SECURITY

N.S. Ishchenko

Candidate of legal sciences, associate professor

*Gomel` State Technical University named after P.O. Sukhoy
Republic of Belarus, Gomel`*

For many countries in the world (including for Belarus) in the deteriorating ecological condition of the environment is vital for the formation, development, ecological (organic) agriculture as a factor of ensuring not only the quality and safety of food products but also food security. The author believes that organic agriculture is not only one of the methods of food production, but the alternative to today's intensive agriculture, which in the short term will not be able to exist. She summarizes the development of the sector of organic agriculture in Belarus and in other countries.

Keywords: intensive agriculture, environment, ecological/ organic agriculture, Belarus, food security.

Республика Беларусь занимает: в мире – 84-е место по территории и 92-е место по численности населения; среди стран СНГ – 6-е место по территории и 5-е место по численности населения. Территория составляет 207,6 тыс.км², которые включают: 42% – сельскохозяйственные земли, 39% – леса, 2% – воды, 17% – прочие земли. Население составило на 1.01.2015 г. 9 480,9 тыс. человек. Убыль населения с 2011 – 2014 года носит перманентный характер – постоянно снижаясь соответственно с 25,9; 10,6; 7,3; до 3,0 тыс. человек[1, с. 12].

Аграрный сектор сегодня – один из главных источников загрязнения природы: около трети суммарного загрязнения приходится на аграрный сектор экономики. Такая ситуация парадоксальна, так как данная отрасль потребляет в основном энергию Солнца в отличие от иных видов деятельности, связанных с произ-

водством материальных объектов, где необходима энергия ископаемого топлива. Все запасы ископаемого топлива на Земле (вся нефть, газ, уголь) по некоторым экспертным оценкам содержат в себе столько энергии, сколько поступает на нашу планету с солнечным излучением в течение только 30 дней.

Количество загрязняющих веществ (ЗВ), отходящих от стационарных источников с 2011–2014 год соответственно составило (тыс. т) 3 171 – 3 124 – 3 333 – 4 109, т.е. мы наблюдаем практически постоянное увеличение ЗВ. Уловлено и обезврежено ЗВ за этот же период, исходящих от стационарных источников (тыс. т) 2 800 – 2 691 – 2 887 – 3 646; в процентах к общему объему загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников 88,3 – 86,1 – 86,6 – 88,7%, т.е. не наблюдается существенного улучшения в данной сфере. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников, (тыс. т) 371 – 433 – 446 – 463. В расчете на одного жителя это составляет (кг) 39 – 46 – 47 – 49; на единицу территории(кг/км²) соответственно 1 786 – 2 087 – 2 149 – 2 229, т.е. наблюдается перманентное ухудшение ситуации [1, с. 32]. Структура выбросов ЗВ в атмосферный воздух от стационарных источников (в процентах к итогу) от технологических и других процессов и от сжигания топлива в 2011 и 2014 году соответственно 75,4/24,6 и 82,1/17,9[1, с. 32].

Загрязнение окружающей среды (ОС) – не единственная проблема сегодняшнего сельского хозяйства. Урожаи снижаются, ухудшается качество произведенной продукции, растет её себестоимость и это невзирая на всё возрастающие финансовые вложения.

Агропроизводство продолжает оставаться одной из самых трудоемких сфер деятельности и при этом имеющей наименьшую социальную защищенность работников и немалый отток работников из сферы сельского хозяйства. Так, с 2012 – 2014 год если все население составляло соответственно (тыс. чел.) 9 465,2 – 9 463,8 – 9 468,2 – 9 480,9, то соответственно сельское население (тыс. чел.) 2 290,2 – 2 242,9 – 2 193,4 – 2 155,9; в процентах составляло соответственно 24,19%, 23,7%, 23,1%, 22,7%.

Применение интенсивных методов хозяйствования влечет за собой деградацию земель, загрязнение почвы, воды и воздуха, снижение биоразнообразия, а также негативно влияет на климат. Ухудшаются жизненные условия, растут затраты на медицину и восстановление нарушенных экосистем.

Органическое сельское хозяйство – не только один из методов производства продуктов питания. Это альтернатива сегодняшнему интенсивному земледелию, которое в ближайшей перспективе,

считаем, просто не сможет существовать. Глобальная экосистема не сможет выдерживать возрастающую нагрузку. Экологическое сельское хозяйство более соответствует природным циклам, оно создает искусственные экосистемы, максимально аналогичные естественным. Менеджмент экосистем – основной принцип экологического подхода, и экосистема понимается в широком смысле. Она включает в себя и социальную сферу, и экономику.

Органическое сельское хозяйство – это практическая реализация принципа устойчивого развития в аграрной сфере, объединяющее и гармонизирующее развитие трех сфер общества – экологической, экономической и социальной.

Система органического земледелия (СОЗ) ориентирована на решение насущной проблемы – восстановление баланса результатов функционирования человека в области сельскохозяйственного производства с ОС, без ликвидации сложившихся тысячелетиями устойчивых форм природной среды.

Понимание того, что при потребительском подходе к ресурсам неизбежна катастрофа, привело в последние годы к созданию экономической экологии с разнообразными индексами и показателями устойчивости. В суммарный баланс приходится включать не только сиюминутную прибыль, но и множество показателей со знаком «минус», включая огромные затраты на борьбу с отклонениями основных характеристик не только природной среды, но и показателей человеческой популяции (преступность, болезни, смертность и т.д.).

Методы и агротехника современного земледелия являются именно такими формами человеческой деятельности, которые характеризуются пролонгированными и многофакторными негативными воздействиями на почву, атмосферу, воду и, в конечном счете, на пищевые продукты, а через них – на здоровье и даже жизнь человека. Ведь традиционная современная агротехника предполагает глубокую механическую обработку почвы, применение минеральных удобрений и ядохимикатов, что представляет угрозу не только для современников, но и для будущих поколений.

Причем, угрозой являются как низкая пищевая ценность сельхозпродукции, так и деградация ОС, окружающего ландшафта, включающая эрозию почв, исчезновение источников чистой воды и т. п. Так, например, установлено, что микробное дыхание почвы практически на порядок превышает промышленные выбросы углекислого газа (CO₂) как основного парникового газа. Выброс его в атмосферу из почвы в результате интенсивных агротехнологий представляется мощным фактором трансформации климата на планете. Из этого примера усматривается значимость землеполь-

зования, правильная организация которого даже более важна, чем снижение индустриальных выбросов парниковых газов (речь идет о Киотском протоколе, квотах и т.д.).

Одной из наиболее перспективных альтернатив современному интенсивному земледелию является СОЗ, базирующаяся на целевом применении естественных природных факторов. При этом на ОС оказываются щадящие воздействия, максимально учитывают взаимовлияние всех участников биоты и особенности местных условий. Так, например, в СОЗ используют процессы жизнедеятельности микро- и других организмов, обитающих в почве и безвредных для человека. Задача агротехника сводится лишь к поддержанию оптимальных условий жизнедеятельности для этих обитателей почвы.

Понятие СОЗ складывалось, принимая законченные, научно обоснованные формы, и входило в практику в основном с 90-х годов прошлого века, образуя фактически новое направление в агротехнологии.

В 1992 году главы большинства государств мира на саммите ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро приняли концепцию устойчивого развития в качестве новой модели развития мирового сообщества. Причем, устойчивое развитие в соответствии с принятыми международно-правовыми актами – это такое развитие, при котором удовлетворение потребностей современного человечества не ставит под угрозу благополучие последующих поколений и их способность удовлетворять собственные потребности. Основные идеи устойчивого развития и алгоритмы реализации данной концепции записаны в одном из итоговых документов, названном «Повестка на XXI век». Важным компонентом устойчивого развития является устойчивое сельское хозяйство. Президент Беларуси обозначил три приоритетных направления устойчивого развития белорусского государства (одной из них является сфера сельского хозяйства). Наиболее устойчивой моделью аграрной отрасли является экологическое (органическое) сельское хозяйство. Беларусь подписала и ратифицировала документы саммита в Рио-де-Жанейро, и, следовательно, взяла на себя международные обязательства по переходу к устойчивому развитию. В нашем государстве разработана Национальная стратегия устойчивого развития (НСУР) до 2020 года. В Национальной стратегии определена цель развития агропромышленного комплекса РБ – формирование «эффективного конкурентоспособного, устойчивого и экологически безопасного агропромышленного производства, которое соответствовало бы мировому уровню и обеспечивало бы продовольственную безопасность страны» [5].

Экологическое (органическое) сельское хозяйство в современном понимании имеет практически столетнюю историю. В 20-е годы XX столетия было положено начало поискам экологически чистых способов ведения сельскохозяйственного производства вследствие разрушения почв, снижения качества сельскохозяйственной продукции, ухудшения качества жизни людей. В итоге возникло так называемое биолого-динамическое земледелие, ставившее своей целью минимизацию применения минеральных удобрений и пестицидов, регуляторов роста растений, кормовых добавок, генно-модифицированных организмов.

Для увеличения урожайности культурных растений, обеспечения их элементами минерального питания, борьбы с вредителями и сорняками активно применяются севооборот, органические удобрения (навоз, компосты, пожнивные остатки, сидераты), различные методики обработки почвы. В органическом животноводстве не допускается использование гормонов и антибиотиков. Для их лечения применяются профилактические средства и гомеопатические препараты.

В 1940 г. применительно к сельскому хозяйству был впервые использован термин «органическое». Три десятилетия назад на прилавках европейских магазинов впервые появились «органические» овощи, фрукты, мясо, молоко, прочие продукты, популярность которых возрастала [6].

С начала 1990-х годов производством органических товаров (которое ранее было уделом мелких компаний и кооперативов) занялись крупные корпорации, в том числе и производители обычных продуктов. Спрос на органические продукты увеличил количество их покупателей не только на Европейском континенте, в Северной Америке и Японии, имеющих самые емкие рынки, но и в развивающихся государствах Восточной Европы. Рост их популярности коррелировал с рядом серьезных экологических кризисов, что вынуждало всех задуматься о будущем планеты. Развитие органического сельского хозяйства стало одним из способов сохранения окружающей среды.

Интенсивные методы хозяйствования увеличили экологическую нагрузку на биосферу. В большинстве государств, в том числе в СССР, с 1965 г. начала осуществляться программа интенсификации сельского хозяйства на основе мелиорации земель, механизации и химизации производства. В процессе интенсификации преобладала краткосрочная экономическая выгода в ущерб долгосрочному рациональному использованию природных ресурсов. Усилилось экологическое сопротивление почв несмотря на воз-

растающие затраты, заметно снизилась продуктивность сельхозо- годий.

Дерново-подзолистые почвы Беларуси характеризуются низ- ким естественным уровнем плодородия, невысоким содержанием органического вещества и элементов питания, кислой реакцией среды. Для повышения плодородия почвы в республике вносятся высокие дозы синтетических минеральных удобрений, средств химической защиты растений, используется энергонасыщенная мощная техника, применяются иные меры, направленные на полу- чение высоких урожаев сельскохозяйственных культур. При этом наблюдается отсутствие заботы о качестве выращиваемых куль- турных растений. В результате происходит накопление в почве остаточного количества пестицидов, тяжелых металлов, ухудша- ются физические и биологические свойства почвы, сворачиваются севообороты, получают все большее развитие эрозийные процес- сы, из почвы вымываются питательные вещества. Для производ- ства сельскохозяйственной продукции используется крайне мало органических удобрений. При их недостаточном внесении в почву количество переход на органическое земледелие практически не- возможно. Однако при насыщении продовольственного рынка традиционной продукцией сельского хозяйства и повышении ре- альных доходов населения правомерно ожидать изменения потре- бительских предпочтений в сторону увеличения спроса на эколо- гически чистое продовольствие [7].

В государствах с развитой экономикой производство эколо- гически чистой продукции оказалось востребованным потреби- тельским спросом. Мировыми лидерами по площади органиче- ских земель являются Австралия (11,8 млн. га), Аргентина (3,1 млн. га.) и Китай (2,3 млн. га). По удельному весу органических площадей лидируют страны Океании (39%), Евросоюза (23%) и Латинской Америки (19%). Что касается доли в годовом обороте экологически чистой продукции, то опережает всех США – стране принадлежит около половины объема этого оборота. В стоимост- ном выражении самая значительная продовольственная группа – экологически чистые овощи и фрукты, которые занимают чуть менее половины в объемах продаж, а вот доля мяса и рыбы – са- мая незначительная – около 1% [5].

В интересах людей развитие аграрного производства следо- вало бы гармонизировать законами природы. Необходимо внача- ле минимизировать интенсификацию, специализацию и химиза- цию, а в дальнейшем и полностью их исключить и перейти к соз- данию комфортных условий для производства и обеспечения рас- тений в севообороте необходимыми элементами питания. Нега-

тивные последствия химизации земледелия вызывают все большую настороженность у представителей науки и потребителей сельскохозяйственной продукции. Его сущность заключается в полном или частичном отказе от применения минеральных туков, пестицидов, регуляторов роста и кормовых добавок для животноводства. Оно позволяет производить экологически чистые продукты питания, переводить сельское хозяйство на органическую основу [2].

Для Беларуси в соответствии с экспертными оценками больше всего подходит органическое земледелие. При переходе от традиционного к эколого-биологическому земледелию на почвах невысокого естественного плодородия необходимо обеспечить пахотные земли в первую очередь достаточным количеством органического вещества, биологическим азотом и другими элементами, способствующими повышению продуктивности севооборота. В связи с недостатком навоза этого можно достичь лишь при широком применении промежуточных бобовых культур (сидератов).

Большой ущерб окружающей среде наносят водная и ветровая эрозия почвы, а также миграция (выщелачивание) легкоподвижных элементов питания в глубокие горизонты, недоступные возделываемым культурам. Потери от эрозии и вымывания азота, калия, кальция и магния происходят в основном в период, когда на почве нет растительности. В Беларуси после рано убираемых зерновых культур (ячменя, озимой ржи, пшеницы) остается 80 дней, благоприятных для вегетации повторных культур. Однако используются они крайне недостаточно. В пожнивный период в сельскохозяйственных предприятиях Беларуси ежегодно пустует более 1,5 млн. га земель. По расчетам специалистов лаборатории экологии ландшафтов БГУ, вследствие плоскостной эрозии и миграции на 1 млн. га ежегодно теряется около 70 тыс. т азота, 96 тыс. т калия, 150 тыс. т оксидов кальция и магния. Это ничем не оправданные потери. Если добавить к этому газообразные потери азота из вносимых минеральных и органических удобрений, которые на парующей почве значительно выше, чем под посевами, то количество невидимой утечки азота будет еще больше. Даже если исключить часть потерь (около 10%), которые возможны в период вегетации основных культур, масштабы вымывания элементов питания в анализируемые периоды года за пределы корнеобитаемого слоя еще более возрастут [2].

Таким образом, оставлять поля в пожнивный период после уборки зерновых культур в условиях, когда вегетационный период составляет не менее 60-80 дней, – значит допускать большие потери элементов питания, что не только подрывает экономику хо-

зайств, но и небезопасно для окружающей среды. Включение в севооборот максимального количества промежуточных культур создает условия и для сохранения питательных веществ, и для получения высокоурожайной и экологически чистой продукции, удлиняет период вегетации, во время которой почва остается покрытой растительностью и, главное, удерживает элементы питания в круговороте почва – растение, снижая тем самым существенные потери от их вымывания. Промежуточные культуры выполняют еще одну чрезвычайно важную экологическую работу – увеличивает урожай растительной массы, освобождает огромное количество кислорода, необходимого ОС. Эти преимущества биоорганического земледелия в сравнении с традиционным являются значительным резервом эффективности «зеленой» экономики, которую необходимо учитывать и развивать.

Современная аграрная стратегия Республики Беларусь предопределяет развитие в стране экологически безопасного сельскохозяйственного производства, обеспечивающего качество продукции, защиту прав потребителей, охрану ОС. Однако органическое земледелие еще не стало приоритетом государственной аграрной политики, и, к сожалению, идея производства экологически чистой сельскохозяйственной продукции и продовольствия пока не получила должной реализации. В нашей стране лишь отдельные фермеры применяют технологии, адекватные экологическому способу ведения производства. Вызвано это, прежде всего, недостаточным уровнем соответствующих знаний у ведущих специалистов отрасли и, как следствие, их неподготовленностью для практического внедрения в хозяйствах перспективных направлений; отсутствием системы маркетинговых исследований, агроконсультирования; не устраивающим фермеров уровнем закупочных цен. Фермеры, использующие в своей практике инновационные технологии органического сельского хозяйства, вправе рассчитывать на определенные преференции, на гарантированную государственную поддержку. Тем более ценным в атмосфере неопределенности представляется интерес к проблеме и энтузиазм фермеров. Так, Минской областной ассоциацией фермерских хозяйств создается рабочая группа по выращиванию продукции на основе органического земледелия с возможным открытием специальных каналов ее сбыта. Предполагается реализация экологически чистой продукции в самих фермерских хозяйствах в специализированных отделах магазинов, а также ее поставки в учреждения здравоохранения, образования и социального обеспечения [3].

В настоящее время в Беларуси происходит процесс популяризации органического сельского хозяйства. Стратегия его развития

разрабатывается Министерством сельского хозяйства и продовольствия в сотрудничестве с фермерами и дачниками. Для потенциальных потребителей экологической продукции организуются информационные кампании.

Исследование потребительских предпочтений показало готовность белорусского покупателя следовать тенденциям мирового рынка экологически чистого продовольствия. Так, 94% респондентов выразили желание покупать и потреблять экологически чистые продукты питания. Потребителей особо интересуют экологически чистые овощи (41%) и детское питание (69%); 72% потенциальных потребителей выразили готовность платить за органическое продовольствие на 30% дороже по сравнению с традиционным, 20% потребителей – на 50% дороже [5].

Автор провел социологическое исследование среди 143 студентов ГГТУ имени П.О. Сухого. На вопрос «Будете ли Вы покупать экологические продукты, учитывая, что стоимость товара будет, как минимум, на порядок выше?» 100% респондентов ответили положительно. Однако преобладающее большинство (78 %) отметило, что покупать данную продукцию будет лишь при условии их экономической доступности. Не случайны данные оговорки, т.к. ситуация складывается достаточно сложная. Базовый индекс потребительских цен, исключая изменения цен на отдельные товары и услуги, подверженные влиянию факторов административного и сезонного характера, в апреле по сравнению с мартом 2015 г. составил 100,7%, а если сравнивать с декабрём 2014 года, то 104,4%. Непродовольственные товары в апреле 2015 г. подорожали на 0,8% по сравнению с мартом 2015 г. и на 5,3% – с декабрём 2014 г. Цены на продовольствие выросли на 0,7 и 5,4% соответственно. Индекс цен и тарифов на платные услуги в апреле составил 101,6% по сравнению с мартом и 108,4%, если сравнивать с декабрём 2014 года. Индекс цен и тарифов на платные услуги в апреле 2015 г. составил 101,6% по сравнению с мартом 2015 г. и 108,4%, если сравнивать с декабрём 2014 года.

Кроме того в апреле 2015 г. белорусы продали на 269,9 млн. долларов больше, чем купили. В марте 2015 г. этот показатель составлял 243,8 млн. долларов. Валюту граждане сдают из-за снижения реальной зарплаты и роста числа работающих в условиях неполной занятости. Как отмечают эксперты, после валютного ажиотажа в конце 2014 года и отпуская курса рубля реальные доходы населения уменьшились. В январе – марте 2015 г. реальная зарплата снизилась на 3,1% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. С января по апрель 2015 г. жители республики продали 2,337 млрд долларов, а купили – 1,807 млрд. За четыре месяца

сальдо покупки-продажи валюты белорусскими субъектами хозяйствования оказалось отрицательным. Резиденты купили 5,852 млрд. долларов, а продали – 6,025 млрд. Ситуация с пенсионерами также сложна. Численность всех работающих пенсионеров в РБ (тыс. человек) за последние четыре года соответственно составила 548 – 587 – 605 – 635; в процентах к общей численности пенсионеров составит 22,0 – 23,4 – 23,8 – 24,8%. Количество работающих пенсионеров за рассматриваемый период увеличилась на 2,8 % и тем не менее превалирующий процент пенсионеров в силу неудовлетворительного здоровья, экономической невыгодности трудиться – не работает. Соотношение среднего размера назначенных пенсий к среднему размеру начисленной заработной платы – 32,7 – 39,8 – 37,7 – 38,8% [1, с. 23]. Следовательно, оптимальным вариантом и для экономики в целом (в т.ч. и для сельского хозяйства) и для пенсионеров разработать кардинально отличные нормативно-правовые акты, предусматривающие различные преференции для работающих пенсионеров. В частности, для привлечения пенсионеров в сферу народного хозяйства и использования их бесценного опыта (тем более, когда имеет место ситуация с невысокими заработными платами и вследствие этого нежелание молодежи идти на эти рабочие места, а пенсионеры обладают и возможностями и желанием трудиться с целью улучшения своего невысокого уровня жизни) выплачивать полностью заработанную ими пенсию плюс выплату полностью заработной платы за минусом налогов (на первых порах, как у всех работающих, а далее возможен алгоритм – повышение коэффициента, увеличение размера пенсии, уменьшение ставок налогов и т.д.).

Исходя из того, что органическое сельское хозяйство зарубежных стран демонстрирует свою социальную и экономическую состоятельность, а также с учетом желания и готовности белорусских фермеров производить, а потребителей – приобретать экологически чистое продовольствие можно сделать вывод о перспективности развития национального рынка экологически чистого продовольствия.

Концепцией национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь определено семь уровней продовольственного обеспечения населения [4]. В настоящее время приходится говорить о третьем уровне, который характеризуется среднесуточным потреблением 2800-3600 ккал на душу населения и удовлетворением потребности в стабильном, но несбалансированном по элементам питания пищевом рационе. Начиная с пятого уровня, рацион предусматривают потребление: 1) экологически чистых продуктов в среднем на душу населения (пятый уровень); 2) эколо-

гически чистых продуктов не только в среднем на душу населения, но и всеми его социальными группами (шестой уровень); 3) экологически чистых продуктов в структуре питания, позволяющей совершенствовать природу человека, продлевать его активную жизнедеятельность (седьмой уровень) [5].

Таким образом, парадигма развития производства экологически чистой продукции и соответствующего рынка обусловлена рядом факторов: во-первых, повышением качества жизни; во-вторых, стабилизацией нарушенного природного равновесия; в-третьих, реализацией экономических интересов фермеров и укреплением их статуса в обществе. Развивая собственное органическое производство, Беларусь может и должна воспользоваться опытом иных государств по получению экологически чистого продовольствия, разработке «экологических» стандартов. При этом важно учитывать в большей мере требования стран Европейского союза, поскольку именно на этом рынке белорусские производители экологически чистой продукции уже могут реализовать свои интересы. В связи с этим особую актуальность приобретает привлечение зарубежных инвестиций в агропродовольственный сектор нашей страны, поскольку в данном случае достигается гармония многосторонних интересов (индекс инвестиций в сельское хозяйство, охоту и лесное хозяйство в 2014 г. в сельское хозяйство относительно предыдущего года составляет лишь 64,7%). Все это говорит о том, что проблема активизации научной и практической деятельности в данной сфере нуждается в серьезном комплексном исследовании.

1. Беларусь в цифрах // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2015.

2. Довбан, К.И. Экологически ориентированное земледелие и перспективы его развития в Беларуси в контексте «зеленой» экономики / К.И. Довбан. Органическое сельское хозяйство Беларуси: перспективы развития: материалы I Междунар. научно-практ. конф. – Мн., 2012.

3. Концепция и перспективы развития биоорганического земледелия по производству здоровых экологически чистых продуктов питания в Республике Беларусь // Мин-восельск. хоз. и прод. – Мн., 2012.

4. Концепция национальной продовольственной безопасности / Ин-т аграрной экономики НАН Беларуси. – Мн., 2004.

5. Корбут, Л. О производстве органической продукции в фермерских хозяйствах Беларуси / Л. Корбут // Аграрная экономика. – 2009. – № 6.

6. Лециловский, П., Онипко, М. Органическое земледелие: история возникновения, основные принципы / П. Лециловский, М. Онипко // Аграрная экономика – 2009. – № 10.

7. Новак, А.М. Органическое сельское хозяйство: предпосылки и факторы развития в Республике Беларусь / А.М. Новак // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2015. – №3.

УДК 349.6(476)

ВНЕДРЕНИЕ СИСТЕМ КАЧЕСТВА И БЕЗОПАСНОСТИ ПРОДОВОДОВ И ОЦЕНКА ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Н.С. Ищенко

кандидат юридических наук, доцент права, доцент

О.В. Лапицкая

кандидат экономических наук, доцент

*Гомельский государственный технический университет имени
П.О. Сухого*

Н.П. Лапицкая

кандидат технических наук, доцент

*Белорусский торгово-экономический университет
потребительской кооперации
Республика Беларусь, г. Гомель*

Перед Беларусью сегодня стоит стратегическая задача – обеспечение качества и безопасности продовольственных товаров, т.к. от ее реализации зависит здоровье, порой, жизнь людей и даже выживаемость человечества как вида. По мнению авторов, качество и безопасность продовольственных товаров возможна лишь при ведении государством экологического сельского хозяйства. В статье анализируются негативные факторы, мешающие формированию и ведению органического сельского хозяйства, и предлагаются алгоритмы решения данных проблем.

Ключевые слова и словосочетания: *качество и безопасность продовольственных товаров, инновационные технологии, сертификация, стандартизация, Беларусь, экологическое/органическое сель-*

IMPLEMENTATION OF SYSTEMS OF QUALITY AND SAFETY OF FOODSTUFFS AND EVALUATION OF THEIR EFFECTIVENESS

N.S. Ishchenko

Candidate of legal sciences, associate professor

O.V. Lapitskaya

Candidate of technique sciences, associate professor

N.P. Lapitskaya

Candidate of technique sciences, associate professor

*Gomel` State Technical University named after P.O. Sukhoy
Republic of Belarus, Gomel`*

Belarus today is a strategic imperative to ensure the quality and safety of food products, because its implementation depends on the health, sometimes, people's lives and even survival of humanity as a species. According to the authors, the quality and safety of food products is only possible in the conduct of the state ecological agriculture. The article analyzes the negative factors that hinder the formation and maintenance of organic agriculture and the algorithms to solve these problems.

Key words and phrases: *quality and safety of food products, innovative technologies, certification, standardization, Belarus, ecological/organic agriculture, food security, humanlife and health*

Сегодня практически любое государство ставит важнейшую стратегическую задачу – обеспечение качества и безопасности продовольственных товаров, т.к. от ее реализации зависит здоровье, порой, жизнь людей и даже выживаемость человечества как вида. Безопасность – необходимое требование для поставщиков продовольствия практически во всех государствах.

С развитием прогресса, повышением образовательной и материальной составляющей населения растет потребительский спрос на качественные, безопасные продукты (так, удельный вес населения с уровнем среднедушевых располагаемых ресурсов ниже бюджета прожиточного минимума и в городских, и в сельских населенных пунктах в 2014 г. относительно 2011 г. уменьшился со-

ответственно в 1,6 и 1,5 раза. Однако в сельской местности таких лиц с уровнем среднедушевых располагаемых ресурсов ниже бюджета прожиточного минимума в 2,14 раза больше). Достижение необходимого уровня качества и относительной безопасности (относительной, т.к. абсолютная безопасность, считаем, сегодня практически недостижима) продукции – первостепенная задача, которую должен решать субъект хозяйствования, сохраняя занимаемый сегмент рынка либо осваивая новые сегменты [1, с. 20].

В процессе НТП и имеющей место глобализации в продовольственной сфере все больше просматривается тенденция поставки потребителю продукции в готовом виде. В экономически развитых государствах с широкой сетью инфраструктуры, развитой индустрией в области продовольствия и достаточно распространенными традициями питания в системах общепита, основную долю на продовольственном рынке занимает готовая продукция и продукция с добавленной стоимостью. Отмечаются также аналогичные процессы в иных государствах, хотя и не столь значительными темпами, в том числе и в Беларуси, и в России.

Пищевая промышленность Беларуси включает примерно 30 подотраслей и более 500 предприятий. В отрасли внедряются инновационные технологии либо отдельные процессы, обеспечивающие большую добавленную стоимость, а значит, и большую прибыль. Совершенствование технологий в пищевой промышленности влечет процессы, сущность которых заключается, во-первых, в сокращении производственного цикла благодаря снижению пассивных процессов (сушки, брожения, созревания и др.); во-вторых, в увеличении выхода готового продукта за счет повышения доли вносимой влаги; в-третьих, в замене либо уменьшении доли основного сырья (молока, мяса, сахара, муки, сока и др.) на более дешевые виды, в частности, соевые, химические, трансгенные и иные виды продукции; в-четвертых, в имитации свойств, характерных для традиционных продуктов, за счет применения различных пищевых добавок – наполнителей, эмульгаторов, красителей, ароматизаторов, разрыхлителей.

Погоня за прибылью и перманентное совершенствование технологий переработки продукции, привело к тому, что продовольственным товарам зачастую свойственно невысокое качество, а значит, имеет место и потенциальная возможность причинения вреда здоровью. В связи с этим весьма важен мониторинг за всей продовольственной цепочкой (от поля до потребителя), эффективный механизм контроля безопасности продовольствия, что, безусловно, позволит решить важнейшую проблему обеспечения физической и экономической доступности каждому человеку (незави-

симо от принадлежности к какой-либо категории населения) продовольствия должного, а в перспективе, – высокого качества.

С целью обеспечения конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, а также решения проблемы качества продукции, как на внешнем продовольственном рынке, так и на внутреннем рынке, проводится определенная работа в этом направлении. Научное обеспечение возложено на Научно-практический центр НАН Беларуси по продовольствию, где разработана и предложена для практического применения Система достижения качества пищевых продуктов. Система содержит функциональные блоки: стандартизацию, испытание, сенсорную оценку, сертификацию и мониторинг.

В республике Беларусь проделана немалая работа в рассматриваемой сфере – для разработки стандартов и технических условий создан Национальный технический комитет по стандартизации «Продовольственное сырье и продукты его переработки»; Республиканский контрольно-испытательный комплекс, где возможно проведение испытаний сырья и продуктов по показателям качества и безопасности; сформированы центральные дегустационные комиссии для органолептической оценки продукта; образован орган по сертификации, проводится перманентный мониторинг качества продуктов питания. Вместе с тем, понимая значение менеджмента качества, применяемых в производстве систем контроля качества продукции, постоянно муссируются вопросы относительно их эффективности, что, в свою очередь, предполагает оптимизацию методических приемов оценки их внедрения.

Для потребителя основными составляющими при приобретении продуктов являются даже не просто вопросы, касающиеся качества и цены, а оптимальное соотношение цены и качества, т.к. покупатель стремится получить максимум потребительского эффекта на единицу затрат, т.е. получить оптимальное соотношение уровня потребительских свойств и расходов на их покупку и применение. Для оценки степени удовлетворения потребностей могут быть использованы различные индексы удовлетворенности потребителей: по вкусу, запаху, калориям, цвету, содержанию натуральных компонентов.

Для субъекта хозяйствования необходимо производить продовольственную продукцию, востребованную на рынке, при высокой окупаемости затрат на ее производство и реализацию, обеспечиваемых соответствующей технологией, как средством достижения определенного качества.

В условиях выхода на международные рынки и высокой конкуренции, субъект хозяйствования, дабы войти и удержаться на

конкурентном рынке, должен провести все необходимые действия по соответствию производимой продукции международным стандартам. В республике достигнуты определенные успехи в применении международной практики технического регулирования. Так, активно используется система управления качеством и безопасностью продукции HACCP (Hazard Analysis and Critical Control Points – Анализ рисков и критические точки контроля) и «Система менеджмента безопасности пищевых продуктов» МС ИСО 22000:2005.

Качество продукции предприятий пищевой промышленности республики находится на достаточно высоком уровне, в связи с определенной гармонизацией национальных стандартов с требованиями европейских государств. Ряд субъектов хозяйствования уже столкнулись с необходимостью предоставления заказчикам гарантий стабильности качества не только отечественного, но и международного уровня, что, безусловно, является, как и в мировой практике, критерием экономической стабильности производства и конкурентоспособности продукции. Таковым считается создание системы менеджмента качества со стандартами ИСО серии 9000 и их сертификация. Субъекты хозяйствования, реализующие систему менеджмента качества по ИСО 9000, имеют экономические преимущества перед иными субъектами хозяйствования благодаря многим факторам – повышению эффективности производства, увеличению объема экспорта, сокращению затрат.

Беларусь имеет определенную методическую базу и организационные структуры, позволяющие проводить работы по сертификации систем менеджмента качества всех групп продукции: действует Национальная система подтверждения соответствия, включающая комплекс технических нормативных правовых актов, регламентирующих порядок проведения работ; разработаны правила и нормы по сертификации систем качества, а также сформирована сеть аккредитованных органов и испытательных лабораторий (центров) на право проведения сертификационных испытаний. На предприятиях, производящих пищевую продукцию, применяются системы управления качеством на основе принципов HACCP. Бесспорно, что при осуществлении любой деятельности, в т.ч. и в создании систем менеджмента качества по ИСО серии 9000, особая роль отводится управленческому персоналу и, в первую очередь, руководителю предприятия, способного оптимально используя производственный потенциал, определять политику в сфере качества и ее реализации, прописать компетенцию (права, обязанности и ответственность) всех лиц, входящих в структурные подразделения.

По оценкам зарубежных исследователей, успешное решение проблемы качества на 85 % зависит именно от руководства высшего звена. К сожалению, сегодня существует проблема кадрового обеспечения и в связи с этим необходима опережающая кадровая политика государства и бизнеса в рамках государственно-частного партнерства, способная сдвинуть с мертвой точки разрешение этой проблемы. Причем, радикальная перестройка в сфере подготовки и переподготовки, повышения квалификации кадров, как показывает наш опыт, может затянуться на долгие годы. Человеческий фактор в этой сфере, и это следует понимать, самый инертный и трудно трансформируемый. Считаем, что даже при наличии IT-технологий и интернет пространства быстро преодолеть проблему кадрового обеспечения (особенно на высоком уровне) не удастся. Первым шагом можно предложить разработку соответствующих образовательных стандартов, способных кардинально изменить ситуацию (в обучаемых образовательных курсах следовало бы отразить национальную и зарубежную систему управления, систему управления качества продукции с демонстрацией сравнительно-правового анализа рассматриваемых явлений, маркетинг-менеджмента и т.д.).

Важным фактором, катализатором названных процессов, может стать разработка и внедрение модели материального стимулирования управленческих кадров. В частности, в данную модель могут входить показатели итогов возглавляемой им организации – прибыль, рентабельность, снижение себестоимости продукции, величина задолженности по заработной плате и др. Заключаемый с лицом трудовой контракт, должен нацеливать на конечный результат и предусматривать, как ответственность за провалы в хозяйственной деятельности, так и поощрения за улучшения финансово-экономических показателей управляемого им предприятия. В республике уже начались подвижки в данном направлении. Так, Президент страны уже дал соответствующие справедливые указания о запрете назначения на управленческие посты тех управленцев, которые ранее «провалили» работу в какой-либо организации (причем, независимо от форм собственности. Представляется, что не следовало бы распространять действие данных норм права на частную собственность).

В сферах менеджмента качества и систем контроля качества продукции постоянно возникают вопросы и поиск их эффективности, что, в свою очередь, влечет совершенствование методических приемов оценки их внедрения. Основная задача управленца-руководителя предприятия состоит в целенаправленной деятельности по консолидации и координации всех подразделений (функ-

циональных и производственных), по обеспечению качества и безопасности выпускаемой продукции, удовлетворяющей требованиям и ожиданиям потребителей в большей степени, чем аналогичная продукция предприятий-конкурентов.

В республике в рамках создания технического нормирования пищевой отрасли разработана Комплексная программа стандартизации пищевой продукции. Гармонизированы с Директивами ЕС отечественные технические регламенты и связанные с ними государственные стандарты на пищевую и сельскохозяйственную продукцию. При всей очевидности значения применяемых в производстве систем контроля качества продукции и менеджмента качества с течением времени и дальнейшим развитием технологий постоянно возникает вопрос об их эффективности, что, в свою очередь, предполагает совершенствование методических приемов их оценки и внедрения международных, европейских стандартов, что позволит создать доказательную базу для подтверждения соблюдения требований технических регламентов. Разработаны и введены в действие государственные стандарты на различную продукцию (на детское питание, соки и соковую продукцию, мясные продукты, молочные продукты, методы ее испытаний, и др.), а также сформирована сеть аккредитованных органов и испытательных лабораторий (центров) на право проведения сертификационных испытаний.

Системы качества ИСО 9000, ИСО 14000, НАССР, внедренные на предприятиях концерна «Белгоспищепром», позволили увеличить спрос на производимую продукцию на национальном рынке и успешному продвижению ее на экспорт, прибыльности производства и росту дохода работников. Применение на предприятиях тех или иных систем качества связано с дополнительными материально-денежными затратами и определенными организационными усилиями, что, в свою очередь, предполагает необходимость проведения оценки правомерности.

Хотелось бы также акцентировать внимание на оптимизации национального и наднационального уровня регулирования и направления финансирования аграрного сектора (так, если в государствах ЕС отмечается перманентное увеличение бюджетов в этом секторе, то в государствах СНГ, Таможенного союза, единого экономического пространства предполагается его уменьшение, что, представляется, в корне неверным подходом). Неплохо было бы оптимизировать схемы принятия решений по вопросам регулирования аграрного сектора (в частности, гармонизировать со схемами принятия решений по вопросам регулирования аграрного сектора в ЕС и др.), т.к. от этого зависит не только уровень обеспечения

продовольственной безопасности (ПБ) государства, но и устойчивость развития государства и, в конечном итоге, национальная безопасность государства.

В настоящее время во многих государствах существуют союзы сельхозпроизводителей экологически чистой (а значит, качественной, безопасной) продукции, а также организации, занимающиеся вопросами регулирования экологического агропроизводства. Наиболее авторитетной является созданная в 1982 г. IFOAM (Международная федерация движений органического земледелия), членами которой являются более 100 государств. Первое время сельхозпроизводители органической сельхозпродукции работали на основе международного частного права, а с 1989 г. в рамках законодательства ЕС появились правовые нормы, регулирующие отношения экологического хозяйствования. В 1991 г. Советом Министров по аграрным вопросам Европейского союза было принято постановление «Об экологическом земледелии и соответствующем обозначении сельскохозяйственных продуктов и продовольствия» (с 1 января 1993 г. действует во всех странах ЕС). В постановлении изложены минимальные требования к этой продукции, оговорены алгоритмы контроля и поощрения. Контрольные организации обязаны не реже раза в год инспектировать производителей, переработчиков и импортеров экологически чистых продуктов. В зарубежных государствах были сформированы системы государственного регулирования получения экологически чистой продукции. Однако до сих пор отсутствуют единые стандарты в сфере производства органической сельскохозяйственной продукции и экологически чистого продовольствия. Известны типы, по которым можно классифицировать данные стандарты: международные, региональные, национальные и частные. Позитивным можно считать сближение стандартов, происходящее в условиях глобализации. Проблема маркировки также не имеет однозначного решения. В каждой стране существуют свои подходы к маркировке, содержанию информации на соответствующем знаке.

В Беларуси с 1 июня 2008 г. знаком «Натуральный продукт» (в виде зеленого круга) маркируется пищевая продукция, изготовленная из натурального продовольственного растительного или животного сырья без применения методов генной инженерии и искусственных пищевых добавок. На начало 2011 г. тридцати перерабатывающим предприятиям было выдано 78 сертификатов на хлеб, молоко, кефир, сливочное масло, сыр, творог, консервы для детского питания, рыбу [4].

В настоящее время обсуждается возможность производства в ЕАЭС продукции, которая была бы маркирована «Товар Таможен-

ного союза» или «Сделано в ЕАЭС». Такой товар будет соответствовать регламентам данного союза и беспрепятственно перемещаться по территории Таможенного союза. Предполагается, что такая маркировка даст право производителям из ЕАЭС активно конкурировать на рынке третьих стран с маркой «Сделано в ЕАЭС».

Вместе с тем складывается непростая, даже парадоксальная ситуация. С одной стороны, в Беларуси отсутствуют нормативно-правовые акты, регулирующие отношения в сфере производства продукции экологического сельского хозяйства, а также система государственной сертификации хозяйств, производящих экологически чистую продукцию; с другой – декларируется соответствие продовольствия стандартам экологически чистой продукции. Данное соответствие достижимо при соблюдении трех условий: 1) наличия экологически чистого сельскохозяйственного сырья, 2) экологически чистой переработки и 3) экологически чистой упаковки. Следовательно, действующая маркировка «натуральный продукт» фактически не свидетельствует об экологической чистоте продовольствия. Понятие «натуральное растительное или животное сырье» не позволяет судить о том, произведено ли оно (сырье) в соответствии с органическими технологиями.

Экологическое хозяйство – это такая форма ведения производства, при которой происходит сознательная (а не вызванная, например, дефицитом ресурсов) минимизация использования минеральных удобрений, пестицидов, гормонов, антибиотиков, различных синтетических добавок. Напротив, большое значение придается применению органических удобрений, биологических средств защиты растений и животных, внедрению в хозяйственную практику почвенно-экологических севооборотов. Однако сами по себе вышеназванные методы и приемы не могут выступать гарантом экологической чистоты продукции сельского хозяйства. Требуется соблюдение ряда условий, в числе которых: двух-трехлетний восстановительный период с исключением любого производства на земельном участке, по возможности замкнутый цикл производства, низкая плотность поголовья сельскохозяйственных животных и обязательный выпас скота [3].

В настоящее время белорусская пищевая промышленность переходит от этапа увеличения выпуска продукции для удовлетворения потребностей населения в продуктах питания **к этапу улучшения их качества** при все возрастающих требованиях к экологической чистоте сырья, технологических процессов и конечных продуктов потребления. А между тем собственное экологическое земледелие могло бы решить многие вопросы. Вместе с

тем проблема обеспечения питания безопасными и качественными продуктами имеет два аспекта – создание не только экологически безопасной для окружающей среды продукции и производств в сфере переработки, но и производство экологически чистой продукции в сфере сельского хозяйства. А для эффективного управления качеством продукции необходимо иметь объективную информацию о характеристиках качества на всех этапах ее жизненного цикла.

Перед Беларусью стоит задача создания гармонизированной с общепринятыми международными требованиями белорусской нормативной базы системы сертификации и маркировки в области экологического сельского хозяйства и в дальнейшем признание ее международными торговыми партнерами. Наряду с этим и на внутреннем рынке покупателям о продуктах «органик» пока известно немного, культура потребления в данном направлении еще не сформировалась. Разумеется, выращивание экологически безопасного продовольственного сырья и производство безопасных продуктов питания требуют дополнительных материальных затрат, потому рынок экологически чистой продукции изначально ориентирован на обеспеченного потребителя, но ориентировать производство экологически чистого продовольствия только на них – неправильно. В первую очередь это должно быть детское и лечебное питание. И государство должно играть в этом важную роль, обеспечивая поддержку производства такой продукции [2].

Многие государства финансово поддерживают органическое сельское хозяйство, т.к. это весьма важно для экономики сельского хозяйства, особенно в переходный период, когда гибнут урожаи вследствие того, что на полное восстановление биологической активности агроэкосистемы требуется определенное время. В Евросоюзе такая помощь носит перманентный характер (причем, она постоянно увеличивается).

Выводы. Исследования по разработке научных основ экологического земледелия на основе применения зеленого удобрения и экологобезопасного использования почвенных ресурсов показали, что применяемая учеными лабораториями технология перехода от традиционного (техногенного) к биоорганическому земледелию в условиях Беларуси вполне возможна.

Наше государство обладает всем спектром возможностей для производства органических продуктов питания и создания полноценного сегмента рынка при определенных условиях – трансформации системы образования (следует переориентировать ее на обучение руководителей и специалистов технологиям производства органической продукции), возрастании инвестиций в аграрный сектор (а в структуре инвестиций в основной капитал по видам

экономической деятельности в сельское хозяйство, охоту и лесное хозяйство с 2011 – 2014 г. составлял соответственно 13,0 – 16,1 – 14,1 – 9,9%) с целью повышения плодородия пахотных земель, создание банка и обмена информации о технологиях производства такой продукции, стимулирование сбыта органической продукции.

Беларуси для реализации поставленных задач и достижения цели (внедрения и развития экологического сельского хозяйства) следует ликвидировать негативные факторы. Это отсутствие необходимой нормативно-правовой базы; не должная поддержка, сопровождение со стороны органов госуправления аграрной отраслью (недостаток финансовых вложений); низкая информированность потребителей и потенциальных производителей; отсутствие сертификационных учреждений: несовершенная практика формирования цен на сельхозпродукты. Последний фактор делает биохозяйства нерентабельными.

Исследования, проводимые НИЛ экологии ландшафтов Белгосуниверситета по разработке научных основ экологического земледелия на основе применения зеленого удобрения и эколого-безопасного использования почвенных ресурсов продемонстрировали, что новая технология перехода от традиционного (техногенного) к органическому земледелию в условиях Беларуси действительно возможна. В настоящее время в Беларуси функционируют 10 фермерских хозяйств, арендующих чуть более 400 га земель, с элементами экологизации.

К факторам, стимулирующим переход отечественных сельскохозяйственных организаций на органические методы хозяйствования, относятся: возможность реализации продукции по повышенным ценам за счет более высокого ее качества; использование в севооборотах широкого разнообразия бобовых и промежуточных культур, что позволяет решать проблему кормов и поддержания уровня азота в почве; возможность рационально использовать рабочую силу и повысить прибыль предприятия за счет организации внутривозрастной переработки и прямого сбыта продукции.

Примеры использования органических методов ведения сельского хозяйства в нашей стране, к сожалению, немногочисленны, чтобы сделать обоснованные выводы о рентабельности органического производства. Однако появляются возможности для сохранения биоразнообразия и генетического потенциала растений и животных, внедрения севооборотов и минимизации отрицательного влияния на окружающую среду.

Роль органического сельского хозяйства в первую очередь состоит в производстве, переработке, распространении и потреблении продукции с целью поддержки и улучшения здоровья экоси-

стем и организмов – от простейших и до человека. Органическое хозяйство является по существу пролонгированным актом самосохранения, так как наше здоровье зависит от качества, безопасности пищи, а это в свою очередь зависит от качества окружающей среды – почвы, воды, воздуха.

-
1. Беларусь в цифрах / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2015.
 2. Климова, М. Производство экологически чистых продуктов: тенденции и перспективы / М. Климова // Белорус. сельское хозяйство. – 2009. – № 12.
 3. Концепция и перспективы развития биоорганического земледелия по производству здоровых экологически чистых продуктов питания в Республике Беларусь // Мин-во сельск. хоз. и прод. – Мн., 2012.
 4. Корбут, Л.О производстве органической продукции в фермерских хозяйствах Беларуси / Л. Корбут // Аграрная экономика. – 2009. – № 6.

УДК 342.95

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ЗАДЕРЖАНИЕ: ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Е.Е. Козлова
Ю.Д. Перижогина
студентки 2 курса

С.А. Лаптев – научный руководитель: доцент кафедры публичного права, кандидат юридических наук, доцент

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

Для современной России актуальной проблемой является отсутствие более детального регулирования норм о процедуре административного задержания в самом Кодексе об административных правонарушениях. В нем следует закрепить не только права, но и обязанности лиц, подвергнутых административному задер-

жанию. Ключевым компонентом кодекса должно стать более полное законодательное регулирование института административного задержания, устранение пробелов, наличие которых под-
рывает конституционный принцип личной неприкосновенности.

Ключевые слова и словосочетания: Кодекс об административных правонарушениях, Российская Федерация, регулирование административного задержание, должностные лица, устранение пробелов.

ADMINISTRATIVE DETENTION: GAPS IN LEGISLATIVE REGULATION

Y.Y. Kozlova

Y.D. Perizhogina

Students of the 2nd grade, Institute of Law

S.A. Laptev – scientific adviser,

Candidate of legal sciences, Associate professor of Public
law Department

*Vladivostok State University of Economics and Service,
Russia, Vladivostok*

The key problem for modern Russia is lack of detailed regulation of administrative detention procedure in the Code of Administrative Offences. It must

For today's Russia actual problem is the lack of more detailed regulation of the rules on the procedure of administrative detention in the Code of Administrative Offences. Rights and duties of individuals under administrative detention. Key component of the Code should be more comprehensive legislative regulation of this institution and termination of existing regulatory gaps, the presence of which undermines the constitutional principle of personal security.

Keywords: *Code of Administrative Offences of Russian Federation, the Russian Federation, regulation of administrative detention, officials, termination of gaps.*

В статье анализируются пробелы законодательного регулирования административного задержания, сформулированы предложения о внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Актуальность данной статьи заключается, во-первых, в том, что на современном этапе Российская Федерация нуждается в

формировании более детального регулирования норм о процедуре административного задержания в самом Кодексе об Административных правонарушениях. Во-вторых, систематизация разрозненных и разбросанных в других кодексах и различных отраслевых нормативных актов правил рассмотрения административных дел, в частности с использованием административного задержания, установила бы сам процесс регулирования административного задержания, а также прекратила произвол со стороны уполномоченных органов.

Административное задержание регулируется главным образом Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

Законодатель под административным задержанием понимает кратковременное ограничение свободы физического лица, подозреваемого в совершении административного правонарушения. С целью лучшего уяснения сути данной меры обеспечения представляется необходимым обратиться к определению его А. О. Поддубным, верно отметившим, что «административное задержание – это кратковременное лишение свободы физического лица с содержанием его в специально отведенных для этого помещениях или учреждениях в условиях, исключающих возможность их самовольного оставления, осуществляемое для выполнения задач производства по делам об административных правонарушениях». Это одна из немногих дефиниций, наиболее полно определяющих роль и место данного процессуального действия в системе административно-деликтных отношений. Думается, что следует согласиться с А. О. Поддубным в необходимости уточнения ч. 1 ст. 27.3 КоАП России путем внесения в нее нужной конкретизации самого понятия административного задержания [1, с. 20]

Достоинством действующего КоАП РФ является то, что законодатель, отказавшись от совмещенной терминологии "органы (должностные лица), правомочные осуществлять административное задержание", следуя логике, оставил только должностных лиц. Об этом можно было бы сегодня не вспоминать, если бы не одно обстоятельство. В соответствии с ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ "О полиции" полиции предоставлено право осуществлять задержание. Полиция, как нам представляется, имеет статус государственного органа [2, с. 19]. Государственный орган рассматривается как организованный коллектив людей. Следовательно, государственный орган не может осуществлять задержание. Кстати, в ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ указано, что административное задержание вправе осуществлять должностные лица органов внутренних дел (полиции). Отсюда можно сделать вывод о том,

что ч. 2 ст. 14 ФЗ "О полиции" противоречит ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ [3]

Часть 1 ст. 27.3 КоАП РФ определяет круг должностных лиц, уполномоченных осуществлять административное задержание. Перечень должностных лиц, приведенный в указанной статье, представляется неполным [4]. Согласно ст. 13 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. "О федеральной службе безопасности" органы федеральной службы безопасности имеют право осуществлять административное задержание лиц, совершивших правонарушения, связанные с попытками проникновения и проникновением на специально охраняемые территории особорежимных объектов, закрытых административно-территориальных образований и иных охраняемых объектов. Однако приведенная норма оказалась не востребовавшей, не нашла отражения в действующем КоАП РФ и, следовательно, не может применяться. Как известно, должностные лица соответствующих органов, согласно ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ, вправе осуществлять административное задержание только при пресечении закрепленных за ними административных правонарушений. Естественно, возникает вопрос: при выявлении каких административных правонарушений должностные лица органов федеральной службы безопасности могли бы осуществлять административное задержание? Представляется, что должностные лица органов федеральной службы безопасности могли бы осуществлять административное задержание при выявлении административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.17 (нарушение пропускного режима охраняемого объекта), ст. 20.19 (нарушение особого режима в закрытом административно-территориальном образовании (ЗАТО)), ст. 20.27 (нарушение правового режима контртеррористической операции) КоАП РФ.

С учетом сказанного целесообразно ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ дополнить пунктом 11 следующего содержания: "Должностные лица органов федеральной службы безопасности – при выявлении административных правонарушений, предусмотренных статьями 20.17, 20.19, 20.27 настоящего Кодекса".

На несовершенство законодательного регулирования административного задержания обращалось внимание, в частности, П.И. Кононовым [5, с. 86], В.А. Тюриным [6, с. 60] и другими авторами.

Существенным пробелом КоАП РФ, по нашему мнению, является отсутствие в нем законодательного закрепления круга лиц, к которым не применяется административное задержание. К сожалению, круг лиц, обладающих неприкосновенностью, определен различными федеральными законами и не систематизирован. Анализ Конституции Российской Федерации позволяет сделать вывод

о том, что административному задержанию не подлежат Президент Российской Федерации, обладающий неприкосновенностью (ст. 91), члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (ст. 98), судьи (ст. 122). Не распространяется административное задержание в соответствии с действующим федеральным законодательством и на некоторые другие категории лиц. Так, например, не подлежат административному задержанию Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, прокуроры, руководители следственных органов Следственного комитета Российской Федерации и следователи, сотрудники Счетной палаты Российской Федерации, сотрудники органов федеральной службы безопасности при исполнении своих обязанностей, сотрудники органов федеральной охраны при исполнении служебных обязанностей и некоторые другие категории лиц.

Должностные лица, уполномоченные осуществлять административное задержание, должны знать категории лиц, к которым не применяется административное задержание, не обращаясь при этом к десятому федеральным законам. Следует отметить, что только МВД РФ облегчило участь должностных лиц органов внутренних дел (полиции), применяющих административное задержание, издав Приказ МВД РФ от 30 апреля 2012 г. N 389 [7]. Данным Приказом было утверждено Наставление о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан. Исключительную важность имеет приложение N 5 к Наставлению, в котором приведена выписка из нормативных правовых актов о лицах, пользующихся иммунитетом от задержания. Необходимо законодательное закрепление в КоАП РФ круга лиц, к которым не может применяться административное задержание.

В.Н. Харьков в своей статье приводит опыт белорусов. Согласно ч. 6 ст. 8.2 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г. административное задержание не допускается в отношении:

- 1) лица, занимающего высшую государственную должность Республики Беларусь, и лица, должность которого включена в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь;
- 2) члена Совета Республики, депутата Палаты представителей Национального Собрания Республики Беларусь и депутатов местных Советов депутатов;
- 3) судьи;
- 4) народного заседателя.

В научной литературе справедливо обращается внимание на отсутствие в действующем КоАП РФ порядка обжалования административного задержания [6, с. 65]. Профессор Н.Г. Салищева, в частности, указывает, что в КоАП РФ в отличие от КоАП РСФСР отсутствует статья о порядке обжалования административного задержания. Это создает сложную ситуацию, поскольку в главе 30 Кодекса установлен порядок обжалования лишь постановлений по итогам рассмотрения дел [8, с. 15]. Н.Г. Салищева предлагает восполнить данный пробел. Солидаризируясь с мнением известного административиста, хотелось бы отметить, что позиция законодателя по данному вопросу нам представляется недостаточно последовательной. Как уже отмечалось, в КоАП РФ обжалование административного задержания не предусмотрено. Однако в Федеральном конституционном законе от 30 мая 2001 г. N 3-ФКЗ "О чрезвычайном положении" закреплён порядок обжалования административного задержания гражданами, нарушившими правила комендантского часа. Часть 2 ст. 31 ФКЗ предусматривает, что решение начальника органов внутренних дел или его заместителя о задержании может быть обжаловано вышестоящему должностному лицу или в суд [9].

Опережая законодателя, МВД РФ предприняло попытку урегулировать порядок обжалования доставления и административного задержания лица. В упоминавшемся уже Наставлении о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан, утвержденном Приказом МВД РФ от 30 апреля 2012 г., была включена норма следующего содержания: "Доставленные лица в соответствии с законодательством Российской Федерации вправе обжаловать действия (бездействие) должностных лиц территориальных органов МВД России, решения, принятые ими в ходе исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части после доставления граждан, в суд или в досудебном порядке вышестоящему должностному лицу или в вышестоящий территориальный орган МВД России, прокурору".

МВД РФ в рассматриваемом нами Наставлении закрепило ведомственный подход к обжалованию доставления, административного задержания. Полагаем, что порядок обжалования доставления, административного задержания должен регулироваться не ведомственными актами, а законом. Кроме того, необходим единый подход к порядку обжалования и административного задержания вне зависимости от того, должностные лица каких органов осуществляют доставление и административное задержание. Это можно сделать только в Кодексе Российской Федерации об администра-

тивных правонарушениях. В этой связи заслуживает поддержки предложение Н.Г. Салищевой закрепить в КоАП РФ не только порядок обжалования административного задержания, но и порядок обжалования других мер, обеспечивающих производство по делу об административном правонарушении [8, с. 16].

Представляется, что далеко не безупречна норма, содержащаяся в ч. 5 ст. 27.3 КоАП РФ. Приведем ее дословно: "Задержанному лицу разъясняются его права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, о чем делается соответствующая запись в протоколе об административном задержании". Трудно понять, какие права и обязанности задержанных лиц законодатель имеет в виду, если учесть, что права и обязанности в данном случае не конкретизированы. Иногда административисты весьма категоричны в толковании данной нормы. В частности, А.С. Телегин указывает, что задержанному разъясняются его права и обязанности, предусмотренные ст. 25.1 КоАП РФ [10, с. 220]. Такой подход не может не вызывать возражений. В ч. 5 ст. 27.3 КоАП РФ речь идет о разъяснении задержанному лицу его прав и обязанностей, предусмотренных КоАП РФ, но при этом отсутствует ссылка на ст. 25.1 КоАП РФ или какие-то другие статьи КоАП РФ, что, безусловно, является упущением законодателя. Необходимо подчеркнуть, что в ст. 25.1 КоАП РФ закреплены права лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, а не права лица, подвергнутого административному задержанию. Как справедливо отмечает П.И. Кононов, "лицо, задержанное по подозрению в совершении административного правонарушения, еще не является лицом, привлекаемым к административной ответственности. Оно обладает несколько иным правовым статусом по сравнению с лицом, в отношении которого составлен протокол об административном правонарушении, поскольку это лицо еще не признано правонарушителем, а лишь подозревается в совершении правонарушения" [5, с. 92]. Вывод, который напрашивается из рассуждений П.И. Кононова, однозначен: административно-правовой статус задержанного лица не тождественен административно-правовому статусу лица, привлекаемого к административной ответственности. С учетом сказанного, например, право представлять доказательства, право заявлять отводы не могут рассматриваться в качестве прав задержанных лиц, т.к. эти процессуальные права реализуются лицами, привлеченными к административной ответственности в ходе рассмотрения дел об административных правонарушениях.

Для нас очевидно, права задержанных лиц должны быть четко закреплены в КоАП РФ. Для начала целесообразно в КоАП РФ

зафиксировать хотя бы те права задержанных лиц, которые закреплены в Федеральном законе "О полиции": 1) на юридическую помощь; 2) на услуги переводчика; 3) на отказ от дачи объяснения.

В КоАП РФ следует закрепить не только права, но и обязанности лиц, подвергнутых административному задержанию [11, с. 25].

В заключение отметим, что КоАП РФ нуждается в более полном законодательном регулировании института административного задержания, устранении пробелов, наличие которых подрывает конституционный принцип личной неприкосновенности.

-
1. Поддубный, А.О. Особые условия применения административного задержания в производстве по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Административное право, финансовое право, информационное право / А.О. Поддубный, науч. рук. Ю.С. Адушкин. – Саратов, 2003. – 26 с.
 2. Хорьков, В.Н. К вопросу о природе полиции / В.Н. Хорьков // Современное право. – 2012. – № 10. – С. 19–21.
 3. Федеральный закон РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 12.02.2015, с изм. от 06.04.2015) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
 4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.05.2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.05.2015).
 5. Кононов, П.И. Нормы об административном задержании граждан: изменения необходимы / П.И. Кононов // Журнал российского права. – 1997. – № 11. – С. 86–93.
 6. Тюрин, В.А. Административное задержание физических лиц как мера административно-процессуального пресечения и проблемы совершенствования юридических норм, его регламентирующих / В.А. Тюрин // Право и политика. – 2002. – № 3. – С. 60–65.
 7. Приказ МВД РФ от 30 апреля 2012 г. N 389 «Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан» (ред. от 19.06.2014) // Российская газета. 2012. №156.
 8. Салищева, Н.Г. Проблемные вопросы института административной ответственности в России / Н.Г. Салищева // Административная ответственность: вопросы теории и практики / отв. ред. Н.Ю. Хаманева. – М., 2004. – С. 15–16.
 9. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 12.03.2014) // Российская газета. – 2001. – №105.

10. Телегин, А.С. Некоторые вопросы применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях / А.С. Телегина // Административное право на рубеже веков: Межвузовский сборник научных трудов. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. 238 с.

11. Хорьков, В.Н. Актуальные вопросы административного задержания в связи с вступлением в силу Федерального закона «О полиции» / В.Н. Хорьков // Современное право. — 2011. — № 11. — С. 23–25.

УДК 342.95

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОНТРАКТА О ПРОХОЖДЕНИИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Д.В. Назарова
студентка 2 курса

С.А. Лаптев – научный руководитель: доцент кафедры публичного права, кандидат юридических наук, доцент

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

Статья посвящена рассмотрению правовой природы контракта о прохождении военной службы как административного договора. Отличие контракта о прохождении военной службы от трудового договора.

Ключевые слова и сочетания: *военный контракт, контракт о прохождении военной службы, административный договор.*

THE LEGAL NATURE OF THE CONTRACT FOR MILITARY SERVICE

D.V. Nazarova
Student of the 2nd grade, Institute of Law

S.A. Laptev – scientific adviser,
Candidate of legal sciences, Associate professor of Public
law Department

The article is devoted to consideration of the legal nature of the contract military service as an administrative contract. The difference between the contract for military service and a labor contract is studied in this article.

Keywords: *military contract, the contract for military service, administrative contract*

Выбранная тема исследования является, на наш взгляд, безусловно, актуальной, особенно в свете складывающейся нестабильной ситуации в мире, постоянной борьбы отдельных государств за мир. Исследование института контракта о прохождении военной службы (далее – контракт), определение его сущности затрагивает такие важные функции государства, как его оборона и безопасность. Целью настоящего исследования является рассмотрение правовой природы контракта как административного договора. Для успешного достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: определить понятие и признаки административного договора; проанализировать признаки административного договора применительно к контракту; отграничить контракт от смежных институтов.

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных, специальных и частноправовых методов. В частности из общенаучных методов познания были использованы системный и логический методы, из частнонаучных – формально-юридический и метод толкования норм права.

Прежде всего, необходимо отметить, что в научной литературе нет единого мнения относительно правовой природы контракта о прохождении военной службы.

Так, А.Т. Вахидов считает его самостоятельным договором, который не вписывается ни в одну известную классификацию договоров. По мнению Д.В. Алексина, контракт относится к межотраслевым договорам и вместе с тем, наиболее тесно примыкает к трудовым договорам (в частности он видит цель контракта в реализации права на труд, как и при заключении трудового договора). Д.Н. Бахрах отмечает административно-правовой характер контракта. [1, с.72]

Какова же правовая природа контракта о прохождении военной службы? Во-первых, необходимо отметить, что военная служба является одним из видов федеральной государственной службы [2, ст. 6], соответственно, контракт о прохождении военной службы является служебным контрактом. Однако стоит отметить, что

не все ученые согласны с данным выводом, считая контракт особым видом договора, сочетающим в себе как черты служебного контракта, так и трудового договора. Считаем данную позицию необоснованной, так как отношения государственной службы оформляются именно служебным контрактом, а военная служба является федеральной государственной службой.

В научной литературе справедливо отмечается, что служебный контракт имеет некоторые признаки и черты трудового договора, но, в отличие от последнего, имеет административно-правовую природу. [3, с.204]

Как уже указывалось выше, наиболее обоснованной, на наш взгляд, представляется позиция о контракте как об административном договоре.

Прежде чем анализировать правовую сущность и юридическую конструкцию контракта о прохождении военной службы, необходимо дать определение и выделить признаки административного договора.

Проблемой понятия административного договора занимались такие ученые, как А.В. Демин А.В.[4], В.В. Иванов[5], А.Н. Колокольцев[6], Мелехова А.Ю.[7], А.А. Савостин[8], Ц.А. Ямпольская[9] и др.

Наиболее правильным и раскрывающим сущность административного договора считаем определение В.А. Юсупова. Под административным договором понимается основанное на акте административного права соглашение двух или более субъектов, хотя бы один из которых является органом государственного управления, и это соглашение направлено на установление, изменение или прекращение административных прав и обязанностей у органов государственного управления, субъективных имущественных или неимущественных прав у граждан и их социальных формирований. [10, с.89]

Главным признаком административного договора, на наш взгляд, является его цель – реализация какого-либо публичного интереса, достижение общественно значимых результатов. Контракт о прохождении военной службы регулирует сферу военно-служебных отношений в целях реализации такого публичного интереса, как оборона и безопасность государства [3, с.206; 11, с.164].

В научной литературе выделяют также и иные признаки административного договора:

1. Конструкция административного договора представляет собой двусторонний (или многосторонний) акт.

Данный признак отличает его от иных правовых форм реализации компетенции субъектами исполнительной власти, которые представляют собой одностороннее действие властных субъектов.

2. Он основан на добровольном волеизъявлении сторон. Вместе с тем, указанный признак не всегда означает юридическое равенство сторон, поскольку административный договор изначально основан на отношениях власти-подчинения, одним из субъектов которых наделен властью.

3. Обязательной стороной административного договора является орган государственной исполнительной власти (его представитель).

4. Административный договор основывается на нормах административного права.

5. Административным договором регулируются отношения в сфере государственного управления (исполнительной власти) либо по поводу его реализации [12, с. 143].

Проанализировав законодательство, в котором содержатся нормы о контракте, мы увидим, что он содержит все признаки административного договора.

Законодательное закрепление основных положений о контракте содержится в Федеральном законе от 28.03.1998 № 53-ФЗ "О воинской обязанности и военной службе", Федеральном законе от 27.05.1998 № 76-ФЗ "О статусе военнослужащих", а также в Указе Президента РФ от 16.09.1999 № 1237 "Вопросы прохождения военной службы" [13, раздел V; 14; 15, гл. II].

Так, обязательной стороной контракта, как и административного договора, является орган государственной исполнительной власти: согласно ст.32 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» контракт заключается между гражданином либо иностранным гражданином и от имени Российской Федерации – Министерством обороны РФ либо иным федеральным органом исполнительной власти, в котором предусмотрено прохождение военной службы.

Приведенная норма также иллюстрирует еще один признак административного договора – его двусторонний характер – контракт является результатом свободного волеизъявления двух субъектов права.

Если рассматривать отношения, регулируемые контрактом, то он, как и административный договор, регулирует отношения, возникающие в сфере государственного управления.

Как указывалось ранее, военная служба представляет собой один из видов государственной службы. Согласно ст.1 Федерального закона от 27.05.2003 N 58-ФЗ "О системе государственной

службы Российской Федерации", государственная служба РФ представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан РФ по обеспечению исполнения полномочий РФ и ее субъектов; федеральных государственных органов; органов государственной власти субъектов РФ; лиц, замещающих государственные должности РФ и субъектов РФ [2, ст.1].

Условия контракта включают в себя обязанность проходить военную службу в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских формированиях или органах в течение определенного контрактом срока, добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности военнослужащих, предусмотренные действующим законодательством РФ (ст.32 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»).

В научной литературе при рассмотрении содержания контракта о прохождении военной службы обращается внимание на то, что вышеуказанной нормой права закрепляются только общие права и обязанности сторон. Если сравнивать контракт с любым гражданско-правовым договором или трудовым договором, то можно отметить что в указанных видах договоров присутствует конкретность их содержания (условий). Так, в трудовом договоре четко прописывается трудовая функция работника, в гражданско-правовом договоре определен конкретный предмет договора. В контракте такая конкретность отсутствует. В нем закреплена только одна обязанность стороны – исполнять все определенные законом обязанности. Вместе с тем, такая юридическая конструкция описания условий контракта обусловлена, в первую очередь, спецификой деятельности сторон договора. Действительно, при заключении контракта нельзя заранее предусмотреть, какие именно действия будет выполнять, заключившее контракт. Поэтому данная юридическая конструкция представляется логичной. Кроме того, в законодательстве содержатся общие права и обязанности стороны контракта.

Анализируя содержание контракта, важно также отметить, что, как и для административного договора, для контракта не характерна свобода выбора его условий. Законодатель, как правило, в императивной форме закрепляет, когда, с кем и на каких условиях может быть заключен административный договор [11, с.165].

Иными словами, это означает, что в контракте нельзя установить условия, не предусмотренные порядком прохождения военной службы, изменить объем прав, обязанностей и ответственности сторон [16, с.119].

Данный признак контракта является основным отличием от гражданско-правового договора и трудового договора. В граждан-

ско-правовых и трудовых договорах преобладают диспозитивные нормы, закрепляющие возможность изменения/прекращения договора по соглашению сторон. В контракте же диспозитивность в основном состоит только в одном моменте – субъект права сам решает вопрос о заключении/незаключении контракта. Но решив вопрос в пользу его заключения, ему приходится принять императивные, установленные законодателем условия, являющиеся содержанием контракта. В этом, как отмечается в научной литературе, контракт о прохождении военной службы очень похож на юридическую конструкцию договора присоединения в гражданском праве, где одна из сторон при заключении договора делает выбор соглашаться или не соглашаться на его заключение, но изменить впоследствии сами условия договора не вправе.

В научной литературе подчеркивается, что предмет гражданско-правового и административного договора не совпадают. Так, в предмет регулирования гражданско – правового договора не входят, во-первых, имеющие административный характер отношения власти-подчинения. Также предметом гражданско-правового договора не охватывается публично – правовой характер прохождения военной службы и закрепление главенствующей роли государства в решении всех вопросов, связанных с определением целей и задач деятельности военнослужащих. [17, с.97] Кроме того, согласно статье 11 ТК РФ трудовое законодательство и иные акты, содержащие нормы трудового права, не распространяются на военнослужащие при исполнении ими обязанностей военной службы.

Еще одним признаком контракта является его регулирование нормами административного права. Трудовое законодательство не распространяется на военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы.

В научной литературе справедливо отмечается, что регулирование военно-служебных правоотношений, которые имеют императивную административно-правовую природу, осуществляется в основном нормами административного права. Имущественный характер военно-служебные отношения имеют только в отдельных немногочисленных случаях (например, такой характер имеют выплаты денежного довольствия), и они также основаны на нормах административного права, соответственно, то к ним не применимы нормы гражданского законодательства [17, с.97]. Однако из данного общего правила есть исключение. Гражданский кодекс РФ предусматривает возможность применения гражданско-правовых норм к имущественным отношениям, основанным на административном подчинении, в случаях, прямо установленных законом (п.3 ст.2 ГК РФ).

В рамках настоящего исследования хотелось бы также затронуть такую проблему, как возможность заключения контракта о прохождении военной службы не только гражданами РФ, но и гражданами других государств. Право на заключение контракта иностранным гражданам было закреплено в действующем законодательстве не так давно Федеральным законом от 28.03.1998 N 53-ФЗ "О воинской обязанности и военной службе".

Относительно новеллы законодательства о военной службе иностранными гражданами в первую очередь хотелось бы отметить, что, по нашему мнению, она противоречит другим действующим нормам. Так, военная служба является видом государственной службы. В законодательном определении государственной службы, приведенном выше, четко указано, что она представляет собой профессиональную служебную деятельность именно граждан РФ. В качестве субъектов права на прохождение государственной службы иностранные граждане не указаны. И это является, на наш взгляд, правильным, исходя из целей государственной службы – обеспечение исполнения полномочий РФ и ее субъектов, федеральных государственных органов и органов государственной власти субъектов РФ. Цель заключения контракта в конечном счете – реализация такого публичного интереса, как оборона и безопасность государства, не менее важна. Функция же государства по его обороне и безопасности должна осуществляться только субъектами, имеющими устойчивую правовую связь с этим государством (то есть иметь его гражданство).

Так почему же реализацию такой важной для всего государства цели законодатель позволяет осуществлять иностранным гражданам?

На наш взгляд, это происходит в связи с тем, что контракт принимается законодателем не как правовая конструкция административного договора, а как юридическая конструкция, имеющая отчасти гражданско-правовую и трудовую природу, что является неправильным и неуместным, зная цели заключения контракта.

В подтверждение всего, о чем говорилось ранее, представляется целесообразным привести примеры из судебной практики в подтверждение нашей позиции. Касаемо норм, применяемых в случае коллизии между нормами трудового права и нормами военного законодательства существует противоречивая правоприменительная практика.

Так, Тверской гарнизонный военный суд в своем решении по делу № 525-2010 года установил, что отпуск по уходу за ребенком, предусмотренный п. 9 ст. 10 Федерального закона «О статусе во-

еннослужащих», предоставляется тому же военнослужащему женского пола, которому законодательством предоставляется отпуск по беременности и родам, то есть матери этого ребенка.

Таким образом, с учетом изложенного суд приходит к выводу о том, что Тарасова И.В., являющаяся бабушкой ребенка, не имеет права на отпуск по уходу за этим ребенком, в связи с чем ее заявление удовлетворению не подлежит [18].

Противоположную позицию отражает, например, решение 95 гарнизонного военного суда г. Владимира. Судом установлено, вопреки мнению командования войсковой части, заявитель Быкова М.Н., как военнослужащая – женщина имеет право в соответствии со ст.11, п. 13 Закона «О статусе военнослужащих» воспользоваться своим правом на отпуск по уходу за ребенком (внуком) и получение в период нахождения в нем установленного ежемесячного пособия по уходу за ребенком, поскольку условия такого отпуска и получения пособия определены статьей 256 ТК РФ. [19]

В итоге, мы можем видеть неопределённость позиции судов по данному вопросу.

Таким образом, в ходе проведенного исследования установлено, что по своей правовой природе контракт о прохождении военной службы является административным договором. Относить его к гражданско-правовым, трудовым, межотраслевым или иным договорам, на наш взгляд, не представляется возможным. Контракт о прохождении военной службы должен существовать только в рамках правовой конструкции административного договора с его императивным регулированием по той причине, что контракт в конечном счете заключается в целях обороны и безопасности государства. Он не должен приобретать все больше признаков гражданско-правового договора, как и не должен иметь "коммерческую" основу, направленность.

1. Горячук, И.Н. Служебный контракт на государственной гражданской службе Российской Федерации: теория и практика применения / И.Н. Горячук / под ред. Л.П. Волковой. – М.: ДМК Прес, 2010. – 160 с.

2. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 02.07.2013) "О системе государственной службы Российской Федерации" // СЗ РФ. – 02.06.2003. – № 22. ст. 2063

3. Пресняков, М.В., Административно-правовое регулирование служебных отношений: теория и практика/ М.В. Пресняков, С.Е. Чаннов / под ред. Г.Н. Комковой. – Саратов, изд-во «Научная книга», 2008. – 412 с.

4. Демин, А.В. Общие вопросы теории административного договора / А.В. Демин. – Красноярск, 1998. – 93 с.
5. Иванов, В.В. Общая теория договора / В.В. Иванов. – М.: Изд-во ЮРИСТЪ, 2006. – 238 с.
6. Колокольцев, А.И. Административный договор как правовая форма управления / А.И. Колокольцев // Административное и муниципальное право. – 2008. – № 5. – С. 14–20.
7. Мелехова, А.Ю. Виды административных договоров / А.Ю. Мелехова // Административное право и процесс. – 2012. – № 1. – С. 70–73.
8. Савостин, А.А. Административные договоры и их реализация в сфере публичного управления / А.А. Савостин // Административное и муниципальное право. – 2008. – №1. – С. 43–47.
9. Ямпольская, Ц.А. О теории административного договора / Ц.А. Ямпольская // Советское государство и право. – 1966. – № 10. – С. 28–32.
10. Козлова, Е.Б. Система договоров, направленных на создание объектов недвижимости / Е.Б. Козлова. – М.: КОНТРАКТ. – 368 с.
11. Кудашкин, А.В. Комментарий к Федеральному закону "О статусе военнослужащих" (постатейный) / А.В. Кудашкин, К.В. Фатеева. – М.: За права военнослужащих, 2005. – 752 с.
12. Краснов, Ю.К. Юридическая техника: учебник / Ю.К. Краснов, В.В. Надвиков, В.И. Шкатулло. – М.: Юстициформ, 2014. – 535 с.
13. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 30.03.2015) "О воинской обязанности и военной службе" // СЗ РФ. – 30.03.1998. – № 13. – Ст. 1475.
14. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 24.11.2014) "О статусе военнослужащих" // СЗ РФ. – № 22. – 01.06.1998. – Ст. 2331.
15. Указ Президента РФ от 16.09.1999 № 1237 (ред. от 25.03.2015) "Вопросы прохождения военной службы" // СЗ РФ. – 20.09.1999. – № 38. – Ст. 4534.
16. Алексин, Д.В. Контракт о прохождении военной службы: зачем он нужен? / Д.В. Алексин // Право в Вооруженных Силах. – 1999. – № 2. – С. 85–95.
17. Шлянцев, Д.А. Новое о службе в армии: сроки службы, виды отсрочек, компенсационные выплаты / Д.А. Шлянцев. – М.: ГроссМедиа, 2007. – 160 с.
18. Об оспаривании действий командира войсковой части, связанных с отказом в предоставлении отпуска по уходу за ребенком. Решение по гражданскому делу № 525 2010 года Тверского

гарнизонного военного суда [Электронный ресурс] // Росправосудие – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-tverskoj-garnizonnyj-voennyj-sud-tverskaya-oblast-s/act-106147683/> (дата обращения: 03.05.2015).

19. Об оспаривании действий командира войсковой части, связанных с отказом в предоставлении отпуска по уходу за ребенком. Решение 95 гарнизонного военного суда г. Владимир [Электронный ресурс] // Росправосудие. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-95-j-garnizonnyj-voennyj-sud-g-vladimir-vladimirskaya-oblast-s/act-106068541/> (дата обращения: 03.05.2015).

УДК 349.6

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНОГО НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО АКТА В СФЕРЕ ОХОТЫ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.И. Прокопенко
студентка 3 курса

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток*

В данной статье проводится сравнительно-правовой анализ основного нормативно-правового акта в сфере охоты Республики Таджикистан и Российской Федерации. Сравниваются такие понятия как охота и охотник, сопоставляются виды охоты, процесс получения статуса охотника. Рассматриваются документы необходимые для получения этого статуса. Выявляются достоинства и недостатки основных нормативно-правовых актов в сфере охоты Республики Таджикистан и Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: охота, охотник, виды охоты, охотничье удостоверение, охотничий билет, охотничьи минимум.

COMPARATIVE-LEGAL CHARACTERISTIC OF THE BASIC LEGAL ACT IN THE FIELD OF HUNTING IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND THE RUSSIAN FEDERATION

A.I. Prokopenko

Student of the 3rd grade, Institute of Law

*Vladivostok State University of Economics and Service
Russia, Vladivostok*

This article presents a comparative legal analysis of the basic legal act in the field of hunting the Republic of Tajikistan and the Russian Federation. Such terms as hunting and hunter, hunting species, the process of obtaining the status of a hunter are compared. We consider the documents necessary to obtain that status. Strengths and weaknesses of the main legal acts in the sphere of hunting the Republic of Tajikistan and the Russian Federation are identified.

Keywords: *hunting, hunter, hunting species, hunting license, hunting minimum.*

Охота распространена во всех государствах мира, но каждая страна по-своему подходит к регулированию отношений, связанных с охотой. Закон Республики Таджикистан «Об охоте и охотничьем хозяйстве» [3] и Федеральный закон Российской Федерации «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] имеют много общего и достаточно схожи, но при более подробном изучении можно заметить существенные различия.

Все различия вытекают из того, что отличается сам подход к охоте. В Республике Таджикистан упор делается на развитие охотничьего хозяйства, привлечение граждан к охоте и ведению охотхозяйственной деятельности, что находит свое отражение уже в самом названии закона регулирующего охотничью деятельность, а так же в его преамбуле, где на первом месте указано, что данный нормативно-правовой акт регулирует правовые и экономические основы ведения охотничьего хозяйства.

В Российской Федерации акцент в правовом регулировании смещается на сохранение охотничьих ресурсов и поддержание экологического благополучия государства, что подтверждается тем, что первым принципом правового регулирования в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов указан принцип обеспечения устойчивого существования и устойчивого использования

охотничьих ресурсов, сохранение их биологического разнообразия. Помимо этого, весь закон пронизан нормами о защите фауны. Данному вопросу посвящена отдельная 10 глава, которая носит название «Сохранение охотничьих ресурсов и среды их обитания».

Из отличий в подходе к регулированию отношений, связанных с охотой, вытекает различие в закреплении определения такого основного понятия как «охота». В Республике Таджикистан – это вид деятельности, связанный с использованием объектов животного мира путем поиска, выслеживания, преследования с целью добычи [3,ст.1]. В Российской Федерации же к охоте, помимо действий, указанных в законе Республики Таджикистан, относится деятельность, связанная с первичной переработкой и транспортировкой охотничьих ресурсов [2,ст.1], что, на наш взгляд, более предпочтительно, поскольку это облегчает правоприменение. Так, например, в ситуации, встречающейся крайне часто, когда представители правоохранительных органов проводят задержание браконьера не во время выслеживания и преследования им добычи, а уже в момент непосредственно ее перевозки от места охоты. Исходя из определения охоты, которое дал законодатель Республики Таджикистан, действия правонарушителя уже не могут квалифицироваться как незаконная охота [7,ст. 232], если не будет доказано, что это продукция охоты именно этого охотника. Данные действия могут быть квалифицированы лишь как транспортировка продукции незаконной охоты, но такой состав отдельно законодателем Республики Таджикистан не выделяется.

В соответствии с ч. 2 ст. 15 закона «Об охоте и охотничьем хозяйстве» [3] Республики Таджикистан к охоте приравнивается нахождение в охотничьих угодьях и на участках (зонах) особо охраняемых природных территорий, не входящих в состав охотничьих угодий, с огнестрельным, пневматическим и метательным холодным оружием, ловчими птицами, капканами и иными орудиями охоты, чего не предусматривает российский закон, несмотря на то, что эта оговорка является важной. Так как часты ситуации, когда на особо охраняемых природных территориях продукция незаконной охоты выбрасывается браконьерами, в случае их обнаружения госинспекторами. Если такое лицо все-таки будет задержано, то его действия, при отсутствии добычи, будут квалифицированы как нарушение установленного режима особо охраняемых природных территорий (ст. 8.39 КоАП РФ), а не как незаконная охота на особо охраняемых природных территориях (ст. п. г, ч. 1, ст. 258 УК РФ). В целях пресечения таких действий браконьеров в Кодексе Республики Таджикистан об административных правонарушениях предусмотрен состав – неповиновение законному требованию ра-

ботников органов лесной охраны и охотничьего надзора, а равно воспрепятствование своевременному, полному и объективному выяснению обстоятельств дела [5, ст.200].

В Республике Таджикистан из определения понятия «охота» следует, что это вид деятельности лишь с целью добычи диких зверей и птиц. Отдельно регламентируется лишь отлов охотничьих животных в научных и в санитарных целях [3,ст.28, 29]. В Российской Федерации в соответствии с целевым назначением существует 7 видов охоты: промысловая; любительская и спортивная; в целях осуществления научно-исследовательской, образовательной деятельности; в целях регулирования численности охотничьих ресурсов; в целях акклиматизации, переселения и гибридизации охотничьих ресурсов; в целях содержания и разведения охотничьих ресурсов в полувольных условиях или искусственно созданной среде обитания; в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности [2, ст.12].

Человек, который занимается охотой, по словарю С.И. Ожегова, является охотником [6,стр.484]. Законодатель Таджикистана и России закрепляет основные требования к охотникам. В Республике Таджикистан требования сводятся к тому, что лицо должно достигнуть 18 – летнего возраста, и быть наделенным правом владения охотничьим огнестрельным оружием, в соответствии с требованиями Закона Республики Таджикистан «Об оружии». В Российской Федерации лицо, являющееся охотником, должно иметь охотничий билет и разрешение на хранение и ношение охотничьего оружия, выданное в порядке, предусмотренном Федеральным законом "Об оружии", за исключением случаев осуществления охоты с применением орудий охоты, не относящихся в соответствии с указанным Федеральным законом к охотничьему оружию. На наш взгляд, регламентация данного вопроса в законе «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов» [2] более предпочтительна, так как лицо может охотиться не только с применением охотничьего оружия (к которому относится огнестрельное длинноствольное с нарезным стволом; огнестрельное гладкоствольное длинноствольное, в том числе с длиной нарезной части не более 140 мм; огнестрельное комбинированное (нарезное и гладкоствольное) длинноствольное, в том числе со сменными и вкладными нарезными стволами; пневматическое с дульной энергией не более 25 Дж; холодное клинковое [1], но и с применением не общераспространенных орудий охоты, например, лука или арбалета, и в этом случае у него не возникает необходимость быть наделенным правом владения охотничьим огнестрельным оружием, что не пре-

дусмотрено в требованиях к охотнику по закону «Об охоте и охотничьем хозяйстве» [3] Республики Таджикистан.

В Таджикистане охотник – это физическое лицо, получившее охотничье удостоверение в порядке, установленном законодательством. В России получение статуса охотника является более сложным процессом. Так, охотником признается физическое лицо, сведения о котором содержатся в государственном охотхозяйственном реестре, где подлежит регистрации выданный охотничий билет, следовательно, необходимо не просто получить охотничий билет, но и в течение месяца зарегистрировать его в органе исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Охотничий билет признается действующим лишь со дня внесения сведений о нем в государственный охотхозяйственный реестр. На наш взгляд это является излишним, ведь из-за этого происходит увеличение «инстанций», которые необходимо посетить для получения охотничьего билета, никакой действительной пользы от данной процедуры нет.

Как уже упоминалось выше, в Республике Таджикистан документ, который удостоверяет статус охотника, называется охотничье удостоверение, а в Российской Федерации – охотничий билет. Охотничий билет, являющийся бессрочным документом единого федерального образца, выдается органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации физическим лицам, обладающим гражданской дееспособностью, не имеющим непогашенной или неснятой судимости за совершение умышленного преступления и ознакомившимся под роспись с требованиями охотничьего минимума, который установлен Приказом Минприроды РФ от 30.06.2011 № 568 «Об утверждении Требований охотничьего минимума» [4].

Охотничье удостоверение, в отличие от охотничьего билета, выдается обществом охотников Республики Таджикистан, которое является добровольной, некоммерческой самоуправляемой организацией, созданной физическими лицами (охотниками), объединившимися на основе общности их интересов для реализации прав на охоту. Основанием для получения удостоверения охотника является лишь наличие минимума сведений об охоте. Для его определения проводится экзамен по пределу охотничьего минимума, который разрабатывается Обществом охотников Республики Таджикистан совместно с уполномоченным государственным органом.

Помимо охотничьего удостоверения / охотничьего билета для осуществления охоты необходимо разрешение на добычу охотничьих ресурсов (в Российской Федерации) или путевка на добычу охотничьих животных (в Республике Таджикистан). В Российской

Федерации выдача разрешений на охоту осуществляется в закрепленных охотничьих угодьях – юридическим лицом и индивидуальным предпринимателем, заключившими охотхозяйственные соглашения; в общедоступных охотничьих угодьях, территория которых составляет не менее чем 20 % от общей площади охотничьих угодий субъекта – органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации; на особо охраняемых природных территориях – природоохранными учреждениями. В законе Республики Таджикистан «Об охоте и охотничьем хозяйстве» [3] не установлено разграничение субъектов, которые выдают путевки на охоту. Так, путевки выдаются охотнику в определенное охотничье угодье пользователем этого охотничьего угодья.

Таким образом, законы Республики Таджикистан и России [2,3], несмотря на сходство, имеют некоторые различия. Основное различие – это цель правового регулирования. В России оно направлено на поддержание и сохранение охотничьих ресурсов, в Таджикистане на развитие охотничьего хозяйства. Это основное различие обусловило и ряд других специфических положений: в определении понятия «охота»; системе видов охоты; требованиях к лицу, желающему приобрести статус охотника и др.

1. Об оружии: федеральный закон [от 13.12.1996 № 150-ФЗ] // Электронный ресурс: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=173434> (дата обращения: 25.03.2015).

2. Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон [от 24.07.2009 № 209-ФЗ] // Электронный ресурс: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=168142> (дата обращения: 25.03.2015).

3. Об охоте и охотничьем хозяйстве: закон Республики Таджикистан [от 26 июля 2014 года № 1118] // Электронный ресурс: <http://www.mmktj.ru/legislation/legislation-base/259/> (дата обращения: 25.03.2015).

4. Об утверждении Требований охотничьего минимума: приказ Минприроды РФ [от 30.06.2011 № 568] // Электронный ресурс: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=121032> (дата обращения: 25.03.2015).

5. Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях [принят Законом Республики Таджикистан от 31 декабря 2008 года № 455] // Электронный ресурс: <http://www.mmktj.ru/legislation/legislation-base/> (дата обращения: 25.03.2015).

6. Ожегов, С.И. Толковый словарь / С.И. Ожегов. – М., 1990. – 921 с.

7. Уголовный кодекс Республики Таджикистан [от 21 мая 1998 года № 574] // Электронный ресурс: <http://www.mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/> (дата обращения: 25.03.2015).

УДК 342.734

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ДЕТЕЙ ТРУДЯЩИХСЯ-МИГРАНТОВ В РФ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Т.С. Судакова
студентка 2 курса

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

Для современной России актуальной является проблема нелегальной миграции, в рамках которой особенно остро прослеживается проблема реализации прав и законных интересов детей трудящихся-мигрантов в РФ. Данная статья затрагивает вопросы реализации возможностей детей мигрантов в образовательной сфере.

Ключевые слова и словосочетания: миграция, Россия, трудящийся-мигрант, дети мигрантов, образование, правовое положение.

THE ISSUE OF REALIZATION OF THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF MIGRANT WORKERS CHILDREN IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE EDUCATIONAL SPHERE.

T.S. Sudakova
Student of the 2nd grade, Institute of Law

*Vladivostok State University of Economics and Service
Russian Federation, Vladivostok*

Illegal migration is a very urgent problem in Russia nowadays. Within its framework an issue of migrant workers` children rights and legitimate interests is traced very well. This article touches on issues of realizing the opportunities in education by migrants` children.

Keywords: *migration, Russia, migrant workers, children of migrants, education, legal status.*

Проблема притока трудовых мигрантов сейчас является одной из наиболее важных. При этом в последнее время наблюдается тенденция переезда целыми семьями: мужчины, приезжая на заработки в Российскую Федерацию, перевозят с собой своих жен и детей. Данные субъекты в своем большинстве являются гражданами, прибывшими преимущественно из стран СНГ, в частности, «лидирующую» позицию занимают граждане Узбекистана. Согласно данным ФМС, на данный момент, в 2015 году, в России находятся 644.378 граждан Казахстана, 507.438 граждан Кыргызстана, 971.794 гражданина Таджикистана, 24.517 граждан Туркменистана и 2.104.089 граждан Узбекистана. Всего 4.252.216 [1]. Но стоит отметить, что сегодня наблюдается тенденция сокращения количества мигрантов из этих стран. Федеральная миграционная служба впервые за много лет зафиксировала снижение потока эмигрантов из стран СНГ, к примеру, из Узбекистана: в феврале их было 2.185.483 человека, в марте – 2.131.300 [1].

Все же этот вопрос все также носит проблемный характер, и сейчас проблема семейной миграции стоит ребром перед нашим законодательством.

Конечно, переселение соотечественников и иных мигрантов в Россию играет важную стратегическую роль для нашего государства. Безусловно, мигранты смогут поспособствовать улучшению демографической ситуации в стране, также поспособствуют увеличению трудовых ресурсов, внесут немалый вклад в увеличение роста ВВП и смогут помочь нашему государству в обустройстве российских территорий. Но для достижения данных целей крайне важно создать соответствующие условия для мигрантов, заключающиеся в предоставлении всех полагающихся им благ: от хорошего жилья и стабильной работы до равного с гражданами РФ доступа к образованию. А мигранты, согласно закону, обладают практически полным объемом прав и обязанностей. В соответствии с общепризнанными нормами международного права Конституция закрепляет для этих лиц «национальный режим», который предоставлялся им в нашей стране законодательством и ранее. Отклонения от национального режима (в сторону ограничения прав или, наоборот, их расширения по сравнению с правами российских граждан) могут быть, согласно Конституции, установлены только федеральным законом или международным договором [4, ч.3 ст.62]. Введение особых правил для иностранных граждан в каких-либо других актах неправомерно. Не соблюдая эти правила, государство может столкнуться с серьезными проблемами, в частности с массовым недовольством со стороны иностранных граждан. А ввиду сложившейся ситуации на сегодняшний день можно

говорить о неподготовленности части регионов к осуществлению намеченных программ из-за нехватки рабочих мест, отсутствия необходимой инфраструктуры, а также механизма финансирования этих программ в отношении иностранных граждан, да и отсутствия самих денежных средств на реализацию этих программ.

Конечно, наше государство в значительной мере старается решить вопрос воплощения в жизнь данных программ в отношении мигрантов. Но в частности, дети мигрантов особенно нуждаются в реализации в полной мере полагающихся им прав. Поэтому стоит начать с того, что статус детей мигрантов законодательно не урегулирован, из-за чего становится сложнее определить их правовое положение и то, насколько законно реализуются их права. Этот факт является немалым пробелом в нашем законодательстве и усложняет процесс их легализации на территории нашей страны. Федеральным Законом от 25 июля 2002 г. №115 «О правовом положении иностранных граждан РФ» регулируются только отношения с взрослыми, пребывающими на территории РФ [2]. Закон умалчивает о положении ребенка. Для детей мигрантов возможность дальнейшего пребывания в России ограничивается 90-дневным сроком временной регистрации, то есть, не имея вида на жительство либо разрешения на временное проживание, ребенок лишен права обучаться непрерывно в детском саду, школе или вузе. К тому же для родителей-мигрантов крайне непосильно каждые 3 месяца вывозить ребенка за границу как физически, так и материально.

Но закон прямо устанавливает возможность обучения на территории РФ только легально пребывающих в России лиц [2]. И это справедливо по отношению к гражданам РФ, так как они законно пользуются предоставленными государством благами, в отличие от нелегалов. Хотя говоря об общем образовании, часть школ поступают в обход закону, принимая на обучение или продолжая обучать детей после истечения 90-дневного срока нелегально находящихся иностранных граждан на территории РФ и тем самым нарушая миграционное законодательство (согласно данным ФМС по состоянию на 5.04.2015 в России находится 1169035 детей в возрасте до 17 лет; какова среди них доля детей дошкольного и школьного возраста, неизвестно, но даже если их поровну, это уже 70 тыс. иностранных детей-школьников [1]). Это и касается образования дошкольного, в области которого сложилась ситуация не лучше: длинные очереди из-за большого потока мигрантов в Россию на руках с детьми нарушают права легально проживающих граждан РФ; и образования высшего: дети-мигранты имеют право на сдачу экзаменов наравне с гражданами РФ, то есть имеют право на бюджетные места в высших учебных заведениях, что будет являться ограничением в правах российских детей.

Действительно, пока есть закон, его следует соблюдать. Но нельзя рассуждать по поводу данной ситуации односторонне. Как говорится, это палка о двух концах: в противовес соблюдению закона выступает нравственность и неотъемлемое право каждого ребенка на образование. Меры по отчислению из садов и школ каждого ребенка, у чьих родителей на руках просроченные миграционные карты, антиморальны. Кто сказал, что правовая ответственность взрослых должна перекладываться на их детей?

Именно этот вопрос на данный момент является предметом споров многочисленных юристов, политиков и ученых. Считаем, что для наиболее верной оценки ситуации и поиска возможных путей решения этой проблемы необходимо рассмотреть каждую из позиций наиболее детально.

Итак, рассмотрим некоторые противоречивые стороны данного вопроса, которые касаются норм о правовом положении детей мигрантов в сфере образования в РФ.

Во-первых, Конвенция ООН о правах ребенка в статье 28 гарантирует детям «бесплатное и обязательное начальное образование и требует от государств-членов ООН поощрения развития как различных форм среднего образования, как общего, так и профессионального, обеспечение его доступности для всех детей и принятия необходимых мер, как введение бесплатного образования» [3]. Согласно части 2 статьи 7 Конвенции о правах ребенка «государства-участники обеспечивают осуществление этих прав в соответствии с их национальным законодательством и выполнение их обязательств согласно соответствующим международным документам в этой области, в частности, в случае, если бы иначе ребенок не имел гражданства» [3]. То есть, согласно Конвенции, которая является международным правовым договором, государства-члены ООН обязаны обеспечивать доступность образования всем детям без исключения. Ее несоблюдение является противоправным виновным действием и, как правило, влечет за собой международно-правовую ответственность. Можно сделать вывод о некотором противоречии норм нашего законодательства нормам международным, в частности, что право на образование, согласно федеральному закону [2], имеют только легально пребывающие в России лица.

Касаемо норм внутри нашей страны, стоит отметить некое их несоответствие в законодательстве РФ друг другу. В статье 17 Конституции РФ прямо закреплено, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией, а статья 43 соответственно закрепляет право каждого на образование [4]. Также стоит отметить, что опира-

ясь на статью 38, в которой сказано, что забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей, а также трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях, можно сделать вывод: дети и родители в Конституции РФ рассматриваются как разные субъекты [4]. А опираясь на нормы Закона «О правовом положении иностранных граждан РФ» (№115 от 25 июля 2002 г.), мы видим, что правовой статус ребенка приравнен к статусу взрослого, что противоречит Конституции РФ, в которой идет разделение детей и взрослых, в частности, также в части 4 статьи 43 («Основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования.») [3, 4]. Это и говорит о несоответствии норм, регулирующих правовое положение детей мигрантов в образовательной сфере в РФ, не только международному законодательству, но и отечественному.

Рассмотрим, как данная проблема решается в других странах мира.

Нельзя не заметить позицию Великобритании по вопросу образования. У детей мигрантов отсутствует право на получение образования после достижения 16-летнего возраста, а их семьи не могут получить социальное жилье. Государство решило отменить данной категории людей финансовую помощь в связи с тем, что местным властям пришлось снизить расходы, т.е. дети нелегальных мигрантов в Великобритании напрямую лишены доступа к образованию [5].

А в Италии ситуация состоит иначе. Согласно Конституции Итальянской Республики, в частности, все дети без исключения имеют право получать образование и аттестат зрелости в итальянских школах [6, ст.34]. Хотя образовательная статистика в разных регионах различна, в целом более половины учащихся этих учебных заведений уже не говорят по-итальянски.

Во Франции, чтобы поступить в государственную школу, мигранту нужен только вид на жительство. Для приезжих не предусмотрены специальные классы или курсы адаптации. Принцип Франции: дети мигрантов должны учиться, но не за казенный счет [7].

В Германии все дети учатся вместе. Причем, большинство детей мигрантов занимаются очень успешно и поступают в вузы [7].

И наконец, в США, которые у нас так любят приводить, как пример цивилизованного подхода, уже даже благотворительные фонды перестали дарить игрушки детям мигрантов, если родители не предоставляют номера соцстраха и подтверждения уплаты налогов [8].

Таким образом, понятно, что для любого бюджета, в том числе российского, накладно и совершенно нерационально обучать всех детей иностранных граждан наравне с гражданами РФ, о чем свидетельствует различная правовая практика развитых стран мира в данной области.

В сложившейся ситуации в России возможным альтернативным выходом стал бы так называемый "режим очередности", предложенный в законопроекте депутатами Госдумы Алексеем Журавлевым и Сергеем Жигаревым, в соответствии с которым социальными благами, финансируемыми из бюджета страны, должны пользоваться в первую очередь те, кто этот бюджет наполняет. Предполагался порядок «очереди» на доступ к образованию следующий: сначала граждане России, затем мигранты, которые платят налоги, а затем все остальные.

В пояснительной записке к законопроекту депутаты указали, что в образовательные учреждения дети мигрантов могут поступить только при предоставлении их родителями дополнительных документов (подтверждения из Федеральной налоговой службы «статуса налогового резидента РФ в течение всего срока пребывания» на территории России и не менее года к моменту поступления ребенка в образовательное учреждение). Депутаты объяснили, что, по их мнению, с помощью этого законопроекта станет возможным упорядочение приема детей в детские сады и школы, что станет «дополнительным стимулом для легализации трудовых мигрантов на территории РФ, их легальной трудовой деятельности и отчисления налогов в бюджет страны» [9].

Такое предложение многие встретили с неодобрением, считая, что это не в малой степени ущемит права иностранных граждан и станет большим камнем преткновения в политике интернационализма [10]. Существует и иное мнение: раз мы собираемся отказывать детям мигрантов, чьи родители заняты в теневом секторе экономики, в получении образования, придется и российским гражданам по аналогии отказывать в таком праве.

Одним из вариантов решения данной проблемы на начальном этапе может быть значительное ограничение прав лиц, в том числе членов их семей, въехавших на территорию РФ без оформления разрешения на работу (в июле 2014 года вступили в силу следующие изменения: статья 18 ФЗ "О правовом положении иностранных граждан" дополнена пунктом следующего содержания: «Помимо случаев, предусмотренных пунктом 9.8 настоящей статьи, разрешение на работу иностранному гражданину, прибывшему в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, не выдается в случае, если данный иностранный гражданин не указал в миграционной карте работу как цель визита в Российскую Федерацию») [3].

Таким образом, если родители приехали в Россию с целью трудоустройства, их комплекс прав и перспектив значительно расширяется по сравнению с нелегалами. В частности, дети могут законно получать образование на всех уровнях, так как получив патент на работу мигранты начинают платить налоги нашему государству, там самым их положение приобретает легальный характер.

Мы считаем, что на данном этапе в первую очередь законодателью совместно с Управлением Федеральной миграционной службы, нужно выработать механизмы, с помощью которых станет возможным исключение нарушения международных норм права, и тем самым эти самые механизмы не допустят формирования целого пласта необразованных нелегальных детей. Для этого, для начала, необходимо сосчитать численность мигрантов, пребывающих конкретно в каждом городе, что позволит контролировать ситуацию и выявлять нелегальных мигрантов, чтобы в дальнейшем работать с ними на изменение их статуса или отправление на родину.

Во-вторых, стоит разработать конкретные нормы, касающиеся положения именно детей мигрантов в образовательной сфере. Возможно, стоит ввести дополнительный налог на их обучение. Это действительно сможет заполнить дыры в российском бюджете, образованные из-за содержания нелегальных мигрантов на территории РФ.

В остальном все корни проблемы заключаются в нынешнем миграционном законодательстве в целом. Разумно было бы привязать многократно действующие разрешительные документы к конкретным законопослушным иностранным гражданам для трудовой деятельности, и тем самым у нелегальных иностранцев появился стимул приобретения статуса законного мигранта, далее – выдать всем трудовым мигрантам без исключения и закрепить за ними разрешения на работу и патенты, однако «активизировать» только документы законопослушных мигрантов согласно их налоговым отчислениям в бюджет РФ. Тем самым и законность положения детей трудящихся-мигрантов на всех уровнях образования не встанет под сомнения.

1. Официальные статистические данные ФМС России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/> (дата обращения 20.04. 2015).

2. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ, с изменениями от 6 апреля 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.04. 2015).

3. Конвенция ООН о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.04. 2015).

4. Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 года, с изменениями от 21 июля 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru>(дата обращения 20.04. 2015).

5. The Guardian: Взросление во враждебной среде: Права детей незарегистрированных мигрантов в Великобритании [Элек-

тронный ресурс] – Режим доступа: <http://russian.rt.com/article/18051> (дата обращения 20.04. 2015).

6. Конституция Итальянской Республики от 22 декабря 1947 года / пер. с итал. Л. П. Гринберга // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л. А. Окунькова. – М.: Издательская группа ИНФРА-М–НОРМА, 1997. – С. 423–450 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://italia-ru.com/> (дата обращения 20.04. 2015).

7. Ивойлова, И. Мигрант на обучение: скоро 30 процентов учеников в классах будут составлять дети гастарбайтеров / И. Ивойлова // "Российская газета" – Федеральный выпуск №5899 (226) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru>

8. Балабас, Е. Детей мигрантов гонят из детских садов: должны ли россияне оплачивать социальные блага для приезжих? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/social/article/2013/10/04/925821-detey-migrantov-gonyat-iz-detskih-sadov.html> (дата обращения 20.04. 2015).

9. Законопроект № 350713-6 «О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" (в части ограничения прав на образование иностранных граждан) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=350713-6&02> (дата обращения 20.04. 2015).

10. Как в московских школах учатся дети мигрантов: репортаж «Ленты.ру» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2013/10/28/children/> (дата обращения 20.04. 2015).

УДК: 342.41

СТАБИЛЬНОСТЬ КОНСТИТУЦИИ РФ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В КОНСТИТУЦИОННОМ РАЗВИТИИ РФ

Е.С. Трифонов
студент 2 курса

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

В статье рассматриваются вопросы стабильности Конституции и конституционных норм и соответствия данному принципу юридически закрепленных способов изменения Консти-

туции РФ. В связи с поставленной проблемой также производится анализ таких юридических категорий, как соотношение юридической и фактической Конституции, аспекты неизменности и устойчивости Конституции РФ.

Ключевые слова: Конституция, стабильность Конституции, устойчивость Конституции, пересмотр Конституции, конституционные поправки.

STABILITY OF RUSSIAN CONSTITUTION AND ITS MEANING IN CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN FEDERATION

Y.S. Trifonov

Student of the 2nd grade, Institute of Law,

*Vladivostok State University of Economics and Service
Russia, Vladivostok*

Issues of stability of Russian Constitution of 1993 and correspondence of ways of changing it to that principle are considered within this article. Also, the analysis of such legal categories as «legal» and «real» constitution, aspects of unchangeability and steadiness of Constitution of RF is done in connection with formulated problem.

Keywords: *Constitution, stability of Constitution, steadiness of Constitution, revising the Constitution, Constitutional amendments.*

В настоящее время достаточно важное внимание уделяется исследованиям различных характеристик правового регулирования. Одной из таких характеристик является стабильность правового регулирования. Именно эта характеристика позволяет судить об устойчивости сложившихся в конкретном социуме общественных отношений и используемых способов их правового регулирования. Однако, говоря о стабильности правового регулирования РФ в целом, нельзя обойти стороной дискуссионный вопрос стабильности высшего нормативного акта в РФ, которому и будет посвящена представленная работа.

Конституция как разновидность нормативно-правовых актов, помимо иных своих целей, создается для улучшения регуляции социально-правовых отношений в конкретном обществе. Она индивидуальна для каждого государства, однако имеются некоторые базовые принципы, на которые должны опираться создатели Конституции при разработке этого акта. В числе таковых можно выделить стабильность, учет исторического опыта и духовно-

нравственных реалий государства. Совокупность этих принципов означает, что в основе конституции должны лежать незыблемые принципы и ценности, неотъемлемые от духовно-культурной жизни народа, не позволяющие ему терять своей национально-культурной, духовной идентичности. Конституционные начала организации государства должны быть связаны с национальным самосознанием народа, а также с его представлениями о целях своего существования.

На наш взгляд, под стабильностью Конституции следует понимать неизменность основных положений конституции при неизменяющихся ключевых социально-политических условиях данного общества. Она является одним из главных условий стабильности конституционного строя, устойчивости всей системы и организации государственной власти, ее предсказуемости, а также устойчивости всей правовой системы.

Стабильность Конституции РФ является одним из главных условий существования не только самого акта (представляется, что сам по себе правовой акт имеет вторичное значение по отношению к сложившимся общественным отношениям), а устойчивых конституционно-правовых норм, посредством которых осуществляется правовое регулирование ключевых общественных и государственных институтов РФ.

Среди признаков стабильности Конституции РФ можно выделить следующие:

1. Реальное исполнение норм и ценностей, заложенных в Конституции РФ;
2. Возможность её изменения и развития;
3. Недопущение средствами закона её искажённой трактовки и действия конституционных норм избирательно, в соответствии с личными интересами лица или группы лиц;

Стабильность Конституции определяется социально-политическими и экономическими факторами (стабильностью регулируемых конституцией отношений, стабильностью политической и социальной ситуации и др.) и обеспечивается действием специальных юридических и политических механизмов, в частности – существующим порядком изменения и пересмотра Конституции.

Отдельно стоит отметить политические механизмы, посредством которых реализуется стабильность конституции. Под ними понимается система действий политических институтов и организаций, предназначенная для преобразования свойств, характеристик и других параметров (социального, экономического, собственно политического спектра) развития конституционных норм в

требуемом направлении. Структура политического механизма в установлении стабильности конституционных норм и конституции в целом имеет следующую конструкцию: входное звено – политические организации и институты, определяющими направление развития конституции (высшие законодательные и иные органы государственной власти), выходное звено – политические организации и институты, соединенные с общественными (социальными, экономическими, политическими) организациями и институтами, обеспечивающими преобразование свойств, характеристик, других параметров общественного (социального, экономического, собственно политического) развития, и исполняющие (реализующие) закреплённые конституционные нормы в реальности. Иные государственные органы выступают в этом процессе посредниками, которые конкретизируют конституционные нормы через издание различных нормативно-правовых актов и юридически значимых действий.

Важная роль при этом отводится организации обратной связи, которая является неотъемлемой частью действия политического механизма и указывает на то, что при неэффективности норм они могут быть изменены, заменены или дополнены.

Кроме того, стабильность конституции обеспечивается тем, что она выступает в качестве своеобразного проекта, скелета развития государства и общества, структурного плана государственно-правового развития народа в рамках взятого курса на построение правового, демократического, социального, светского государства [1, с. 46]. Это обуславливается тем, что при создании Конституции, законодатель вкладывал в неё нормы, регулирующие не только текущие правоотношения, но и определяющие планы развития государства и общества. Иными словами, конституция – это план развития и преобразования общества, становление его через поэтапное развитие и исполнение норм, призванных улучшать и гарантировать стабильную жизнь и развитие социально-правовых отношений в стране.

Конституция РФ создана для того, чтобы действовать не один день, а продолжительное время. Именно поэтому важна такая особенность конституционно-правовых норм, как декларативность, под которой понимается то, что декларативные нормы будут воплощены в жизнь тогда, когда общество и государство в своем развитии достигнет определенной стадии, на которой сложатся все необходимые условия для реализации нормы. Ярким примером может являться статья 7 Конституции РФ [2], в которой говорится, что Россия – социальное государство, с развивающимися системой социальных служб, социальной защиты, политика которого на-

правлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Не в последнюю очередь необходимо следить за соблюдением принципа взаимного доверия, который требует обеспечения исполнения и реализации норм Конституции РФ как гражданами, так и органами государственной власти, в том числе через предоставление многонациональному народу РФ права на эффективное использование институтов непосредственной демократии. Иными словами, если соблюдаются основополагающие принципы и нормы Конституции, как властью, так и народом, то можно говорить о её стабильности на государственном уровне [3, с. 36].

Стабильность Конституции России имеет значительную ценность, поскольку обеспечивает не только устойчивость политической и правовой системы, но является и одним из основных факторов их легитимности. Поэтому понятна позиция тех политиков и правоведов, которые призывают очень осторожно подходить к предложениям об изменении Конституции России, указывая при этом, что на изменения, а тем более пересмотр Конституции РФ, целесообразно идти только тогда, когда радикально изменившаяся социальная ситуация этого требует. Президент РФ В. В. Путин неоднократно заявлял об отсутствии намерения менять Конституцию РФ (последний раз на пресс-конференции 19 декабря 2013 г.). "У нас есть Конституция РФ, и в рамках Конституции формируются органы власти. В этом смысле мы ничего менять не будем. Я думаю, это нецелесообразно и опасно именно для стабильности Российского государства с точки зрения формирования органов власти", – заявил Президент [4 с. 204]. Из этих слов становится понятно, что при создании Конституции 1993 года законодатель проектировал её не только на регулирование отношений в РФ в момент ее принятия, но и с закладкой потенциала, который в дальнейшем должен быть реализован. Это говорит нам о стабильности тех норм, которые были приняты 22 года назад и которые исполняются, по сей день.

Конституция РФ как нормативно-правовой акт имеет жесткий порядок внесения в нее изменений и пересмотра. И это не случайно, поскольку периодическая хаотичная смена общественных отношений способна привести к беспорядку в стране, а многочисленные поправки Конституции могут существенно изменить её, а вместе с ней и само общество и государство. В связи с этим можно отметить, что стабильная Конституция – залог успешного государственного устройства и эффективного государственного управления, т.е. стабильность конституции прежде всего выгодна органам

государственной власти как незыблемый фундамент осуществления ими своих полномочий.

Тем не менее, необходимо произвести очень важное отграничение понятий «стабильности» и «неизменности» конституции. Под вторым понимается отсутствие каких-либо изменений, вносимых в конституцию, своеобразная ее консервация. Стабильная конституция – это нормативно-правовой акт с устойчивыми, неизменными основными положениями, реализуемыми на практике.

В наше время, учитывая быстрый темп жизни и развития общественных отношений, конституционно-правовые акты, не предусматривающие в себе механизмов собственной модернизации и реформирования, обречены быть «отсталыми». Стабильность подразумевает подвижность конституционных норм, то есть возможность их изменения, не затрагивающего основ конституционного строя. Именно к стабильности применимо понятие устойчивости Конституции России, которое представляет собой способность Конституции РФ сохранять свое содержание и основные формы реализации, умение противостоять рискам и обеспечивать преемственность, новизну и развитие общества и государства. Конституционная устойчивость обеспечивает ее стабильность через неизменность основных положений и сохранение динамического равновесия в долгосрочной перспективе. В силу своего основополагающего характера стабильная Конституция России устанавливает стабильные, политические, экономические и социальные отношения в российском обществе и государстве, обеспечивает их предсказуемость и устойчивость правовой системы. За время своего действия в Конституцию России только дважды (в 2008 и 2014 гг.) были внесены поправки, касающиеся отдельных элементов системы органов государственной власти [4, с. 202-203].

Говоря о возможности изменения Конституции РФ, необходимо решить вопросы о том, какие поправки в Конституцию РФ могут соответствовать ее динамическому развитию и подкреплять ее стабильность, а какие – нет; происходит ли при внесении каких либо изменений сохранение стабильного действия конституционных норм.

Соблюдение ценностей, закреплённых Конституцией России, стремящейся стать демократическим, правовым государством, могут обеспечить ее стабильность, объединяя и укрепляя различные социальные группы общества. Их реализация должна быть главной задачей любых общественно-политических сил в стране. Проблемным вопросом здесь становится то, что если какие либо положения Конституции не подлежат пересмотру, соответственно она, с течением развития общественных отношений начинает уста-

ревать. Но законсервированность некоторых её положений (а именно глав 1, 2 и 9) не позволяет дестабилизировать основной нормативно правовой акт нашей страны и как следствие социально-правовую обстановку в государстве. Закрепляемые конституцией базовые устои и ценности должны быть изолированы от постоянной борьбы политических групп и направлений и не подлежать изменению [1, с. 45].

В ч. 1 ст. 135 Конституции Российской Федерации установлено, что положения глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием. Если обе палаты 3/5 голосов поддержат предложение о пересмотре положений этих глав, то созывается Конституционное Собрание, перед которым стоит задача: либо разработать проект новой Конституции Российской Федерации, либо подтвердить неизменность Конституции Российской Федерации. Можно сделать вывод, что любое предложение, которое касается изменения глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации, даже представленное как частичное изменение отдельной статьи, фактически не влекущее изменения конституционного строя Российской Федерации, все равно рассматривается как попытка изменить этот строй. В результате начинает работать сложный механизм пересмотра Конституции Российской Федерации, который максимально затрудняет такого рода реформу. Эти устои могут изменяться и пересматриваться посредством деятельности Конституционного Собрания и, при недостаточности единодушия первого, проведения всенародного референдума. Разумеется, инициирование подобного рода процедуры должно быть обусловлено объективной необходимостью в изменении базовых конституционных норм в связи с резким изменением сложившихся общественных отношений в России. Поэтому необходимо отметить, что невозможность изменения глав 1, 2 и 9 Конституции РФ без проведения сложной процедуры ее пересмотра является подтверждением принципа стабильности Конституции РФ, поскольку в данном случае речь идет об изменении базовых устоев российского общества и государства, которые нельзя проводить исключительно в законодательном порядке, на что и указывает Конституция РФ.

Тем не менее, отсутствие ФКЗ «О Конституционном Собрании РФ», раскрывающего правовой статус данного органа, практически не описанного в Конституции РФ, негативно сказывается на принципе стабильности Конституции РФ, поскольку в таком случае процедура пересмотра Конституции РФ становится не усложненной, а невозможной к реализации, ведь именно в этом ФКЗ должны быть описаны такие важные элементы правового статуса Конституционного Собрания РФ, как срок деятельности, структура,

порядок формирования и т.д. Нельзя учитывать в качестве оправдания отсутствия данного ФКЗ при наличии его проектов ссылок на то, что принятие данного акта повлечет всплеск активности различных общественных групп по пересмотру Конституции РФ. Необходимо обратиться к нормативному регулированию пересмотра Конституции РФ, предусматривающего перед созывом Конституционного Собрания РФ утверждение инициативы изменения Конституции РФ квалифицированным большинством обеих палат Федерального Собрания РФ. Учитывая различный порядок формирования этих палат, очевидно, что для проведения такого действия необходимо определенное единодушие представителей интересов различных групп, что можно считать достаточным основанием для созыва Конституционного Собрания РФ.

Стоит также отметить некоторые моменты, касающиеся внесения поправок в Конституцию РФ. Здесь обращает на себя внимание стремительность прохождения конституционных поправок в Федеральном Собрании и законодательных органах государственной власти субъектов РФ. Представляется, что внесению поправок должна предшествовать широкая общественная дискуссия и экспертиза, при которой проекты поправок должны проходить реальное общественное обсуждение, а участвующие в данной процедуре государственные органы должны обязательно учитывать сформированное в результате такого обсуждения мнение. Подобную практику надо было закладывать еще в 2008 г., когда были внесены первые поправки к Конституции. И сегодня, подводя некоторые итоги действия этих поправок, можно сказать, что удлинение времени между избирательными циклами с 4 лет до 5 и 6 лет в отношении Государственной Думы и Президента РФ соответственно никак не отразилось на политической жизни общества. За всё время существования Конституции образца 1993 года было внесено 4 поправки: две в 2008 году и 2 в 2014 году. Для того, чтобы оценить эффект указанных изменений и их способствование динамическому развитию российской государственности, необходимо проведение специальных исследований, в проведении которых органы государственной власти в настоящее время не заинтересованы.

Говоря о проблеме соотношения юридической (нормативно-правового акта и его правовых норм) и фактической (реально сложившихся конституционных общественных отношений) конституций в отношении Конституции РФ, необходимо, во-первых, отметить, что идеальное совпадение данных категорий невозможно – возможно лишь сокращение разрыва между ними до минимума. Состояние фактической реализации Конституции РФ зависит, прежде всего, от состояния гражданского общества, от каждого его

члена. Если Конституция России не реализуется должным образом, то в этом следует винить не саму Конституцию РФ, а правоприменителей и тех, кто исполняет предписания Конституции РФ в обыденной жизни. Вместо того, чтобы менять Конституцию государства, правильным будет продолжать решать такие проблемы, как правовой нигилизм, правовой инфантилизм населения РФ и коррупцию в сфере государственной власти [5, с. 81].

В заключение хотелось бы отметить, что в настоящее время в российском обществе еще не сложились условия для принятия новой Конституции или принципиальных поправок к ней, но она выполнила главную задачу, стоящую перед ней в конкретных исторических условиях – заложить фундамент государственного единства общества и стабильности правового порядка. Это означает, что она в целом выполняет свою функцию, и ее стабильность оправдана. Вместе с тем, Конституция РФ, безусловно, должна развиваться, в нее должны вноситься поправки, однако при этом нужно видеть и опасность конституционного радикализма, призывающего полностью менять Конституцию и только в этом видеть способ решения проблем государственной важности. По нашему мнению, для еще более полного раскрытия стабильности Конституции РФ и ее.

1. Фадеев, В.И. Стабильность и развитие Конституции Российской Федерации / В.И. Фадеев / Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. – 2014. – № 1. – С. 43–48.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. – 1996. – № 3, ст. 152.

3.. Советов, И.К. Конституция России: вызовы, риски, стабильность / И.К. Советов. – Пермь: Изд-во Западно-Уральского Института экономики и права, 2006. – 356 с.

4. Дмитриев, Ю.А. О состоянии и перспективах развития российской конституционно-правовой науки / Ю.А. Дмитриев / Журнал российских правовых исследований. – 2015. – № 1. – С. 34–40.

5. Отставнова, Е.А. Стабильность Конституции Российской Федерации – основа устойчивого развития России / Е.А. Отставнова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 1 (96). – С. 80–65.

ПОРЯДОК ИЗДАНИЯ ПОДЗАКОННЫХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ

К.М. Умедов

преподаватель кафедры государственно-правовых
дисциплин

*Российско-Таджикский (славянский) университет
Республика Таджикистан, г. Душанбе*

В статье раскрывается порядок издания подзаконных нормативно правовых актов. Роль и значение подзаконных актов в формировании законодательства Республики Таджикистан. Особенности и юридический статус подзаконных нормативно – правовых актов.

Ключевые слова и словосочетание: *правоприменение – ПП; нормативно-правовой акт – НПА; подзаконный нормативно правовой акт ПНПА.*

THE ORDER OF PUBLISHING SUBLEGISLATIVE ACTS

K.M. Umedov

lecturer of State Law disciplines Department,

*Russian-Tajik (Slavic) University
Dushanbe, Republic of Tajikistan*

The article reveals the order of publishing sublegislative act, their role and importance in the legislation system of the Republic of Tajikistan, as well as peculiarities and legal status of the sublegislative acts.

Keywords: *law enforcement, legal act, sublegislative act.*

Право есть долгожданное научное, обоснованное, «категория» и социальный институт. Право – это продукт исторической деятельности и упорного духовного производства человечества. Право является общественным регулятором, «объективная справедливость», на которую надеются человек и общество. Право, в первую очередь, духовное «идеальное», категория, базирующая на принципах, и материализующая, и облекающаяся в форму нормативных

правовых актов, прецедентов, и другие формы и источники, предусмотренные законодательством того или иного государства. Право – это «инструмент», «орудие народа», «искусство упорядочение отношений на основе гуманизма». Мы знаем даже из новейшей истории, что общественные отношения регулировались «правом» и в те периоды, но право по содержанию и принципам не соответствовало «целям и назначениям». Общественные отношения возникли гораздо раньше, чем право. Право есть мерило отношений, строящееся на объективных, естественных принципах гуманизма, справедливости, законности, демократизма и других. Право должно регулировать уже существующие отношения. Формализуясь, право конкретизирует свое местонахождение, трансформируясь в источник права для субъектов. Источником права в специальном юридическом смысле является внешняя форма выражения права, которая содержит регулятор общественных отношений. «Внутренняя определенность нормы проявляется в содержании, объеме права и обязанностей, четких указаниях на последствия ее нарушения. Внешняя определенность заключается в том, что любая норма закреплена в статье, главе, разделе официального документа нормативно правового акта» [10, с.113]. «Источник права – специальный правовой термин, существующий для обозначения внешней формы выражения юридической нормы. Источники – это официально государственная форма выражения воли властвующих субъектов» [8, с.99]. «Источник права – это действующие в государстве официальные документы, устанавливающие или санкционирующие нормы права, внешняя форма выражения правотворческой деятельности государства, с помощью которой воля законодателя становится обязательной для исполнения» [9, с. 407]. Источниками права в Республике Таджикистан являются нормативно-правовые акты (НПА), международные нормы, официально признанные Таджикистаном, а также обычаи делового оборота в рамках гражданского законодательства.

Говоря о **подзаконных нормативных – правовых актах** (ПНПА) нужно отметить, что они являются производными от актов законодательных, призваны обеспечивать их реализацию. ПНПА – это НПА органа государственной власти, имеющий более низкую юридическую силу, чем закон. «Говоря о ПНПА, называя их подзаконными, подчеркивается их положение по отношению к закону. ПНПА представляют собой объемную разнородную совокупность норм. В десятки раз превышая количество законов, именно ПНПА подвергают общественную жизнь детальному правовому регулированию» [2, с.1]. «Индивидуальный правовой акт – это акты государственных органов, негосударственных организа-

ций, должностных лиц, выражающие решение по конкретному юридическому делу» [6, с.15-16]. «В правовой сфере, как на уровне правотворчества, так и на уровне правоприменения, правовые принципы и формы призваны обеспечить функционирование и дальнейшее развитие нового конституционного строя» [16, с. 8]. Источник права в формально-юридическом смысле – это форма закрепления и выражения правовых норм, придания им общеобязательного официального характера. Юридическая наука главным образом изучает именно источники права в формально-юридическом смысле, иначе – формальные источники права, юридические источники права, формы права.

Актуальность работы заключается в том, что большую часть законодательства составляют именно подзаконные нормативные правовые акты. Несмотря на юридический статус, подзаконные нормативные правовые акты, безусловно, регулируют важные общественные отношения. Также является важным, установление точной и строгой иерархии субъектов правотворчества и совершенствование механизма взаимодействия их актов. Именно подзаконными актами утверждаются долгосрочные планы, стратегии, программы и другие акты исполнительной власти. Интересен и механизм утверждения подзаконными актами инструкций, регламентов, правил, положений и уставов государственных органов. Актуальность исследования подзаконных актов обусловлена также подвижностью наименований и функций самих органов исполнительной власти.

Объектом исследования является: процесс, требование и механизм составления подзаконных нормативных правовых актов.

Предметом исследования: изучение нормативно – правового акта (НПА);

Целью исследования: совершенствование правил создания подзаконных нормативно – правовых актов (ПНПА).

Задачи исследования:

1) определить роль подзаконных актов в формировании законодательства;

2) выявить юридический статус подзаконного акта.

НПА – это юридический акт, содержащий в себе нормы права. С помощью НПА устанавливаются, изменяются и прекращаются нормы права. НПА составляют единую иерархическую систему, она отражает систему государственных органов. «Актами высшей юридической силы являются законы. Закон занимает ведущее положение в системе НПА»[1, с.5]. Подразделение НПА на законы и подзаконные зависит от их юридической силы. Практическое значение такого деления заключается в том, что в случае расхождения закона и подза-

конного нормативного акта действует закон. Необходимо определить место актов органов исполнительной власти в системе источников права, тенденции их развития и соответствие законам. В ходе разработки ПНПА исполнительная власть должна брать за основу принципы правотворчества и правоприменения, обязана анализировать предложения и замечания общества.

ПНПА как источники права в большей мере являются источниками права для конкретных видов общественных отношений. Общеизвестным является положение о том, что в самом общем смысле ПНПА – это НПА, изданный на основе и во исполнение закона. Такой акт не может противоречить закону, таким образом, соответствие закону является главным признаком ПНПА. ПНПА играют значительную роль и имеет огромное значение в создании законодательного пространства в Таджикистане.

В соответствии со статьей 2 Закона Республики Таджикистан «О НПА» законодательными актами являются – Конституция Республики Таджикистан, законы Республики Таджикистан, принятые путем всенародного референдума, конституционные законы, кодексы, законы Республики Таджикистан. В соответствии со статьей 7 вышеназванного закона в систему нормативных правовых актов Республики Таджикистан входят:

- Конституция Республики Таджикистан;
 - законы Республики Таджикистан, принятые путем всенародного референдума;
 - конституционные законы;
 - кодексы, законы;
 - совместные постановления Маджлисимилли и Маджлисиномаюндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан;
 - постановления Маджлисимилли и Маджлисиномаюндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан;
 - указы Президента Республики Таджикистан;
 - постановления Правительства Республики Таджикистан;
 - распоряжения министерств и иных государственных органов, а также постановления государственных комитетов;
 - постановления Маджлисов народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, областей и города Душанбе;
 - постановления председателей Горно-Бадахшанской автономной области, областей и города Душанбе;
 - постановления Маджлисов народных депутатов городов и районов;
 - постановления председателей городов и районов;
 - постановления органов самоуправления поселков и сёл
- [3,ст.7].

Из содержания статьи 2 и 7 Закона Республики Таджикистан «О НПА» можно сделать вывод, что Конституция РТ, законы РТ, принятые путем всенародного референдума, конституционные законы, кодексы и законы являются законодательными актами. Совместные постановления Маджлисимилли и Маджлисиномаюндагон Маджлиси Оли РТ, постановления Маджлисимилли и Маджлисиномаюндагон Маджлиси Оли РТ, указы Президента РТ, постановления Правительства РТ, распоряжения министерств и иных государственных органов, а также постановления государственных комитетов, постановления Маджлисов народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, областей и города Душанбе, постановления председателей Горно-Бадахшанской автономной области, областей и города Душанбе, постановления Маджлисов народных депутатов городов и районов, постановления председателей городов и районов, постановления органов самоуправления поселков и сёл, есть, подзаконные акты.

В соответствии со статьей 2 Закона Республики Таджикистан «О НПА» подзаконные акты это нормативные правовые акты, принимаемые на основе и во исполнение законов. Применение норм права осуществляется не в произвольной форме, а в строго установленном порядке.

По словам Г.Ф. Шершеневича, условие порядка состоит в применении норм права «по точному их смыслу, не взирая на результаты применения в тех или иных конкретных случаях» [20, с.15-16]. По мнению А.С. Пиголкина применение права является поединститутом реализации права [15, с.465].

Таблица 1

Пиголкин А.С. Теория государства и права: учебник. – М., 2005. – 465 с.			
<i>Формы реализации норм права</i>			
Соблюдение	Исполнение	Использование	Применение

Я же осмелюсь предположить, что правотворчество в первую очередь содержит в себе стадию «правоприменения». Например, правотворчество на референдуме одновременно использование права субъектами референдума. Каждый нормативный правовой акт на первоначальном этапе проходит процесс правоприменения, инициатором которого является группа или отдельный субъект правотворчества или законотворчества. Если у судьбы актом правоприменения является решение, приговор, определение и другие акты, предусмотренные законодательством, то у органов и долж-

ностных лиц актом правоприменения является нормативный правовой акт. Компетенция по изданию подзаконных нормативно-правовых актов, откуда начинается сам процесс правоприменения в правотворчестве, предусмотрен в Конституции и других НПА РТ. В соответствии с Конституцией РТ – Президент Республики Таджикистан в пределах своих полномочий издает указы и распоряжения [4,ст.70]. В соответствии с нормами Конституционного Закона РТ «О Правительстве Республики Таджикистан» – Правительство РТ в соответствии с Конституцией принимает постановления и издает распоряжения, исполнение которых на территории Республики Таджикистан обязательно. Акты, имеющие нормативный характер, издаются в форме постановлений Правительства РТ [5,ст.29]. Также издания ПНПА предусмотрено в «Положениях», «Уставах» и «Регламентах» министерств, государственных комитетов и иных государственных органов. Положение Министерства экономического развития и торговли РТ гласит следующее – Министерство на основании и во исполнение Конституции РТ, конституционных законов, актов Президента РТ и Правительства РТ самостоятельно принимает НПА в установленной сфере деятельности [11,ч.5]. Для министерств и государственных комитетов, непосредственно входящих в состав Правительства в большинстве случаев «нормой – источником» ПП является «ПНПА». «Нормы» постановлений Правительства РТ об утверждении положений того или иного министерства и государственного комитета, есть основа для издания НПА – ПНПА государственным органам (должностным лицам). На практике наблюдаются случаи, когда для издания постановления Правительства РТ за основу выступают другие ПНПА и послание Президента РТ. К примеру, в постановлении Правительства РТ «Об утверждении Государственной программы компьютеризации центральных и местных органов государственной власти, органов местного самоуправления поселков и сел на период 2012- 2015 годов». В тексте этого акта после формулирования цели его принятия документа содержится ссылка на *Указ Президента Республики Таджикистан от 30 апреля 2008 г, №45[19]*[12, ст.1]. Также можно привести постановление Правительства РТ от 20 апреля 2011г., №200, которым утверждается План мероприятий по выполнению указаний, содержащихся в Послании Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли Республики Таджикистан [13,ч.1]. Подобных примеров множество, где источником права на издание подзаконного акта выступает сам подзаконный акт.

Одной из характеристик ПНПА акта является их срочность. Например, постановление Правительства РТ «О Плана работы

Правительства Республики Таджикистан на первое полугодие 2012 года» утверждает план работы на определенный период (первое полугодие 2012 года) [14, ч.1].

Правоприменение – это не одна из форм реализации права, а особый тип осуществления права, который, в свою очередь, имеет свои формы [17, с.62].

Правоприменение – это государственная деятельность государственных органов по осуществлению норм права. Осуществляется путем вынесения предписаний, обладающих юридической силой и следующими признаками:

- является первой стадией правотворчества и одним из элементов реализации права;
- осуществляется, компетентными государственными органами и обществом;
- акты правоприменения имеют властный и обязательный характер;
- требует к себе научного, профессионального и конституционного подхода;
- является организующей деятельностью по осуществлению норм права.

Цель правоприменения – удовлетворение не личных потребностей субъекта правоприменения, а потребность отдельных лиц или всего общества; осуществляется в процессуальных формах [18, с. 138]. Правоприменение – это деятельность компетентных органов, направленная на реализацию в жизнь предписаний, закрепляющихся в нормах права [7, с.197]. Несмотря на срочность и подзаконность данного вида НПА, они имеют, важную роль в формировании законодательства, конкретизируют отдельные нормы закона и упраздняют их, а так же являются удобными в применении и менее сложны в их создании.

Подводя итог, отметим, что в Таджикистане, как и во всех государствах постсоветского пространства, существует континентальная правовая система, где основным источником права, выступает **НПА**. От техники создаваемых НПА зависит, качество «Права» как социального регулятор общественных отношений и качество технического механизма правоприменения. Как было выше отмечено, **ПНПА** составляют значительную часть законодательства и в целом имеют большое значение в формировании законодательства. В Законе РТ «О НПА» – ПНПА имеет название «**подзаконный акт**» [3, ст.2]. Основными принципами правотворчества в РТ являются: законность, приоритет международных правовых норм, признанных Таджикистаном по отношению к законам и подзаконным актам, преимущественного обеспечения защиты

прав и свобод человека и гражданина, социальной справедливости, гласности, научности, профессионализма и учета общественного мнения. Общими требованиями являются: принятие НПА уполномоченным субъектом правотворчества; принятие нормативного правового акта в порядке и виде, установленных законами и другими нормативными правовыми актами РТ; соответствие нормативного правового акта Конституции РТ и иным нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу; опубликование нормативных правовых актов [3, ст.6].

Для конкретизации и ясности в системе нормативно-правовых актов РТ предлагаю, внести дополнение и изменения в статьи 1 и 27 Закона Республики Таджикистан «О нормативно правовых актах» следующего характера: «исключить абзац 4 статьи 1 и часть 3 статьи 27»; изложить название статьи 27 в следующей редакции «Правила и Инструкции».

1. Ашинов, Ю.Н. Законы и подзаконные акты / Ю.Н. Ашинов. – Белореченск, 2006. – 87 с.

2. Бошно, С.В. Понятийные и технико-юридические проблемы подзаконных актов / С.В. Бошно // Журнал российского права. – 2004. – №12. – С. 51–60.

3. Закон Республики Таджикистан «О нормативно правовых актах» от 2 марта 2009. №506, [Электронный ресурс] Централизованный Банк правовой информации Министерство Юстиции Республики Таджикистан, «Адлия». – Режим доступа: <http://www.adlia.tj/> (дата обращения: 30.04.2015)

4. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. [Электронный ресурс] Централизованный Банк правовой информации Министерство Юстиции Республики Таджикистан, «Адлия» Режим доступа: <http://www.adlia.tj/>. (дата обращения: 30.04.2015)

5. Конституционный Закон Республики Таджикистан «О Правительстве Республики Таджикистан» от 12 мая 2001. №28 [электронный ресурс] Централизованный Банк правовой информации Министерство Юстиции Республики Таджикистан, «Адлия» - Режим доступа: <http://www.adlia.tj/>. (дата обращения 30.04.2015).

6. Лызлов, Д.Н. Юридическая техника: учеб. пособие / Д.Н. Лызлов, В.Ю. Каргухин. – М., 2009. – 176 с.

7. Малько, А.В. Теория государства и права / А.В. Малько. – М., 2006. – 400 с.

8. Пономоренко, В.И. Теория государства и права / В.И. Пономоренко. – Тюмень, 2004. – 312 с.

9. Пиголкин, А.С. Теория государства и права / А.С. Пиголкин. – М.: Юрайт, 2005. – 613 с.

10. Перевалов, В.Д. Теория государства и права / В.Д. Перевалов. – М.: Юрайт, 2008. – 379 с.
11. Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 28 декабря 2006. №589, [электронный ресурс]. Централизованный Банк правовой информации Министерство Юстиции Республики Таджикистан, «Адлия». – Режим доступа: <http://www.adlia.tj/>. – 14 с.
12. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 2 ноября 2011. №550, [электронный ресурс]. Централизованный Банк правовой информации Министерство Юстиции Республики Таджикистан, «Адлия». – Режим доступа: <http://www.adlia.tj/>. – 2 с.
13. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 апреля 2011. №200 [Электронный ресурс]. Централизованный Банк правовой информации Министерство Юстиции Республики Таджикистан, «Адлия». – Режим доступа: <http://www.adlia.tj/>. – 1с.
14. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 3 декабря 2011. №573. [Электронный ресурс]. Централизованный Банк правовой информации Министерство Юстиции Республики Таджикистан, «Адлия». – Режим доступа: <http://www.adlia.tj/>. -1 с.
15. Пиголкин, А.С. Теория государства и права / А.С. Пиголкин. – М., 2005. – 613 с.
16. Сорокин, В.В. // Известия Алтайского государственного университета. – 1998. – №2. – 9 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tigr.wordpress.com/>
17. Тулиев, И.Р. Юридическая техника: учеб. пособие / И.Р. Тулиев. – Душанбе: Изд-во РТСУ, 2013. – 86 с.
18. Тулиев, И.Р. Разработка нормативно правовых-актов: учеб. пособие / И.Р. Тулиев. – Душанбе: Изд-во РТСУ, 2014. – 169 с.
19. Указ Президента Республики Таджикистан от 30 апреля 2008. №45, [электронный ресурс]. Централизованный Банк правовой информации Министерство Юстиции Республики Таджикистан, «Адлия». – Режим доступа: <http://www.adlia.tj/>. – 2 с.
20. Шершеневич, Г.Ф. Применение права / Г.Ф. Шершеневич // Юридический консультант. – 2004. – №9. –131 с.

References

- 1.. Ashinov Yu.N.// "Thelawsandsubordinate regulations", Belorechensk, 2006. – 87P.
2. Boslino S.V., Art.. Conceptual and technical and legal problems of subordinate regulations. – М., 2010. -P.

3. Law of the Republic of Tajikistan "On normative legal acts" of March 2, 2009. №506, Centralized bank of legal information at Ministry of justice of the Republic of Tajikistan. "Adliya» <http://www.w.adlia.tj/> – 52P.
4. Constitution of the Republic of Tajikistan of November 6, 1994, Centralized bank of legal information at Ministry of justice of the Republic of Tajikistan. "Adliya» <http://www.adlia.tj/> – 37P.
5. Constitutional law of the Republic of Tajikistan "On the Government of the Republic of Tajikistan" of May 12, 2001. L228 Centralized bank of legal information at the Ministry of justice of the Republic of Tajikistan, "Adliya» <http://vwww.adlia.tj/>. -22P.
6. Lyzlov D.I, Kartuhin V.Yu. // Yuridicheskayatehnika- M.. 2009. - 176P.
7. Mal'ko A.V. // Theory of state and law – M – KBIOPYC.2006 – 400P.
8. Ponomorenko V.I. // Theory of state and law. Tyumen – 2004 – 312P.
9. Pigolkin A.S. // Theory of state and law – M. Yurayt- 2005 – 613P.
10. Perevalov V.D. // Theory of state and law – M. Yurayt- 2008 – 379P.
11. Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan on 28 December 2006. № 589. Centralized bank of legal information at the Ministry of Justice of the Republic of Tajikistan. "Adliya» <http://www.adlia-tj/>.-14P.
12. Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan of November 2, 2011. № 550. Centralized bank of legal information at the Ministry of justice of the Republic of Tajikistan. "Adliya» <http://www.adlia.tj/>. – 2P.
13. Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan, on April 30, 2011. № 200. Centralized bank of legal information at the Ministry of justice of the Republic of Tajikistan. "Adliya» <http://www.adlia.tj/>. -P.
14. Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan dated December 3, 2011. №573. Centralized bank of legal information at the Ministry of justice of the Republic of Tajikistan. "Adliya », <http://www.Andasad.tj/>. -P.
15. Sorokin V.V // Bulletin of Altay state university. 1998. №2.- 9P. <https://tjgp.wordpress.com>
16. Tuliev I.R. Manual; "Legal technician". RTSU publishing house. Dushanbe, 2013.-86 P.
17. Tuliev I.R. Manual /" Formation of normative legal acts. RTSU publishing house. – Dushanbe, 2014. – 169 P.
18. Decree of the President of the Republic of Tajikistan of 30 April 2008. №45 Centralized bank of legal information at the Ministry of justice of the Republic of Tajikistan. "Adliya» <http://www.adlia.tj/>. – 2 P.

Раздел 3

ЧАСТНОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО В ГОСУДАРСТВАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ

УДК 349.2.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА РАБОТНИКА НА ОСНОВНОЙ ЕЖЕГОДНЫЙ ОПЛАЧИВАЕМЫЙ ОТПУСК В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В.Е. Глухова
студентка 2 курса

Е.Ю. Смородникова – научный руководитель: старший
преподаватель кафедры публичного права

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

Российская Федерация – социальное государство, в котором наивысшей ценностью признаются и охраняются права человека и гражданина. В данной статье освещаются проблемы реализации прав работников на основной ежегодный оплачиваемый отпуск, а также предлагаются варианты решения данных проблем.

Ключевые слова и словосочетания: ежегодный оплачиваемый отпуск, реализация права, пробелы, Трудовой кодекс РФ, Конвенция МОТ №132.

REALIZATION OF EMPLOYEE`S RIGHT ON THE ANNUAL PAID VACATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: GAPS OF LEGAL REGULATION

V.Y. Glukhova
Student of the 2nd grade, Institute of Law

E.Y. Smorodnikova – scientific adviser:

*Vladivostok State University of Economics and Service
Russian Federation, Vladivostok*

The Russian Federation is the social state where human rights are considered as its highest value, admitted and protected by the state. The problems of realization of right on annual paid vacation are highlighted, as well as variants of resolving the problems within this sphere are proposed in this article.

Keywords: *the annual paid vacation, realization of rights, gaps, Labor code of the Russian Federation, ILO Convention № 132.*

Право работника, работающего по трудовому договору, на ежегодный оплачиваемый отпуск гарантируется Конституцией РФ и относится к числу основных конституционных прав граждан. В науке трудового права институт времени отдыха, в который входит и ежегодный оплачиваемый отпуск, занимает значительное место, так как он непосредственно связан с институтом рабочего времени и имеет большое значение для работников. Безусловно, отпуск необходим каждому работающему человеку. Это, в первую очередь, обусловлено его физиологическими потребностями в продолжительном отдыхе, поскольку без предоставления такого отдыха работоспособность в разы снижается, ухудшается здоровье, а это, в свою очередь, сказывается на качестве выполняемой работы [1, с.9]. Поэтому работодатели должны быть не менее заинтересованы в предоставлении работникам ежегодного оплачиваемого отпуска.

Если говорить о задаче правового регулирования отношений в сфере времени отдыха, и в частности отпусков, то она заключается в обеспечении реализации конституционных гарантий, их конкретизации, создания условий для надежного использования работниками полагающегося им отпуска. Однако в регулировании данных общественных отношений существует немало пробелов, которые в итоге становятся причинами нарушения конституционного права работников на отдых. Как правило, это происходит из-за существенных пробелов в законодательстве, в том числе связанных с массовым "устареванием" действующих норм в данной области.

Легального определения "ежегодный оплачиваемый отпуск" законодатель не дает, но опираясь на научную литературу можно сказать, что ежегодный оплачиваемый отпуск – это предоставляемое работнику ежегодное время отдыха, оплачиваемое организацией, в которой трудится работник. Он предоставляется работникам с сохранением места работы, а также среднего заработка [4,

с.260-262]. Целью предоставления данного отпуска является сохранение и восстановление физического и психического здоровья работника. Однако стоит отметить, что закон не регламентирует, как именно работник должен использовать предоставленный отпуск. Должен ли быть он направлен исключительно на восстановление сил работника? Или работник может найти подработку на время отпуска? Законодатель по данному вопросу ничего не говорит, а из-за этого, зачастую, цель предоставления ежегодного оплачиваемого отпуска не достигается, так в соответствии с действующим законодательством работнику не запрещено выполнение любой оплачиваемой работы в период ежегодного оплачиваемого отпуска, что, однозначно, отрицательно сказывается на восстановлении его работоспособности [5, с.165]. Это, в свою очередь, отрицательно сказывается на производительности его труда, а, следовательно, нарушает права и законные интересы работодателя. Решение данной проблемы мы видим:

1) в закреплении в Трудовом кодексе РФ определения ежегодного оплачиваемого отпуска и целевого назначения этого отпуска;

2) в запрете (ограничениях) на законодательном уровне работать во время нахождения в ежегодном отпуске.

Статьей 37 Конституции РФ работникам, работающим по трудовому договору, гарантируется право на оплачиваемый ежегодный отпуск. Данное право закреплено в статье 21 Трудового кодекса РФ. Реализация этого права работника является прямой обязанностью работодателя. Однако законодательно такая обязанность работодателя не закреплена. В статье 22 Трудового кодекса РФ в перечне основных обязанностей работодателя отсутствует обязанность предоставить работнику его конституционно закрепленное право на ежегодный оплачиваемый отпуск. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что работник имеет право на ежегодный оплачиваемый отпуск, но предоставить его никто не обязан. А это напрямую противоречит Конституции РФ. Чтобы устранить данную проблему необходимо внести изменения в статью 22 Трудового кодекса РФ, а именно внести в перечень обязанностей работодателя обязанность предоставлять работникам ежегодный оплачиваемый отпуск.

Ратифицированная Российской Федерацией Конвенция МОТ №132 в 2010 году внесла существенные изменения в порядок регулирования предоставления ежегодного оплачиваемого отпуска. Данные изменения коснулись, в частности, правил предоставления и разделения на части основного ежегодного оплачиваемого отпуска.

Согласно п. 8 ст. 19 Устава МОТ (1919 год), ратификация любой конвенции не должна затрагивать внутреннее законодательство страны – участницы, ее судебные решения, соглашения, обычаи и т. д., если они обеспечивают по сравнению с требованиями Конвенции более благоприятные условия для работников. Таким образом, Конвенция МОТ № 132 имеет приоритет над нормами Трудового кодекса РФ только в том случае, если ее требования улучшают положение трудящихся, если же нет, то действуют нормы Трудового кодекса РФ. По правилам п. 1 ч. 4 Конвенции, в случае, если работник не проработал полного года, ему может быть предоставлен отпуск, пропорциональный отработанному периоду. Трудовой кодекс РФ такой возможности не предусматривает, устанавливая в ч. 2 ст. 122 ТК РФ возможность ухода работника в отпуск только по истечении 6 месяцев непрерывной работы с даты заключения трудового договора. Таким образом, Конвенция № 132 предоставляет работнику право на отпуск с первого дня работы, а ТК РФ – только по истечении полугода. Следовательно, Конвенция № 132 в большей степени обеспечивает права работников. Поэтому, в связи с ратификацией данного документа, необходимо внести изменения в статью 122 Трудового кодекса РФ, а именно изменить порядок предоставления работнику права на использование ежегодного оплачиваемого отпуска. Он должен предоставляться всем работникам пропорционально отработанному периоду, независимо от того, отработал ли он 6 месяцев или нет.

Часть 4 статьи 124 Трудового кодекса РФ предусматривает возможность перенесения ежегодного оплачиваемого отпуска, в том числе целиком, в исключительных случаях и с согласия работника. В свою очередь, Конвенция № 132 в ч. 1 ст. 9 устанавливает, что перенос отпуска целиком на следующий год невозможен, так как работник должен отгулять минимум две рабочие недели непрерывно в текущем году, а остаток ежегодного оплачиваемого отпуска не позже, чем в течение 18 месяцев после окончания того года, за который предоставляется отпуск. Трудно сказать какой из нормативных документов в большей части защищает права работников. С одной стороны Трудовой кодекс РФ позволяет работникам самостоятельно планировать свой отдых, и, соответственно, работодателю предоставляется возможность заставить работника работать год непрерывно. С другой стороны, Конвенция накладывает на работника обязанность уходить в отпуск. Мнения авторов по данному вопросу расходятся. Некоторые из них считают, что применять следует нормы Конвенции № 132, так как «этот документ, несмотря на некоторое ограничение прав работников, противодействует произволу со стороны работодателей» [6]. Согласно

статье 17 Конституции РФ в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина. Право на отдых также является конституционным правом граждан, и никто не вправе нарушать его. По нашему мнению, в этом плане Конвенция МОТ № 132 в большей степени защищает право работника на отдых, чем Трудовой кодекс РФ.

Ратификация указанной ранее Конвенции привнесла не только позитивные новеллы в регулирование общественных отношений в сфере реализации права работников на ежегодный оплачиваемый отпуск, но и отрицательные. Трудовой кодекс РФ, как и Конвенция, предусматривают возможность разделения ежегодного оплачиваемого отпуска на части с согласия работника. Однако, по правилам части 1 статьи 9 Конвенции та часть ежегодного оплачиваемого отпуска, которая не была использована в течение 1 года, должна быть использована не позже 18 месяцев после окончания того года, за который предоставляется отпуск. Трудовой кодекс РФ каких либо ограничений по данному вопросу не устанавливает. На наш взгляд, в данном случае правильнее будет применять нормы Трудового кодекса РФ, так как они предоставляют работникам право накапливать ежегодный оплачиваемый отпуск и использовать его в удобное для себя время, в то время как согласно Конвенции неиспользованная в течение 18 месяцев часть отпуска сгорает.

Ввиду того, что на данный момент Трудовой кодекс РФ и Конвенция МОТ №132 все еще по-разному диктуют правила предоставления ежегодного оплачиваемого отпуска, на практике при разрешении трудовых споров суды используют положения именно Конвенции, а не Трудового кодекса РФ. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, Конвенция обеспечивает более благоприятные условия для работников в рамках рассматриваемого вопроса, чем Трудовой кодекс РФ, а, во-вторых, по юридической силе она выше, так как это международный акт.

Рассмотрим следующий пример из практики. Гражданка М была уволена в связи с сокращением штатов. При увольнении работодатель выплатил ей компенсацию за неиспользованный отпуск в неполном размере. Истица является педагогическим работником, и продолжительность ее ежегодного оплачиваемого отпуска составляет 56 дней. В силу статьи 127 Трудового кодекса Российской Федерации при увольнении работнику выплачивается денежная компенсация за все неиспользованные отпуска. В стаж работы, дающий право на ежегодный основной оплачиваемый отпуск, включаются время фактической работы. Согласно подпункту "а" пункта 28 Правил об очередных и дополнительных отпусках, утвержденных НКТ СССР 30.04.1930 № 169, полную компенсацию

получают работники, проработавшие от 5 с 1/2 до 11 месяцев, если они увольняются вследствие ликвидации предприятия или учреждения, сокращения штата или работ. Данный нормативный правовой акт не включен в перечень утративших силу отдельных законодательных актов, изложенный в статье 422 Трудового кодекса РФ. Из материалов дела было установлено, что гражданка М проработала у данного работодателя 5 месяцев 18 дней. В силу норм пункта 1 статьи 9 Конвенции N 132 непрерывная часть ежегодного оплачиваемого отпуска, состоящая из двух непрерывных рабочих недель, предоставляется и используется не позже, чем в течение одного года, а остаток ежегодного оплачиваемого отпуска не позже, чем в течение 18 месяцев, считая с конца того года, за который предоставляется отпуск. Из этого следует, что работник должен отдыхать как минимум две недели подряд, а остальные отпускные дни использовать в течение 18 месяцев после окончания года, за который они начислены. Таким образом, исковой срок работника по требованиям о компенсации за неиспользованные отпуска в соответствии с п. 2 ст. 9 Конвенции об оплачиваемых отпусках исчисляется равным 21 мес. после окончания того года, за который предоставляется отпуск (18 мес. + 3 мес.). Спорный период работы, за которые истица просила взыскать компенсацию, не выходил за пределы указанного срока и не превышал установленный срок. В соответствии с этим суд принял решение удовлетворить иск в полном объеме [7].

Из приведенной судебной практики видно, что Конвенция МОТ №132 успешно применяется судами, заполняя своими положениями, пробелы Трудового кодекса РФ в части реализации права работников на ежегодный оплачиваемый отпуск. В соответствии с этим мы считаем необходимым внести изменения в Трудовой кодекс РФ, а именно добавить в статью 125 «Разделение ежегодного оплачиваемого отпуска на части. Отзыв из отпуска» часть 4, которая внесет ограничения по времени на использование оставшейся части отпуска, которая в соответствии с пунктом 1 статьи 9 Конвенции должна составлять не более 18 месяцев после окончания того года, за который предоставляется отпуск.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в правовом регулировании отношений в области предоставления ежегодных оплачиваемых отпусков в РФ на сегодняшний день имеется множество пробелов. Право на отдых для трудящихся по трудовому договору закреплено Конституцией РФ. Закрепляя это право, статья 37 Конституции РФ предусматривает, что работающим по трудовому договору гарантируется установленная федеральным законом продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, ежегодный оплачиваемый отпуск. Раздел 5 Трудового кодекса РФ

призван обеспечивать реализацию указанных конституционных гарантий, их конкретизацию и создание условий для надлежащего использования работниками полагающегося им времени отдыха, в частности, ежегодного оплачиваемого отпуска. Соответственно данный нормативно-правовой акт не должен противоречить Конституции РФ и ратифицированным международным актам или толковаться двояко, тем самым предоставляя работникам и работодателям возможность творить произвол. Поэтому, мы считаем необходимым для законодателя доработать Трудовой кодекс РФ и привести его в соответствие с ратифицированными РФ международными актами о труде, а именно:

- 1) закрепить в Трудовом кодексе РФ определение ежегодного оплачиваемого отпуска;
- 2) закрепить в трудовом законодательстве целевое назначение ежегодного оплачиваемого отпуска;
- 3) в перечень обязанностей работодателя, закрепленных в статье 22 Трудового кодекса РФ внести обязанность предоставить работникам ежегодный оплачиваемый отпуск;
- 4) в ч. 2 ст. 122 ТК РФ изменить порядок предоставления работнику права на использование ежегодного оплачиваемого отпуска в соответствии с положениями Конвенции МОТ №132;
- 5) внести в Трудовой кодекс РФ положения о запрете переноса ежегодного оплачиваемого отпуска целиком на следующий год и об обязательном ежегодном отпуске, составляющем минимум две непрерывные рабочие недели;
- 6) добавить в статью 125 «Разделение ежегодного оплачиваемого отпуска на части. Отзыв из отпуска» часть 4, которая внесет ограничения по времени на использование оставшейся части отпуска, которая в соответствии с пунктом 1 статьи 9 Конвенции должна составлять не более 18 месяцев после окончания того года, за который предоставляется отпуск.

1. Клаучек, С.В. Физиолого-гигиенические аспекты трудовой деятельности человека: учебное пособие к элективному курсу / С.В. Клаучек. – Волгоград, 2006. – 85 с.

2. Конвенция № 132 МОТ "Об оплачиваемых отпусках» (принята в г. Женева 24.06.1970 г.), была ратифицирована Федеральным законом от 01.07.2010г. №139-ФЗ и вступила в силу для РФ с 06.09.2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102747/ (дата обращения: 30. 04. 2015).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от

30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) //Собрании законодательства РФ. 04.08.2014. № 31, ст. 4398.

4. Орловский, Ю.П.. Трудовое право России / Ю.П. Орловский, А.Ф. Нуртдинова. – 3-е изд.– М.: 2010. – 648 с.

5. Тимофеев, И.В. Время отдыха по трудовому праву России / И.В. Тимофеев // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – Вып. № 12 (127) – 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/vremya-otdyha-po-trudovomu-pravu-rossii> (дата обращения 05.05.2015).

6. Сафарова, Е. Конвенция МОТ № 132: отпуска по новым правилам/ Е. Сафарова // Комплект «Бухгалтерская газета» + «Официальный вестник бухгалтера». – 2012. – №18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dis.ru/library/detail.php?ID=26717> (дата обращения: 05.05.2015).

7. Судебное решение Новомосковского городского суда № 2-306 2-306/2015 2-306/2015–М-134/2015 М-134/2015 от 19 марта 2015 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 05.05.2015).

8. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 05.05.2015).

9. Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru/

10.Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 08.06.2015) // СЗ РФ". – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – ст. 3.

УДК 347.235

СОВЕРШЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ СДЕЛОК В ОТНОШЕНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ НА ПРИМЕРЕ ДОГОВОРА ДАРЕНИЯ: ПРАВОВОЙ ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

А.П. Грудина
студентка 4 курса

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

*Некоторые правовые институты Российской Федерации и
Республики Таджикистан имеют общие исторические предпосыл-*

ки развития. В Республике Таджикистан, в отличие от Российской Федерации, право собственности на землю является исключительным правом государства, однако, это не лишает землепользователей – физических и юридических лиц, возможности пользоваться и распоряжаться земельными участками. По существу договор дарения земельного участка в Российской Федерации является аналогом договора дарения права пользования земельным участком с правом отчуждения права пользования в Республике Таджикистан. В этой связи представляет интерес рассмотрение института дарения в отношении земельных участков в России и Таджикистане.

Ключевые слова и словосочетания: Российская Федерация и Республика Таджикистан, договор дарения, государственная собственность на землю, право пользования земельным участком.

THE DEED OF GIFTS AN EXAMPLE OF CIVIL TRANSACTION OF LAND SETTLEMENT: LEGAL EXPERIENCE OF RUSSIAN FEDERATION AND REPUBLIC OF TAJIKISTAN

A.P. Grudinina

Student of the fourth grade (bachelor), Institute of Law

*Vladivostok State University of Economics and Service
Russia, Vladivostok*

Some Russian and Tajik law institutions have common historical development background. Unlike Russia, in Tajikistan land ownership is the exclusive right of the state, however, this fact doesn't deprive land users – individual persons and legal entities, of the possibility to use and manage lands. Actually, deed of gift in Russia is the analog of deed of gift of the right to use the land with the right of its deprivation in Republic of Tajikistan. That's why it's interesting to study the given institution referring to land in Russia and Tajikistan.

Keywords and phrases: *Russian Federation and Republic of Tajikistan, the deed of gift, State ownership of land, the right to use the land.*

Декретом о земле, принятым вторым Всероссийским съездом Советов 27 октября 1917 года, частная собственность на землю упразднялась [2]. Покупка, продажа, завещание или дарение, а также залог земли запрещались [3, ст. 27]. Земля предоставлялась исключительно в пользование.

Распад СССР в 1991 году привел к образованию независимых государств, каждое из которых пошло по своему пути развития – политическому, экономическому, культурному, социальному. Не стали исключением Российская Федерация и Республика Таджикистан. Значительные изменения коснулись законодательного регулирования отдельных отраслей права.

Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 года, закрепила многообразие форм собственности на землю, в результате чего стало возможным совершение гражданско-правовых сделок по приобретению земель в частную собственность [7, с. 1-5]. Впервые дарение земельных участков было разрешено Указом Президента РФ «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» от 27 октября 1993 года. Согласно которого у граждан и юридических лиц – собственников земельных участков, возникало право продавать, передавать по наследству, дарить, сдавать в залог, аренду, обменивать, а также передавать земельный участок или его часть в качестве взноса в уставные фонды [12].

Благодаря множеству форм собственности на землю в Российской Федерации, физические и юридические лица вправе владеть, пользоваться и распоряжаться земельными участками, принадлежащими им на праве частной собственности. Дарение земельных участков заслуживает особого внимания. Специфика совершения рассматриваемой сделки обусловлена ее предметом, являющимся природным ресурсом и неотъемлемым составляющим природной среды. Заключение договора дарения урегулировано гражданским законодательством, нацеленным на развитие рыночных отношений, и носит имущественный характер. Вместе с тем, действующий Земельный кодекс Российской Федерации устанавливает приоритет охраны и рационального использования земель над использованием земель в качестве объектов недвижимости имущественных отношений [4, ст. 1].

В Республике Таджикистан до настоящего время земля находится в собственности государства. Конституцией Республики Таджикистан, принятой всенародным референдумом 6 ноября 1994 года, провозглашена исключительная собственность государства на землю, ее недра, воду, воздушное пространство, животный и растительный мир и другие природные ресурсы [8]. Однако ввиду того, что земля является 1) средством производства сельскохозяйственной продукции, направленной на удовлетворение потребностей населения и обеспечение продовольственной безопасности страны, а также является 2) составляющей рыночных отношений, связанных с приобретением и переходом прав собственности на

недвижимое имущество, граждане и юридические лица обладают иными вещными правами в отношении земли, которые дают возможность пользоваться земельными участками с целью получения имущественной и личной неимущественной выгоды.

К вещным правам лиц, не являющихся собственниками, Гражданский кодекс Республики Таджикистан относит право землепользования, которое представляет собой возможность землепользователя извлекать полезные свойства земли в соответствии с ее целевым назначением. В рамках гражданских правоотношений землепользователи вправе совершать сделки по отчуждению права пользования земельным участком, путем заключения договоров, в частности, договора дарения. Предмет такой сделки можно определить как совокупность прав и обязанностей, связанных с землепользованием, а не сам земельный участок непосредственно.

Указанные обстоятельства вызывают интерес к законодательству бывших союзных государств. В рамках сравнительного анализа нормативно-правовых актов Республики Таджикистан и Российской Федерации, представляется интересным рассмотрение института дарения в отношении земельных участков, как недостаточно изученного и имеющего особенности применения на практике в России и Таджикистане.

Понятия договора дарения, закрепленные в Гражданских кодексах РФ и РТ схожи. По договору дарения одна сторона, именуемая «даритель», безвозмездно передает другой стороне, именуемой «одаряемый», вещь в собственность либо имущественное право к себе, либо освобождает ее от имущественной обязанности перед собой. Существуют два отличительных момента.

Во-первых, в России по договору дарения даритель может передать имущественное право или освободить от имущественной обязанности не только перед собой, но и перед третьим лицом.

Во-вторых, даритель может не передавать дар, а лишь обещать передать. Подобное обещание безвозмездно передать вещь или имущественное право, или освободить от имущественной обязанности, выраженное в надлежащей форме, признается договором дарения. Так, в Российской Федерации договор дарения может быть реальным или консенсуальным [9, с. 108-110]. В первом случае даритель передает имущество одаряемому, а одаряемый принимает его. Моментом исполнения договора признается момент передачи вещи. Во втором случае даритель обещает передать вещь в собственность в будущем. Относительно договора дарения земельного участка принципиальным является то, что возникновение, переход и прекращение права собственности на недвижимые вещи

подлежат государственной регистрации. Право собственности одаряемого на земельный участок по договору дарения возникает с момента внесения записи в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Следовательно, до момента государственной регистрации перехода права на участок договор считается неисполненным, что обеспечивает право одаряемого отказаться от дара. Вместе с тем, уклонение дарителя от регистрации сделки является основанием для принуждения его в судебном порядке к совершению юридически-значимых действий, направленных на переход права собственности к одаряемому.

В Гражданском кодексе РТ отсутствует упоминание об обещании дарения. Между тем, сделки по переходу права в отношении земельных участков также подлежат государственной регистрации. Право пользования возникает, переходит, прекращается с момента государственной регистрации соответственно его возникновения, перехода, прекращения [10, ст. 8]. То есть, в Республике Таджикистан договор дарения является реальным, следовательно, отсутствует механизм принуждения дарителя передать дар в отсутствие договора дарения.

Отличительной чертой договора дарения, как в России, так и в Таджикистане является его безвозмездность, то есть обязанность встречного предоставления вещи, оказания услуги или оплаты дара отсутствует. Между тем, в Российской Федерации договором дарения, может быть предусмотрено право дарителя на пользование земельным участком после перехода права собственности к одаряемому. Подобное условие представляет собой частный сервитут на земельный участок и не является встречным имущественным предоставлением. Российский ученый-цивилист, доктор юридических наук, В.В. Витрянский пишет: «Имущество, переданное одаряемому, может быть, обременено правами дарителя, что никак не влияет на природу одностороннего обязательства, вытекающего из обещания дарения» [1, с. 780]. То есть, по договору дарения у одаряемого могут возникать встречные неимущественные обязательства, например, такие как, предоставить доступ прохода через земельный участок, не создавать препятствий пользования жилым домом, расположенным на участке [15]. Однако необходимо отметить, что сохранение за дарителем исключительного права пользования всем земельным участком, влечет недействительность сделки, так как свидетельствует о ее совершении лишь для вида, без намерения создать соответствующие правовые последствия или с целью прикрыть другую сделку.

Применительно к Республике Таджикистан возникает вопрос, может ли даритель при передаче права пользования земельным

участком по договору дарения сохранить за собой право пользования частью участка? Согласно статье 10 Земельного кодекса РТ физическое лицо, которое совместно с другими физическими лицами обладает правом пользования земельным участком, приобретает право землепользователя после реализации своего права на выделение земельного участка в соответствии со своим земельным паем на местности. Следовательно, можно сделать вывод, что лицо не вправе по договору дарения сохранить за собой право пользования частью участка, однако, правообладателю предоставлена возможность выдела участка. При выделении участка необходимо соблюдать требования, предъявляемые к размеру земельного участка, предоставляемого в пользование [6]. Минимальный размер земельного участка, не подлежащего разделению, зависит от места его территориального нахождения, категории и назначения земель и определяется Правительством Республики Таджикистан.

К существенным условиям договора дарения относится его предмет. В Российской Федерации и Республике Таджикистан предметы договора дарения, заключенного в отношении земельных участков различны. В России предметом договора дарения выступает непосредственно сам земельный участок, в Таджикистане – право пользования земельным участком. При этом положениями Гражданского кодекса РФ и Гражданского кодекса РТ предусмотрена обязанность дарителя указать в договоре конкретный предмет, передаваемый в качестве дара, в противном случае, договор признается ничтожным.

В Российской Федерации в договоре дарения земельного участка должно быть указано местоположение участка, его размер, категория земель, целевое назначение, кадастровый номер, здания и сооружения, находящиеся на нем, а также, кто является собственником участка, обязательства сторон в отношении участка и права третьих лиц. Особого внимания заслуживает обязанность предоставления информации в отношении участка, данная обязанность прямо не предусмотрена главой Гражданского кодекса РФ, посвященной договору дарения, однако, в случае, если имуществу, жизни или здоровью одаряемого будет причинен ущерб в результате сокрытия информации о существенных характеристиках земельного участка, он вправе требовать от дарителя возмещения ущерба. Данное право гарантировано статьей 580 Гражданского кодекса РФ.

Право бессрочного, срочного и пожизненного наследуемого пользования земельным участком в Республике Таджикистан удостоверяется сертификатом на право пользования землей (далее по тексту – Сертификат), доля земельного пая определяется свиде-

тельством на земельный пай (далее по тексту – Свидетельство). Сертификат содержит информацию о назначении земельного участка, степени, пользовании участка, о месте его нахождения, границах, а также информацию об иных землепользователях участка. В Свидетельстве указывается наименование дехканского хозяйства, джамоата, города, района и площадь земельного пая гражданина [11]. Исходя из изложенного, представляется достаточным указание в договоре дарения серии и номера сертификата на право пользования земельным участком, серии и номера свидетельства на земельный пай, а также приложение к договору копий, поименованных Сертификата и Свидетельства.

Необходимо отметить, что в Российской Федерации земельные участки, помимо права собственности, могут находиться в пользовании лиц на праве постоянного (бессрочного) пользования или на праве безвозмездного пользования, а также на праве пожизненного наследуемого владения. Однако пользователи и владельцы земельных участков на указанных вещных правах лишены права распоряжения участками, то есть возможности отчуждать принадлежащие им права в пользу третьих лиц.

Субъектами по договору дарения в России могут быть физические и юридические лица РФ, иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица. В Республике Таджикистан иностранные лица вправе пользоваться земельными участками без права отчуждения права пользования [17, с. 76-80]. Вызывает интерес, могут ли иностранные лица выступать стороной по договору дарения права пользования? Договор дарения, представляя собой сделку по отчуждению права пользования, предполагает наличие у дарителя права отчуждения права пользования земельным участком. Данное право закреплено в правоустанавливающих документах на земельный участок. Однако перейти в полном объеме к иностранному лицу оно не может в силу законодательного ограничения.

В соответствии со статьей 25 Земельного кодекса РТ, если право пользования участком сельскохозяйственного назначения с правом отчуждения перешло иностранному лицу, оно подлежит отчуждению физическому или юридическому лицу Республики Таджикистан в течение одного года с момента перехода права. В случае уклонения от передачи права пользования, земельный участок подлежит изъятию в судебном порядке. На основании изложенного, можно сделать вывод, что иностранные лица не могут выступать в качестве одаряемой стороны по договору дарения, однако, в некоторых случаях могут передать право пользования земельным участком с правом его отчуждения в качестве дара.

В России, в случае если земельный участок находится в общей долевой собственности, то отчуждение доли в дар возможно только с согласия всех участников долевой собственности. При этом участник вправе по своему усмотрению подарить свою долю или распорядиться ею иным образом, с соблюдением требований предоставления остальным участникам долевой собственности преимущественного права покупки. Однако договор дарения представляет собой безвозмездную сделку, направленную на переход права собственности к конкретному субъекту, следовательно, остальные участники долевой собственности лишены возможности приобретения доли. Распространенным в судебной практике является оспаривание договоров дарения недвижимости, находящихся в общей собственности супругов. Основанием для признания сделки недействительной выступает отсутствие согласия одного из супругов на отчуждение общей собственности. Решением данной проблемы представляется выдел доли из общего имущества.

К праву пользования земельным участком с правом отчуждения права пользования, приобретенным лицом во время нахождения в браке, в соответствии с положениями Земельного кодекса РФ также относятся правила о совместной собственности супругов. Согласно положениям Семейного кодекса РФ раздел имущества, находящегося в совместной собственности супругов, может быть произведен как в период брака, так и после его расторжения по требованию любого из супругов [16, ст. 38].

Зачастую индивидуальные предприниматели и юридические лица прибегают к дарению недвижимости в целях сохранения имущества при банкротстве. Наличие у должника на момент совершения дарения долгов перед кредиторами, безвозмездность отчуждения имущества, которое могло быть включено в конкурсную массу, а также совершение сделки между кровными родственниками, может быть расценено судом как злоупотребление правом [13]. Сделки дарения недвижимости, совершенные в течение 6 месяцев, предшествующих объявлению индивидуального предпринимателя или юридического лица несостоятельным, и за счет средств, связанных с его предпринимательской деятельностью, признаются недействительными [14]. Последствием является возвращение в конкурсную массу земельного участка в натуре.

В результате сравнительного анализа нормативно-правовых актов Республики Таджикистан и Российской Федерации можно сделать вывод о наличии общего и особенного в регламентации института дарения в отношении земельных участков.

По своей правовой природе договор дарения земельного участка в Российской Федерации является аналогом договора дарения

права пользования земельным участком с правом отчуждения права пользования в Республике Таджикистан.

Несмотря на то, что договоры дарения в Российской Федерации и Республике Таджикистан имеют сходства, они имеют и свои специфические особенности, и, как следствие, требуют более четкой регламентации в законодательстве каждой из стран. Сотрудничество соседних государств и обмен положительным опытом в отношении дарения позволили бы урегулировать спорные вопросы совершения сделок. Это привело бы к более эффективному применению договоров на практике, что упростило бы оборот прав на земельные участки и способствовало развитию рыночных отношений.

1. Витрянский, В.В. Договорное право. Книга вторая. Договоры о передаче имущества / В.В. Витрянский, М.И. Брагинский–М.: Статут. 2011. -780 с.

2. Декрет о земле (принят II Всероссийским съездом Советов 27.10.1917) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 12.05.2015).

3. Земельный кодекс РСФСР от 30 октября 1922 года (ред. от 27.12.1926) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 12.05.2015).

4. Земельный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 08.03.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2015) [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 12.05.2015).

5. Земельный кодекс Республики Таджикистан: от 13 декабря 1996 года № 327 (ред. от 01.08.2012 г.) [Электронный ресурс] / СоюзПравоИнформ – Режим доступа: <http://www.spinform.ru> (дата обращения: 12.05.2015).

6. Исламов, Ш.М. Совершенствование земельного законодательства в условиях рыночной экономики в Республике Таджикистан. Зарубежное право: теория и практика. / Ш.М. Исламов. [Электронный ресурс] «elibrery» Режим доступа: http://elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 15.03.2015).

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.

8. Конституция Республики Таджикистан (принята референдумом 06.11. 1994 г.) (с изм. и доп. от 26.09.1999 и 22.06.2003 г.) [Электронный ресурс] / СоюзПравоИнформ – Режим доступа: <http://www.spinform.ru> (дата обращения: 15.03.2015).

9. Куйбышева, И.П. Особенности заключения договора дарения земельных участков / И.П. Куйбышева // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. – 2013. – № 5 (97). – С. 108–110.

10. О государственной регистрации недвижимого имущества и прав на него: закон Республики Таджикистан от 20 марта 2008 года №375 (ред. от 22.07.2013 г.) [Электронный ресурс] / СоюзПравоИнформ – Режим доступа: <http://www.spinform.ru> (дата обращения: 15.03.2015).

11. Об утверждении Правила порядка оформления, регистрации, выдачи, замены и о признании утратившим силу Сертификата на право пользования землей и Свидетельства на земельный пай: Постановление Правительства Республики Таджикистан от 02.08.2009 г. № 374 (ред. от 01.07.2011 г.) [Электронный ресурс] / СоюзПравоИнформ – Режим доступа: <http://www.spinform.ru> (дата обращения: 15.03.2015).

12. О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России: указ Президента РФ от 27.10.1993г. № 1767 (ред. от 25.01.1999) [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 15.03.2015).

13. Определение Арбитражного суда Сахалинской области от 17 октября 2013 года по делу № А59-4102/2012 [Электронный ресурс] // РосПравосудие – Режим доступа: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 15.03.2015).

14. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 15.03.2015).

15. Решение Советского районного суда г. Владивостока Приморского края от 29 января 2014 г. по делу № 2-49/2014 [Электронный ресурс] // РосПравосудие – Режим доступа: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 15.03.2015).

16. Семейный кодекс Республики Таджикистан: от 13 ноября 1998 года (ред. от 19.03.2013 г.) [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ – Режим доступа: <http://www.spinform.ru> (дата обращения: 15.03.2015).

17. Таджиев, Д. Некоторые вопросы аграрной реформы в Республике Таджикистан / Д. Таджиев // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. – 2009. – № 4. – С. 76–80.

СПОРТИВНЫЙ КОНТРАКТ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

А.С. Гусева
студентка 2 курса

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

В данной статье рассмотрены особенности регулирования труда несовершеннолетних спортсменов, в частности содержание контракта с несовершеннолетним спортсменом, порядок заключения и расторжения спортивного контракта.

Ключевые слова и словосочетания: спорт, спортивный контракт, труд несовершеннолетних.

THE SPORTS CONTRACT WITH UNDER-AGED SPORTSMAN IN THE RUSSIAN FEDERATION: GENERAL DESCRIPTION.

A.S. Guseva
Student of the 2nd grade, Institute of law

*Vladivostok State University of Economics and Service
Russian Federation, Vladivostok*

The article describes special aspects of under-aged athletes' labour regulation, particularly the content, procedure of conclusion and termination of the sports contract with under-aged sportsman.

Keywords: the sport, the sports contract, the labour of under-aged.

Спорт и физическая культура являются одними из основных элементов жизни общества, поэтому основная задача государства – это обеспечить качественное правовое регулирование этой сферы деятельности, поскольку от этого зависит физическое развитие и здоровье нации. С раннего детства мы должны прививать детям любовь к здоровому образу жизни, так как дети – это наше будущее. Многие спортсмены, будучи школьниками, добиваются больших успехов в спорте, участвуют в олимпийских играх, вы-

ступают на чемпионатах мира за сборную России, поэтому они, как никто другой, нуждаются в защите своих прав в сфере осуществления спортивной деятельности. Одним из способов такой защиты является спортивный контракт.

Действующее законодательство не дает легального определения спортивного контракта, однако оно закреплено в утратившем юридическую силу Федеральном законе от 29.04.1999 № 80-ФЗ "О физической культуре и спорте в Российской Федерации", согласно которому «контракт о спортивной деятельности заключается на основе трудового законодательства Российской Федерации, представляет собой соглашение в письменной форме между спортсменом, спортсменом-профессионалом (тренером, специалистом) и руководителем физкультурно-спортивной организации, в том числе профессионального спортивного клуба и команды, и подлежит учету в общероссийской федерации по соответствующему виду спорта, если спортсмен входит в состав сборной команды Российской Федерации» [1, ст. 25]. Исходя из определения, выделяются основные черты спортивного контракта: субъектами данных правоотношений являются с одной стороны спортсмены, а с другой стороны спортивные организации, такие контракты подлежат регистрации в соответствующей спортивной федерации в целях подтверждения отношений между спортивным клубом и спортсменом.

В настоящий момент особенности регулирования труда спортсменов, в том числе особенности заключения и прекращения спортивного контракта, закреплены в главе 54.1 Трудового кодекса РФ. Характерными чертами заключения спортивного контракта является то, что помимо условий, которые закреплены в статье 57 Трудового кодекса РФ как обязательные (дополнительные) для включения в любой трудовой договор, в контракт должны включаться условия, указанные в статье 348.2 Трудового кодекса РФ, такие как: обеспечение страхования жизни спортсмена, соблюдения режима и плана подготовки к соревнованиям, а также соблюдение антидопинговых правил, предусмотренных статьей 26 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ "О физической культуре и спорте в Российской Федерации". Закрепленный законодателем перечень не носит исчерпывающий характер, и в контракт могут включаться дополнительные условия, не ухудшающие положения спортсмена. Данные условия характерны для заключения контракта, как с совершеннолетними, так и несовершеннолетними спортсменами.

Если говорить о несовершеннолетних (детях), то в ТК РФ предусмотрена отдельная глава, регулирующая трудовые отношения с лицами, не достигшими возраста 18 лет. Легальное понятие

ребенка закреплено сразу в нескольких федеральных законах. Так согласно статье 54 Семейного кодекса РФ, ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), такое же определение дает Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации", а в соответствии со статьей 60 Конституции РФ, гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет [4,5,6].

Исходя из вышесказанного, несовершеннолетним признается лицо, которое не достигло восемнадцати лет, и в силу своего возраста не способно осуществлять свои права и обязанности в полном объеме. Поэтому законодатель, исходя из частичной дееспособности данного субъекта трудовых отношений, закрепляет в главе 42 Трудового кодекса РФ особенности трудовой деятельности детей, а именно продолжительность рабочего времени, условия труда, прохождение обязательного медицинского осмотра, оплату труда и т.д.

В то же время помимо условий труда несовершеннолетних, установленных определенной главой Трудового кодекса РФ, особенности деятельности спортсменов, не достигших возраста 18 лет, регламентируются статьей 348.4 Трудового кодекса РФ, которая определяет основные аспекты труда несовершеннолетних спортсменов, такие как порядок заключения контракта, условия труд и иные.

Но, несмотря на довольно подробную регламентацию трудовой деятельности несовершеннолетних, трудовое законодательство все еще имеет большие пробелы в данной области, одним из которых является вопрос о возрасте, с которого можно заключать спортивные контракты с лицами, не достигшими возраста восемнадцати лет.

По общему правилу в трудовые отношения имеют право вступать физические лица, достигшие возраста 16 лет, а как исключение трудовой договор может быть заключен с лицами, достигшими возраста 15 лет для выполнения легкого труда, и с лицами, не достигшими возраста 14 лет для участия в творческой и спортивной деятельности.

В ст. 348.8 ТК РФ закреплено лишь положение о том, что трудовой договор с малолетними спортсменами заключается с согласия хотя бы одного из родителей или опекуна, а также с разрешением органа опеки и попечительства [2]. При этом от имени спортсмена, не достигшего возраста 14 лет, спортивный контракт подписывает его законный представитель [2]. В тоже время некоторые спортивные федерации устанавливают правило, по которому спор-

тивный контракт и все связанные с ним документы подписывают законные представители игрока, не достигшего 18 лет. К примеру, в п. 1.2 раздела 3 Регламента российского теннисного турнира (далее РТТ) на 2014 года говорится, что для получения статуса игрока РТТ и права участия в турнирах РТТ несовершеннолетнего ребенка в возрасте от 9 до 18 лет его законный представитель должен вступить в действительные члены НП РТТ [7].

Также в трудовом законодательстве совершенно ничего не сказано про минимальный возраст заключения трудового договора в целом, и спортивного контракта, в частности, поэтому следует обратиться к международным конвенциям и договорам, а также анализу внутренних актов различных спортивных федераций.

К примеру, согласно Конвенции МОТ № 138 "О минимальном возрасте для приема на работу" национальным законодательством или правилами может допускаться прием на работу по найму или на другую работу лиц в возрасте от тринадцати до пятнадцати лет для легкой работы, которая: во-первых, не кажется вредной для их здоровья или развития; и, во-вторых, не наносит ущерба учебному процессу [8, ст. 7].

В ст. 7 Европейской социальной хартии установлено, что минимальный возраст приема на работу составляет 15 лет, за исключением случаев, когда дети заняты на определенном виде легких работах, не наносящих ущерба их здоровью, нравственности или образованию [9].

Пункт 4. 5 Статуса игрока в Российской Федерации баскетбола говорит о том, что заключение трудового договора с игроком, не достигшим возраста четырнадцати лет, не допускается [10]. Пункт 7 ст. 16 Правового регламента КХЛ указывает, что первый профессиональный контракт должен подписываться хоккеистом не ранее того года, в котором ему исполняется 17 лет, а Регламент РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов не закрепляет минимальный возраст игрока, только в п. 3 ст. 6 этого акта говорится о том, что заключение трудовых договоров с футболистами, не достигшими возраста 16 (шестнадцати) лет, осуществляется в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации [11,12]. А если говорить о теннисе, то п. 6. 1 Регламента РТТ на 2014 год упоминает, что к участию в турнире не допускаются игроки моложе 9 лет [7]. Таким образом, мы видим отсутствие единообразия в установлении возрастных ограничений, в том числе и в рамках международного и российского законодательства, и в формируемых на их основе внутренних актах спортивных федераций России.

Отдельные авторы в литературе указывают на возможность применения в данной ситуации аналогии закона, ссылаясь на то, российское гражданское законодательство устанавливает рамки минимального возраста, с которого лицо может совершать юридически значимые действия – 6 лет [13, ст. 28]. Однако это будет противоречить нормам международного права, поэтому пока законодатель легально не закрепит минимальный возраст для приема на работу, этот вопрос будет оставаться открытым и противоречивым и будет предметом различных дискуссий.

Если говорить о содержании контракта с несовершеннолетним спортсменом, то проанализировав типовые спортивные контракты в таких видах спорта как баскетбол, футбол и хоккей можно прийти к выводу, что по содержанию они одинаковы для совершеннолетних и несовершеннолетних спортсменов, при этом особенности регулирования закреплены в трудовом законодательстве, в том числе в локальных актах спортивных федераций и ассоциаций.

К примеру, контракты с несовершеннолетними спортсменами заключаются только на определенный срок, в то время как со спортсменами, достигшими возраста 18 лет, допускается заключение как срочного, так и бессрочного контракта [2, ст. 348.1]. Согласно п. 4.6 Статуса игрока в Российской Федерации баскетбола, трудовой договор заключается на срок не более 5 лет [10]. В п. 7 ст. 16 Регламента КХЛ сказано, что игроку должно исполниться 17 лет для подписания профессионального контракта, и срок действия такого контракта будет истекать 30 апреля того года, в котором Игроку исполнится 20 лет, то есть действие договора не более 3 лет [11]. Для несовершеннолетних футболистов срок действия контракта не должен превышать 3 лет [12].

Правила трансфера несовершеннолетнего спортсмена существенно отличаются от правил, установленных для игроков, достигших 18 лет. Трансфер «переход» – это общественное отношение, урегулированное нормами действующего законодательства Российской Федерации, а также локальными актами спортивных федераций, связанные со сменой игроком спортивного клуба. Он осуществляется на основании трансферного контракта – двусторонний договор, заключаемый между профессиональными спортивными клубами, определяющий порядок, сроки и условия перехода (трансфера) спортсмена-профессионала [12, ст. 1].

Например, Приложение № 2 к Регламенту РФС содержит ряд норм, посвященных международным трансферам несовершеннолетних. Такие переходы запрещены как постоянные, так и временные, за исключением следующих случаев:

а) родители футболиста переезжают в страну, где находится новый клуб, по причинам, не связанным с футболом;

б) переход осуществляется на территории Европейского Союза (ЕС) или Европейской экономической зоны (ЕЭЗ), а возраст футболиста составляет от 16 до 18 лет. В этом случае новый клуб должен выполнить следующие минимальные обязательства:

с) футболист проживает не далее 50 км от границы страны, и клуб соседней ассоциации, в котором хочет зарегистрироваться футболист, также находится в пределах 50 км от этой границы. Максимальное расстояние между местом жительства футболиста и местонахождением клуба должно составлять 100 км. В таких случаях футболист должен по-прежнему жить дома, а две соответствующие Ассоциации должны ясно подтвердить свое согласие [12].

Согласно Регламенту КХЛ юниор может перейти в другой Клуб (школу) при согласии законного представителя или с согласия самого юниора только с 16 лет [11].

В баскетболе спортсменам, не достигшим возраста 18 лет, запрещено осуществлять международные переходы [10].

Согласно ст. 92 Трудового кодекса РФ продолжительность еженедельной работы не должна превышать 24 часов для спортсменов в возрасте до 16 лет, и 35 часов для спортсменов в возрасте от 16 до 18 лет, а в соответствии со ст. 267 ТК РФ, несовершеннолетнему предоставляется основной оплачиваемый отпуск продолжительностью 31 календарный день [2].

Законодательство также ограничивает суммарную нагрузку в течение рабочей смены для несовершеннолетних. При чередовании подъема и перемещения тяжестей с другой работой (до двух раз в час) предельная масса груза не должна превышать 24 кг – для юношей, в возрасте 17 лет и 8 кг – для девушек в возрасте 17 лет, а если тяжести поднимаются и перемещаются постоянно в течение рабочей смены – 13 кг и 6 кг [14].

Вместе с тем в некоторых видах спорта несовершеннолетние существенно превышают эти нормы, например, в таком виде спорта, как сумо. Для получения определенного разряда юноши и девушки должны сделать приседание со штангой, вес которой составляет не менее 100% собственного веса спортсмена, а это, как минимум в 4 раза, больше допустимой нормы для несовершеннолетних [15]. Без превышения указанных норм невозможно проводить спортивные соревнования, учебно-тренировочные мероприятия в определенных видах спорта, поэтому трудовое законодательство допускает превышение несовершеннолетним спортсменом предельно допустимых норм нагрузок при подъеме и перемещении тяжестей вручную, если это необходимо в соответствии с планом

подготовки спортсмена к спортивным соревнованиям и применяемые нагрузки не запрещены ему по состоянию здоровья в соответствии с медицинским заключением, а также допускает направление в служебные командировки, привлечение к сверхурочной работе, работе в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни спортсменов, не достигших возраста восемнадцати лет.

Еще одной особенностью является то, что при расторжении спортивного контракта по инициативе спортсмена без уважительной причины или из-за совершения им дисциплинарного проступка, спортсмен должен произвести выплату в пользу работодателя. Однако ни трудовое законодательство, ни локальные акты не определяют лиц, которые должны нести имущественную ответственность в случае расторжения контракта с несовершеннолетним.

И в данной ситуации следует снова обратиться к нормам гражданского законодательства, так в соответствии со статьей 26 Гражданского кодекса РФ лица в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно несут имущественную ответственность по сделке, а имущественную ответственность за малолетних несут их родители, усыновители или опекуны [13].

В заключение, проанализировав нормативно-правовые акты и локальные акты спортивных федераций, можно сказать, что большая часть норм, регулирующих труд несовершеннолетних спортсменов, находится в локальных актах спортивных федераций, но они не противоречат трудовому законодательству, а только его конкретизируют и уточняют. Также можно заметить, что эти нормы существенно отличаются для каждого вида спорта, так как они зависят от требований к физическому состоянию спортсмена и его медицинских показателей.

Однако многие аспекты в данной сфере остаются неурегулированными, в частности, минимальный возраст заключения контракта, круг лиц, которые обязаны в случае расторжения контракта по виновным основаниям производить выплаты за несовершеннолетних спортсменов и иные, что требует вмешательства законодателя в данную сферу.

1. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федеральный закон от 29 апреля 1999 года № 80-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>: (дата обращения: 03.05.2015).

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ, с изменениями от 6 апреля 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>: (дата обращения: 03.05.2015).

3. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федеральный закон от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ, с изменениями от 6 апреля 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>: (дата обращения: 03.05.2015).
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ, с изменениями от 20 апреля 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>: (дата обращения: 03.05.2015).
5. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ, с изменениями от 2 декабря 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>: (дата обращения: 03.05.2015).
6. Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 года, с изменениями от 21 июля 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru>: (дата обращения: 03.05.2015).
7. Регламент Российского теннисного турнира на 2014 года, утвержденный Генеральным директором Некоммерческого партнерства «Российский теннисный турнир» В.А. Лазарев от 24 января 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tennis-russia.ru>: (дата обращения: 03.05.2015).
8. Конвенции Международной организации труда № 138 «О минимальном возрасте для приема на работу»: принята в г. Женеве 26 июня 1973 года на 58-ой сессии Генеральной конференции МОТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>: (дата обращения: 03.05.2015).
9. Европейской социальной хартии (пересмотренная): принята в г. Страсбурге 3 мая 1996 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>: (дата обращения: 03.05.2015).
10. Статус игрока в Российской федерации баскетбола, утвержденный на заседании Исполкома РФБ 22.07.2004 года, с изменениями от 22 октября 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russiabasket.ru>: (дата обращения: 03.05.2015).
11. Правовой регламент КХЛ. Сезоны 2014/2015, 2015/2016, 2016/2017, утвержденный Правлением КХЛ протоколом № 38 от 19 августа 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.khl.ru>: (дата обращения: 03.05.2015).
12. Регламент РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов, утвержденный Постановлением Исполкома РФС № 141/4 от 05 марта 2011 года, с изменениями в соответствии с Постановлением Исполкома РФС №164/3 от 30 марта 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rfs.ru>: (дата обращения: 03.05.2015).

13. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 №51-ФЗ, с изменениями от 6 апреля 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>: (дата обращения: 03.05.2015).

14. Об утверждении Норм предельно допустимых нагрузок для лиц моложе восемнадцати лет при подъеме и перемещении тяжестей вручную: постановление Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 7 апреля 1999 г. № 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>: (дата обращения: 03.05.2015).

15. Об утверждении Федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта сумо: приказ Министерства спорта Российской Федерации от 23 декабря 2014 г № 1055 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>: (дата обращения: 03.05.2015).

16. Леликова, Л.А. Особенности трансферов несовершеннолетних спортсменов / Л.А. Леликова // Четвертая международная научно-практическая конференция "Спортивное право: перспективы развития": материалы конференции. – М., 2010. – С. 118–124.

УДК: 349.412

СОДЕРЖАНИЕ ИНСТИТУТА ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В БЕЛАРУСИ, РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНЕ

Е.А. Караваева
студентка 4 курса

А.В. Верецагина – научный руководитель,
заведующая кафедрой публичного права,
кандидат юридических наук, доцент

*Владивостокский государственный университет экономики
и сервиса
Россия, г. Владивосток*

Институт права частной собственности является сложным элементом правовой системы с широким содержанием, поэтому изучение регламентации данного института представляет интерес, особенно в таких государствах, как Беларусь, Россия и Тад-

Таджикистан, т.к., имея общую законодательную систему в период существования СССР, данные государства продолжили самостоятельное развитие в условиях тесного экономического и правового взаимодействия друг с другом.

Ключевые слова и словосочетания: *институт права частной собственности, земельная собственность, Республика Беларусь, Российская Федерация, Республика Таджикистан, содержание права собственности, владение, пользование, распоряжение.*

LANDED ESTATE IN BELARUS RUSSIA AND TADJIKISTAN

E.A. Karavaeva

Student of fourth grade, Institute of law

A.V. Vereshchagina – scientific adviser

Head of Public law Department, Candidate of legal sciences, associate professor

*Vladivostok State University of Economics and Service
Russian Federation, Vladivostok*

The private property rights is a broad complex element of the legal system, so the study of its regulation is very interesting, especially in states such as Belarus, Russia and Tajikistan. Previously they had common legislative system during the period of existence of the USSR, and now these states continue independent development in close economic and legal interaction with each other.

Keywords: *the institute of private property rights, land ownership, Republic of Belarus, Russian Federation, Republic of Tajikistan, the content of the right of ownership, possession, use and disposition.*

Институт права собственности является сложным элементом правовой системы с широким содержанием, поэтому изучение регламентации данного института представляет особый интерес. Значимость института земельной собственности выражается в наличии норм в отношении права собственности на землю в основных нормативно-правовых актах – Конституциях Российской Федерации [1], Республики Таджикистан [2] и Республике Беларусь [3]. При этом специальных норм в отношении иных объектов права собственности, помимо земли, перечисленные конституционные акты не содержат (исключение – интеллектуальная собственность). Не маловажным является так же то, что статьи в отношении права

земельной собственности помещены в наиболее важные разделы, закрепляющие основы конституционного строя и посвященные правам и свободам личности, обществу и государству.

Особенностью законодательства Беларуси и России является отсутствие легального понятия права собственности и нормативного толкования элементов его содержания. Тексты нормативно-правовых актов обоих государств содержат устойчивое словосочетание: право владения, пользования и распоряжения имуществом. Подобная формулировка используется как характеристика содержания права собственности и содержится в Конституциях Беларуси и России и в их гражданских и земельных кодексах [7; 8; 9; 10]. Поскольку легального толкования правомочий владения, пользования и распоряжения в законодательстве обоих государств нет, их содержание может быть раскрыто через семантику. Так, владение можно охарактеризовать как фактическое обладание вещью; совокупность действий лица, направленных на удержание вещи [11]. Пользование заключается в праве потребления вещи, извлечения ее полезных свойств [11]. Распоряжение представляет собой возможность определить фактическую и юридическую судьбу вещи [11].

Поскольку собственник является обладателем вещи, имеющим право удерживать её, то вполне логично возникновение потребности оберегать собственность от посягательств со стороны других лиц. Гарантии права собственности имеют конституционное закрепление. Конституция РФ подчеркивает, что право частной собственности охраняется законом, и никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (ст. 35). Конституция РБ в свою очередь указывает на наличие гарантии равной защиты и равных условий для развития всех форм собственности. Возможности собственника иметь право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами, неприкосновенность собственности охраняется законом. При этом имеется уточнение о том, что собственность, приобретенная законным способом, защищается государством (ст.13 Конституции РБ). Кроме того, принудительное отчуждение имущества допускается лишь по мотивам общественной необходимости (конкретизация в отношении данного понятия в тексте нормы отсутствует) при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества, а также согласно постановлению суда. Интересной особенностью является указание

на защиту всех форм собственности в Беларуси, тогда как российский законодатель больше уделяется внимания частной собственности. Кроме того, есть видимые отличия в формулировке гарантий по защите и охране собственности. Так, в России единственным основанием для лишения лица права собственности является решение суда, без конкретизации причин и обстоятельств вынесения данного решения и оснований принудительного прекращения права собственности на землю, имеющих в законодательстве. Законодатель Беларуси попытался более развернуто регламентировать основания принудительного отчуждения, но при этом использовал такой способ построения текста нормы, при котором судебное решение стало казаться вторичным по сравнению с общественной необходимостью и прочими условиями, что не совсем соответствует самой сути гарантии защиты права собственника.

Характеризуя правомочия по распоряжению и пользованию имуществом, законодатели обоих государств указывают на возможность собственника по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, но при этом содержит ряд ограничений, которые мы рассмотрим ниже. В Белоруссии и России перечень возможных операций с земельной собственностью разделен на две группы. Первая часть общих для всех объектов собственности правомочий закреплена в ГК РБ и ГК РФ. Данные полномочия дают собственнику возможность отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом. Указанный перечень в ГК РБ и ГК РФ идентичен и в обоих случаях является открытым. Другую часть полномочий составляют конкретизирующие предписания Земельного кодекса России и Кодекса Республики Беларусь о земле, закрепляющие возможные юридически значимые действия для собственника земельного участка и конкретные виды сделок с земельной собственностью.

Немаловажную роль в общей совокупности предписаний в отношении права пользования и распоряжения земельной собственностью играет принцип свободы реализации правомочий. Этот принцип фиксируется практически во всех основных источниках права. В России – это Конституция РФ (ч. 2 ст.36) и ГК РФ (ч. 3 ст. 209), ЗК РФ (ч.2 ст. 1). Белорусский законодатель ограничивается закреплением термина «свобода» в ГК РБ (ч.3 ст.210), не дублируя его в других актах. Но, независимо от количества норм, посвященных праву свободной реализации полномочий собственника, в законодательстве обоих государств присутствует ряд оснований его

ограничения. Так, Конституция РФ ограничивает свободу собственника требованием не нарушать права и законные интересы других лиц, а также избегать нанесения ущерба окружающей среде. Нормы ГК РФ содержат тождественные положения, нормы ЗК РФ – идентичны в части требования не противоречить интересам других лиц. Конституция РБ расширяет перечень требований следующими положениями: осуществление права собственности не должно противоречить общественной пользе и безопасности, наносить вреда окружающей среде, историко-культурным ценностям, ущемлять права и защищаемые законом интересы других лиц. Статьи ГК РБ в данном вопросе идентичны ГК РФ и также содержат требования тождественные предписаниям Конституции РБ.

Общей чертой рассмотренных норм является наличие не только правового, но и экологического аспекта отношений по поводу земельной собственности. Данная особенность связана с проблемой защиты экологии и необходимостью ужесточения контроля за состоянием окружающей среды и разработки правовых механизмов предотвращения экологических правонарушений. Так, законодатели обоих государств делают акцент на неприемлемость причинения вреда или ущерба окружающей среде в процессе реализации полномочий собственника. ЗК РФ также содержит принцип, согласно которому земля в первую очередь является основой жизни и деятельности человека, природным объектом, охраняемым в качестве важнейшей составной части природы, природным ресурсом и основой осуществления хозяйственной и иных видов деятельности.

Помимо ограничений пользования существуют ограничения владения для отдельных категорий земель. Так, согласно законодательству РБ не могут находиться в частной собственности земли сельскохозяйственного назначения, природоохранного, оздоровительного, рекреационного, историко-культурного назначения, земли лесного фонда и др. (ст. 13 Кодекса РБ о земле). В РФ не могут находиться в частной собственности земли занятые государственными природными заповедниками и национальными парками, зданиями, сооружениями, в которых размещены для постоянной деятельности Вооруженные Силы Российской Федерации, а также земли лесного фонда и др. (ст.27 ЗК РФ).

Особенность в рассматриваемом вопросе по сравнению с Республикой Беларусь и Российской Федерацией имеет законодательство Республики Таджикистан. Так в ст. 13 Конституции закрепляется, что земля, а также ее недра, вода, воздушное пространство, животный и растительный мир и другие природные ресурсы являются исключительной собственностью государства, т.е. приобре-

тение земли в частную собственность не допускается. Аналогичные нормативно-правовые предписания содержатся также в Гражданском кодексе Республики Таджикистан (ст. 239 и 289) [4], в ст. 2 Земельного кодекса Республики Таджикистан [5]. Формулировка указанного принципа во всех нормативно правовых актах является тождественной. Кроме того, законодательство содержит принцип, согласно которому земля признается достоянием народа, что и приводит к необходимости только государственного управления и правового закрепления в виде публичной собственности.

Конституция и Земельный кодекс Таджикистана также закрепляют гарантию в виде обязательства государства осуществлять эффективное использование земельной собственности в интересах народа, при этом содержание данной гарантии прямо не раскрывается. В ГК РТ законодатель подчеркивает значимость такого объекта, как земельная собственность, выделяя статью, более подробно раскрывающую содержание права собственности на землю Республики Таджикистан, а именно право владения, пользования и распоряжения землей и другими природными ресурсами. Здесь же указывается возможность предоставления земли во владение и пользование, а также порядок обеспечения межгосударственных потребностей, касающиеся обороны и безопасности страны. Отсутствие института частной собственности на землю обусловлено рядом причин, среди которых можно выделить географические (небольшая площадь земель, пригодных для сельского хозяйства и строительства, при большой площади горного массива), политические, экономические и др. (например медленный переход к рыночному типу экономики, длительное сохранение элементов правовой системы СССР) [6]. Однако стоит отметить, что на современном этапе в законодательстве Республики Таджикистан в области земельных правоотношений происходят изменения (активное осуществление инвентаризации земель по категориям, выявление неиспользуемых и нерационально используемых земель и др.), призванные расширить земельный оборот и возможно впоследствии закрепить право частной собственности для отдельных категорий земель [6].

Таким образом, несмотря на общее правовое и политическое прошлое в составе СССР в законодательстве рассматриваемых государств в отношении института права частной собственности имеются различия. Несмотря на имеющиеся некоторые различия, в целом эти государства имеют схожее законодательное закрепление содержания права собственности на землю. Так, в законодательстве Белоруссии и России нет четкого выделения отдельных элементов права собственности на землю в виде владения, пользования и

распоряжения. Но при этом, каждое из указанных правомочий имеет отражение в системе норм как гражданского, так и земельного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации, которое выражается через систему прав, обязанностей и ограничений, возложенных на собственника государством. Также в законодательстве всех трех государств общей чертой является акцент на значимость земли как основы жизни и деятельности человека, достоинства народа и важнейшего элемента окружающей среды.

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант»: (дата обращения 3.05.2015).

2. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года [Электронный ресурс] // ИС ПАРАГРАФ (дата обращения: 3.05.2015).

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года // (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс] / ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE» (дата обращения: 3.05.2015).

4. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 1 марта 2005 года (в ред. Закона РТ: от 6 августа 2001 г. № 41, от 3 мая 2002 г. № 5, от 1 марта 2005 г. № 85) [Электронный ресурс] / ИС ПАРАГРАФ (дата обращения: 3.05.2015).

5. Земельный кодекс Республики Таджикистан: от 13 декабря 1996 года № 327 (в ред. Законов РТ № 498 от 01.01.01 г., № 746 от 01.01.01 г., № 15 от 01.01.01 г., № 23 от 01.01.01 г. от 01.01.2001 г. № 000) [Электронный ресурс] / ИС ПАРАГРАФ (дата обращения: 3.05.2015).

6. Исмаилов, Ш.М. Особенности земельного законодательства в Республике Таджикистан / Ш.М. Исмаилов // Экологическое право. – 2009. – № 5/6 [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 3.05.2015).

7. Гражданский Кодекс Республики Беларусь: закон от 7 декабря 1998 г. № 218-З (в ред. от 11.07. 2014 г. № 191-З) [Электронный ресурс] / ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE» (дата обращения: 3.05.2015).

8. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть первая: федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от

05.05.14 № 129-ФЗ) [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 3.05.2015).

9. Земельный Кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ (в ред. от 21.07.2014г. № 234-ФЗ) [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 3.05.2015).

10. Кодекс Республики Беларусь о земле: закон от 23 июля 2008 г. № 425-З (в ред. от 26.10.2012 г. № 432-З) [Электронный ресурс] / ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE» (дата обращения: 3.05.2015).

11. Большой энциклопедический словарь / ред. А.П. Горкин. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Большая Российская энциклопедия.; Норинт, 2002. – 1456 с.

УДК 347.44

ДОГОВОРЫ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Ш.К. Кодиров

соискатель кафедры гражданского права юридического
факультета

*Российско-Таджикский (Славянский) университет
Республика Таджикистан, г. Душанбе*

*Торговая деятельность представляет собой предпринима-
тельную деятельность, связанную с приобретением и продажей
товаров. Формой торговой деятельности является электронная
торговля, осуществляемая с использованием информационно-
телекоммуникационных сетей. В связи с развитием электронной
торговли в Таджикистане существует потребность формирова-
ния адекватного законодательного обеспечения электронной
коммерческой.*

Ключевые слова и словосочетания: электронная сделка; ин-
тернет; договорные правоотношения; международный договор;
электронная торговля

CONTRACTS AND SPECIALTIES OF ITS REGULATION IN INTERNET BY CIVIL-LAW LEGISLATION OF REPUBLIC OF TAJIKISTAN

S.K. Kodirov

Applicant for candidate, Civil law Department

*Law Faculty of Russian-Tajic (Slavic) University
Republic of Tajikistan, Dushanbe*

Trade activity is entrepreneurial activity which is associated with buying and selling goods. One of the forms of trade activity is electronic commerce, that is carried out with use of ICT networks. Due to development of electronic commerce in Tajikistan there is necessity in elaboration of its adequate legal elaboration

Keywords: *electronic transaction, Internet, contractual relationships, international treaty, electronic commerce.*

Вступив в новое тысячелетие, в эпоху появления и развития новых информационно-телекоммуникационных технологий мы все чаще сталкиваемся с проблемами их правового регулирования и законодательного закрепления. Явным примером этому служит появление таких телекоммуникаций как глобальная компьютерная сеть Интернет.

В соответствии со статьей 179 Гражданского Кодекса Республики Таджикистан (Далее ГК РТ) сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Выделяют основные признаки сделки [1, с. 199]:

1) сделка – это юридический факт, на основании которого возникают, изменяются или прекращаются права и обязанности. Сделкой является юридическое действие, направленное на получение правового результата (передача имущества в собственность, в аренду, на хранение, выполнение работ, оказание услуг и т.п.);

2) сделка – это волевой акт, который предполагает наличие у лица определенного уровня сознания и воли, позволяющих отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. Сущность сделки как действия составляют воля и волеизъявление. Способы фиксации волеизъявления субъектов называются формами сделок. Согласно ст.183 ГК Республики Таджикистан воля может быть выражена устно, письменно, посредством реальных (конклюдентных) действий или молчанием;

3) сделка, будучи волевым юридическим действием, характеризуется особой направленностью. Типичная правовая цель, ради которой совершается сделка, называется основанием сделки, каузой;

4) сделка – правомерное юридическое действие. Несоответствие сделки закону или иному правовому акту влечет недействительность сделки.

Рассмотрим проявление выше перечисленных характерных признаков сделок в сфере осуществления деятельности в области электронной коммерции. К типичным сделкам, совершаемым в сфере электронной торговли, относятся [7, с. 37]:

1) заключение посредством электронной почты или в режиме «on-line» периодических однотипных сделок (заказов) между юридическими лицами, а условия данных сделок регламентируется генеральным торговым соглашением, которые эти стороны заключили на бумаге;

2) заключение торговых или других коммерческих сделок путем двухстороннего обмена соответствующими документами по электронной почте;

3) приобретение юридическим или физическим лицом товаров по каталогу, посланному по электронной почте, в магазине розничной торговли или по заказу, осуществленному посредством электронной почты;

4) приобретение через Интернет-магазин физическим или юридическим лицом товаров и услуг в режиме «on-line» и др.

Согласно правилу ст.183 ГК РТ воля при заключении договора может быть выражена устно, письменно, посредством реальных (конклюдентных) действий или молчанием. Возникает вопрос как эти общие правила будут действовать при совершении сделок с использованием информационно-телекоммуникационных средств и Интернет – технологии. Выражения воли участников при заключении электронных сделок в зависимости от способов обмена данными может проявляться по-разному: путем передачи данных в режиме он-лайн, через электронную почту, через общедоступные сети, в частности, через сеть «Интернет».

Процесс совершения сделок с использованием Интернет технологии и информационно-телекоммуникационных средств в действующем таджикском законодательстве пока еще не урегулирован. В ГК РТ определено общее правило о возможности использования при совершении письменных сделок электронной подписи в случаях и в порядке, предусмотренных законом, иными правовыми актами или соглашением сторон.

Так, в соответствии со статьей 185 ГК РТ сделка в письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание и подписанного лицом или лицами, совершающими сделку, или должным образом уполномоченными ими лицами. Согласно п.2 ст.185 ГК РТ использование при совершении сделок факсимильного воспроизведения подписи с помощью средств механического или иного копирования, электронной подписи, либо иного аналога собственноручной подписи допускается в случаях и в порядке, предусмотренном законом, иными правовыми актами или соглашением сторон.

Указанные нормы ГК РТ применяются в сфере заключения сделок с использованием информационно-технических средств в совокупности с положениями Закона Республики Таджикистан «Об электронной цифровой подписи». Положения настоящего Закона распространяются на электронные документы, идентифицируемые посредством электронной цифровой подписи органов государственной власти Республики Таджикистан, а также физических и юридических лиц Республики Таджикистан, при совершении гражданско-правовых сделок но при этом остается не урегулированным процесс (процедура) заключения и осуществления сделок с использованием информационно-телекоммуникационных средств, в том числе в сети Интернет. В частности, сторонам и другим участникам электронных сделок необходимо четко представлять порядок заключения договоров: решить вопрос о порядке оформления заказа; определиться какие факты могут стать подтверждением отправки и получения документов; знать в каких случаях невозможно отказаться от сделки; как удостовериться в том, что сделка оплачена; быть уверенным в обеспечении конфиденциальности заказа, соблюдении условий оплаты и адреса поставки, а также подтверждения при получении. Именно процедуру заключения и осуществления электронных сделок (порядок и значение действий, совершаемых при оформлении сделки) необходимо и целесообразно урегулировать в законе РТ «Об электронной торговле», принятие которого обусловлено развитием современного таджикского общества и продиктовано развитием экономического оборота.

Основная особенность сделок, заключаемых в электронной форме, проявляется в способе выражения волеизъявления (в форме сделки). В связи с этим целесообразно дополнить классификацию форм сделок сделками, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных средств. В общих положениях о сделках в ГК РТ выделить сделки, осуществляемые с использованием информационно-телекоммуникационных средств и в сети

Интернет. В законе РТ «Об электронной торговле» урегулировать порядок заключения и осуществления сделок, заключаемых в электронной форме [8, с. 101].

3) третий признак характерный для электронных сделок (особая направленность таких сделок, наличие основания, каузы), осуществляемых с использованием Интернет технологии и других информационно-телекоммуникационных средств, заключается в системе их оснований. В зарубежном законодательстве можно найти примеры, когда отдельные сделки не могут быть совершены с использованием информационно-телекоммуникационных средств и Интернет технологии. Например, в Законе «Об электронной торговле» Республики Молдова установлено, что закон распространяется на все виды коммерческой деятельности за исключением следующих:

а) деятельность нотариусов в той мере, в какой она предполагает непосредственное их участие в выполнении своих функций;

б) деятельность по юридическому представлению в судебных инстанциях и органах уголовного преследования;

в) азартные игры с денежными выигрышами, лотереи и пари;

г) деятельность, осуществляемая посредством оказания услуг голосовой телефонии, телефакса, телекса;

д) услуги по радиовещанию и телевидению, в том числе услуги по телетексту;

е) услуги по голосовой телефонии, телефакс или телекс;

ж) обмен информацией при помощи электронной почты или других эквивалентных средств индивидуального общения между лицами, действующими в целях, не связанных с их торговой деятельностью.

Очевидно, что такие правила целесообразно установить и в предлагаемом законе «Об электронной торговле» в Республике Таджикистан.

4) четвертый общий признак сделок («Сделка – правомерное юридическое действие. Несоответствие сделки закону или иному правовому акту влечет недействительность сделки») также применим к сделкам, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных средств [7, с. 104].

Необходимо иметь в виду, что важное правовое и практическое значения при заключении и осуществлении электронных сделок имеет законодательное закрепление момента и места отправления (получения) электронного документа [4, с. 25]. В связи с этим следует согласиться с выводом Е.Л. Паперно о том, что «в контексте определения порядка заключения договоров электронным способом следует учитывать время отправления и получения

электронных сообщений, содержащих оферту или акцепт. В отношении отправления в целях сближения с аналогичными нормами для неэлектронной среды следует использовать критерий выхода сообщения из сферы контроля отправляющей стороны; касательно получения, оправдано применение критерия возможности извлечения сообщения адресатом по электронному адресу, им указанному» [5, с. 9].

Следует отметить, что данные вопросы регулируются в международной практике. Например, в соответствии с Принципами UNIDROIT [2, с. 237] для международных коммерческих договоров извещение достигает адресата тогда, когда оно доставлено по месту ведения адресатом предпринимательской деятельности либо по его почтовому адресу. Конкретное сообщение, являющееся предметом рассмотрения, не обязательно должно физически попадать к адресату. Достаточно, чтобы оно было получено по факсу, телексу или через компьютер адресата. В ряде законов, регулирующих электронные сделки (Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной коммерции» 1998 г., Закон Австралии «Об электронных сделках» 1999 г., Закон Гонконга «Об электронных сделках» 2000 г.), электронное сообщение считается отправленным с момента поступления в информационную систему, которая не находится под контролем автора сообщения. Момент получения электронного сообщения устанавливается следующим образом: 1) если адресат указал информационную систему в целях получения электронного сообщения – в момент, когда сообщение данных поступает в указанную информационную систему или в момент, когда сообщение извлекается адресатом из системы (если сообщение направляется в систему адресата, которая не является указанной информационной системой адресата); 2) если адресат не указал информационную систему – в момент, когда сообщение данных поступает в какую-либо информационную систему адресата (Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной коммерции» 1998 г.) [3, с. 148].

Международная практика свидетельствует о том, что вопросы определения момента заключения договоров конкретизируются в основном сторонами в соглашениях. Но, как отмечается в литературе, это может привести к установлению неправомерно широких освобождений от ответственности. Данный факт еще раз убеждает в том, что целесообразно в гражданском законодательстве выделить отдельную группу обязательств, опосредующих деятельность в сфере поиска, получения, передачи, производства и распространения информации с применением информационных технологий в разных сферах имущественных отношений. В связи с этим в ГК РФ целесообразно урегулировать, в том числе вопросы, связанные с

определением момента возникновения прав и обязанностей, ответственности участников.

Помощь в создании национального законодательства может оказать Модельный закон «Об электронной торговле» [8, с. 58]. Однако при использовании положений этого закона необходимо учитывать сложившиеся в таджикской правовой доктрине положения о сделках. В названном выше Законе определено, что электронная сделка – любая сделка, совершенная сторонами сделки посредством проведения электронных операций по сделке; а электронная операция сделки – совершение сторонами сделки отдельных действий по оформлению и совершению сделки субъектов и их информационных систем в электронной торговле. Закреплено также, что электронная процедура – это порядок (правила, регламент) совершения электронных операций по сделке. Вряд ли можно согласиться с понятием сделки, содержащимся в Модельном Законе «Об электронной торговле», в котором электронная сделка определяется как любая сделка, совершенная посредством проведения электронных операций по сделке. Логически неверно определять электронную сделку как любую сделку, при этом не раскрывается сущность электронной сделки. Правильнее использовать для раскрытия содержания электронной сделки общее понятие сделки, дополнив его сущностными характеристиками электронной сделки. Как мы выяснили ранее, согласно ст.153 ГК РФ сделка – это действие, направленное на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Также ранее выяснили, что характерным для электронной сделки является проявление фиксации волеизъявления. Учитывая это, можно электронную сделку определить как действие, направленное на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, совершаемое с использованием информационно-телекоммуникационных средств в установленном порядке.

Подводя промежуточный итог, следует отметить, что сделки, осуществляемые с использованием информационно-телекоммуникационных средств и Интернет технологии, содержат все общие признаки сделок. Основная особенность электронных сделок заключается в способе проявления волеизъявления (в форме сделки).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Чтобы обеспечить правовую определенность электронной торговли, необходимо в предлагаемом к разработке и принятию законе «Об электронной торговле», в главе «Об электронных сделках» дать определение электронного документа применительно к электронной торговле, установив момент возникновения его юридической силы; определить стороны электронной сделки; урегулировать

ровать порядок обмена электронными документами при совершении сделки; определить момент и место отправления (получения) электронного документа, условия хранения электронного документа. Кроме того, необходимо разработать Типовое соглашение о порядке обмена документами между участниками электронных сделок, Национальный стандарт «Порядок обмена электронными документами». В целях улучшения операционной совместимости сетей, услуг и компьютерных программных приложений рекомендуется организациям, деятельность которых связана с осуществлением электронной торговли, разрабатывать стандарты организаций [6, с. 107].

1. Илларионова, Т.И. Гражданское право: учебник для вузов. Ч. 1 / Т.И. Илларионова, Б.М. Гонгало, М. Плетнева. – М., 1998. – 464 с.

2. Общие обычаи для удостоверения цифровым способом международной коммерции 1997 г. Международная торговая палата (МТП) // А.В. Шамраев Правовое регулирование информационных технологий (анализ проблем и основные документы) / А.В. Шамраев. – М.: Статут, БДЦ-пресс, Интерех, 2003. – С. 237.

3. Об электронной коммерции: типовой закон ЮНСИТРАЛ 1998 г. // А.В. Шамраев Правовое регулирование информационных технологий (анализ проблем и основные документы) / А.В. Шамраев. – М.: Статут, БДЦ-пресс, Интерех, 2003. – С.148–153.

4. Пальцева, М.В. Способы заключения договора в сфере электронной торговли / М.В. Пальцева // Юрист. – 2011. – №15. – С. 23–25.

5. Паперно, Е.Л. Правовое регулирование электронной торговли в России, Германии и США автореф. дис. ...канд. юрид. наук. / Е.Л.Паперно. – М., 2006. – 167 с.

6. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств № 31-12:URL:[http:// www.bankzakonov.com/ republic_pravo_by_2010 /blockw5 /rtf-n5e8u8 /str2n.htm](http://www.bankzakonov.com/republic_pravo_by_2010/blockw5/rtf-n5e8u8/str2n.htm) (дата обращения: 03.05.2015).

7. Соловяненко, Н. Правовое регулирование электронной торговли и электронной подписи (международный опыт и российская практика) / Н. Соловяненко // Хозяйство и право. – 2003. – № 1. – С. 27–37.

8. Салиев, И.Р. Гражданско-правовое регулирование электронной торговли в России: современная правовая модель: дис...канд. юрид. наук: 12.00.03 / И.Р. Салиев. – СПб., 2013. – 198 с.

ДОГОВОР ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУ ХОЗЯЙСТВУЮЩИМИ СУБЪЕКТАМИ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

С.А. Лукьянчук
студентка 3 курса

А.В. Верещагина – научный руководитель,
заведующая кафедрой публичного права,
кандидат юридических наук, доцент

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

Договор доверительного управления – заимствованный договор из системы общего права. Его применение вызывает немало проблем на практике. Необходимость в изучении договора доверительного управления обусловлена анализом проблем, вытекающих из него, а также их минимизацией на практике.

***Ключевые слова и словосочетания:** договор доверительного управления; проблемы, вытекающие из договора доверительного управления*

TRUST MANAGEMENT AGREEMENT BETWEEN ECONOMIC ENTITIES: THE ISSUES OF LEGAL PRACTICE

S.A. Lukyanchuk
Student of 3rd grade, Institute of Law

*Vladivostok State University of Economics and Service,
Russia, Vladivostok*

A.V. Vereshchagina – scientific adviser: Head of Public
law Department, candidate of legal sciences, associate
professor

Vladivostok State University of Economics and Service

Trust deed is the deed that was adopted from the system of general contract law. Its use causes many problems in practice. The necessity of trust agreement studying caused by problems arising from it and their analysis, as well as from pursuit to minimize them in practice.

Keywords: *the trust management agreement, the problems of the trust management agreement*

Договор доверительного управления имуществом – новый для отечественного законодательства. Он оформляет отношения по управлению чужим имуществом в интересах его собственника (или иного управомоченного лица – кредитора в обязательстве, субъекта исключительного или корпоративного права) либо иного указанного им (третьего) лица. Необходимость в управлении может быть обусловлена волей собственника или управомоченного лица (например, доверительное управление предприятием как имущественным комплексом в интересах собственника данного предприятия), или же может возникнуть в силу закона (установление опеки, попечительства, патронажа, признание гражданина безвестно отсутствующим и т.п.) [3, с. 151].

Несмотря на достаточно четкую регламентацию элементов договора доверительного управления, в практике применения норм этого института все же возникают спорные моменты.

Исходя из анализа постановлений Пятого и Шестого арбитражных апелляционных судов, а также постановлений Федерального арбитражного суда (далее в тексте ФАС) Дальневосточного Федерального округа, можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев предметом исковых требований является признание договора доверительного управления недействительным.

Наибольший интерес, в этой связи, представляют постановления Пятого арбитражного апелляционного суда от 16.05.2011 г. и постановление ФАС Дальневосточного округа от 6.09.2011г. Как было установлено Арбитражным судом (далее – АС) Приморского края, между ООО «Владком» и ООО «Дайлин-ДВ» было достигнуто согласие по всем существенным условиям договора доверительного управления имуществом, принадлежавшим на праве собственности ООО «Владком». Однако ООО «Дайлин-ДВ» в установленный договором срок не предприняло мер по государственной регистрации передачи имущества в доверительное управление, что и послужило основанием для обращения в суд ООО «Владком» с иском к ООО «Дайлин-ДВ» о признании договора доверительного управления имуществом недействительным. Суд первой инстанции иск удовлетворил. Не согласившись с решением, «Дайлин-ДВ» обратилось в Пятый арбитражный апелляционный суд с жалобой на решение суда первой инстанции, ссылаясь на то, что у

него отсутствовала реальная возможность в период с 18.05.2010 по 04.10.2010 зарегистрировать в установленном ст. 1017 ГК РФ порядке переход имущества в доверительное управление ввиду наличия в указанный период обеспечительных мер в виде запрета совершения регистрационных действий в отношении спорного имущества. Также, по мнению заявителя, судами не учтено, что фактически состоявшаяся передача ответчику недвижимого имущества по акту приема-передачи от 04.05.2010 влечет признание спорного договора заключенным и свидетельствует об его исполнении сторонами. Однако суд отклонил довод заявителя жалобы об отсутствии у него реальной возможности зарегистрировать такую передачу ввиду наличия обеспечительных мер, поскольку доказательств обращения за совершением государственной регистрации ответчик не представил. Помимо этого суд указал, что в соответствии с п.п. 2 и 3 ст. 1017 ГК РФ передача недвижимого имущества в доверительное управление подлежит государственной регистрации, и несоблюдение данного правила влечет недействительность такого договора [4]. В последствии вывод, сделанный Пятым арбитражным апелляционным судом, подтверждено вышеуказанным постановлением суда кассационной инстанции [5].

Таким образом, суды первой, апелляционной и кассационной инстанции указали на то, что форма договора доверительного управления недвижимым имуществом должна беспрекословно соблюдаться, в противном случае, такой договор будет признан недействительным, несмотря на то, что передача имущества состоялась по акту приема-передачи и акт был подписан сторонами.

Нередки также случаи, когда владелец передает имущество, находящееся у него на праве хозяйственного ведения, в доверительное управление.

В этой связи показательным является постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 15.04.2011 г. В данном случае был заключен договор доверительного управления имуществом между МОУ «СОШ № 73 с углубленным изучением предметов художественно-эстетического цикла г. Владивостока» и ООО «Даль ЭТО 2002», по условиям которого в доверительное управление ООО «Даль ЭТО 2002» передавались нежилые помещения площадью 76 кв.м. Однако, заместитель Прокурора Приморского края подал исковое заявление о признании данного договора недействительным и применении последствий недействительности ничтожной сделки. Судом первой инстанции иск был удовлетворен. Не согласившись с решением АС Приморского края, ООО «Даль ЭТО 2002» подало апелляционную жалобу в Пятый арбитражный апелляционный суд, в которой указывало на факт растор-

жения договора доверительного управления имуществом и, как следствие, у суда первой инстанции не было оснований признавать данный договор недействительным. Суд апелляционной инстанции оставил жалобу без удовлетворения, указав на противоречие п. 3 ст. 1013 ГК РФ, в котором говорится, что имущество, находящееся на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, не может передаваться в доверительное управление. Передача такого имущества возможна только после ликвидации юридического лица, в хозяйственном ведении или оперативном управлении которого имущество находилось, либо прекращения права хозяйственного ведения или оперативного управления и поступления имущества во владение собственника по иным предусмотренным законом основаниям [6].

Таким образом, согласно п. 2 ст. 168 ГК РФ сделка, совершенная в нарушение требований закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы или права и охраняемые законом интересы третьих лиц, признается ничтожной, а потому признается недействительной с момента ее совершения.

На практике встречаются случаи, когда имущество передается в доверительное управление ненадлежащему субъекту. Интересно, применительно к этой ситуации, постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 29.09.2009 г. Суть данного постановления заключается в следующем. ЗАО «Консультант-Аудит» обратилось с иском к ООО «76-ойл-Амур» об обязанности ответчика не чинить препятствий доверительному управляющему по управлению долей участника ООО. В свою очередь, ООО «76-ойл-Амур» заявил встречное исковое требование о признании договора доверительного управления недействительным. Судом первой инстанции в исковых требованиях и встречных исковых требованиях отказано. Не согласившись с решением суда первой инстанции, ЗАО «Консультант-Аудит» обратилось в суд апелляционной инстанции с жалобой, в которой указывало на факт соответствия договора требованиям закона. Шестой арбитражный апелляционный суд оставил апелляционную жалобу без удовлетворения, указав следующее. Исходя из положения пункта 7 статьи 1 Федерального закона от 07.08.2001 № 119-ФЗ «Об аудиторской деятельности» аудиторским организациям и индивидуальным аудиторам запрещается заниматься какой-либо иной предпринимательской деятельностью, кроме проведения аудита и оказания сопутствующих ему услуг. Помимо этого, уставом ЗАО «Консультант-Аудит» предусмотрено, что предметом его деятельности является аудиторская деятельность, а в пункте 2.2 устава указано, что обществу запре-

щается заниматься какой-либо иной предпринимательской деятельностью, кроме оказания аудиторских и связанных с ним услуг.

Таким образом, суд апелляционной инстанции признал договор доверительного управления, заключенный между ЗАО «Консултан-Аудит» и Ф.П. Бельчиковым, ничтожным на основании п.2 ст. 168 ГК РФ. Следовательно, такая сделка признается недействительной с момента ее совершения, вследствие чего иски требования ЗАО «Консултант-Аудит», основанные на отношениях, вытекающих из ничтожного договора, подлежат оставлению без удовлетворения [7].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев предметом исковых требований является признание договора доверительного управления недействительным в силу различных обстоятельств. В качестве таковых чаще всего выступают: несоблюдение формы договора доверительного управления недвижимым имуществом; передача недвижимого имущества, находящегося на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, в доверительное управление; передача имущества в доверительное управление ненадлежащему субъекту, признание недействительным договора доверительного управления в отношении доли в уставном капитале, принадлежащей наследодателю, в случае, когда требуется разрешение на заключение такого договора соответствующего органа управления юридического лица, а также иных обстоятельств, встречающихся в судебной практике.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.06.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015) // СЗ РФ. – 05.12.1994, – № 32, ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 29.06.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2015) // СЗ РФ. – 29.01.1996. – № 5, ст. 410.

3. Суханов, Е.А. Гражданское право в 4 т.: учебник для студ. вузов Т. 4 / Е.А.Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 816 с.

4. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 16.05.2011 г. по делу № А51-11667/2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/EhUzNHnBCClr/?arbitral-txt> (дата обращения: 05.05. 2015).

5. Постановление Федерального Арбитражного Суда Дальневосточного округа по делу № А51-11667/2010 от 6.09.2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/DqO8qGDqRNm1/?arbitral-txt> (дата обращения: 05.05.2015).

6. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда по делу от 15.04.2011 г. по делу № А51-15347/2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/rIvChHVwsqdm/?arbitral-txt> (дата обращения: 05.05.2015).

7. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 29.09.2009 г. по делу № А04-8951/2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/vWJ06S00iGUx/?arbitral-txt> (дата обращения: 05.05.2015).

УДК 347.45/.47

ТУРИСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В.В. Максименюк

старший преподаватель кафедры гражданского права,
магистр юридических наук

*УО «Полоцкий государственный университет»
Республика Беларусь, г. Новополоцк*

К середине второго десятилетия XXI в. туризм остается одним из ведущих направлений социально-экономической деятельности многих государств мира. В отличие от других отраслей экономики данный ее сектор проявляет относительную стабильность и устойчивость. Вместе с тем возникающие проблемы гражданско-правового регулирования отношений в туризме вызывают необходимость более подробного изучения туристических правоотношений. Поскольку в основе туризма лежит туристическое путешествие, немаловажным является рассмотрение его правовых характеристик.

***Ключевые слова и словосочетания:** туристическое путешествие, туризм, туристические услуги, отдых, оздоровительный туризм, Республика Беларусь, Российская Федерация.*

TOURIST TRAVEL: LEGAL ASPECTS

V.V. Maksimeniuk

a senior lecturer of the Civil Law Department
Master of Laws

Polotsk State University, Novopolotsk, Belarus

By the middle of the second decade of the 21st century tourism remains one of the main directions of socio-economic activities of many countries in the world. Unlike other sectors of the economy this very sector shows relative stability and sustainability. However, the emerging problems of civil-law regulation of relations in tourism necessitate a more detailed study of tourist relations. Since the tourist travel is the basis of tourism, an important consideration is its legal characteristics.

Keywords and phrases: *tourist travel, tourism, tourist services, leisure, health improving tourism, the Republic of Belarus, the Russian Federation.*

В настоящее время такому явлению, как туризм, уделяется большое внимание не только со стороны специалистов в области экономики и непосредственно туристической деятельности, но также и ученых-правоведов. Соответственно существует множество дефиниций понятия «туризм».

Одну из наиболее охватывающих классификаций указанного понятия представляет А.В. Бабкин, который считает, что термин «туризм» употребляется в следующих значениях:

- как временные перемещения людей, их нахождение вне постоянной среды обитания и временное пребывание на объекте, вызывающем туристский интерес;
- как сложная социально экономическая система, основу которой составляет многоотраслевой производственный комплекс, называемый туристской индустрией;
- как сегмент рыночной экономики, на котором взаимодействуют различные предприятия хозяйственного комплекса с целью предложения продукта, удовлетворяющего туристский интерес;
- как временные выезды граждан и лиц без гражданства в свободное время с постоянного места жительства в оздоровительных, познавательных, профессиональных, спортивных, религиозных, деловых, образовательных и иных целях на срок не менее 24 часов и не более 6 месяцев и без занятия оплачиваемой деятельностью в месте временного пребывания [1, с. 7].

Нормативное определение туризма содержится, прежде всего, в международных правовых актах.

В частности, Гаагская декларация Межпарламентской конференции по туризму 1989 года определяет туризм как явление, которое «включает все свободные перемещения людей, а также сферу услуг, созданную для удовлетворения потребностей, возникающих в результате этих перемещений» [4, ст. 1].

Закон Российской Федерации «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» в ст. 1 определяет туризм как «вре-

менные выезды (*путешествия*) граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – лица) с постоянного места жительства в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых, религиозных и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания» [9].

Статья 1 Закона Республики Беларусь «О туризме» устанавливает, что «туризм – *туристическое путешествие*, а также деятельность юридических лиц, физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, по его организации» [10].

Приведенные определения и характеристики понятия «туризм» в определенной степени соотносятся с термином «туристическое путешествие». Более того, возможно утверждать, что в основе туризма как деятельности лежит, прежде всего, именно туристическое путешествие.

Таким образом, уяснение сущности туристического путешествия дает возможность, с одной стороны, отграничивать туризм от смежных видов деятельности; с другой – более полно идентифицировать туристические услуги, оказываемые по соответствующим гражданско-правовым договорам.

В Приложении 1 к Государственной программе развития туризма в Республике Беларусь на 2011 – 2015 годы указано, со ссылкой на методологию Всемирной туристской организации, о таком показателе как «туристические прибытия», которые включают служебные и частные поездки, туризм [11]. Возможно, служебные поездки не являются туризмом. А частные? Ведь частные поездки физических лиц также могут носить характер туристического путешествия. Конечно, нормы договора оказания туристических услуг, защиты прав потребителей применению здесь не подлежат. Однако многие нормы желательно и даже необходимо применять и к таким «туристам», в том числе, обеспечение личной и имущественной безопасности, соблюдение «туристических формальностей» и некоторые другие. Очевидно, требуется определенное разъяснение на уровне закона о статусе частных прибывающих.

Как отмечает Г.П. Долженко, туристические путешествия (поездки), в отличие от научных путешествий и экспедиций географических, геологических, ботанических и других всегда имели (независимо от того в какие века они производились) общие специфические цели, объединяющие их внутренне. Сегодня их называют туристскими, и они подробно перечислены в Федеральном законе о туристской деятельности в Российской Федерации [5, с. 5]. По мнению О.Н. Викуловой цели путешествия являются одними из главных и опреде-

ляющих признаков туризма. В любом путешествии или туристской поездке есть главная цель, по которой определяют принадлежность этого путешествия к тому или иному виду туризма. В предыдущей редакции Закона («Об основах туристской деятельности Российской Федерации», *примеч. автора – В. М.*) законодатель выделял пять основных целей туризма. В новой редакции откорректированы некоторые цели и появилась новая, шестая – рекреационная [3].

Вместе с тем указанный Закон не содержит определения понятия «туристическое путешествие».

Закон Республики Беларусь «О туризме» в ст. 1 определяет: «туристическое путешествие – организованное путешествие (поездка, передвижение, пребывание) физических лиц за пределы их места жительства (места пребывания) с целью отдыха, познавательными и другими целями без занятия трудовой, предпринимательской, иной приносящей доход деятельностью, оплачиваемой и (или) приносящей прибыль (доход) из источника в посещаемой стране (месте)».

Таким образом, нормы Закона Республики Беларусь «О туризме» дают возможность уяснить смысл путешествия как действия – это поездка, передвижение, пребывание на другой территории. Однако выявить в полном объеме цели путешествия из Закона не усматривается возможным.

Так, согласно данному Закону целями путешествия могут быть:

- отдых;
- познавательные цели;
- другие цели, не связанные с осуществлением трудовой, предпринимательской, иной приносящей доход деятельностью.

Технический нормативный акт СТБ 1352-2005. «Услуги туристские. Общие положения» кроме указанных целей, содержит указание на оздоровительные, профессионально-деловые, религиозные, а также цели, связанные с удовлетворением духовных и эстетических потребностей [12].

Н.В. Зернин в качестве целей агроэкотуризма выделяет экологическое образование и просвещение, оздоровление и отдых [6, с. 140].

Очевидно, что цели путешествия непосредственно связаны с разновидностями туризма.

Особенности организации отдельных видов туризма, таких агроэкотуризм, самодетельный, социальный, экологический и другие виды регулируются законодательством (ст. 3 Закона Республики Беларусь «О туризме»). Легальное определение и нормативное регулирование указанных видов туризма в Беларуси, кроме агроэкоэкотуризма, отсутствует, а перечень видов туризма установлен «открытым». Аналогичная ситуация наблюдается и в Законе Российской Федерации «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации».

Таким образом, отсутствует возможность в каждом случае выявить цели путешествия, установить вид путешествия, а значит ограничить туризм как деятельность от других сфер деятельности. Очевидно наличие пробелов правового регулирования общественных отношений. Как указано ранее, отсутствует также нормативная регламентация правового статуса путешественников, прибывающих в частном, неорганизованном порядке.

Сфера туристических общественных отношений постоянно расширяется, количество вопросов, подлежащих правовому регулированию – увеличивается. Одной из причин постоянного увеличения спроса на туристические услуги стало то, что туристические путешествия из просто развлечения или удовольствия превратились в неотъемлемую часть жизни современного человека, связанную с удовлетворением духовных и интеллектуальных потребностей, его лечением и оздоровлением, поддержанием необходимого уровня жизнедеятельности [7, с. 78].

Примером востребованности туристических услуг и одного из видов туризма (туристического путешествия) является оздоровительный туризм. Оздоровительный туризм – туристическое путешествие граждан Республики Беларусь, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, в учреждения оздоровительного туризма с целями профилактики заболеваний, санаторно-курортного лечения, оздоровления и отдыха [8, с. 151]. По информации директора Республиканского центра по оздоровлению и санаторно-курортному лечению населения при Совете Министров Республики Беларусь Геннадия Болбатовского, за восемь месяцев 2014 года в белорусских здравницах для отдыха и лечения побывали 159,5 тысячи иностранцев, что на 2 тысячи больше, чем в январе-августе 2013 года. В здравницы Беларуси на санаторно-курортное лечение едут уже со всей Европы, а также из Израиля и ряда других стран [2].

В связи с изложенным, представляется целесообразным разработать кодифицированный акт, например, Кодекс о туризме, нормы которого подробно регулировали бы отношения в области туризма.

1. Бабкин, А.В. Специальные виды туризма: учеб. пособие / А.В. Бабкин. – Ростов н/Д.: Феникс, 2008. – 252 с.

2. Болбатовский, Г. Рост цен на путевки в белорусские здравницы на межсезонье не ожидается / Г. Болбатовский // Новости Беларуси / Онлайн новости / БелТа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: belta.by/Мнения/Gennadij-Bolbatovskij_i. (дата обращения: 29.04.2015).

3. Викулова, О.Н. Комментарий к Федеральному закону «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (по-

статейный) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ModernLib.ru>books...nikolaevna_vikulova...turistskoy.(дата обращения: 30.05.2015)

4. Гаагская Декларация Межпарламентской конференции по туризму 1989 г.: принята на Межпарламентской конференции по туризму Межпарламентским союзом, Всемирной туристской организацией 10 – 14 апреля 1989 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>.(дата обращения 03.05.2015)

5. Долженко, Г.П. История туризма в Российской империи, Советском союзе и Российской Федерации: 1696 г. – современность / Г.П. Долженко, Ю.С. Путрик. – М. – Ростов н/Д.: Издательский центр "МарТ", 2010. – 304 с.

6. Зернин, Н.В. Ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору о реализации туристического продукта / Н.В. Зернин, Г.А. Микрюкова // Современное законотворчество и правоприменение // Тезисы докл. Международн. науч.-практ. конф., посв. 60-летию юридического ф-та Пермского гос. ун-та, Пермь, 14-16 июня 2008 г. / Пермский гос. ун-т; редкол.: Г.А. Микрюкова [и др.]. – Пермь, 2008. – С. 140–143.

7. Максименюк, В.В. Гражданско-правовой «механизм» обеспечения безопасности туристов в рамках договора на оказание туристических услуг / В.В. Максименюк // Вестник ПГУ. – 2014. – № 14. – С. 78-81.

8. Максименюк, В.В. Дополнительные услуги в рамках тура по оздоровительному туризму / В.В. Максименюк // Вестник ПГУ. – 2014. – №6. – С. 149–153.

9. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Закон Рос. Федерации, 24 нояб. 1996 г., № 132-ФЗ: в ред. Закона Рос. Федерации от 03.05.2012 г. // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации [Электронный ресурс] / Режим доступа: pravo.gov.ru. (дата обращения: 29.04.2015)

10. О туризме: Закон Респ. Беларусь, 25 нояб. 1999 г., № 326-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

11. Об утверждении Государственной программы развития туризма в Республике Беларусь на 2011–2015 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24.03.2011 г. № 373 //

Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2015.

12. Услуги туристские. Общие положения: СТБ 1352-2005. – Введ. 01.11.2005. – Минск: Госуд. Комитет по стандартизации РБ: Белорус. Гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2005. – 14 с.

УДК 347.65/68

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА НАСЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ

К.Д. Савицкая

ассистент кафедры гражданского права, магистр юридических наук

*Учреждение образования «Полоцкий
государственный университет»,
Республика Беларусь, г. Новополоцк*

Исследуется феномен цифровых активов. Объясняется, в силу каких причин осложнено понимание проблемы. Анализируются современные доктринальные положения, а также законодательство США на предмет наличия и характера содержащихся в нем правовых норм, идентифицирующих категорию «цифровые активы». Рассматриваются некоторые статистические данные, позволяющие оценить масштабы цифровых активов. Проведен сравнительный анализ политики предоставления услуг различными Интернет-провайдерами на примере Google, HotmailYahoo!Gmail, Facebook и др. Исследовано лицензионное соглашение iTunes на предмет наличия возможности передавать по наследству цифровой аудио, видео и игровой медиаконтент. Рассматривается судебная практика в сфере цифрового наследования. Анализируется соотношение политики конфиденциальности Интернет-провайдеров, неприкосновенности частной жизни и доступа к цифровым активам умершего исполнителей завещания и наследников.

Ключевые слова и словосочетания: цифровое наследование; объекты цифрового наследования; цифровые активы; цифровое имущество; условия предоставления услуг.

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE ESTABLISHMENT OF A SPECIAL ORDER OF SUCCESSION OF DIGITAL ASSETS

K.D. Savitskaya

Assistant lecturer of civil law department, Master of law

*Polotsk State University
Novopolotsk, Republic of Belarus*

The article is a comparative analysis of theoretical and practical peculiarities of the objects of digital assets. The article is prove the timeliness and scientific development of the topic in legal science. We have determined the significance of the topic for modern society. The concept of digital assets has been considered. The question of including provisions dealing with digital assets in US law was discussed. On the basis of doctrinal and legal concepts used in defining digital assets. Investigated the criteria for classification of digital assets. The analysis of the current legislation in the sphere of digital inheritance has been carried out. We consider some statistical data to assess the extent of digital assets. A comparative analysis of the policies of different services Internet providers on the example of Google, Hotmail Yahoo! Gmail, Facebook, and others. Investigated the license agreement iTunes for availability bequeath digital audio, video and gaming media content. Consider judicial practice in the field of digital inheritance. The correlation privacy policy internet-providers, privacy and access to digital assets of the deceased executor and heirs.

Keywords: *digital inheritance; the objects of digital inheritance; digital assets; digital property; Terms of Service.*

Современный период развития цивилизации характеризуется переходом от индустриального общества к обществу информационному через информатизацию всех сфер и направлений деятельности. С развитием мирового Интернет-пространства такие объекты, как интернет-сайты, электронная почта, виртуальные библиотеки, аккаунты в социальных сетях, электронные деньги и др. стали неотъемлемой частью гражданско-правового оборота.

В условиях постоянного развития и модернизации Интернет-пространства и появлением социальных сетей, общей тенденцией для пользователей интернета становится увеличение онлайн-аккаунтов, веб-страниц в социальных сетях, учетных записей электронной почты, которые имеют различные идентификационные данные (логин и пароль). Это создает проблему для специалистов

по распоряжению наследственным имуществом в плане того, что произойдет с этими учетными записями и личной информацией, хранящейся в них после смерти человека.

Пользователи перемещают остатки своей идентичности от традиционных физических воздействий таких, как фотографии, видеофайлы, заметки, в Интернет-пространство. Идентичность сейчас оцифрована, в связи с этим возникают определенные сложности по мере старения населения и накопления огромного количества «цифровых активов» [1].

Значительную часть современного наследства могут составлять цифровые активы такие, как электронные книги, доменные имена, онлайн-счета и т.д. В отличие от их материальных предшественников, доступ для наследников и исполнителей завещания к цифровым активам может быть значительно затруднен. Компоненты онлайн идентичности не вписываются в традиционные формы наследования и часто конфликтуют с традиционными институтами наследственного права.

Компьютерные технологии становятся все более запутанными в нашей повседневной жизни. Веб-сайты и другие онлайн-платформы отслеживают истории переписки, они могут дополнительно содержать ценное нематериальное имущество и цифровые активы, которые мы создали или приобрели. Рассмотрим некоторые статистические данные, позволяющие оценить масштабы цифровых активов:

1. Около одного миллиарда пользователей имеют активные страницы на Facebook. 2. Около одного миллиарда пользователей имеют учетные записи на Gmail, Hot-mail или Yahoo!.

3. Около 300 миллионов электронных книг были проданы Amazon в 2012 году.

4. Около 25 миллиардов песен были проданы на iTunes.

5. Около 50 миллионов доменных имен были зарегистрированы на GoDaddy.

6. Около 70 часов видео загружаются на серверы YouTube каждую минуту.

7. Около 70 миллионов пользователей, имеют виртуальные фермы в FarmvilleZynga, высокого игрового уровня (для усовершенствования виртуальной фермы от игроков требуются вложения в денежном эквиваленте) [2].

Несмотря на то, что данные цифры подчеркивают широкое распространение различных цифровых активов, указанные данные не способны сформировать объективную картину, так как объем этих активов увеличивается в геометрической прогрессии. В результате, в ближайшей перспективе пользователи информации-

ных технологий будут обладать множеством учетных записей, содержащих различные файлы, документы, лицензии, личную переписку и другие формы цифрового имущества, доступ к которым защищен логином и паролем.

В течение жизни пользователи имеют доступ к своим персональным данным в режиме онлайн. После смерти «цифровые системы поднимают вопросы собственности, доступа и неизменности, которые вместе создают новые проблемы для наследников» [9]. В настоящее время отсутствуют приемлемые механизмы завещания и наследования цифровых артефактов [3].

Несмотря на повсеместное использование социальных сетей, их системы редко предназначены для обслуживания пользователей после смерти. Они не позволяют назначить наследников этих данных, даже если эти данные имеют эмоциональное, финансовое или интеллектуальное значение для родственников умершего [4].

Подходы к данному вопросу между различными интернет-провайдерами и социальными сетями не согласованы. Проблема усугубляется тем, что завещание цифровых активов не является приемлемым в большинстве стран мира, за исключением некоторых штатов США.

Некоторые сайты имеют открытую информацию о том, что произойдет с цифровыми активами в случае смерти владельца учетной записи. Как правило, эта информация содержится в соглашении о предоставлении услуг, что позволяет пользователям получить теоретическое представление о судьбе цифровых активов после смерти ещё до получения доступа к любой предоставляемой сервисом услуге. Однако большинство пользователей не читают эти условия, и просто соглашаются с предложениями поставщиков услуг, что в дальнейшем приводит к негативным последствиям с точки зрения предоставления доступа к цифровым активам, так как судебная практика признает приоритет условий предоставления услуг [5]. Рассмотрим несколько примеров.

Условия предоставления услуг Google не включают информацию о том, что произойдет с учетной записью после смерти её владельца, ограничиваясь лишь общими положениями: «За исключением случаев, когда Google предоставил вам особое письменное разрешение на совершение таких действий, вы не вправе уступать (или предоставлять сублицензию на) ваши права на использование Программного обеспечения или иным образом передавать любую часть ваших прав на использование Программного обеспечения [6].

Gmail предлагает различные варианты распоряжения аккаунтом умершего пользователя: удалить аккаунт по просьбе ближайших родственников и представителей, передать информацию из

него. Однако отправка запроса и заполнение необходимой документации не гарантирует, что просьба будет удовлетворена. Любое решение о предоставлении доступа к аккаунту умершего пользователя принимается только после тщательного анализа [7].

Таким образом, в соответствии с условиями предоставления услуг Google, только самые близкие родственники могут получить доступ к аккаунту умершего пользователя, который не будет удаляться вечно. Для получения доступа к аккаунту усопшего нужно отправить по факсу в Google:

- полное имя, контактные данные и проверяемый e-mail;
- Gmail-адрес умершего;
- распечатку письма, которое получено от умершего с полными заголовками (headers) и содержимым текстом;
- свидетельство смерти;
- свидетельство родства, если умерший старше 18 лет, а если не достиг 18- то свидетельство о рождении [7].

Yahoo! прямо указывает в условиях предоставления услуг, что учетная запись не может быть передана: "Вы соглашаетесь, что ваша учетная запись Yahoo! не может быть передана другому лицу и что все ваши права на Yahoo!, логин или содержимое вашей учетной записи прекращаются в случае вашей смерти. После получения копии свидетельства о смерти, ваша учетная запись может быть удалена, а ее содержимое стерто [8].

Условия предоставления услуг Facebook не предусматривают возможность доступа к аккаунту пользователя и передачи содержимого по наследству, в случае его смерти. Facebook предлагает по заявлению родственников увековечить страницу пользователя посредством создания мемориала. После рассмотрения заявки о создании мемориала Facebook удалит все обновления статуса и историю переписки и оставит доступ в мемориал только текущим друзьям умершего [9].

Hotmail проводит сканирование активности своих пользователей. В случае если на протяжении года учетная запись была неактивна, она удаляется. Родственники могут получить содержимое учетной записи, предоставив по факсу или электронной почте следующие данные:

- свой e-mail адрес;
- адрес доставки (они отправляют все данные по почте);
- свидетельство того, что лицо имеет права на наследование;
- фотокопию водительского удостоверения;
- копию свидетельства о смерти;

- как можно более подробную информацию об умершем (полное имя, дата, город рождения, приблизительную дату создания аккаунта и приблизительную дату последней авторизации) [10].

Из приведенных примеров, можно сделать вывод, что различные поставщики услуг используют разные подходы к возможности распоряжения цифровыми активами, сконцентрированными в учетной записи на случай смерти пользователя. У родственников умершего в лучшем случае есть возможность получить содержимое учетной записи, в худшем – удалить учетную запись и стереть ее содержимое.

Учитывая неизбежность смерти и постоянно растущие размеры цифровых активов, ситуация описанная выше является неудовлетворительной для пользователей, их родственников и поставщиков услуг. Предположим, есть лица, которые хотят заранее предопределить судьбу своих цифровых активов и передать их по наследству (представляется, что данный вопрос особо актуален для неизлечимо больных и лиц, чья профессиональная деятельность связана с риском для жизни), однако в настоящее время их воля по распоряжению цифровыми активами не может быть реализована. Наследники, в свою очередь, могут столкнуться с неприятной дорогостоящей тяжбой, чтобы получить доступ к цифровым активам умершего.

Ситуация правовой неопределенности в сфере цифровых активов неудовлетворительна для душеприказчиков и администраторов имущества, которые при исполнении последней воли наследодателя не могут игнорировать цифровое имущество. Например, в Нью-Джерси, душеприказчики обязаны урегулировать и распределить имущество умершего «так оперативно и эффективно, насколько это согласуется с наилучшими интересами самого имущества», и несут ответственность за оценку имущества, а также рассчитывают федеральный налог, которым облагаются эти активы [2]. Обязанность оценки и налогообложения распространяется только на те цифровые активы, которые могут быть оценены в денежном эквиваленте. В то время как онлайн фото из архива не представляет значительной ценности для этих целей, PayPal или виртуальные текущие счета умершего должны быть подробно изучены душеприказчиком.

Однако в то время как душеприказчик или администратор имущества могут беспрепятственно добраться до личного имущества умершего, для доступа к цифровым активам, как правило, требуются идентификационные данные (логин, пароль). Ситуация может усугубляться наличием у умершего десятков аккаунтов,

каждый из которых имеет свою уникальную комбинацию логина и пароля.

Душеприказчик или администратор имущества могут не знать о существовании или расположении аккаунтов умершего, либо знать, но не иметь возможности получить к ним доступ.

Для некоторых цифровых активов, таких как учетные записи банковских счетов, возможно получить доступ посредством представления свидетельства о смерти и других документов подтверждающих полномочия доверительного управляющего для получения доступа. Однако распоряжение цифровым контентом библиотеки умершего (например, электронными книгами, цифровой музыкой и т.д.) представляется более сложным вопросом. Договор (в форме авторских лицензий и/или условий предоставления услуг) как правило, ограничивает доступ к библиотеке первоначальными покупателями. В то время как, бумажная книга входит в наследственную массу, в отношении электронной книги, как объекта наследования, возникает ряд вопросов. Большинство лицензий цифрового контента имеют формулировки специально предусматривающие, что должно происходить в случае смерти первоначального покупателя, но большинство лицензий ограничиваются формулировкой «для личного использования» [2].

Для иллюстрации вышеизложенного рассмотрим лицензионное соглашение iTunes – самого быстрорастущего Интернет-сервиса в мире, который предоставляет доступ к фирменному онлайн-магазину компании Apple (iTunesStore), распространяющему цифровой аудио, видео и игровой медиаконтент для производимых ею электронных устройств. Лицензионное соглашение iTunes предусматривает, что при покупке пользователем чего-либо в iTunes (песен, фильмов, приложений), он приобретает право на использование, а не сам продукт [11].

В соответствии с лицензионным соглашением iTunes, все приобретаемые файлы с помощью данного Интернет-сервиса хранятся в iCloud [11]. В разделе IV пункта DУсловий предоставления услуг iCloud, указано, что «Вы соглашаетесь с тем, что Ваша Учетная запись не подлежит передаче другому лицу и что любые права на этот Apple ID или Материалы в Учетной записи теряют силу после Вашей смерти. После получения копии свидетельства о смерти Ваша Учетная запись может быть закрыта, а все Материалы в Учетной записи могут быть удалены» [12].

Таким образом, все приобретенные файлы (фильмы, музыка, книги) в интернет – магазине, не являются собственностью покупателя. Оплата идет только лишь за временное пользование необходимых покупателю файлами. После смерти клиента, вся ин-

формация, купленная в Интернет-магазине, вновь становится собственностью компании «Apple» и переходит обратно в магазин.

Если в состав имущества входят цифровые активы, то у исполнителя возникает ряд проблем. В отличие от материальных объектов, входящих в состав наследства, которые, как правило, сконцентрированы в одном месте, умерший может иметь десятки онлайн счетов, каждый из которых будет защищен уникальным логином и паролем. Исполнители могут не знать о существовании или расположении счетов умершего. Даже если они обладают необходимой информацией, они не смогут получить доступ, если пароли не записаны и не находятся в их распоряжении. Это связано с политикой конфиденциальности интернет-провайдеров.

Предоставление доступа к онлайн аккаунтам умершего может оказаться сложным решением для интернет-провайдеров, которые обязаны обеспечивать в соответствии с политикой конфиденциальности неприкосновенность частной жизни. Например, умерший пользователь может иметь данные онлайн, который должны были остаться конфиденциальными – письма, выражающие негативные мнения об их близких, свидетельства о внебрачных связях или незаконной деятельности и т.д.. Предоставляя исполнителям завещания и оставшимся наследникам доступ к персональным данным покойного, онлайн-поставщики услуг могут невольно раскрыть информацию, способную нанести ущерб репутации и интересам умершего пользователя [13].

Тем не менее, отказ предоставить доступ исполнителям завещания и оставшимся наследникам к персональным данным умершего может также вызвать проблемы. Примером может служить случай Младшего капрала Корпуса морской пехоты США Джастина М. Элсворта, погибшего в бою в Ираке в 2004 году. Во время службы он использовал учетную запись электронной почты Yahoo!, чтобы переписываться с семьей и друзьями. После смерти Элсворта, его отец просил предоставить доступ к персональным данным интернет-провайдер – в частности, к электронным сообщениям, вложениям, запискам дневников Элсворта, которые были сохранены на Yahoo!. Компания Yahoo! отказалась предоставить доступ, мотивируя свою позицию запретом на предоставление доступа членам семьи условиями предоставления услуг, а также защитой конфиденциальных данных пользователя Элсворта. Родители смогли добиться частного определения Суда по делам о наследстве штата Мичиган, которое обязало Yahoo! предоставить доступ к электронной почте Элсворта [14, с. 34].

Таким образом, проанализировав основные доктринальные положения, нормы законодательства касательно цифровых активов

и института цифрового наследования, можно сделать вывод, что в настоящее время не существует единой модели наследования и завещания цифровых активов. Неспособность цифровых активов взаимодействовать с пользователями после смерти негативна как для пользователей, так и поставщиков услуг в сети Интернет. Для решения этой проблемы необходимо найти баланс интересов между политикой конфиденциальности Интернет-провайдеров, неприкосновенностью частной жизни и возможностью доступа к цифровым активам умершего исполнителей завещания и наследников.

-
1. Mauer, J. Research Note Risks in Digital Identity After Death / J. Mauer // [Electronicresource]. – 2013. – Mode of access:http://anniesearle.com/web-services/Documents/ResearchNotes/ASA_Research_Note_RisksinDigitalIdentityAfterDeath_July2013.pdf-Date of access: 19.04.2015.
 2. Lastowka, G., Hall, T. Living and Dying in a Virtual World / Lastowka G., Hall T. // [Electronicresource]. – 2013. – Mode of access: <http://lastowka.rutgers.edu/files/2013/10/Lastowka.pdf> – Date of access: 19.04.2015.
 3. Massimi, M. and Charise, A. Dying, death, and mortality: towards thanatosensitivity in HCI / M. Massimi, // In Proceedings of the 27th international Conference Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems. – Boston: MA, USA. – 2009. – p. 2459-2468.
 4. Kirk, D. S., Sellen, A. On human remains: Values and practice in the home archiving of cherished objects / Kirk, D. S., Sellen, A. // ACM Trans. Comput. -Hum. Interact. – №17(3). – 2010: [Electronicresource]. – 2013. – Mode of access: <http://doi.acm.org/10.1145/1806923.1806924>. – Date of access: 17.08.2014
 5. Cahn, N. Postmortem Life On-line / Cahn, N. // Probate & Property [Electronicresource]. – 2011. – Т. 25. – №. 4. – Mode of access: –<http://scholarship.law.gwu.edu/cgi/viewcontent.cgi>. -Date of access: 19.04.2014.
 6. Google Terms of Service – Privacy & Terms [Electronicresource]. – 2015. – Mode of access:www.google.com/accounts/TOS. – Date of access: 15.01.2015.
 7. Submit a request regarding a deceased user's account [Electronicresource]. – 2015. – Mode of access:<http://mail.google.com/support/bin/answer.py?hl=en&answer=14300>. – Date of access: 15.01.2015.
 8. Yahoo! Terms of Service[Electronicresource]. – 2015. – Mode of access:<http://info.yahoo.com/legal/us/yahoo/utos/utos173.html>. – Date of access: 15.01.2015.

- 9/ Pfhgjcycfj[hfytybtfrrfeynfdgfvznmjgjkmpjdfntkt || Facebook [Electronicresource]/ – 2015/ – Mode of access^https://www.facebook.com/help// – Date of access^ 15/01/2015/
10. Microsoft Services Agreement [Electronicresource]. – 2015. – Mode of access: <http://windows.microsoft.com/en-us/windows/microsoft-services-agreement-faq>. – Date of access: 15.01.2015.
11. Apple inc. iTunes u software license Agreement [Electronicresource]. – 2015. – Mode of access: <https://www.apple.com/legal/sla/docs/iTunesU.pdf>. – Date of access: 15.01.2015.
12. Условия и положения iCloud[Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа:<http://www.apple.com/legal/internet-services/icloud/ru/terms.html>. Дата доступа: 18.12.2015.
13. Moncur, W., Waller, A. Digital Inheritance / Moncur W., Waller A. // RCUK Digital Futures. [Electronicresource].– 2010. – Mode of access: http://www.computing.dun-dee.ac.uk/staff/wmoncur/publications/2010-rcuk_digitalFutures.pdf – Date of access: 19.09.2013.
14. Farwell, J. Death & digital data: What happens to what you leave behind? / Farwell, J. // Computers & Electronics.-2007.- №18(9). – 33-35.

УДК 347.657

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ ПЕРЕЖИВШЕГО СУПРУГА НА ДОЛЮ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Ю.Н. Стражевич

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и
трудового права, кандидат юридических наук

О.И. Босык

студентка 3 курса

*Институт государства и права
БУ ВО Сургутский государственный университет
Россия. ХМАО-Югра, г. Сургут.*

В статье рассматриваются особенности наследования доли в уставном капитале ООО пережившим супругом. Анализируется правоприменительная практика по вопросу наследования доли в уставном капитале ООО. Автор предлагает алгоритм действий по оформлению наследственных прав на долю в ООО.

***Ключевые слова и словосочетания:** супруги; общее имущество; наследство; корпоративные права; доля в уставном капитале ООО*

THE LEGAL PROBLEMS OF INHERITANCE OF LIMITED LIABILITY COMPANY'S SHARE IN AUTHORIZED CAPITAL BY THE SURVIVING SPOUSE

Y.N. Strazhevich

Associate professor, Department of civil law disciplines
and labor law

O.Y. Bosyk

Student of the 3rd grade, Institute of state and law of Surgut
State University

*Institute of state and law of Surgut State University
Russia, Khanty-Mansiyskiy autonomous district-Yugra, Surgut
Russia, Khanty-Mansiyskiy autonomous district-Yugra, Surgut*

The specialities of inheritance of share in authorized capital of limited liability company by the surviving spouse are considered in the article. Court ruling in that sphere is analyzed. The authors offer an algorithm of inheritance rights` on share in authorized capital of limited liability company registration.

***Keywords:** spouses; common property; inheritance; corporate rights; a share in limited liability company's authorized capital.*

В соответствии с п. 1. ст. 256 ГК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если договором между ними не установлено иное. Согласно ст. ст. 34, 36 СК РФ, ст. 128 ГК РФ к совместному имуществу, в частности, относятся доли в капитале, внесенные в коммерческие организации. Включение в перечень совместного нажитого имущества долей в уставном капитале коммерческих организаций, затрагива-

ет не только имущественные отношения между супругами, но и вторгается в динамику корпоративных правоотношений.

Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее ООО) представляет собой совокупность имущественных и неимущественных прав. Если «право на долю» – это право распоряжаться долей и право участника требовать выплаты действительной стоимости доли, то «право из доли» – это право на участие в управлении корпорации и право на получение прибыли, если управление было успешным. Как следует из положений Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее ФЗ «Об ООО») право на управление зависит от того, внесен ли имущественный вклад в корпорацию, что означает, что доля должна быть оплачена. Следовательно, в случае оплаты одним из супругов доли ООО за счет супружеского имущества вещное право собственности супруга – участника, регулируемое семейным законодательством, трансформируется в обязательственное право к самому обществу, регулируемое корпоративным законодательством. Если нормами семейного права устанавливается состав общей совместной собственности супругов, то порядок вступления в состав участников ООО регулируется корпоративным правом и локальными нормами самой корпорации.

Признавая, что ООО – это не только объединение капиталов, но и объединение участников, в целях защиты корпоративных интересов законодатель разрешает участникам ООО устанавливать определенные барьеры от вступления в общество третьих лиц, которые по какому-либо основанию получили право на долю ООО. В частности, участники корпорации могут закрепить в уставе положение, согласно которому для того, чтобы доля перешла в порядке универсального правопреемства к наследникам умершего необходимо получить письменное согласия имеющихся участников общества.

При этом согласно судебной практике не требуется согласия общества при переходе доли пережившему супругу как общего имущества, нажитого во время брака (Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17 марта 2009 г. № Ф04-4313/2008(2297-А27-11)). Во время брака один из супругов стал участником ООО, имеющим долю в уставном капитале в размере 50%. После смерти этого участника его супруга потребовала признать за ней право собственности на долю, равную 25%. Ответчик сослался на следующие обстоятельства: в силу требований статьи 21 ФЗ "Об ООО" необходимо получение согласия общества или остальных участников общества на уступку доли (части доли) участника общества третьим лицам иным способом,

чем продажа; супруг учредителя общества имеет права, связанные не с самой долей в уставном капитале общества, а с номинальной стоимостью этой доли, и права, связанные с управлением общества, внесением изменений в учредительные документы и т.п., не передаются в порядке выдела доли пережившего супруга. Кассационная инстанция пришла к выводу, что требование истца удовлетворили на законных основаниях, и указала следующее: имущество, нажитое во время брака (включая доли в уставном капитале), считается совместной собственностью супругов. При этом не важно, на имя кого из супругов приобретено имущество, на имя кого или кем внесены денежные средства. Следовательно, доля, приобретенная умершим, была совместной собственностью супругов в равных долях. Право собственности супруги на долю, равную 25%, в силу прямого указания закона возникло в момент приобретения доли умершим. Причем в спорном случае не требовалось согласие общества или других участников ООО на переход доли.

Однако ВАС РФ указывает, что лицо, «получив в силу требований семейного законодательства право собственности на половину имущества в общей совместной собственности супругов, в данном случае приобрело права на долю в уставном капитале общества (имущественное право), но не права участника общества, так как для этого необходимо получение согласия от участников общества» (Определение ВАС РФ от 30.10.2009 № ВАС-13987/09 по делу № А70-958/2009). Заметим, что в рассмотренном случае устав общества содержал указание на необходимость получения согласия остальных участников для вхождения наследников в состав корпорации.

По нашему мнению, практика, когда пережившему супругу отказывают в принятии в участники ООО, ссылаясь на положение устава, которое касается перехода доли в порядке наследования, является некорректной. Переживший супруг, исходя из своего особого статуса супруга, не является ни наследником, ни лицом, приобретшим долю в результате ее отчуждения. Он приобретает долю ООО в результате выдела своей супружеской доли из имущества, нажитого в период брака. Следовательно, в отношении пережившего супруга отсутствуют правовые основания отказа в принятии его в состав корпорации, даже если в уставе общества имеется оговорка в отношении запрета на вхождение в ООО наследников или запрет на отчуждение доли.

В то же время считаем, что в отсутствии прямого законодательного регулирования рассматриваемой нами ситуации, применение аналогии закона в отношении пережившего супруга, а именно проверка положений устава на наличие или отсутствие в

нем запрета на вхождение в корпорации третьих лиц, является целесообразным, т.к. позволяет защитить корпоративные права других участников ООО и самого общества. В действующих нормах как наследственного, так и корпоративного законодательства не установлен определённый механизм приобретения супругом статуса участника ООО после смерти супруга – участника общества, если доля в уставном капитале является общим имуществом супругов и у пережившего супруга в соответствии с законным или договорным режимом имеется право на часть этой доли, что позволяет расширительно толковать понятие отчуждение доли третьему лицу (т.е. не являющемуся участником общества) лицу.

Применение абз.2 п.2 ст.21 ФЗ «Об ООО» к случаям определения супружеской доли поддержано в определении Конституционного Суда РФ от 3 июля 2014 г. № 1564-О. ФЗ «Об ООО» разрешает продавать либо отчуждать иным образом долю в ООО (ее часть) третьим лицам с соблюдением предусмотренных им требований, если это не запрещено уставом общества. По мнению заявителя, данная норма неконституционна, поскольку лишает одного из бывших супругов, чье право на долю в ООО установлено судебным решением о разделе совместно нажитого имущества, возможности стать участником общества вне зависимости от согласия остальных участников. Конституционный Суд РФ пришел к следующим выводам: внесение одним из супругов вклада в уставный капитал ООО и, следовательно, приобретение именно им статуса участника общества предполагает, что другой супруг согласился на такое распоряжение общим имуществом. И согласился с положениями устава ООО, требующими получить согласие других участников на отчуждение доли (ее части) третьим лицам, т. е. на включение его в "свой" круг участников. Указанный запрет, равно как и закрепленная в уставе необходимость получить согласие на отчуждение доли (ее части) третьим лицам, устанавливается для всех способов отчуждения доли (ее части) третьим лицам. И в этот круг лиц входят все третьи лица. Такое правовое регулирование нацелено на соблюдение разумного баланса экономических интересов отдельных участников ООО и общества в целом, посредством диспозитивного и императивного методов правового воздействия в данной сфере, предполагающий охрану имущественных интересов как участников ООО, так и иных участников гражданского оборота. Само по себе оно не может рассматриваться как нарушающее конституционные права.

При этом важно отметить, что Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в своем Постановлении отдельно указал, что положение общества, предусматривающее принятие новых участ-

ников в состав общества только по решению его участников, не применяется к отношениям, связанным с наследованием доли, если специальные положения устава о переходе права на долю к наследникам не содержат прямого указания на необходимость получения согласия остальных участников общества на такой переход (Информационное письмо №144, Постановление Пленума ВАС РФ от 29 сентября 2010 г. №6464/10). Таким образом, если уставом общества предусмотрена необходимость получения согласия остальных участников общества на переход доли к третьему лицу, это вовсе не означает, что такое согласие требуется в случае перехода доли к наследникам умершего участника.

Решение проблемы защиты прав и законных интересов переживших супругов по отношению к юридическим лицам, участниками которых являлись их умершие супруги, посредством признания их собственниками доли предприятия была одной из задач в Стратегии социального развития России согласно Докладу Совета Федерации Федерального Собрания 2008 г. «О состоянии законодательства в РФ. Мониторинг правового обеспечения основных направлений внутренней и внешней политики». Однако до сих пор недостаток регламентации прав пережившего супруга на долю ООО не устранен, что вносит неопределённость в его правовой статус.

Возможность на законодательном уровне закрепления предоставления корпорации права защититься от вхождения в состав ООО пережившего супруга не вызывает сомнения. Для этого необходимо внести поправку в п. 8 ст. 21 ФЗ «Об ООО», указав правила, обозначенные в данном пункте, применяются и в отношении пережившего супруга участника общества.

Заметим, что в соответствии с Федеральным законом от 30.03.2015 № 67-ФЗ с 01.01.2016 г. в ст.21 ФЗ «Об ООО» добавляется п. 13.1, в котором перечисляются возможные документы, на основании которых была приобретена доля или часть доли в уставном капитале ООО, но такой документ как свидетельство о праве собственности в нем не указывается. Это свидетельствует о том, что законодатель до настоящего времени так и не обратил внимания на имеющийся пробел в регулировании правоотношений между ООО и пережившим супругом, выделившим свою долю в супружеском имуществе, состоящем из доли корпорации, оставляя его на разрешение суда.

Сложнее обстоит дело с определением объема прав пережившего супруга в ситуации, когда есть и другие наследники первой очереди. Практика показала, что при таких обстоятельствах могут быть нарушены права как других наследников, так и пережившего

супруга. Со дня открытия наследства имущество наследодателя принадлежит наследникам на праве общей долевой собственности, то есть каждому из наследников принадлежит идеальная доля в имуществе, но не какое-либо конкретное имущество.

Например, помимо пережившего супруга есть еще один наследник первой очереди. В таком случае переживший супруг будет обладателем 1/2 доли как участник общей совместной собственности по правилам ст. 39 СК РФ и 1/2 от доли умершего супруга как наследник (то есть в сумме его доля в имуществе наследодателя составит 3/4). Только последняя часть переходит к супругу как к наследнику и составляет общую долевую собственность с другими наследниками, подчиняющуюся специальным правилам о разделе имущества.

При этом пережившие супруги порой могут злоупотреблять правом, определяя право на долю в уставном капитале Общества за собой, игнорируя права других наследников. Ведь свидетельство о праве собственности пережившему супругу на долю в совместно нажитом имуществе выдается лишь по требованию этого супруга, а если он не изъявил правом получения такого свидетельства – доля его включается в наследственную массу. На ту часть доли, которая переходит к супругу умершего участника как к пережившему супругу, выдается свидетельство о праве собственности на долю в общей совместной собственности супругов, а на другую долю получает свидетельство о наследстве.

Таким образом, предметом наследования становится не доля в праве общей собственности на имущество, как это должно быть, а все имущество, что, безусловно, нарушает права и законные интересы пережившего супруга.

Кроме того, в действующем законодательстве однозначно не решен вопрос о мерах по устранению неопределённости участия в обществе, возникающей между открытием наследства и полным вступлением наследниками доли в свои права, что создает определённый дисбаланс интересов: и не важно речь идет о мажоритариях либо о миноритариях. При этом положения корпоративного и наследственного законодательства не препятствуют субъектам данных правоотношений принять меры по устранению такой неопределенности в целях реализации прав, удостоверенных наследуемой долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, обеспечения баланса интересов наследников бывшего участника и продолжения деятельности самого общества (Постановление Президиума ВАС РФ от 27.03.2012г №12653/11). Однако возникает вопрос в процедурной организации данного управления, если применять правила института доверительного

управления, то кто будет имущественно ответственным лицом: Общество или заинтересованный супруг?

До принятия наследником умершего участника общества наследства управление его долей в уставном капитале общества осуществляется в порядке ст. 1173 ГК РФ (Доверительное управление наследственным имуществом): если в составе наследства имеется имущество, требующее не только охраны, но и управления (предприятие, доля в уставном (складочном) капитале хозяйственного товарищества или общества, ценные бумаги, исключительные права и тому подобное), нотариус в качестве учредителя доверительного управления заключает договор доверительного управления этим имуществом. По договору доверительного управления имуществом доверительный управляющий обязуется осуществлять управление имуществом в интересах учредителя управления или указанного им лица (ст. 1012 ГК РФ). Осуществляя доверительное управление имуществом, доверительный управляющий вправе совершать в отношении этого имущества в соответствии с договором доверительного управления любые юридические и фактические действия в интересах выгодоприобретателя. Законом или договором могут быть предусмотрены ограничения в отношении отдельных действий по доверительному управлению имуществом. Доверительный управляющий осуществляет в пределах, предусмотренных договором доверительного управления долей в уставном капитале ООО, полномочия участника этого общества (ст. 1020 ГК РФ), но без приобретения статуса участника.

Данные нормы предоставляют право в разумный срок с момента открытия наследства обратиться к нотариусу с заявлением о принятии мер по управлению наследуемой долей в уставном капитале. ООО в свою очередь не должно принимать никаких действий, затрагивающих права и законные интересы наследников, до истечения такого срока. Если наследники или иные лица, указанные в п. 2 ст. 1171 ГК РФ, не обратятся к исполнителю завещания или нотариусу в разумный срок, а также если исполнителем завещания или нотариусом не приняты соответствующие меры по управлению наследуемой долей и ООО не получило соответствующего уведомления, оно вправе совершить необходимые действия без участия доверительного управляющего, если продолжению деятельности общества не препятствуют иные обстоятельства. Если вспомнить, что "доли" представляют собой не что иное, как совокупность (комплекс) корпоративных прав, обеспечивающих активное участие в деятельности ООО и контроль за нею со стороны обладателя долей, а также то, что объектом доверительного управления вообще является отнюдь не имущество, как утверждает ГК,

а именно комплекс субъективных прав, то этот вопрос получает универсальное значение – что такое доверительное управление вообще?

Таким образом, законодательство допускает применение в отношении доли в уставном капитале института доверительного управления, но в тоже время не определяет правовые отличия управления долей – как совокупностью прав и управление имуществом корпорации.

Как уже упоминалось, согласно ст. 1150 ГК РФ доля умершего супруга в общем имуществе входит в состав наследства и переходит к наследникам. Но каков размер доли умершего супруга? В соответствии со ст. 39 СК РФ при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами. Вправе ли переживший супруг требовать выдела доли в уставном капитале ООО в натуре?

В случае, когда в соответствии с уставом конкретного общества для вступления наследника в общество либо для перехода к нему доли в уставном капитале требуется согласие остальных участников общества и в таком согласии ему отказано, наследник вправе получить от общества действительную стоимость унаследованной доли. И тогда придется решать вопрос, каким образом исчислить стоимость доли наследодателя.

Закон РФ «Об обществах с ограниченной ответственностью» различает номинальную стоимость доли участника, по соотношению которой с уставным (первоначальным) капиталом и определяется размер его доли, и действительную стоимость доли, которая соответствует части стоимости чистых активов, пропорциональной размеру доли участника (п. 2 ст. 14).

Так, если уставный капитал на момент его создания составлял 10 тыс. руб., а чистые активы в результате успешной деятельности общества составляют 100 тыс. руб., то номинал доли участника, внесшего, например, 1/4 уставного капитала общества, составит 2,5 тыс. руб., тогда как ее действительная стоимость будет 25 тыс. руб.

Действительная стоимость доли или части доли в уставном капитале общества выплачивается за счет разницы между стоимостью чистых активов и указанным минимальным размером уставного капитала, если такой разницы недостаточно, необходимо уменьшить уставный капитал на недостающую сумму. В этом случае действительная стоимость доли или части доли в уставном капитале Общества может быть выплачена не ранее чем через три месяца со дня возникновения основания для такой выплаты. Об-

щество не вправе выплачивать действительную стоимость доли либо выдавать в натуре имущество такой же стоимости, если на момент этих выплаты или выдачи имущества в натуре оно отвечает признакам несостоятельности (банкротства) в соответствии с федеральным законом о несостоятельности (банкротстве) либо в результате этих выплаты или выдачи имущества в натуре указанные признаки появятся у общества.

Иначе говоря, номинал доли определяется ее первоначальной оценкой, а действительная стоимость – реальной оценкой, которая в обычном случае должна быть выше номинала, что является факторообразующим элементом эффективной экономической деятельности корпорации.

В силу ст. 21 ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью", Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012г. №9 «О судебных практики о наследовании» и ст. 1176 ГК РФ в состав наследства умершего участника общества входит его доля в уставном капитале общества, а не имущество общества.

В этой связи представляется невозможным предъявление наследником умершего участника ООО иска о признании права собственности на имущество, которое, по мнению наследника, составляет действительную стоимость доли, принадлежавшей умершему участнику.

Исходя из правовой природы ООО, являющегося объединением капиталов, законом установлено, что право выбора, подлежащего к выдаче конкретного имущества, принадлежит обществу, т.е. выдача в натуре имущества возможна лишь после получения от общества соответствующего предложения и согласия на это наследников умершего участника общества. В случае же несогласия наследников умершего участника общества с получением предлагаемого им обществом конкретного имущества или определением его стоимости за ними сохраняется возможность требовать выплаты действительной стоимости, принадлежащей им доли в денежной форме.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ положения п.8 ст.21,п. ст.23 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», предусматривающие в случае отказа участников корпорации в переходе доли к наследнику, компенсируется выплатой стоимости доли или, с его согласия, – выдачей в натуре имущества такой же стоимости, чем устанавливаются гарантии для наследника на получение стоимости доли умершего участника общества в уставном капитале общества, что нельзя рассматривать как нарушение конституционного права на наследование (ст.35 Конституции РФ) (Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря

2010 г. № 1633-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Аблаевой Людмилы Кондратьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 6 статьи 93 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 8 статьи 21 Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью").

Следовательно, наследник участника общества по общему правилу имеет право не на имущество (вещное право), а на долю в уставном капитале (обязательственные права). Отсюда следует, что переживший супруг не имеет права претендовать на имущество общества с ограниченной ответственностью в натуральном выражении.

Итак, переживший супруг, в результате оформления своих прав на долю ООО путем получения свидетельства о праве на наследство или свидетельства о праве собственности, не приобретает права участника общества в полном объеме, ему гарантируется только «право на долю», но не «право из доли». Следовательно, право участников ООО отказать пережившему супругу вступить в состав корпорации, как собственнику доли или как наследнику умершего, ограничивает его право. Однако такое законодательное решение соответствует духу корпоративного права, т.к. призвано защитить целостность, самостоятельность и экономические интересы хозяйственного общества. Интересы же пережившего супруга защищаются путем предоставления ему обязательственного права к корпорации в виде требования о выплате действительной стоимости доли умершего участника.

Раздел 4

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 343.575

СКЛОНЕНИЕ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ИЛИ ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Ю.Р. Богачева
студентка 2 курса

В.И. Шульга – научный руководитель: доцент кафедры
публичного права, кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник

*Владивостокский государственный университет экономики
и сервиса
Россия, г. Владивосток*

В статье приводится уголовно-правовой анализ применения статьи 230 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – ст. 230 УК РФ), устанавливающей уголовную ответственность за склонение к потреблению наркотических или психотропных веществ или их аналогов. В ней отражены проблемы, связанные с квалификацией объективной и субъективной стороны рассматриваемого состава преступления.

***Ключевые слова и словосочетания:** проблемы; склонение; объективная сторона, субъективная сторона, наркотические или психотропные вещества или их аналоги.*

ABETMENT TO DRUG USE OR USE OF PSYCHOACTIVE SUBSTANCES: CRIMINAL DESCRIPTION

Y.R. Bogachyova
Student of the 2nd grade

V.I. Shulga – scientific adviser
Candidate of legal sciences, associate professor of public
law department

*Institute of Law, Vladivostok State University of Economics and Service
Russia, Vladivostok*

The legal analysis of the application of article 230th of Criminal Code of Russian Federation (further – Art. 230 CC RF), that establishes criminal responsibility for abetment to drug use or use of psychoactive substances is given in this article. The problems, connected with the qualification of the objective and subjective side of the crime, are reflected here.

The keywords and the word combination: *problems; abetment; objective side, subjective side, drugs or psychoactive substances or their analogs.*

Незаконный оборот наркотических или психотропных веществ не в последнюю очередь зависит от их потребителей. Поэтому вовлечение в такой оборот является одной из задач незаконного наркобизнеса. В связи с этим деятельность правоохранительных органов заключается не только в пресечении попыток наркодиллеров в расширении рынка сбыта за счет наркопотребителей, но и в привлечении к ответственности виновных лиц за склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ, в частности, в соответствии со статьей 230 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – ст. 230 УК РФ) [1].

Данный вид преступления является одним из наиболее латентных (скрытых) преступлений. Поданным группы ученых под руководством С.М. Иншакова выявлено, что латентность ст. 230 УК РФ, к примеру, в Дальневосточном регионе за период 2001–2006 годы, составила 93,0% [2, с. 254].

В 2014 году в Российской Федерации без Крыма выявлено и зарегистрировано 253 517 (в 2013 году – 231 462) преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, без Крыма. Удельный вес зарегистрированных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, составляет 49,7%. Было выявлено 122 424 (в 2013 году – 123 300) лиц, совершивших данные преступления [3]. Данные о регистрации преступлений по отдельным составам, в том числе по ст. 230 УК РФ, связанных с незаконным оборотом наркотических или психотропных веществ и их аналогов в официальной статистике на официальном сайте МВД России отсутствуют. Проследить состояние

борьбы с незаконным оборотом наркотических или психотропных веществ и их аналогов, в частности со склонением к потреблению наркотиков и их аналогов можно только по данным судебной статистики.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2013 году число осужденных всеми судами по главе 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» по основной квалификации составило 114 500 человек и по дополнительной квалификации – 11 816. Непосредственно по ст. 230 УК РФ число осужденных составило 36 и 50 человек, удельный вес которых составил соответственно 0,003% и 0,4% от всех осужденных по данной главе.

Число осужденных по рассматриваемой статье 230 УК РФ за первое полугодие 2014 года составило всего 7 человек по основной статье и 19 человек – по дополнительной квалификации [4]. Такие низкие количественные показатели осуждения по данной статье не умаляют общественную опасность рассматриваемого преступления с учетом её высокой латентности, что предопределяет актуальность выбранной темы.

История борьбы с распространением наркотиков насчитывает уже почти 100 лет. Еще в феврале 1909 года Шанхайская опиумная комиссия, в работе которой приняли участие 13 стран, в том числе и Россия, пыталась найти пути ограничения ввоза наркотиков из азиатских стран. Но, к сожалению, эта проблема до сих пор не решена, и с годами она становится лишь острее. За последнее десятилетие в России резко возросло число людей, больных наркоманией, а также увеличилось количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Торговцы наркотиками заинтересованы в сбыте запрещенных веществ. По данным ФСКН России около 18,5 млн россиян хотя бы один раз в жизни пробовали наркотики, из них 8,5 млн становятся наркозависимыми. Основная часть наркозависимых людей граждане от 18-35 лет (80%) [5, с. 35].

Непосредственным основным объектом преступления – склонение к употреблению наркотических средств или психотропных веществ, является здоровье населения, то есть неопределенного числа людей. Под здоровьем населения понимается обособленная группа общественных отношений, отражающих благополучие людей (физическое, психическое и т.д.), проживающих на одной территории, объединенных общими условиями жизнедеятельности, труда и отдыха [6, с. 288].

Предметом данного преступления являются наркотические средства – это вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, включенные в перечень наркотических

средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 года [7], запрещенные для незаконного оборота. К числу наиболее распространенных наркотиков относятся: кокаин, марихуана, гашиш, опий, и т.д. К психотропным веществам относятся вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, природные материалы (кетамин, празепамом, фенетиллин и т.п.).

Потребление наркотических средств или психотропных веществ должно осуществляться на основании медицинских показаний и по назначению врача. Поэтому, объективной стороной преступного деяния, предусмотренного ст. 230 УК РФ, является склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача.

Как отмечается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, под склонением к потреблению наркотических средств или психотропных веществ, следует понимать любые активные умышленные действия (например, уговоры, обман, дача совета, принуждение, потребление и т.д.), направленные на возбуждение у другого лица к их потреблению [8]. При этом обязательно должно последовать предложение об употреблении таких веществ. А потребление предполагает их прием таблетками или порошком, путем инъекций, вдыхания через нос, втирания в слизистую, жевание, курение и т.п. Данный факт выступает доказательством наличия прямого умысла у виновного лица.

Основной, квалифицированный и особо квалифицированный составы преступления, за некоторым исключением, предусмотренные ст. 230 УК РФ, по законодательной конструкции их объективной стороны – формальные. В таком случае данное преступление считается оконченным с момента возбуждения у лица желания к потреблению наркотических средств или психотропных веществ независимо от того, употребил ли он соответствующие средства, отказался, или потребление стало невозможным.

Иногда потребление наркотиков становится средством совершения другого преступления, например убийства. Тогда квалификация по ст. 230 УК становится излишней, так как потребление становится результатом принуждения, а не возбуждения желания употребить их, и умысел направлен на лишение жизни как последствие от потребления, а не на возбуждения необходимости употребить наркотики.

Материальный состав данного преступления закреплен только в п. «б» ч. 3 ст. 230 УК, который по конструкции объективной стороны предусматривает наступление по неосторожности смерти потерпевшего или иного тяжкого последствия. В данном составе усматривается дополнительный объект – право на жизнь потерпевшего. Поэтому дополнительной квалификации по ст. 109 УК РФ не требуется. Если виновный желал смерти или причинения вреда здоровью, то требуется совокупность по соответствующим составам преступления.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется виной в форме прямого умысла, так как лицо целеустремленно склоняет потерпевшего к употреблению наркотиков. В этом случае, виновный осознает, что совершает действия, непосредственно направленные на возбуждение у потерпевшего желания употребить наркотики и желает их совершить, а не желание, чтобы тот их употребил, как это часто комментируется [9, с. 594]. Употребление потерпевшим наркотиков лежит за рамками квалификации по данной статье. Оно только доказывает цель – склонение к употреблению потерпевшим наркотиков со стороны виновного лица. Поэтому достаточно только склонение к потреблению наркотиков, а не их потребление для окончания выполнения действий, предусмотренных объективной стороной ст. 230 УК РФ.

По субъективной, а не по объективной стороне следует отграничивать ч. 4 ст. 32 УК РФ от ст. 230 УК РФ. В соучастии подстрекатель желает склонить исполнителя к совершению преступления, а в ст. 230 УК подстрекатель сам становится исполнителем.

По особому рассматривается субъективная сторона состава преступления, предусмотренная п. «б» ч. 3 ст. 230 УК РФ, которая содержит двойную форму вины: умысел по отношению к склонению и неосторожность по отношению к последствиям.

К квалифицирующим признакам ст. 230 УК РФ относятся деяния, совершенные:

- а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой,
- в) в отношении двух и более лиц,
- г) с применением насилия или угрозой его применения.

При квалификации по п. «а» ч. 2 виновные должны заранее договориться между собой о склонении потерпевшего к потреблению наркотиков, хотя действовать могут по-разному. Организованная группа по смыслу ст. 35 УК РФ предполагает наличие признака устойчивости и предварительной договоренности на совершение действий, направленных на склонение к употреблению нар-

котиков. В судебной практике иногда ошибочно вменяют данный квалифицирующий признак.

Так, Заринский городской суд в приговоре от 10 декабря 2010 г. из обвинения в отношении Ш., Б. и Т. исключил квалифицирующий признак преступления "организованной группой" по следующим основаниям.

Не удалось установить достоверность данных, подтверждающих, что Ш., Б. и Т. заранее договорились объединиться в устойчивую организованную группу для совершения преступлений, факты предварительной договоренности между подсудимыми о совместной деятельности. Не усмотрел суд и каких-либо данных, свидетельствующих о высоком уровне организации групповой деятельности, таких, как разработка планов, отлаженный механизм и способы совершения преступления, наличие системы конспирации. А использование сотовой связи как признак высокой степени организованности группы был исключен, так как изъятые сотовые телефоны принадлежат подсудимым и на других лиц не зарегистрированы [10].

При квалификации по п. «в» ч. 2 умысел виновного должен быть направлен на склонение не менее двух потерпевших, по п. «г» – насилие может быть физическим или психическим. При этом вред по степени тяжести может быть причинен от легкого до тяжкого вреда здоровью.

Часть 3 ст. 230 УК РФ содержит особо квалифицирующие признаки, если деяние:

- а) совершено в отношении несовершеннолетнего,
- б) повлекло наступление смерти потерпевшего по неосторожности или иные тяжкие последствия.

При квалификации по п. «а» ч. 3 следует иметь в виду, что виновный, только совершеннолетнего возраста, должен достоверно знать о несовершеннолетии потерпевшего.

При квалификации по п. «б» ч. 3 к иным тяжким последствиям судебная практика относит самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшим, наркотическая зависимость, заражение ВИЧ-инфекцией и т.п. В случае умышленного причинения тяжкого вреда здоровью при склонении к употреблению наркотиков такое деяние квалифицируется по совокупности с дополнительным составом, так как оно направлено на дополнительный объект – жизнь, предусмотренным ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Таким образом, одной из проблем низкой эффективности борьбы с распространением наркотических средств, наркосодержащих веществ и их аналогов посредством применения ст. 230 УК РФ состоит в допущении квалификационных ошибок, связанных с неправильным пониманием характеристик отдельных признаков

объективной и субъективной стороны составов преступления указанной статьи уголовного кодекса.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». Режим доступа: http://base.garant.ru/10108000/26/#block_230.

2. Латентная преступность в Российской Федерации: 2001-2006: науч. издание / под ред. С.М. Иншакова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. – 351 с.

3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации, в том числе в Крымском федеральном округе за январь – декабрь 2014 года // Состояние преступности – январь-декабрь 2014 года [Электронный ресурс] // МВД России: официальный сайт. Режим доступа: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/>.

4. URL: <http://www.cdep.ru/>.

5. Сухаренко, А.Н. Законодательное обеспечение борьбы с пропагандой наркотиков в сети «Интернет» / А.Н. Сухаренко // Наркоконтроль. – 2012. – № 4. – С. 35-36.

6. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с протоколом 1972 года о поправках к единой конвенции о наркотических средствах 1961 года" (вместе с "Перечнями наркотических средств, занесенных в Списки I, II, III, IV" по состоянию на 01.07.1993) (заключена в г. Нью-Йорке 30.03.1961) (с изм. и доп. от 25.03.1972) // СЗ РФ. 2000. – № 22. – Ст. 2269.

7. Сверчков, В.В. Уголовное право. Особенная часть / В.В. Сверчков. – М.: Юрайт-Издат, 2009. – 262 с.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (с изменениями и дополнениями, внесенными постановлением Пленума от 23 декабря 2010 г. № 31) // [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. Режим доступа: <http://www.supcourt.ru/>.

9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2006. – 944 с. – (Профессиональные комментарии).

10. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ // Бюллетень № 10, 2012 год / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.vsrif.ru/print-page.php?id=8316>.

**ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА
В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ТЕМАТИКА
И ПРОБЛЕМАТИКА УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ
С РАЗЛИЧНЫМИ ВОЗРАСТНЫМИ ГРУППАМИ**

**К.А. Иващенко
Е.С. Сотникова**
студентки 1 курса

Н.А. Олешкевич – научный руководитель: доцент кафедры философии и юридической психологии, кандидат философских наук, доцент

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

В данной статье рассмотрены понятие экстремизма, правовая ответственность за преступления экстремистского характера, особенности профилактики экстремизма в молодежной среде. Проанализированы социальные и психологические факторы, которые необходимо учитывать при организации мероприятий по профилактике экстремизма.

***Ключевые слова и словосочетания:** экстремизм, молодежь, профилактика экстремизма, правовая ответственность*

**PREVENTION OF JUVENILE EXTREMISM:
SUBJECTS AND ISSUES
OF TRAINING SESSIONS TO DIFFERENT AGE
GROUPS**

**K.A. Ivashchenko
Y.S. Sotnikova**

Students of the 1st grade, Institute of Law

N.A. Oleshkevitch – Scientific adviser:
Candidate of philosophy, Associate professor
of Philosophy and Legal
Psychology Department

This article discusses the concept of extremism, legal responsibility for the crimes of extremist nature, features of the prevention of juvenile extremism. Authors analyzed social and psychological factors that must be considered during of the measures for the prevention of extremism.

Keywords: *extremism, youth, prevention of extremism, legal responsibility.*

В настоящее время остро стоит проблема экстремизма, а его профилактика часто становится неэффективной среди подростков и молодежи. Молодежь часто попадает в экстремистские организации и становится инструментом в руках их лидеров. В молодежной среде экстремизм особо опасен и непредсказуем.

Экстремизм – приверженность к крайним взглядам и мерам. Существуют различные формы экстремизма: идеологический, классовый, политический, религиозный, социальный и др. Из многочисленных форм экстремизма с точки зрения идеологии мотивов и целей особо выделяются политический и религиозный экстремизм. Политический экстремизм представляет собой совокупность различных крайних форм политической борьбы, проявляющейся в: сепаратизме (национальном, этническом и др.), территориальном экспансионизме, расизме, национализме, фашизме, в любых видах дискриминации и проявлении нетерпимости. Религиозный экстремизм проявляется в крайней нетерпимости к представителям различных конфессий, либо противостоянии внутри конфессий, зачастую используется в политической борьбе религиозных организаций против светского государства, или за утверждение власти представителей одной конфессии [1]. С этим связано активное взаимопроникновение политического и религиозного экстремизма.

В России Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2] содержит определение того какие действия считаются экстремистскими, основные принципы и направления противодействия и профилактики всех форм экстремистской деятельности, а так же устанавливаются меры ответственности (уголовной, административной и гражданско-правовой) за осуществление экстремистской деятельности.

Молодые люди при достижении установленного законом возраста за совершение преступлений экстремистского и террористического характера могут быть привлечены как к административной, так и к уголовной ответственности. В Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации [3] имеются нормы,

предусматривающие ответственность за совершение правонарушений экстремистского характера. Это статья 20.3 – «пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики» и статья 20.29 – «производство и распространение экстремистских материалов». Вместе с тем, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации предусматривает ответственность за другие противоправные действия, которые также могут носить экстремистский характер или исходить из экстремистских побуждений. К их числу можно отнести: нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях (статья 5.26); незаконные действия по отношению к государственным символам Российской Федерации (статья 17.10); мелкое хулиганство (статья 20.1); нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (статья 20.2); организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности (статья 20.2(1)).

Уголовная ответственность предусмотрена за совершение противоправных деяний экстремистской направленности, к числу которых относятся преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы: статья 105 – убийство; статья 111 – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; статья 112 – умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью; статья 115 – умышленное причинение легкого вреда здоровью; статья 116 – побои; статья 117 – истязание; статья 119 – угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; статья 136 – нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина; статья 148 – воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий; статья 149 – воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них; статья 150 – вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления; статья 212 – массовые беспорядки; статья 213 – хулиганство; статья 214 – вандализм; – статья 239 – организация объединения, посягающего на личность и права граждан; – статья 243 – уничтожение или повреждение памятников истории и культуры; статья 244 – надругательство над телами умерших и местами их захоронения; статья 280 – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; статья 281 – диверсия; статья 282 – возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства; статья 282.1 – организация экстремистского сообщества; статья 282.2 –

организация деятельности экстремистской организации; статья 357 – геноцид.

Также стоит отметить, что после внесения изменений в УК РФ за преступление экстремистского характера накладывается штраф от 100 до 500 т.р. (в зависимости от тяжести) [4]. За преступления экстремистского и террористического характера предусмотрена достаточно суровая уголовная ответственность, вплоть до пожизненного лишения свободы. К ряду преступлений против мира и безопасности человечества не применяются сроки давности освобождения от уголовной ответственности.

Экстремизм, как правило, имеет в своей основе определенную идеологию (анархизм, русофобию, исламизм). Признаки экстремизма имеют идеологии, которые строятся на превосходстве, либо неполноценности человека на почве социальной, расовой, национальной, религиозной и др. принадлежности, а так же идеи религиозной, национальной, политической ненависти в отношении какой-либо социальной группы.

Для успешной организации работы по профилактике вовлечения молодых людей в экстремистские организации и группировки, на наш взгляд, необходимо учитывать причины и условия, способствующие развитию агрессивных настроений в молодежной среде.

Существует ряд групповых и личностных факторов, влияющих на поведение молодых людей. К групповым факторам относится влияние на члена группы со стороны авторитетных лиц (лидеров, кумиров), убеждения референтной группы в правильности своих взглядов. Групповые факторы действуют наряду с личностными, к которым относятся представления и установки молодого человека, эмоциональные и индивидуально-психологические особенности (вспыльчивость, склонность к риску). При организации профилактической работы, на наш взгляд, так же важно учитывать в социально-экономические и возрастные особенности разных периодов, потому что подростки 13–15 лет более подвержены влиянию авторитетов и зависимы от социальных сетей, чем студенты вузов 17–23 лет.

В психологическом плане именно в подростковом и юношеском периоде человека особенно неустойчивая психика, которая легко подвержена внушению и манипулированию, практикам простого коллективного действия, подобных тем, которые проводили молодые украинцы на Майдане (совместное «скаканье» под простую «кричалку»). В этом возрасте молодые люди озабочены желанием найти свою группу, идентифицироваться по простой схеме «мы» – «они». В социальном плане позиция молодых людей в возрасте 13–22 лет приравнивается к позиции маргиналов, когда их поведение не еще определено

социально-экономическими факторами (постоянная работа, семья и пр.)

Самой доступной формой проведения профилактических мероприятий для молодежи, является проведение беседы с элементами прямого диалога. В рамках беседы, на наш взгляд, необходимо сформировать у молодых людей знаний о сущности экстремистской деятельности, ознакомив с понятиями «толерантность», «патриотизм», «экстремизм» и рассказав о формах и видах экстремизма. Так же сформировать представление об уголовной и административной ответственности за преступления экстремистского характера, ознакомив с законодательством РФ, регулирующим экстремистскую деятельность. Показать на примере последствия экстремистской деятельности и определить основные признаки экстремизма. А так же сформировать навыки выявления экстремистских материалов и правила дальнейшего поведения.

1. АВ 2004г. Вып. 15 Законодательное регулирование противодействия религиозному экстремизму: российский и зарубежный опыт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iam.duma.gov.ru> (дата обращения: 28.04. 2015).

2. Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 31.12.2014) "О противодействии экстремистской деятельности" // СЗ РФ. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3031.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.05.2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.05.2015).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2015) // СЗ РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.

4. В Уголовный кодекс Российской Федерации внесены изменения, ужесточающие уголовную ответственность за преступления экстремистского характера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bashprok.ru> (дата обращения: 20.04. 2015).

5. Воронина, Е.А. Профилактика экстремизма в подростково-молодежной среде / Е.А. Воронина, Т.А. Крылова, Н.Н. Никандрова, М.Л. Струкова // Сборник методических материалов для педагогов образовательных учреждений. – Вологда, 2012 – С. 10-24.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Н.С. Ищенко

кандидат юридических наук, доцент права, доцент

В.В. Гладышев

магистр права, старший преподаватель

*Гомельский государственный технический университет имени
П.О.Сухого
Республика Беларусь, г. Гомель*

В статье рассматриваются проблемы уголовно-правовой защиты интеллектуальной собственности в Республике Беларусь. Авторы полагают, что целью уголовно-правовой охраны отношений в области интеллектуальной собственности с одной стороны должны быть личные неимущественные права авторов и правообладателей, а с другой – исключительные права, вследствие чего необходимо детализировать уголовную ответственность за посягательство на данную группу отношений. Требуется и создание общих уголовно-правовых норм, которые бы предусматривали ответственность за преступления против оборота объектов гражданских прав (имущественных благ), но отличались от механизма завладения чужим имуществом (т.е. хищения).

Ключевые слова и словосочетания: интеллектуальная собственность, личные неимущественные права авторов, исключительные права, уголовно-правовая охрана, оборот объектов гражданских прав, Беларусь.

SOME ISSUES OF CRIMINAL PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

N.S. Ishchenko

candidate of legal sciences, associate professor

V.V. Gladyshev
Master of Law, senior lecturer

*Gomel' State Technical University named after P.O. Sukhoy
Republic of Belarus, Gomel'*

In the article the problems of criminal law protection of intellectual property in the Republic of Belarus are considered. The authors believe that the purpose of the criminal law protection of relations in the field of intellectual property should be, on the one hand, non-property rights of authors and right holders, and on the other – the exclusive rights, so it is needed to drill down criminal liability for infringement on that group of relations. It requires the establishment of common criminal law regulations that would provide for liability for crimes against turnover of civil rights (property benefits), but differs from that of the acquisition of another property (that is theft).

Key words: *intellectual property, non-property rights of authors, exclusive rights, criminal protection, the turnover of objects of civil rights, Belarus.*

Особенностью исторического развития собственности является то, что в XX веке утвердился новый правовой институт – институт права интеллектуальной собственности, закрепивший исключительные права в области авторства, изобретательства, научных открытий и другие «творческие» и смежные с ними права на средства индивидуализации. При этом оказалось, что эти права, с одной стороны, затрагивают самые глубинные, сокровенные черты, свойственные собственности, а с другой – выражены в таких своеобразных явлениях интеллектуальной жизни и средствах индивидуализации, которые как будто бы никак не вяжутся с привычными, прочно утвердившимися представлениями о собственности как институте вещного права [1, с.66]. В этой связи особое развитие получило право интеллектуальной собственности, призванное не только регулировать, но и охранять исключительные права на объекты интеллектуальной деятельности.

Макроэкономика в конце XX века начала терять свою материальную основу. Бизнес, основанный на интеллектуальной собственности, становится одним из самых динамично развивающихся и эффективных. Интеллектуальная собственность сегодня становится стратегически важным фактором конкурентоспособности национальных экономик, развития высокотехнологичных отраслей промышленности.

В то же время, бурное развитие различных технологий (в том числе и цифровых) сделало объекты интеллектуальных прав ши-

роко доступными и зачастую они стали использоваться без ведома их авторов и правообладателей в нарушение установленных нормативных предписаний. Это, в свою очередь, порождает совершение значительного количества правонарушений в данной области. Однако в настоящее время адекватное и эффективное противодействие посягательствам на интеллектуальную собственность посредством лишь мер гражданско-правовой и административной защиты невозможно.

Институт права интеллектуальной собственности получил широкое распространение в современном мире. Он закрепляется нормами внутригосударственного и международного права. Согласно ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК РБ) к объектам гражданских прав относятся исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность). В свою очередь, в соответствии со ст. 980 ГК РБ к объектам интеллектуальной собственности относятся:

1) *результаты интеллектуальной деятельности*: произведения науки, литературы и искусства; исполнения, фонограммы и передачи организаций вещания; изобретения, полезные модели, промышленные образцы; селекционные достижения; топологии интегральных микросхем; нераскрытая информация, в том числе секреты производства (ноу-хау);

2) *средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг*: фирменные наименования; товарные знаки и знаки обслуживания; географические указания;

3) *другие результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг* в случаях, предусмотренных ГК РБ и иными законодательными актами.

Интеллектуальную собственность можно определить как результат духовной, мыслительной деятельности человека который обладает следующими юридически значимыми признаками: а) является нематериальным благом; б) выражен в объективной форме, достаточной для его воспроизведения; в) законодательством установлено исключительное право правообладателя на использование этого объекта [2, с.131].

Таким образом, интеллектуальная собственность рассматривается как правовой институт, обеспечивающий охрану и использование нематериальных благ, являющихся продуктами интеллектуальной деятельности, а материальный носитель результата интеллектуальной деятельности выступает в качестве реализации и закрепления отраженного труда.

Следовательно, под результатом интеллектуальной деятельности следует понимать саму творческую мысль, а не материальный предмет, т.е. объект идеальный, нематериальный. Тем не менее, результаты интеллектуальной деятельности не могут существовать вне объективной формы, в которой они воплощаются, поэтому к объектам интеллектуальной собственности следует относить объекты материализованные, получившие объективную форму выражения, фиксацию на каком-либо материальном носителе.

Однако из-за своей нематериальности результаты интеллектуальной деятельности не могут быть предметами гражданского оборота на тех же условиях, что и материальные объекты, а в гражданском обороте участвуют только права на эти объекты, только их можно передавать или распоряжаться ими, а соответственно – нарушать. Интеллектуальные права не зависят от права собственности на материальный носитель (вещь), в котором выражены соответствующие результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Переход права собственности на вещь не влечет переход или предоставление интеллектуальных прав на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, выраженные в этой вещи.

Очевидна связь между рыночной экономикой и построением системы правовой охраны прав интеллектуальной собственности: нарушая чужие права интеллектуальной собственности, субъект экономической деятельности нарушает право собственности на результаты чужого интеллектуального, творческого труда и при этом получает неоправданные преимущества по сравнению со своими конкурентами. Таким образом, нарушение прав интеллектуальной собственности приводит к нарушению двух фундаментальных принципов рыночной экономики – прав собственности и частной конкуренции [3, с.13].

Интеллектуальную собственность можно рассматривать как совокупность личных неимущественных и имущественных (исключительных) прав на результаты интеллектуальной деятельности. Следовательно, интеллектуальная собственность имеет двойственную природу: с одной стороны, это моральные, неотчуждаемые права, с другой – исключительные права, предоставляющие автору или иному правообладателю монополию на использование созданного им невещественного объекта.

Конечно, рассматривая настоящий вопрос мы не должны забывать о том, что объект интеллектуальной собственности един в своей информационной (идеальной) и материальной составляющей, но, в то же время, права на идеальное и материальное могут принадлежать разным лицам и этот факт с уголовно-правовой точ-

ки зрения должен быть учтен. Нематериальный характер объектов интеллектуальной собственности позволяет сделать вывод о том, что они вроде как не являются объектами гражданского оборота. Однако поскольку невозможно осуществить посягательство на объекты интеллектуальной собственности как на нематериальные объекты, то должны в первую очередь охраняться не сами эти объекты, а права на них. Уголовно-правовой науке данное обстоятельство необходимо взять на вооружение, ибо то, что нельзя похитить, можно противоправным образом приобрести (в смысле некоего права), пользоваться, извлекать выгоду и т.д.

Так, различные субъекты могут одновременно пользоваться одним изобретением или произведением. При этом не происходит изъятия как такового объекта авторского права правообладателя, происходит лишь использование экземпляра произведения. Экземпляр произведения – это его копия, изготовленная в любой материальной форме [4, с.110]. В результате такой особенности объектов интеллектуальной собственности появляется возможность противоправного использования различными субъектами одного изобретения или произведения независимо друг от друга.

Если интеллектуальная собственность представляет собой некие результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, то охранять сами результаты можно лишь от неправомерного физического их завладения, уничтожения, повреждения и т.п. (что в настоящее время и происходит в рамках главы УК о преступлениях против собственности и теории физического перемещения имущества в пространстве). Вместе с тем, права интеллектуальной собственности не зависят от права собственности на материальный носитель (вещь), в котором выражены соответствующие результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Поэтому при незаконном использовании таких результатов, защите должны подлежать не сами эти результаты, а права на них [5]. Такой вывод усматривается исходя из того, что нематериальное благо подобного рода является товаром, а исключительное право позволяет распоряжаться этим товаром, получая взамен его денежный эквивалент.

В свете вышесказанного, можно отметить, что юридическая природа преступлений против интеллектуальной собственности существенно отличается от механизма совершения хищения чужого имущества. Если сутью хищения является нарушение экономических отношений собственности, то преступления в сфере интеллектуальной собственности нарушают конституционные права и свободы человека и гражданина или же экономические интересы различных субъектов общественных отношений. Преступный ре-

зультат при хищении состоит в причинении собственнику только реального материального ущерба, размер которого определяется стоимостью изъятого имущества [6, с.26]. Следовательно, уголовный закон в данном случае призван охранять лишь личные неимущественные права авторов и иных правообладателей (если мы говорим о посягательстве на интеллектуальную собственность как о нарушении конституционных прав и свобод человека и гражданина; нарушении прав участников гражданского оборота относящихся к средствам индивидуализации: товарных знаков, фирменных наименований и т.д.). Однако возникает вопрос: каким же образом охраняются исключительные права?

Если начать анализировать систему преступлений против интеллектуальной собственности согласно действующему уголовному законодательству Республики Беларусь (ст. 201 УК – нарушение авторских, смежных, изобретательских и патентных прав; ст. 248 УК – незаконное использование деловой репутации конкурента; ст. 254 УК – коммерческий шпионаж; и др.), то можно увидеть, что УК РБ устанавливает ответственность за нарушения интеллектуальных прав с учетом существа нарушенного права и последствий такого деяния, а также в зависимости от вида интеллектуальных прав. Тем самым как бы происходит дифференциация уголовной ответственности за незаконное использование личных неимущественных и исключительных прав, однако, как думается, сделано это законодателем без должного обоснования.

Вместе с тем, как свидетельствуют материалы практики, виновные лица, нарушая законодательство об интеллектуальной собственности, в большинстве случаев ставят своей целью извлечение дохода, получение имущественной выгоды. Сегодня «интеллектуальное пиратство» стало одним из важных источников получения прибыли и финансового обеспечения преступной деятельности. И в такой ситуации лица фактически получают доход от противоправного использования объектов интеллектуальной собственности, который (доход) мог бы получить законный автор или правообладатель, т.е. в каком-то смысле ему причиняется имущественный ущерб от неполучения должного. Однако связывать подобного рода противоправную деятельность (преступления против интеллектуальной собственности) с причинением ущерба автору или правообладателю, – не есть надлежащий инструмент борьбы с этим видом преступности. Конструктивный элемент в данном случае – получение имущественной выгоды виновным лицом от нарушения прав авторов или правообладателей.

Таким образом, в настоящее время целесообразно рассматривать противоправное нарушение имущественных прав на объекты

интеллектуальной собственности в комплексе, как преступления имущественные (экономические), а точнее как посягательства, направленные против оборота объектов гражданских прав (имущественных благ). Следовательно, первоочередной уголовно-правовой охране подлежат экономические (имущественные) отношения по поводу объектов интеллектуальной собственности.

В этой ситуации можно подчеркнуть, что действующее гражданское законодательство одинаковыми способами защищает все интеллектуальные права – с учетом существа нарушенного права, последствий нарушения этого права, личных неимущественных или исключительных прав. С точки зрения общественной опасности таких деяний, если они совершаются в крупных масштабах, либо последствия нарушений интеллектуальных прав выражены в крупном ущербе для обладателя этих прав, а также государства, как носителя публичной власти, бесспорна одинаковая социальная и экономическая значимость результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации [7, с.11].

Представляется, что уголовный закон должен дифференцированно и системно подходить к вопросу о нарушении *личных неимущественных интеллектуальных прав* (присвоение авторства, принуждение к соавторству либо отказу от авторства, разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели, промышленного образца или иного объекта права промышленной собственности до официальной публикации сведений о них) и *исключительных (имущественных) прав*. Поэтому проблема уголовно-правовой защиты от недобросовестной конкуренции в форме незаконного использования объектов интеллектуальной собственности должна разрешаться отдельно от вопроса уголовно-правовой охраны прав личности на неимущественные отношения.

Подводя итог изложенному, можно отметить, что целью уголовно-правовой охраны отношений в области интеллектуальной собственности с одной стороны должны быть личные неимущественные права авторов и правообладателей (в действующем уголовном законе такой механизм предусмотрен), а с другой – исключительные права, вследствие чего необходимо детализировать уголовную ответственность за посягательство на данную группу отношений. Вместе с тем, нельзя только видеть преступления против интеллектуальной собственности в виде противоправного пользования объектами исключительных прав. Сегодня совершать преступления с объектами интеллектуальной собственности можно как посредством незаконного пользования, так и в случае проти-

воправного завладения (похищения, приобретения) данными объектами, их незаконного отчуждения (разглашения) и т.д. Все это требует создания общих уголовно-правовых норм, которые бы предусматривали ответственность за преступления против оборота объектов гражданских прав (имущественных благ), но отличались от механизма завладения чужим имуществом (т.е. хищения). Это может найти свое отражение в виде следующих общих уголовно-правовых запретов:

– умышленное противоправное безвозмездное пользование чужим имуществом или иными объектами гражданских прав, сопряженное с извлечением имущественной выгоды в значительном размере;

– умышленное противоправное безвозмездное приобретение объектов гражданских прав, сопряженное с извлечением имущественной выгоды в значительном размере, при отсутствии признаков хищения.

Уголовно-наказуемое незаконное приобретение или использование результатов интеллектуальной деятельности должно обладать признаками, свидетельствующими об опасности этой деятельности для государства, общества и гражданина.

Постановка вопроса именно таким образом, могла бы вплотную приблизить к разрешению проблемы уголовно-правовой борьбы с контрафактной продукцией, ибо сутью таких деяний является не посягательство на имущество или приобретения права на имущество, а извлечение выгоды от незаконного осуществления имущественного права.

1. Алексеев, С.С. Право собственности. Проблемы теории / С. С. Алексеев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2012. – 239 с.

2. Юзефович, В.С. Объекты интеллектуальной собственности: понятие и признаки / В.С. Юзефович // Право.by. – 2010. – № 3. – С. 131.

3. Нерсесян, А.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и борьба с нарушением прав интеллектуальной собственности / А.С.Нерсесян // История государства и права. – 2006. – № 6. – С. 13–15.

4. Лепина, Т.Г. Проблемы теории и практики уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности в современной России / Т. Г. Лепина // Бизнес в законе. – 2008. – № 2. – С. 108–111.

5. Трунцевский, Ю. Понятие и виды преступлений против интеллектуальной собственности / Ю. Трунцевский, М. Бондарев // Уголовное право. – 2009. – № 1. – С.48-53.

6. Бобрышев, В.А. Особенности квалификации преступлений, посягающих на авторские, смежные и патентные права / В. А. Бобрышев // Вестник Екатеринбургского института. – 2010. – № 3. – С. 23-30.

7. Бондарев, М.Ю. Уголовно-правовая охрана интеллектуальных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.Ю. Бондарев. – М., 2008. – 28 с.

УДК 379.8.092

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ ПОДРОСТКОВ В РОССИИ

Е.А. Карлова
студентка 4 курса

*Тульский государственный университет
Россия, г. Тула*

Проблема свободного времени подростков беспокоит сегодня ученых и практиков разных областей жизни и отраслей знания. Свободное время является одним из важных средств развития личности ребёнка и подростка. Оно естественно влияет и на его производственно-трудовую сферу деятельности, поскольку в условиях свободного времени наиболее благоприятно происходят рекреационно-восстановительные процессы, снимающие усиленные физические и психические нагрузки.

Ключевые слова и словосочетания: *Свободное время, подростки, трудовая сфера деятельности, нагрузки.*

FREE TIME OF TEENAGERS IN RUSSIA

Y.A. Karlova
Student of the 4th grade, Institute of Humanitarian Sciences,

*Tul'skiy State University
Russia, Tula*

The problem of teenagers' free time interests many scholars and practitioners in various fields and branches of knowledge. Free time is an important mean of child and teenager identity formation. It directly affects his labor activity, because in the conditions of free time recrea-

tional processes, removing intense physical and mental stress, goes much better.

Key words: *Free time, teenagers, labor activity, load.*

Перемены в социально-политической, финансовой ситуации в стране, модернизация современного образования, процессы, совершающиеся в детском и молодежном движении, заставляют инициаторов досуга уделять наиболее пристальное внимание проблемам организации свободного времени растущего поколения, в том числе по организации отдыха, оздоровления и занятости школьников.

Изысканием свободного времени промышленяют такие науки, как педагогика, психология, философия, культурология. В своих трудах психологи, философы, педагоги констатируют, что в ходе целеустремленного воспитания случается результативная выработка программ общественного поведения личности. Отличительными чертами подростков являются желание к самоутверждению, становление индивидуальности. В современных условиях работы образовательных организаций нет возможности заниматься воспитательной деятельностью, и во многом данный недостаток «компенсируется» неблагоприятными воздействием со стороны различных неофициальных структур.

Свободное время играет значительную роль в формировании личности подростка. Молодой человек в соответствии с индивидуальными установками и возможностями избирает конкретный способ вид проведения досуга. Соответствие умений и возможностей, физическая и умственная энергичность в свободное время – это все развивает явные общественные свойства, оказывает воздействие на творческий потенциал и нравственную основу не только личности, но и общества. В этом смысле организация свободного времени выступает моментом воспитания личности.

Данные о структуре проведения досуга свидетельствуют о том, что основная масса современных школьников свой досуг в основном посвящает отдыху, иногда активному, но чаще пассивному. Незначительная часть школьников в свободное от основных обязанностей время, занимается самообразованием и саморазвитием.

Вопросы молодежной проблематики, в том числе организации досуга являются предметом исследования социологии молодежи.

Значимым является изучение ценностных ориентаций подростков. Как правило, это связано с тем, что они составляют существенную часть строения личности, характеризующую ее общественный и нравственный потенциал. В постперестроечной Рос-

сии, с принципиально иными экономическими и политическими основами, нет устоявшейся системы ценностей и общепризнанных мерок публичного взаимодействия. И во многом становление новой системы общественных отношений зависит от подрастающего поколения – школьников, выпускников средних учебных заведений, личность которых находится в стадии формирования. Завершая среднее учебное заведение, он находится в ситуации, когда нужно самостоятельно выбирать, базируясь на личных установка и пользуясь личными ориентирами, собственную модель поведения.

В этом смысле имеют значение труды И.С. Кона [1], В.Т. Лисовского [2], Л.В. Мархадаев [3]. Эти исследователи занимались изучением различных общественных институтов, воздействующих на подростков и их поведение в различных сферах общественной жизни. Так, И.С. Кон и В.Т. Лисовский первыми обратили внимание на то, что «юность – не бездеятельный объект обучения и воспитания, а независимый субъект деятельности, подход к ней может быть только личностным...» [1, с. 5].

Для младшего подросткового возраста характерен высокий уровень познавательных процессов [4, с.261]. Для этого периода также свойственно раскрытие основных индивидуальных и деловых свойств человека. К примеру, природная память в совокупности с развитием мышления является основой становления и совершенствования смысловой памяти.

Высокоразвитой, разнообразной и богатой делается речь, мышление проявляется во всех ключевых обликах: наглядно-действенном, наглядно-образном и словесно-логическом. Все эти процессы подавляют произвольность и речевую опосредованность. У молодых людей они действуют теснее на базе образовавшейся внутренней речи. Увеличиваются возможности обучения ребенка многообразным видам практической и интеллектуальной работы, причём с использованием тысячи приёмов и средств изучения. Вырабатываются и развиваются единые и специализированные возможности, даже потребные для грядущей профессиональной работы [5, с.26].

Подростковый период имеет большое количество особенностей. Умственное развитие молодых людей, которое они демонстрируют во время решения различных задач во время обучения, создает видимость возможности решения серьезных «внеучебных проблем». Однако обсуждение таких проблем, в том числе относящихся к будущей профессиональной деятельности, морали поведения, сознательного и ответственного отношения к собственным обязанностям, позволяет выявить их удивительную инфантильность [6, с.49].

Л.В. Мархадаев, эксперт по социально-педагогической работе с детьми, говорит, что в процессе социализации личность подросток находится под влиянием различных факторов [3, с.151]. Прежде всего, это особенности воспитания и проведение досуга в семье, а также привязанность к кому-либо (чему-либо), приоритеты, семейные ценности. Большое значение имеет и неформальная среда, компания приятелей, школа и отношение подростка к системе ценностей, прививаемых школой.

Значимым элементом формирования личности являются ее целевые установки, то есть совокупность потребностей, интересов, взоров, сочиняющих базу установок и ценностных ориентаций. Особенности личности проявляются в выборе вида досуга, то есть исполняется в некоей текстуре независимого времени. Ориентация досуговой работы школьника на духовное либо физическое становление, либо на пассивный отдых это и отражение личностных особенностей и прогноз того, как личность будет развиваться дальше. Проблема неэффективного досуга молодых людей распадается на два социально значимых элемента – проблему организации отдыха для ребят и общественную ответственность самих подростков за проведение досуга. Например, пассивный досуг своим следствием может иметь преступное поведение, пьянство и наркоманию, что является отражением формирования асоциальной личности.

Таким образом, свободное время подростков представляет собой общественную проблему. Кажущееся большое количество свободного времени подростки не всегда используют для саморазвития. Формирование алгоритма организации досуга должно происходить в семье.

-
1. Кон, И.С. Психология ранней юности: кн. для учителя / И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1989. – 255 с.
 2. Лисовский, В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России / В.Т. Лисовский. – СПб., 2000. – 519 с.
 3. Мархадаев, Л.В. Методика и технология работы социального педагога / Л.В. Мархадаев. – М.: Академия, 2006. – 272 с.
 4. Трегубов, Б.А. Свободное время молодежи: сущность, управление / Б.А. Трегубов. – СПб., 1991. – 40 с.
 5. Фельдштейн, Д.И. Психологические аспекты изучения современного подростка / Д.И. Фельдштейн // Вопросы психологии. – 1985. – №1.
 6. Буева, Л.П. Социальная среда и сознание личности / Л.П. Буева. – М., 1968. – 268 с.
 7. Воспитание увлечением: формирование и деятельность клубных объединений. – М.: Просвещение, 1987. – 144 с.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ЗАЩИТУ ЗЕМЕЛЬ ЛЕСНОГО ФОНДА

З.С. Козлова
студентка 4 курса

А.В. Верещагина – научный руководитель,
заведующая кафедрой публичного права, кандидат
юридических наук, доцент

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток.*

В представленной работе проведена уголовная – правовая характеристика составов преступлений, связанных с нарушением лесного законодательства: незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) и уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ). Уголовно-правовая характеристика преступления – это система сведений об элементах состава конкретного вида преступления. Задачей автора, занимающегося разработкой уголовно-правовой характеристики, является детализация сведений об элементах состава преступления и описание корреляционных связей между ними.

Ключевые слова и словосочетания: уголовно-правовая характеристика, незаконная рубка, уничтожение или повреждение, лесные насаждения, деревья, кустарники и лианы, состав преступления, экологическая безопасность, уголовно – правовая охрана, земли лесного фонда.

CRIMINAL CHARACTERISTIC OF THE LEGAL PROHIBITION, AIMED ON PROTECTION OF FOREST FUND LANDS

Z.S. Kozlova
Student of the 4th grade, Institute of Law

A.V. Vereshchagina – scientific adviser:

Candidate of legal sciences, associate professor, Head of
Public law Department,

*Vladivostok State University of Economics and Service
Russian Federation, Vladivostok*

In that article the criminal characteristic of the crimes, connected with violation of the legislation in sphere of forest is carried out: illegal lumbering (Art. 260 of the Criminal Code) and destruction or damaging forest plantings (Art. 261 of the Criminal Code). Legal characteristic of a crime is a system of data about elements of a determined type of crime. A task of the author who is engaged in elaboration of the criminal and legal characteristic is specification of data about elements of corpus delicti and the description of correlation between them.

Keywords: *criminal characteristic, the illegal lumbering, destruction or damage, forest plantings, trees, bushes and lianas, corpus delicti, ecological safety, criminal protection, forest fund lands.*

Лес является одним из важнейших природных ресурсов. Лесные участки находятся в федеральной собственности. На Российскую Федерацию как собственника возлагается обязанность сохранности и обеспечения комплекса, охранительных мер данного природного ресурса. Правовой способ является одним из методов реализации указанной обязанности государства. Национальным законодательством предусмотрена административная и уголовная ответственности за нарушение лесного законодательства.

Уголовный кодекс РФ (далее по тексту – УК РФ) закрепляет два состава преступлений, связанных с нарушением лесного законодательства: незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) и уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ) [1].

Прежде чем перейти к описанию элементов правовых запретов, направленных на защиту земель лесного фонда, хотелось бы обратить внимание на дискуссионные вопросы, посвященные определению объекта состава преступления.

Уголовно-правовые нормы не содержат указания на объект преступления. Он раскрывается через предмет преступного посягательства и признаки наступившего последствия.

Исходя из сложившихся теоретических подходов, объектом преступления признаются общественные отношения, охраняемые уголовным законом, которым преступление причинило вред либо создало реальную угрозу причинения вреда [2, с. 98]. Статьей 2 УК РФ закреплены задачи уголовного закона, из которых можно выявить значимые общественные отношения, охраняемые уголовным

законодательством от преступных посягательств. Изменения, происходящие вследствие развития общественной жизни, образуют новые общественные отношения, поэтому ранее существовавшие подвергаются переменам. Данное явление в уголовно-правовой литературе характеризуется двумя процессами: криминализацией и детализацией.

При криминализации объекты преступлений выступают в виде общественных отношений, ранее не подпадающих под уголовно-правовую охрану. Детализация характеризуется отсутствием необходимости охраны общественных отношений.

Установление объекта преступления дает возможность обнаружить общественно опасные последствия, правильно квалифицировать преступное деяние и отграничить рассматриваемое преступление от смежных преступлений. В юридической литературе предлагаются разнообразные подходы к определению объекта составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 260 и 261 УК РФ. Объектом признаются окружающая среда и ее компоненты, природоохранные отношения и т.д. По нашему мнению, данные формулировки относятся к объекту экологических преступлений. Обратившись к диспозиции ст. ст. 260 и 261 УК РФ, можно сделать вывод, что предметом данных составов преступления являются лесные насаждения, а также деревья, кустарники и лианы, не отнесенные к лесным насаждениям. Поэтому целесообразно согласиться с авторами, указывающими в качестве объекта составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 260 и 261 УК РФ, общественные отношения в области охраны лесов и не входящих в лесной фонд насаждений.

В уголовном праве разработана классификация объектов преступлений, в соответствии с которой выделяют общий, родовой, видовой, непосредственный.

Общим объект – это совокупность охраняемых уголовным законом отношений.

В науке уголовного права нет единства точек зрения на определение родового объекта экологических преступлений. Так, ст. 2 УК РФ ограничивает схожие общественные отношения, отделяя общественный порядок и общественную безопасность от окружающей среды. Перед исследователями встал вопрос определения единого родового объекта у данных однородных общественных отношений. Например, А.П. Чугаев [3] и Ю.П. Ляпунов [4, с. 235] определяют в качестве родового объекта преступлений, предусмотренных гл. 26 УК РФ, общественную безопасность, здоровье населения и окружающую среду.

В теории уголовного права под родовым объектом подразумевают группу близких, по содержанию общественных отношений, находящихся под охраной единого комплекса уголовно-правовых норм [2, с. 105]. Понятие родового объекта, по сравнению с общим объектом, является более однородным и отражает особенности тех или иных общественных отношений. Общественные отношения, направленные на защиту интересов от угроз, создаваемых антропогенным воздействием на окружающую среду, образуют единый комплекс – экологическую безопасность. Экологическая безопасность как совокупность общественных отношений по обеспечению защищенности жизненно важных интересов личности, общества, природы и государства, на мой взгляд, наиболее точно характеризует родовый объект преступлений, предусмотренных гл. 26 УК РФ.

Применительно к составам преступлений, предусмотренных ст. 260 и 261 УК РФ, родовым объектом указывают общественные отношения, направленные на обеспечение экологической безопасности, благоприятной окружающей среды, а также комплекс мер по охране окружающей среды.

Под видовым объектом понимаются общественные отношения, складывающиеся в сфере использования лесной и иной растительности, сохранения благоприятной для человека и иных живых существ окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

Выделение непосредственного объекта имеет практическое значение для квалификации преступлений. Непосредственными объектами экологических преступлений выступают общественные отношения по охране и рациональному использованию конкретных природных ресурсов. В исследуемых нормах непосредственным объектом является общественные отношения по охране и рациональному использованию лесных насаждений.

Далее рассмотрим такой элемент состава преступления, как предмет. Из диспозиций ст. ст. 260 и 261 УК РФ, мы видим, что предметом данных преступлений являются лесные насаждения, а также деревья, кустарники и лианы, не отнесенные к лесным насаждениям. Исходя из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, предметом рассматриваемых составов преступлений являются лесные насаждения, а именно деревья, кустарники и лианы, произрастающие в лесах и вне лесов [5].

Содержание понятия «лес» в национальном законодательстве не раскрывается, но исходя из положений ст. 5 Лесного Кодекса РФ, в целях использования, охраны, защиты и воспроизводства лес понимается как экологическая система или как природный ресурс

[6]. Лес может предоставляться в пользование в виде лесных участков. Независимо от титула, на котором предоставляется земельный участок (постоянное (бессрочное) пользование, ограниченное пользование (сервитут), аренда, безвозмездное срочное пользование) лесные насаждения, произрастающие на нем, могут являться предметом преступлений, предусмотренных ст. ст. 260 и 261 УК РФ.

Учитывая позиции таких авторов как – Э.Н. Жевлаков [7], И.Г. Травина [8] и И.А. Конфоркин [9], предметом преступлений, предусмотренных ст. ст. 260 и 261 УК РФ являются лесные насаждения и (или) иные насаждения, а именно деревья, кустарники, лианы, травы, лишайники, расположенные на землях различных категорий земель.

Исключают из предмета указанных преступных составов, выращенные лесные плодовые, ягодные, декоративные растения, лекарственные растения на лесных участках, предоставленных в пользование, т.к. они находятся в частной собственности.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, выражается в форме действия – незаконной порубки, повреждении до степени прекращения роста деревьев, кустарников, лиан, если эти деяния совершены в значительном размере. Обязательным признаком при квалификации деяния как преступления может стать один из способов его совершения, а именно повреждение до степени прекращения роста деревьев, кустарников или лиан и их порубка.

Под повреждением до степени прекращения роста деревьев, кустарников или лиан понимается потеря деревом, кустарником или лианой своих естественных функций, остановка их развития, роста, дальнейшее их высыхание. А под порубкой – отделение срастающегося ствола от корня.

Преступление, предусмотренное ст. 260 УК РФ, считается оконченным в момент полного отделения дерева, кустарника или лианы от корня либо с момента повреждения их до степени прекращения роста (гибели), если эти деяния совершены в значительном размере, независимо была ли срубленная древесина использована виновным лицом или нет. Обязательным является установление причинной связи между предметом преступления и значительным размером ущерба [10, с. 699].

Как и большинство составов экологических преступлений, состав незаконной рубки лесных насаждений материальный.

В качестве общественно опасного последствия действующий уголовный закон признает значительный размер. Значительным размером признается ущерб, причиненный лесным насаждениям

или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам, исчисленный по утвержденным Правительством РФ таксам.

В теории уголовного права к одной из распространенных ошибок квалификации незаконной рубки относят несоответствие между квалификацией и установленным размером ущерба. Указанная проблема связана с неверными расчетами ущерба, невнимательностью сотрудников следственных органов и т.д.

Объективная сторона уничтожения или повреждения лесных и иных насаждений (ст. 261 УК РФ) также имеет свои особенности.

Объективная сторона выражается в форме действия или бездействия – уничтожении или повреждении лесов, насаждений, не входящих в лесной фонд, в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности либо поджога, либо иным общеопасным способом, а равно в результате загрязнения вредными веществами, отходами, выбросами или отбросами.

Уничтожение – это полное истребление (прекращение существования) леса, иных насаждений вследствие ненадлежащего обращения с огнем или источником повышенной опасности либо в результате другого общеопасного воздействия. Повреждение – это прекращение роста насаждений и в целом функционирования лесного массива вследствие совершения виновным лицом указанных общественно опасных деяний [11].

Объективная сторона анализируемого состава преступления обусловлена нарушением специальных противопожарных правил. Исследователи подчеркивают необходимость установления причинной связи между деянием лица и уничтожением или повреждением лесных и иных насаждений, т.к. при отсутствии связи между преступным деянием и наступившими общественно опасными последствиями, можно утверждать, что состав преступления отсутствует.

Уничтожение или повреждение лесных и иных насаждений преступления считается оконченным с момента уничтожения или повреждения лесных и иных насаждений. Состав преступления является материальным.

В качестве последнего рассматриваемого элемента уголовно-правовой характеристики преступления выступает характеристика субъективных признаков.

С субъективной стороны незаконная рубка лесных насаждений совершается с прямым, косвенным умыслом или по небрежности. Лицо, производящее порубку, сознает общественную опасность своих действий, предвидит, что ими будет причинен ущерб,

и желает (или не желает, но сознательно допускает) наступления этих последствий. При этом отношение к самому действию — рубке, характеризуется в виде прямого умысла, в то время как отношение к возможным последствиям (размеру ущерба) может характеризоваться как умыслом (прямым или косвенным), так и неосторожностью.

Что касается уничтожения или повреждения лесных и иных насаждений, можно встретить противоречивые позиции относительно субъективной стороны данного состава преступления. Лицо не предвидит, что своими действиями (бездействием) уничтожит либо повредит лесные и иные насаждения, хотя могло и должно было предвидеть (преступная небрежность), либо предвидит возможность наступления указанных последствий, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на их предотвращение (преступное легкомыслие).

Уничтожение или повреждение лесных и иных насаждений характеризуется виной в форме умысла или неосторожности (легкомыслия и небрежности).

При анализе субъективных признаков рассматриваемых составов преступления нельзя не уделить внимание субъекту.

В научных исследованиях А. П. Анисимова, Е. Н. Абаниной [12], И.В. Лавыгиной [13] объектом активного обсуждения стал вопрос определения субъекта незаконной рубки. По результатам анализа судебной практики, около 50% незаконных рубок совершены группой лиц или группой лиц по предварительному сговору.

Субъектом преступлений предусмотренных ст. 260 и 261 УК РФ считается физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту его совершения 16-летнего возраста.

Снижение возрастного критерия наступления уголовной ответственности за уничтожение или повреждение лесных и иных насаждений, несет в себе дискуссионный характер. Поджог и неосторожное обращение с огнем, по мнению исследователей, характерны для несовершеннолетних, относящихся к группе от 14 до 16 лет. Нельзя не отметить, что лица, не достигшие возраста привлечения к уголовной ответственности, могут использоваться злоумышленниками в своих преступных целях: поджог лесного массива и иной растительности может стать средством сокрытия незаконной рубки лесных насаждений и причиной проведения рубки сухостойных поврежденных огнем лесных насаждений. По нашему мнению, снижение возраста уголовной ответственности за деяния, предусмотренные

ст. 261 УК РФ, возможно только при разграничении мер ответственности в зависимости от формы вины.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что элементы уголовно-правовой характеристики имеют неоднозначную, спорную оценку и толкование. Они оказывают существенное влияние на разработку деятельности по сохранности и обеспечению комплекса охранительных мер земель лесного фонда, а также её эффективности.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 30.03.2015 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения 28.04.2015).

2. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: Учебник/ под ред. А.И. Чучаева. – М.: 2012.-704 с.

3. Чугаев, А.П. Состав экологического преступления: системно-структурный анализ / А.П. Чугаев // Современные проблемы правоведения. – Краснодар, 1998. – С. 276–283.

4. Уголовное право. Особенная часть / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: 2008. – 469 с.

5. О применении судами законодательства об ответственности за нарушение в области охраны окружающей среды и природопользования [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21. Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения 28.04.2015).

6. Лесной Кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 4 декабря № 200 – ФЗ (в ред. от 21.07. 2014 г.). Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения 28.04.2015).

7. Жевлаков, Э.Н. Экологические преступления: понятия, виды, проблемы ответственности: дис...юрид. наук / Э.Н. Жевлаков. – М., 1991. – 478 с.

8. Травина, И. Г. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с незаконной рубкой лесных насаждений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. Г. Травина. – М., 2007. – 24 с.

9. Конфоркин, И.А. Уголовная ответственность за незаконную рубку лесных насаждений: автореф. дис.... канд. юрид. наук / И.А. Конфоркин. – М., 2009. – 23 с.

10. Козаченко, И.Я. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов; под общ.ред. И.Я. Козаченко – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 912 с.

11. Симонов, А.Г. Уголовно-правовая охрана лесной и иной растительности от уничтожения или повреждения: автореф. дис. канд. юрид. наук / А.Г. Симонов. – М., 2014. – 177 с.

12. Абанина, Е.Н. Незаконная рубка лесных насаждений: проблемы определения предмета преступления / Е.Н. Абанина, А.П. Анисимов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – Волгоград: Изд-во Волгогр. акад. МВД России, 2014, № 2 (29). – С. 32–37.

13 Лавыгина, И.В. Экологические преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы ответственности: автореф. дис.... канд. юрид. наук / И.В. Лавыгина. – Иркутск, 2003. – 27 с.

УДК 343.8

МЕТАМОРФОЗЫ «ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ»

С.А. Лаптев

доцент кафедры публичного права,
кандидат юридических наук, доцент

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

В статье говорится о том, что до принятия Федерального закона от 27 декабря 2009 года № 377-ФЗ порядок отбывания «лишения свободы» в колониях-поселениях был аналогичным порядку отбывания уголовного наказания в виде «ограничения свободы». После вступления в силу данного закона появилась конкуренция других институтов уголовного и уголовно-исполнительного права – «ограничения свободы» и «условного осуждения». Изменение карательной сущности «ограничения свободы» весьма сомнительно, так же как и оставление «колоний-поселений» в системе исправительных учреждений, которые, по сути, не являются учреждениями, исполняющими лишение свободы.

Ключевые слова: ограничение свободы, условное осуждение, колония-поселение, конкуренция.

METAMORPHOSES OF "RESTRAINT OF FREEDOM"

S.A. Laptev

Candidate of legal sciences, associate professor of Public law Department
Institute of Law

*Vladivostok State University of Economics and Service
Russia, Vladivostok*

A position that before the adoption of the Federal Law of December 27, 2009 № 377-FZ the order of serving "imprisonment" in a penal settlement was analogous to serving a sentence of "restricted freedom" is stated. After this law had come into effect a competition between criminal institutions has appeared – between "restricted freedom" and "probation". Changing the punitive nature of "restricted freedom" is very doubtful, as well as the preserving of "penal settlement" in the prison system, which, in fact, are not the institutions that execute imprisonment.

Keywords: *restraint of freedom, probation, a penal settlement, competition of rules.*

В целях сокращения «тюремного населения» и уменьшения затрат на содержание лишенных свободы Уголовным кодексом РФ 1996 года было предусмотрено новое уголовное наказание в виде «ограничения свободы», которое по своей карательной сущности было задумано как единственно альтернативное уголовное наказание наказанию в виде «лишения свободы», и было связано с исправительно-трудовым воздействием.

Порядок исполнения данного наказания, прописанный в Уголовно-исполнительном кодексе РФ 1997 года, был практически идентичен порядку отбывания лишения свободы в колониях-поселениях [1], то есть составлял ему конкуренцию. И в колониях-поселениях и в исправительных центрах осужденные ограничивались в свободе, а не лишались ее [2].

Приведем сравнительную характеристику данных институтов уголовного и уголовно-исполнительного права по состоянию на декабрь 2009 года:

1. В оба учреждения осужденные направляются из зала суда за преступления небольшой и средней тяжести (ч. 2 ст. 53 УК РФ и ч.1 ст. 128 УИК РФ);

2. В них осужденные содержатся без охраны, но под надзором (п. а ч.1 ст.128 и ч. 3 ст. 50 УИК РФ);
3. Проживают в общежитиях (п. «б» ч.1 ст.129 и п «г» ч. 3 ст. 50 УИК РФ);
4. Осужденные вправе иметь при себе денежные средства ч. 5 ст. 51 и п. «а» ч.1 ст. 129 УИК РФ);
5. Могут содержаться переведенные из исправительных колоний общего и строгого режима (ч. 2 ст. 47 и ч. 1 ст. 128 УИК РФ), причем минимальный срок, в течение которого осужденный может быть переведен и в колонию-поселение из колонии строгого режима (п. «г». ч. 2 ст. 78) и исправительный центр (ч. 2 ст. 80 УК РФ) составляет 1/3 срока наказания;
6. Осужденные могут проживать со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади (ч. 8 ст. 50 и п. «б» ч.1 ст. 129 УИК РФ);
7. Разрешается проведение выходных и праздничных дней за пределами исправительного центра или колонии-поселения (п. «б» ч. 1 ст. 57 и ч. 2 ст. 113 УИК РФ [3].

С принятием 27 декабря 2009 г. Федерального закона № 377-ФЗ [4] коренным образом меняется сущность данного наказания. Она заключается в ограничении судом ряда прав и свобод осужденных: на личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни и жилища, свободу передвижения, выбора места жительства и пребывания, участия в митингах и демонстрациях, шествиях и пикетированиях путем установления запретов покидать место жительства в определенное время суток или посещать определенные места, использовать определенные формы досуга и других, а также обязанности являться для регистрации в уголовно-исполнительную инспекцию до четырех раз в месяц [5].

Предлагаемый вариант выхолащивает карательную сущность изначально предусмотренного ст. 53 УК РФ уголовного наказания и фактически дублирует институт условного осуждения (ст. 73 УК РФ). Данный вариант уже не связан с осуществлением на осужденного исправительно-трудового воздействия, а исполнение ограничения свободы возлагается не на исправительный центр, а на уголовно-исполнительные инспекции, которые итак перегружены.

В таком виде «ограничение свободы» не составит реальной альтернативы лишению свободы.

В колониях-поселениях осужденные лишены избирательного права. В.В. Геранин в своем диссертационном исследовании предлагал отменить эту норму в отношении данной категории лиц [6]. Обосновывал он это предложение целесообразностью, особенно в отдаленных местностях, влиять на выборы органов местного самоуправ-

ления, от которых в немалой степени зависит эффективность деятельности колоний-поселений. Сама идея заслуживает внимания, но реализовать ее в рамках лишения свободы не реально, так как это правило закреплено в Конституции РФ (ч. 3 ст. 32).

С выводом колоний-поселений из состава исправительных учреждений сократится чрезмерно раздутое количество видов исправительных учреждений, исполняющих лишение свободы, на что обратил внимание Президент России, кандидат юридических наук Д.А. Медведев: «Та система, которая нам досталась в наследство, которую мы слегка подретушировали в 90-е годы, а именно: колония-поселения, общий режим, строгий режим и особый режим, – эта система сегодня уже, наверное, не соответствует требованиям дня. Она может быть укрупнена. И в этом смысле, думаю, что та идея, которая прозвучала, – идея о том, чтобы в одном случае этот режим был близок к режиму колонии-поселения, или бывшего обязательного осуждения с привлечением к труду или освобождения с привлечением к труду, то есть «химии», – с одной стороны, а с другой стороны – это для лиц, совершивших тяжкое преступление, или лиц, в отношении которых не приходится сомневаться в их установках, – это была бы, по сути, тюремная система со всеми минусами этой системы. Это тоже нужно будет, наверное, из концептуального подхода уже через какое-то время превратить в предложения по совершенствованию законодательства» [7].

В приведенной цитате Д.А. Медведев приравнивал институты колоний-поселений и условного осуждения с обязательным привлечением осужденного к труду (ст. 24.2 УК РСФСР 1960 г.), аналогом которого и являлось уголовное наказание в виде «ограничение свободы» до 10 января 2010 года, тем самым признал близкими по своей карательной сущности колонии-поселения и исправительные центры.

Федеральным законом № 377 конкуренция была устранена, но вопрос остался не решенным. Колонии-поселения продолжают исполнять не свойственное им наказание – лишение свободы, что искусственно увеличивает количество лиц, лишенных свободы. Ряд авторов обоснованно предлагали возложить на колонии-поселения исполнение «ограничения свободы» в первоначальном виде (по УК 1996 г.), а законодательство данных институтов унифицировать. Однако этого не произошло. Более того, «ограничение свободы» по Федеральному закону № 377 кардинально изменило свое содержание, хотя в УК Украины (ст. 51,61) и Белоруссии (ст. 48,55) ограничение свободы осталось в первоначальном виде. В СМИ данное наказание часто называют «домашним арестом», хотя этот термин означает одну из мер уголовно-процессуального пресечения (ст. 98 и 107 УПК РФ), но определенные сходства имеются между данными институтами [8].

Исправительно-трудовое воздействие (главное содержание данного наказания) было из него выхолощено, и в новом виде оно стало конкурировать с институтом условного осуждения (ст. 73 УК РФ). Однако не допускается назначение ограничения свободы в качестве основного наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления, а условное осуждение возможно за все категории преступлений и применяется к четырем видам наказаний и в том числе к лишению свободы на срок до 8! лет (ч.1 ст.73 УК РФ).

Было бы целесообразнее и логичнее иную меру уголовно-правового характера в виде «условного осуждения» преобразовать в самостоятельное уголовное наказание с добавлением к нему, предусмотренных Федеральным законом № 377 ограничений и сокращением категорий преступлений, за которые оно могло бы назначаться (только за преступления небольшой и средней тяжести). Более того, уголовное наказание в виде «обязательных» работ» ввиду ничтожности своей карательной сущности следует объединить с «условным осуждением» и тогда получится действенное уголовное наказание.

Необходимо вернуть уголовному наказанию в виде «ограничения свободы» первоначальную карательную сущность. Иначе, на сегодняшний день между «лишением свободы» и другими альтернативными ему уголовными наказаниями существует огромная пропасть.

Гипертрофированная «гуманизация» в свою очередь неизбежно вызовет рост преступности и увеличит количество рецидивистов и, в конечном итоге, не решит главной задачи по сокращению «тюремного населения» страны.

В результате осуществления данных предложений сохранится преемственность в уголовной политике, ликвидируется необоснованное (преимущественное) применение института «условного осуждения», которое не является уголовным наказанием, несмотря на то, что в перечне уголовных наказаний их достаточное количество (12).

Такая непоследовательная политика законодателя путает не только обывателя, но и специалистов. Но на этом метаморфозы «ограничения свободы» не заканчиваются.

Возможность применения «ограничения свободы в качестве дополнительного наказания к лишению свободы на первый взгляд заслуживает внимания. В данном виде оно заменяет существовавшее ранее Положение об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными их мест лишения свободы 1966 г., которое в последние годы не применялось в виду отсутствия возможности применения санкций к лицам, его нарушившим и поэтому оно обоснованно ст.5 Федерального закона № 377-2009 г. отменено. Данным законом предусмотрена уголовная ответственность за злостное

уклонение лица, осужденного к ограничению свободы в качестве дополнительного наказания, от его отбывания (ч.1 ст. 314 УК РФ в ред. ФЗ № 377-2009 г.), а административная ответственность предусмотрена ст. 19.24 КоАП РФ.

Однако, принятие Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» по аналогии с ранее действующим Положением и предусмотрение уголовной ответственности за его нарушение было бы предпочтительнее по одной простой причине – в момент вынесения приговора трудно и даже невозможно предугадать поведение осужденного во время отбывания наказания, а вопросы применения административного надзора целесообразно применять к осужденным перед освобождением их от уголовного наказания.

Законодатель федеральным законом от 06.04.2011 № 66-ФЗ ввел уголовную ответственность по статье 314.1. за уклонение от административного надзора, но ограничение свободы в качестве дополнительного наказания и уголовную ответственность за уклонение от него оставил.

Согласен с С.А. Рожковым, который констатирует, что в санкции большинства статей УК РФ за тяжкие и особо тяжкие преступления в качестве дополнительного введено наказание в виде ограничения свободы, которое, по сути, будет выполнять дополнительно и функции гласного административного надзора на срок от 6 месяцев до 2 лет в отношении лиц, освобожденных из исправительных учреждений [9].

Наличие «шероховатостей» в Федеральном законе № 377-2009 г.:

– исключение ареста из перечня уголовных наказаний, применяемых к несовершеннолетним (ст. 88 УК РФ), но отсутствие корректировки возраста применения ареста в ч.2 ст.54 УК РФ (с 16 лет);

– не соответствие названия закона его содержанию (наличие изменений в институт условного осуждения (ст.73 УК и ст. 190 УИК РФ) и др. не являются предметом данной статьи, но вероятно подтверждают поспешность принятия данного закона.

Итак, к чему привели метаморфозы с ограничением свободы?

Во-первых, с принятием 27 декабря 2009 г. Федерального закона № 377-ФЗ устранилась конкуренция между институтами ограничения свободы и исполнением наказания в колониях-поселениях, к сожалению, в пользу последнего.

Во-вторых, к конкуренции данного наказания, назначенного в качестве основного, с институтом условного осуждения, который не являясь уголовным наказанием применяется гораздо чаще и давно претендует на статус полноценного уголовного наказания [10].

В-третьих, к конкуренции ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, с исполнением административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

В-четвертых, к появлению нового наказания в виде «принудительных работ», карательная сущность которого аналогична «ограничению свободы» в первоначальном виде, но даже своим названием оно вызывает отторжение.

Не только правоприменитель, но и обычный гражданин должен понимать суть и отличия уголовных наказаний от других институтов уголовного, уголовно-исполнительного и административного права, а сейчас это проблематично.

Законодатель, к сожалению, не установил четких правил конкуренции данных институтов права, и на самом деле получилось элементарное дублирование.

Устранение допущенных «коллизий» – дело времени, но оно неизбежно, чтобы перечень уголовных наказаний (ст. 44 УК РФ – «Виды наказаний») трансформировался в логическую и эффективную систему.

1. Титаренко, А.П. Правовые и организационные аспекты исполнения наказания в колониях-поселениях / А.П. Титаренко: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2004. – 25 с.

2. Клюев, Л.В. О правовой природе наказания, исполняемого в исправительно-трудовых колониях-поселениях // Уголовное наказание и проблемы его исполнения: сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1998. – С. 69–79.

3. Артемьев, Н.С. Организационно-правовые основы деятельности колоний-поселений / Н.С. Артемьев, С.А. Лаптев: монография. – Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2007. – 170 с.

4. Федеральный закон РФ от 27 декабря 2009 г. № 377 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» о наказании в виде ограничения свободы» // Российская газета. 2009. 30 декабря.

5. Ручкин, Ф. Назначение и исполнение наказаний без лишения свободы: история и современность / Ф.Ручкин // Ведомости УИС. – 2009. – № 4. – С. 2–6.

6. Геранин, В.В. Правовое положение осужденных, отбывающих наказание в исправительно-трудовых колониях-поселениях / В.В. Геранин: дис. канд. юрид. наук. – М., 1989. – 186 с.

7. Медведев, Д.Н. Доклад на президиуме Госсовета 11 февраля 2009 года (Вологда) //www/kremlin.ru/text/appears/2009/02/212845.shtml. (дата обращения: 28.04. 2015).

8. Перетяtko, Н.М. Актуальные вопросы применения ограничения свободы и домашнего ареста: практ. пособие / Н.М. Перетяtko, А.А. Рождествина. – М.: КНОРУС: Саратов: Макет плюс, 2010. – 92 с.

9. Рожков, С.А. Некоторые особенности исполнения наказания в виде ограничения свободы / С.А. Рожков // Вестник Пермского университета. – 2013. – № 4. – С. 292–298.

10. Лаптев, С.А. Условное осуждение или ограничение свободы / С.А.Лаптев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2013. – № 1. – С. 12–18.

УДК: 343.846

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К.А. Малиновская
студентка 2 курса

С.А. Лаптев
доцент кафедры публичного права, кандидат
юридических наук, доцент

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

В данной работе рассматриваются несколько актуальных проблем института условно-досрочного освобождения от наказания в виде лишения свободы в Российской Федерации, а именно: проблемный вопрос, связанный с минимальным необходимым сроком, после отбытия которого допускается условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (А.А. Горшенин); проблемы совершенствования института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (Я.Э. Красковский); условно-досрочное освобождение как механизм регулирования осужденными, отбывающие наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях Российской Федерации (А.Н. Ющенко).

Ключевые слова и словосочетания: условно-досрочное освобождение от наказания в виде лишения свободы в Российской Федерации; институт условно-досрочного освобождения; сроки для наступления условно-досрочного освобождения.

CONDITIONAL EARLY DISCHARGE FROM IMPRISONMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

K.A. Malinovskaya

Student of the 2nd grade, Institute of Law

S.A. Laptev, scientific adviser:

Candidate of legal sciences, associate professor of Public law Department

*Vladivostok State University of Economics and Service
Russia, Vladivostok*

This article examines some urgent problems of institute of parole from imprisonment in the Russian Federation, namely: Problems connected with the minimum necessary period, required to parole from punishment (A.A. Gorshenin); problems of improving the institute of parole from punishment (Y.E. Kraskovsky); parole as a mechanism for regulating the convicts, serving sentences of imprisonment in correctional facilities of the Russian Federation (A.N. Yushchenko).

Keywords: *parole from a sentence of imprisonment in the Russian Federation; institute of parole; period required for parole*

Условно-досрочное освобождение (далее по тексту УДО) применяется к лицам, отбывающим содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы как на определенный, так и на пожизненный срок. Это указано в ст. 79 УК РФ, также в этой статье прописаны основания для условно-досрочного освобождения. А вот порядок обращения с ходатайством и направления представления об освобождении от отбывания наказания или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания установлен ст. 175 УИК РФ. Данный институт является комплексным. Что же такое условно-досрочное наказание в целом? Это освобождение, которое устанавливается в судебном порядке до истечения назначенного по приговору срока. При этом суд устанавливает для условно освобожденного определенные условия поведения, предусмотренные статьей 73 УК РФ. Их неисполнение влечет отмену условно-досрочного освобождения, а,

следовательно, и исполнения первоначального установленного срока наказания.

Для того чтобы у осужденного появилось право на ходатайство об условно-досрочном освобождении, он должен отбыть минимальный срок наказания, который определяется в зависимости от тяжести (категории) преступления. Но, хотелось бы отметить, что срок, по истечении которого может появиться право на условно-досрочное освобождение, не может быть меньше шести месяцев. Это указано в части 4 ст. 79 УК РФ.

По статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за 2014 год судами Российской Федерации рассмотрены ходатайства об условно-досрочном освобождении в отношении 142 128 осужденных (2013 год – 174 854 осужденных). Из них удовлетворены ходатайства в отношении 65 237 осужденных, или 45,9% (2013 год – 89 907 лиц, или 51,4%). Отказано в удовлетворении ходатайств в отношении 60 585 лиц, или 42,6 % от числа лиц, в отношении которых рассмотрены ходатайства об условно-досрочном освобождении (2013 год – 69200 лиц, или 39,6%).

Как свидетельствует статистика, число рассмотренных судами в 2013 году ходатайств об условно-досрочном освобождении является наименьшим за все время действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (с 1 июля 2002 года). Наименьшим является и число удовлетворенных ходатайств об УДО» [1].

Один из проблемных вопросов института условно-досрочного освобождения связан с минимальным необходимым сроком, после отбывания которого, допускается условно-досрочное освобождение от отбывания наказания. В прежней редакции ст.93 УК РФ предусматривались сокращенные сроки, необходимые для условно-досрочного освобождения несовершеннолетних, а по отношению к взрослым, эти сроки составляли не $1/3$, и $1/2$, а $1/2$ и $2/3$ от срока назначенного наказания. Федеральным законом от 9 марта 2001 год № 25 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» [2], сроки наказания, после отбытия которых, стало возможным применение условно-досрочного освобождения фактически, стали равны срокам, предусмотренным для несовершеннолетних. Данные сроки отбывания наказания для применения условно-досрочного освобождения противоречит ключевому принципу уголовно-исполнительного права – индивидуализация

наказания и применения исправительного воздействия к лицам, совершивших преступления в возрасте до 18 лет.

Горшенин А.А для решения этой проблемы предлагает восстановить прежнюю редакцию ст. 93 УК РФ и тем самым восстановить баланс между сроками, необходимыми для условно-досрочного освобождения взрослых и несовершеннолетних осужденных [3, с. 49-50], с чем нельзя не согласиться.

Другой проблемой является отсутствие четких законодательных критериев, достаточных для УДО.

При условно-досрочном освобождении от осужденных следует требовать, чтобы осужденные доказали свое исправление и отбыли установленную законом часть срока назначенного наказания. При наличии исполнения данных условий, условно-досрочное освобождение должно быть результатом правомерного поведения осужденного.

Данная проблема частично решена Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 года № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены не отбытой части наказания более мягким видом наказания», но данный документ не является источником права, требуется внесение в УИК РФ законодательных критериев исправления.

Из-за отсутствия конкретных критериев, для применения УДО, существуют случаи, когда мнение администрации исправительного учреждения о возможности применения условно-досрочного освобождения к осужденному и мнение суда расходятся. Один из вариантов решения этой проблемы: сделать средства исправления осужденных, указанных в ч 2. ст. 9 УИК и критериями.

Процессуальный порядок применения условно-досрочного освобождения требует дальнейшей проработки и совершенствования.

Рассматривая УДО как механизм регулирования осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях Российской Федерации не лишены смысла предложения А.А. Горшенина о том, что следует:

- Личное дело осужденного должно регистрировать с момента начала дознания или предварительного следствия, передавать в суд и назначенное судом исправительное учреждение, а затем в специализированный государственный орган по контролю за поведением условно-досрочно освобожденных. Это изменение позволит обеспечить преемственность воспитательного воздействия на осужденных.
- Во избежание нарушения прав условно-досрочно освобожденных, перечень применяемых условий при условно-

досрочном освобождении должен быть исчерпывающим и не подлежать расширительному толкованию. Функции специализированного государственного контролирующего органа при условно-досрочном освобождении целесообразно возложить на уголовно-исполнительные инспекции, осуществляющие аналогичную деятельность в отношении условно осужденных и осужденных с отсрочкой отбывания наказания.

- Для квалифицированного рассмотрения вопросов, возникающих в ходе исполнения наказаний и условно-досрочного освобождения, ввести в систему федеральных судов РФ институт пенитенциарных судей. Вопрос об условно-досрочном освобождении должен решаться в полноценном судебном заседании – с участием осужденного, защитника, прокурора и др. заинтересованных лиц [4, с.12].

По истечении обязательного для отбывания срока заключенный, претендующий на условно-досрочное освобождение, или его законный представитель (адвокат) может подать в суд ходатайство на предоставление условно-досрочного освобождения. Проблематика данного положения заключается в обязательности подачи ходатайства через администрацию исправительного учреждения. А в свою очередь администрация исправительного учреждения направляет ходатайство в суд с характеристикой заключенного.

Характеристика является основным документом, свидетельствующим о степени исправления преступника. Проблематика данного положения законодательства заключается в субъективности оценки степени исправления осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы. В законодательстве нет четко сформулированных критериев, по которым можно было бы судить об исправлении заключенного. Стандартно в характеристике указывается наличие или отсутствие дисциплинарных взысканий за период фактического отбывания наказания, степень соблюдения режима исправительного учреждения, прилежность осуществления трудовой функции, указываются увлечения, стремление к обучению, а также в заключении дается вывод об исправлении заключенного. Анализ данной нормы позволяет сделать вывод о тотальной власти администрации исправительного учреждения над заключенными, претендующими на условно-досрочное освобождение. Именно в данном всестороннем контроле и заключается механизм манипулирования заключенными со стороны администрации исправительных учреждений.

Так как судьба осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, напрямую зависит от характеристики, а равнозначно от администрации исправительного учреждения, сотрудни-

ки тюрем устраивают настоящую торговлю условно-досрочным освобождением, предлагая положительные характеристики к ходатайству за внушительные суммы или оказание определенных услуг. Практика знает множество случаев предоставления условно-досрочного освобождения за взятку. Это наиболее распространённая разновидность манипулирования заключёнными, претендующими на условно-досрочное освобождение [5, с.54].

Взятка подразумевает тайную передачу денежных средств сотруднику исправительного учреждения за предоставление в суд безукоризненной характеристики. Зачастую по факту совершения подобных противоправных действий раскрываемость довольно низка, что напрямую показывает закрытость и негласность работы исправительных учреждений.

От взятки следует отличать получение подарков и гуманитарной помощи. В ряде тюрем за предоставление положительной характеристики сотрудники исправительных учреждений предлагают внести добровольное пожертвование на ремонт, покупку техники, мебели или прочих материальных ценностей. Получение денежных средств такого характера официально документируется и используется на улучшение бытовых условий исправительных учреждений.

Также крайне распространённая разновидность манипулирования заключёнными за условно-досрочное освобождение – это предоставление определённого характера информации. На тюремном жаргоне подобные услуги носят определение «стукачество».

Осуждённые, отбывающие наказание в виде лишения свободы, предоставляют сотрудникам исправительных учреждений информацию о готовящихся преступлениях, организации преступных групп, виновниках тех или иных происшествий и прочую информацию, позволяющую администрации тюрьмы держать под контролем преступные посягательства «за решёткой» [5, с..55]. В данном случае с автором трудно согласиться, так как задачу предупреждения правонарушений и преступлений без оперативного сопровождения решить не возможно.

Проблематика института условно-досрочного освобождения заключается ещё и в том, что положительная характеристика администрации исправительного учреждения не даёт гарантии получения условно-досрочного освобождения. Несмотря на полный пакет документов, подготовленный должным образом, последнее слово остаётся за судом.

Таким образом, можно констатировать, что институт условно-досрочного освобождения от наказания в виде лишения свободы требует совершенствования, для чего необходим комплекс мер по

реформированию уголовного, уголовно-исполнительного законодательства и контроля, за деятельностью администрации исправительных учреждений.

1. Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 апреля 2014 г.) электронный доступ: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70546908/> (дата обращения: 05.05.2015).

2. Федеральный закон от 09.03.2001 N 25-ФЗ (ред. от 08.12.2003) "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации" // СЗ РФ. – 12.03.2001. – № 11. – Ст. 1002.

3. Горшенин, А.А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в виде лишения свободы / А.А. Горшенин // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2010. – № 72. – С. 48–53.

4. Крассовский, Я.Э. Проблемы совершенствования института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / Я.Э. Крассовский // Труды международного симпозиума Надежность и качество, 2014. Т. 2. – С. 310-311.

5. Ющенко, А.Н. Условно-досрочное освобождение как механизм манипулирования осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях РФ / А.Н. Ющенко // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2012. – № 6. – С. 40–44.

УДК 343.9

ПРИЧИНЫ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ШКОЛЕ

С.Х. Салчак
студентка 2 курса

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток*

В.И. Шульга – научный руководитель: доцент кафедры публичного права, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник

В статье ставится цель выявить и рассмотреть основные причины насильственной преступности в школе. Как показывает практика, в последнее время повышается уровень агрессии среди учащихся, что в свою очередь, приводит к совершению ими насильственных преступных действий в отношении одноклассников и учителей. Для эффективных мер борьбы с данным видом преступности важно воздействовать, прежде всего, на причины и условия насильственной школьной преступности, которые порождают и обуславливают ее развитие.

Ключевые слова и словосочетания: насильственная преступность, школьная преступность, преступность несовершеннолетних, причины преступности, девиантное поведение.

S.H. Saltchak
Student of the 2nd grade, Institute of Law

V.I. Shulga – scientific adviser:
Candidate of legal sciences, associate professor of Public law Department

*Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Primorskiy kray, Russia*

In this article the aim is to identify and address the root causes of violence in schools. As practice shows, the level of aggression among schoolchildren, which in turn leads them to commit violent criminal acts against classmates and teachers, is increasing dramatically. To fight this type of crime effectively, it is important to act primarily on the causes and conditions of school violence, because they generate and the development of violent crimes in school.

Keywords and phrases: violent crime, school crime, juvenile crime, causes of crime, deviant behavior.

Насильственная преступность несовершеннолетних является своеобразным показателем социальной ситуации в государстве, поскольку данная разновидность преступности напрямую реагирует на состояние общества. Насильственная преступность среди несовершеннолетних учащихся общеобразовательных учебных заведений свидетельствует о неблагоприятных социально-культурных процессах, т.к. молодое поколение является резервом

социального развития любого государства, а нарушения уголовного закона лицами школьного возраста свидетельствуют о существующих недостатках воспитания и системы образования, а также об отсутствии условий для адаптации школьников в социальной среде. Целью исследования является рассмотрение причин насильственной преступности в школе.

Как показывают данные Федеральной службы государственной статистики, преступность среди школьников за последние три года выглядит следующим образом:

– возрастная группа 15-17 лет: 2012 г. – 45,5 тыс. (69 %), 2013 г. – 41,0 тыс. (69 %), 2014 г. – 41,0 тыс. (67 %) [2].

– возрастная группа 14 – 15 лет: 22,5 тыс. в 2012 г. – 21,9, тыс. (43 %), 2013 г. – 20,0 тыс. (41 %), 2014 г. – 19,7 тыс. (39,5 %) [2].

Как мы видим, за последние годы уровень преступности школьников заметно сокращается, что, безусловно, является положительной тенденцией. Среди насильственных преступлений, совершаемых школьниками, наиболее распространенным является хулиганство, умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью учителям либо одноклассникам, реже ими совершаются разбойные нападения, убийства [4, с. 183-184].

Причиной насильственной преступности в школе является, прежде всего, агрессивное поведение несовершеннолетнего, которое обусловлено социальными связями и отношениями. И, как правило, эта агрессия направлена против учителей или одноклассников, что выражается в совершении против последних уголовно-наказуемых насильственных деяний.

На агрессивное поведение детей влияет комплекс причин и условий:

1. Внутрисемейная ситуация: (социально-неблагополучная семья, неполная семья). Агрессивное поведение членов семьи в обыденных жизненных ситуациях: крики, ругань, хамство, унижение друг друга, взаимные упреки и оскорбления и, как следствие, безучастность родителей к жизни ребенка приводит к нарушению детско-родительских отношений. По статистике, в последние годы количество разводов и неполных семей увеличилось: если в 2012 г. показатель разводов был 4,5 на 1000 человек, то в 2013 г. он уже составил показатель 4,7; неполных семей в 2012 – 17,5 млн семей, в 2013г. -17,7 млн семей. Кроме того, возросло количество семей, где один из родителей ограничен в родительских правах. Например, по Приморскому краю этот показатель составил в 2012 г. – 156 человек, в 2013 – 160 человек [2]. В 30–40% случаев насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними в возрасте 12–16 лет, установлено наличие прямого отрицательного

влияния правонарушающего поведения со стороны родителей и других старших членов семьи [1, с. 126].

2. Завышенные требования к успеваемости школьника, которые не всегда соответствуют способностям и возможностям ребенка. Следствием завышенных требований является невозможность ребенка справиться с ними, что выражается в бессилии и агрессии, понижает самооценку школьника.

3. Персональные факторы:

– Неадекватная заниженная самооценка ребенка, которая впоследствии ведет к проблемам с успеваемостью, и как следствие этого – приклеивание ярлыков со стороны одноклассников, учителей и родителей. Для неуспевающих учеников агрессивное поведение является одним из средств, при помощи которых они компенсируют свою неуспеваемость.

– Высокая импульсивность, готовность к риску и ограниченное чувство самосохранения. Наиболее это характерно для школьников в период 11–16 лет. В этом возрасте происходит коренная перестройка ранее сложившихся психологических структур, но возникают новые образования, закладываются основы социального поведения, вырисовывается общая направленность в формировании нравственных представлений и социальных установок [3, с. 61]. Но совершение преступления, как правило, это следствие нравственной деформации личности, искажений в социальном развитии школьника, а возрастные особенности лишь усугубляют ситуацию.

-Низкий уровень культурного развития влияет на наличие «отрицательных» установок и интересов личности, ослабляет самоконтроль и искажает самооценку.

-Злоупотребление алкоголем, наркотиками. Как правило, в компаниях, у которых отсутствует досуговая сфера, «легким» средством становятся получить желаемое расслабление и чувство эйфории является алкоголь и наркотические средства. Согласно статистическими данным (исключая латентные показатели), на сегодняшний день в Приморском крае на учете в наркодиспансере с диагнозом «алкоголизм» состоит 613 несовершеннолетних, в возрасте от 12 до 18-ти лет [2]. Похожая ситуация и с заболеваемостью наркоманией. Все большее распространение получают марихуана и синтетические наркотики; очень часто их распространяют школьники 9-11 классов в своей школе, что делает наркотики легкодоступными.

Среди социальных факторов агрессии школьников можно выделить:

1. Культ насилия в обществе, влияние СМИ. В настоящее время среди СМИ (телевидение, интернет) все больше происходит пропаганда жестокости и насилия. Основным увлечением школьников становятся компьютерные игры, победой в которых считается уничтожение противника, что уменьшает у школьника чувствительность к чужой боли и страданиям.

2. Отрицательное влияние со стороны сверстников с девиантным поведением. Они оказываются особенно значимыми в связи со стремлением несовершеннолетних включиться в группу для совместного времяпровождения. В такой группе школьники, особенно ведомые, стремятся подражать лидерам и быть на них похожими по внешнему виду и поведению.

Как дополнительные причины насильственной школьной преступности можно выделить:

1. Снижение значимости и авторитета образования, и школы, в частности.

2. Сужение объема преподавания гуманитарных дисциплин, особенно литературы и истории.

3. Недостатки воспитательно-педагогической работы общеобразовательных школ (проявления формализма, отказ от индивидуального подхода и т.д.), в результате чего не реализуется должным образом задача формирования чувства гражданской ответственности учащихся, они не получают должного «иммунитета» против антиобщественных влияний и неблагоприятных ситуаций, не закрепляются навыки правильной самооценки, управления своим поведением, происходит отчуждение от учебного коллектива, утрачивается интерес к учебе. Контингент несовершеннолетних преступников пополняется за счет подростков, бросивших школу, второгодников, отстающих. Указанные обстоятельства приводят к тем же последствиям, что и безнадзорность в семье: ослабляются и разрываются социальные связи, облегчается контакт с источниками отрицательных влияний.

4. Свертывание или сокращение, системы внеклассного школьного воспитания: пришкольные клубы, кружки самодеятельности, пришкольные летние лагеря и т.д.

Для повышения эффективности борьбы с насильственной преступностью в школе необходимо:

– совершенствование нормативно-правовых актов, закрепляющих политику государства в области образования и воспитания подрастающего поколения, а также защиты его прав и интересов в области семейной и образовательной среды;

– организация в школах не только учебного процесса (т.е. получения школьниками знаний), но и досуговой среды;

– осуществление педагогическими работниками наблюдения и контроля, а также проведения воспитательной работы со школьниками из неблагополучных семей и со школьниками с девиантным поведением.

Делая выводы по рассмотренной в работе проблеме, хотелось бы отметить следующее. Обращаясь к проблеме насильственной школьной преступности, следует исходить из того, что она представляет собой часть преступности в обществе, развивается под воздействием тех же факторов, что и преступность в целом. Для организации профилактики правонарушающего поведения и преступлений несовершеннолетних школьников, важно установление круга участников предупредительной деятельности и оптимального распределения функций между ними; крайне важно наличие родительского семейного воспитания, а также восстановление и укрепление воспитательной функции педагогических коллективов учебных заведений.

1. Бжиев, Р.Б. Формирование личности несовершеннолетнего, совершающего корыстно-насильственные преступления / Р.. Бжиев // Актуальные социально-правовые проблемы развития транзитивного общества: сб. материалов 5-й всероссийской научной читательской конференции молодых ученых. – Краснодар: Краснодарская академия МВД России, 2009. – 238 с.

2. Статистика по правонарушениям несовершеннолетних. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gks.ru>. (дата обращения: 06.05.2015).

3. Эльдаров, М.И. Причины насильственной преступности несовершеннолетних в России / М.И. Эльдаров// Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2010. – № 7. – С. 59–62.

4. Юзиханова, Э.Г. Статистические показатели и тенденции преступности несовершеннолетних в новейшей России / Э.Г. Юзиханова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 4. – С. 183-187.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

Э.Э. Сергиенко
студентка 4 курса

А.В. Верещагина – научный руководитель,
заведующая кафедрой публичного права, кандидат
юридических наук, доцент

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

В статье рассмотрено уголовное законодательство России и Казахстана в сфере защиты земельных ресурсов. Уровень уголовно-правовой защиты земель является составным элементом экологической безопасности государства. В первую очередь он обусловлен действиями законодателя. Сравнительно-правовое исследование позволяет выявить недостатки законодательных конструкций уголовно-правовых предписаний и в последующем выработать пути их устранения.

***Ключевые слова и словосочетания:** компаративное исследование, состав преступления, Россия, Казахстан, преступления в сфере земельных правоотношений, земельные ресурсы, экологическая безопасность, правовая охрана.*

COMPARATIVE RESEARCH OF CRIME LEGISLATION OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN IN THE FIELD OF LAND RESOURCES

E.E. Sergienko
Student of fourth grade, Institute of law

A.V. Vereshchagina – scientific adviser
Candidate of legal sciences, associate professor, head of
Public law Department,

In article questions of the crime legislation of Russia and Kazakhstan in the field of land resources are considered. Level of criminal protection of lands is a component of ecological safety of the state. First of all it is caused by actions of the legislator. Comparative research allows to reveal shortcomings of legislative designs of criminal laws precepts and then to develop ways of their elimination.

Keywords: *comparative research, crime structure, Russia, Kazakhstan, crimes in land relationships, land resources, ecological safety, legal protection.*

Предметом настоящего компаративного исследования являются уголовно-правовые запреты, косвенно направленные на защиту земельных правоотношений. По своей сущности они являются земельными (экологическими) преступлениями и включают в себя:

1) нарушение экологических правил и требований при осуществлении хозяйственной деятельности (ст. 246 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) [1] и ст. 324 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее по тексту – УК РК) [2]);

2) нарушение правил обращения с экологически опасными веществами и отходами (ст. 247 УК РФ, ст. 325 УК РК);

3) нарушение правового режима особо охраняемых природных территорий и объектов (ст. 262 УК РФ, ст. 342 УК РК);

4) нарушение правил охраны и использования недр (ст. 255 УК РФ, ст. 333 УК РК).

Цель анализа заключается в выявлении конкретных недостатков конструкций земельно-правовых составов в уголовном законодательстве Казахстана и России, и разработке в последующем конкретных путей их преодоления. В конечном итоге это должно привести к повышению уровня экологической безопасности на территории названных государств.

По итогам проведенного исследования был сделан ряд выводов, которые изложены ниже.

1. В первую очередь следует отметить, что все рассмотренные запреты сконструированы с использованием бланкетных и ссылочных норм, что влечет сложность их применения. Проявляется это в том, что при разрешении каждого конкретного дела правоприменителю необходимо обращаться к обширному массиву нормативно-правовых актов, содержащих специализированные нормы. Это законы об охране окружающей среды, об особо охраняемых природных территориях, о недрах (применительно к России), эко-

логический кодекс и кодекс о здоровье народа и системе здравоохранения (применительно к Казахстану) и т.д.

2. Изученные составы имеют как общие недостатки, свойственные в равной степени законодательству обоих государств, так и особенные недостатки, свойственные отдельному государству.

Так, в качестве общих недостатков можно назвать не указание всех этапов жизненного цикла зданий или сооружений при формулировании норм ст. ст. 246 УК РФ, 324 УК РК. Эти этапы в обоих государствах совпадают и включают в себя инженерные изыскания, проектирование, строительство (в том числе консервацию), эксплуатацию (в том числе текущие ремонты), реконструкцию, капитальный ремонт, снос здания или сооружения [3]. Мы полагаем, что было бы логично уточнить объективную сторону рассматриваемого состава путем закрепления в качестве преступного деяния нарушение правил на всех этапах жизненного цикла зданий и сооружений, что помогло бы правоприменителю при использовании данных норм и способствовало бы более точной квалификации.

Также, общим для УК РФ и УК РК является использование экологических терминов, которые не имеют официальной интерпретации. В российских нормах это термины «отравление», «заражение», «существенное изменение радиоактивного фона» (ст. ст. 246-247 УК РФ), а в Казахстане – «массовое заболевание людей» (ст. 324, ст. 333 УК РК).

Особенных недостатков несколько. Первый из них заключается в обуженности объективной стороны большей части рассмотренных российских запретов. Проиллюстрировать данное высказывание можно следующим:

1) запрет нарушения экологических правил и требований при осуществлении хозяйственной деятельности более содержателен в Казахстане – он включает в себя не только нарушение правил на различных этапах жизненного цикла зданий сооружений, но и их нарушение при использовании природных ресурсов. В качестве объекта данного преступления в России выступают только «промышленные, научные, сельскохозяйственные и иные объекты». Однако, следует иметь ввиду, что отсутствует официальная позиция, что понимается под «иными объектами», а расширительное толкование в отношении норм уголовного права недопустимо. В Казахстане – перечень объектов более детализирован. Это «предприятия, сооружения и иные объекты... военные и оборонные объекты», а в отношении эксплуатации круг объектов он еще более подробен. Это объекты промышленности, энергетики, транспорта или связи, сельскохозяйственного назначения и мелиорации. Также рассматриваемая норма УК Казахстана содержит более конкре-

тизированный перечень общественно опасных последствий, указанных в качестве квалифицирующие признаки, что влечет дифференциацию назначаемых санкций за совершение преступления. В России ст. 246 УК РФ квалифицированный состав не предусматривает;

2) применительно к нарушению правил охраны и использования недр, казахстанская норма имеет более широкую сферу применения благодаря формулировке «все стадии недропользования», по сравнению с российской нормой, которая криминализирует нарушение правил лишь при осуществлении одного вида недропользования – разведки и добычи полезных ископаемых;

3) в УК Казахстана превалируют земельно-правовые запреты, содержащие более конкретизированные перечни общественно опасных последствий (квалифицирующие признаки), что представляется положительным моментом, т.к. влечет дифференциацию назначаемых санкций за совершение преступления.

Однако есть и казахстанский запрет, обуженный по сравнению с российским. Так, согласно норме, содержащейся в ст. 325 УК РК, наступление угрозы причинения вреда здоровью человека в результате нарушения правил не влечет уголовную ответственность, в отличие от аналогичной нормы отечественного УК. Кроме этого, на наш взгляд, в норме ст. 325 УК РК не очень удачно сформулирован предмет преступления – «опасные вещества». В аналогичном российском составе говорится об «опасных веществах и отходах». Если сравнивать данные понятия, то можно сделать вывод, что отходы представляют собой вещества, или предметы, образованные в процессе производства (выполнения работ, оказания услуг) [4]. То есть, понятия «отходы» и «опасные вещества» могут быть равнозначны, однако, не всегда, и потому позиция российского законодателя здесь выглядит более обоснованной.

Второй особенный недостаток состоит в том, что оба законодателя в качестве общественно-опасного последствия нарушения правового режима особо охраняемых природных территорий и объектов называют причинение значительного ущерба окружающей среде. При этом только в Казахстане установлена фиксированная сумма, при превышении которой ущерб признается значительным. А в России вопрос о признании ущерба значительным зависит от конкретных обстоятельств дела и разрешается исходя из категории особо охраняемой территории (объекта), ее экономической и социальной значимости; тяжести причиненного вреда; способности данной территории к самовосстановлению; стоимости истребленных, поврежденных компонентов природной среды и т.п., что представляется более сложным и длительным процессом. Кроме того, анализ судебной практики показывает, что «значи-

тельный ущерб» в понимании правоприменителя может представлять собой и 9 000 рублей [5], и 5 000 000 рублей [6], и мы полагаем, что законодателю стоит провести четкую дифференциацию ущерба с назначением более жестких санкций за причинение тяжкого и особо тяжкого ущерба.

Кроме этого, примечательны различные подходы к конструированию диспозиций норм ст. 262 УК РФ и ст. 342 УК РК. Так, в УК РК в качестве предмета названы «особо охраняемые природные территории», что подразумевает отсылку правоприменителя к закону РК «Об особо охраняемых природных территориях» [7]. А российский законодатель, определяя предмет, перечисляет несколько видов таких территорий, и добавляет в конце «и другие, особо охраняемые государством, природные территории», что можно рассматривать в качестве недостатка, т.к. более предпочтительной выглядит конкретизированная норма УК РК.

3. Запреты, сформулированные казахстанским законодателем, являются в большей степени экологизированными (или, иными словами, имеют больший приоритет охраны окружающей среды и, в том числе, земельных ресурсов), по сравнению с российскими. Это проявляется в том, что в качестве общественно опасных последствий отечественный законодатель в большинстве случаев закрепляет только причинение реального вреда окружающей среде, а казахстанский – в том числе и потенциальную возможность наступления такого вреда, т.е. угрозу его причинения.

Таким образом, исходя из анализа уголовного законодательства Республики Казахстан и Российской Федерации, мы выявили ряд указанных выше недостатков конструкций составов земельных преступлений и предложили несколько вариантов их устранения.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 30.03.2015 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». (дата обращения: 28. 04.2015).

2. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]: закон от 3 июля 2014 г. № 226-V (в ред. от 07.11.2014 г.). Доступ из информ.-правовой системы «Әділет». (дата обращения: 28. 04.2015).

3. Технический регламент о безопасности зданий и сооружений [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ (в ред. от 02.07.2013) Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 28. 04.2015).; Об утверждении технического регламента «Требования к безопасности зданий и сооружений, строительных материалов и изделий» [Электронный

ресурс]: постановление Правительства Республики Казахстан от 17 ноября 2010 года № 1202 (в ред. от 23.07.2013) Доступ из информ.-правовой системы «Эділет» (дата обращения: 28. 04.2015).

4. Об отходах производства и потребления [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ (в ред. от 29.12.2014). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». (дата обращения: 28. 04.2015).

5. Приговор Белорецкого районного суда Республики Башкортостан от 7 сентября 2011 г. по делу №1-152/2011 [Электронный ресурс] Доступ из базы судебных актов арбитражных судов, судов общей юрисдикции, мировых судей «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». (дата обращения: 28. 04.2015).

6. Приговор Лазаревского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 7 апреля 2011 г. г. по делу № 1-106/11 [Электронный ресурс] Доступ из базы судебных актов арбитражных судов, судов общей юрисдикции, мировых судей «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». (дата обращения: 28. 04.2015).

7. Об особо охраняемых природных территориях [Электронный ресурс]: закон Республики Казахстан от 07.07.2006 г. № 175-III (в ред. от 29.09.2014 г.). доступ из информ.-справочной системы «Эділет». (дата обращения: 28. 04.2015).

УДК 343.221.51

НЕОБХОДИМОСТЬ ВВЕДЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ

Г.Е. Сибиряков
студент 2 курса

В.Н. Шульга – научный руководитель: доцент кафедры
публичного права, кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

*В статье рассматривается вопрос о возможном введении
института уголовной ответственности юридических лиц в Рос-
сии. Анализируется разработанный по указанному вопросу зако-*

нопроект, приводятся мнения юристов, рассматриваются соответствующие предпосылки, делается вывод о необходимости введения данного института уголовного права.

***Ключевые слова и словосочетания:** уголовная ответственность юридических лиц, Россия, административная ответственность юридических лиц, деофшоризация.*

THE NEED FOR CRIMINAL RESPONSIBILITY OF LEGAL PERSONS IN RUSSIA

S.E. Sibiryakov

student of the 2nd grade, Institute of law

V.I. Shulga – scientific adviser:

Candidate of legal sciences, associate professor
of Public law Department

*Vladivostok State University of Economics and Service
Russia. Vladivostok*

Issue related to the possible implementation of criminal responsibility of legal persons in Russia is investigated in the article. Elaborated law project is analyzed, as well as opinions of lawyers and relevant background are given, concluding the need for this institute in Russian criminal law.

***Keywords:** criminal responsibility of legal persons, Russia, administrative responsibility of legal persons, de-offshore process*

В настоящее время уголовная ответственность юридических лиц установлена более чем в 50 государствах мира, в том числе в некоторых странах постсоветского пространства, таких как Азербайджан, Латвия, Литва, Молдова, Украина и Эстония [3]. Ведутся споры о введении данного института уголовного права и в России.

В марте 2015 года в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, предусматривающий введение в Российской Федерации уголовной ответственности юридических лиц [5]. Стоит заметить, что похожий законопроект был предложен Следственным комитетом РФ в 2011 году, однако тогда предусматривалось применение к юридическим лицам лишь мер уголовно-правового характера [2]. Законопроект был раскритикован экспертами. Так, С.С. Арбузов и С.П. Кубанцев назвали указанный законопроект непроработанным, заметив, что введение уголовной ответственности юридических лиц в России возможно лишь путем системной пере-

работки российского уголовного закона с учетом имеющихся теоретических разработок и практики применения данного института [1]. Новый законопроект существенно отличается от законопроекта 2011 года и предусматривает ведение уголовной ответственности юридических лиц по 38 статьям Уголовного кодекса РФ. Предусматривается применение к юридическим лицам шести видов уголовных наказаний, в том числе некоторых, отсутствующих в Уголовном кодексе на данный момент: предупреждение, штраф, лишение лицензии, квоты, преференций или льгот, лишение права заниматься определенным видом деятельности, запрет на осуществление деятельности на территории Российской Федерации и принудительная ликвидация. Согласно законопроекту, уголовной ответственности подлежат как юридические лица, образованные на территории Российской Федерации, так и иностранные юридические лица, и международные организации, а также их обособленные подразделения, действующие на территории России. Что касается субъективной стороны состава преступления, совершаемого юридическим лицом, то здесь законодатель решает пойти по одному из пути, выработанному и действующему на практике в некоторых зарубежных странах. Так, вышеуказанный законопроект предлагает определять вину юридического лица в зависимости от целевой направленности лица, действующего от имени и в интересах организации. Такой подход вполне оправдан и соответствует сложившимся в других странах подходам к определению виновности юридического лица, например, похожее положение действует в уголовном праве Испании [4, с. 153-163]. Законодателю нельзя забывать и про важнейший принцип, согласно которому уголовная ответственность юридического лица за преступление не исключает уголовной ответственности физического лица за то же деяние, равно как и уголовная ответственность физического лица за совершенное преступление не исключает уголовной ответственности юридического лица за то же деяние. Закрепление такого принципа строго необходимо и позволяет не допустить того, что один из субъектов совершенного преступления сможет избежать ответственности за свои действия. В рамках данного вопроса видится спорным положение анализируемого законопроекта о дополнении УК РФ статьей 75.1, согласно которой физическое лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести исключительно в интересах юридического лица и не получившее в результате совершения преступления какой-либо выгоды, может быть освобождено от уголовной ответственности, если уголовной ответственности за то же деяние подлежит и юридическое лицо. Такое основание освобождения от уголовной ответственности как

раз нарушает указанный выше принцип, поэтому видится не соответствующим основополагающим положениям уголовного права и не подлежащим включению в УК РФ.

Естественно, что введение уголовной ответственности юридических лиц потребует не только внесения изменений в Уголовный кодекс РФ, но и в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, а также в Уголовно-исполнительный кодекс РФ. Что касается процесса привлечения к уголовной ответственности, а также исполнения наказания, здесь вполне обусловленным видится наложение на подозреваемое или осужденное юридическое лицо некоторых ограничений, например, законодатель предлагает до полного исполнения наказания наложить на юридическое лицо обязанность получать одобрение уголовно-исполнительной инспекции на совершение сделок, которые могут повлечь за собой приобретение либо отчуждение прямо или косвенно имущества, стоимость которого составляет 25 и более процентов балансовой стоимости активов юридического лица. Указанная норма не позволит совершившему преступление юридическому лицу проводить операции, направленные, например, на легализацию средств, добытых в результате совершения преступления. Таким образом, рассмотренный законопроект видится вполне четко разработанным и соответствующим основным положениям об уголовной ответственности юридических лиц, выработанным на практике в других странах, а также учитывающим, что крайне необходимо, реалии российского уголовного права. Единственным спорным моментом, как было указано выше, является положение о дополнении УК РФ статьей 75.1 об освобождении от уголовной ответственности физического лица в связи с осуждением юридического лица. Данное положение представляется недоработанным и не подлежащим включению в УК РФ.

Что касается обоснованности введения института уголовной ответственности юридических лиц в России, то здесь можно выделить совокупность факторов, свидетельствующих о целесообразности указанных изменений в российском уголовном праве. Прежде всего, такие изменения обусловлены экономическими процессами, связанными со становлением и развитием рыночной экономики. В современных экономических реалиях «роль отдельного человека как преступника отходит на второй план, юридическое же лицо выдвигается на передний план в качестве реального преступника, незаконно получающего денежные или иные выгоды от преступной деятельности» [4, с. 153-163]. Преступления, совершаемые юридическими лицами, зачастую могут быть более общественно опасными, чем подобные преступные действия физиче-

ских лиц, а также могут наносить и ущерб в больших размерах. Этот вид преступности оказывает негативное влияние на состояние делового климата, инвестиционную привлекательность России. Показывает свою необходимость институт уголовной ответственности юридических лиц и в случаях, когда физическое лицо, совершившее преступление, не может быть установлено или привлечено к уголовной ответственности. Помогает данный институт и в борьбе с организациями, создаваемыми осознанно для преступной деятельности, так называемыми, «фирмами-однодневками». Бывает, что компании создаются для незаконной деятельности с целью избежать от ответственности лиц, стоящих за ними.

Важной причиной введения уголовной ответственности юридических лиц, по мнению А.В. Федорова, является также несовершенство действующего административного законодательства, касающегося вопроса ответственности юридических лиц [8, с. 55-63]. Прежде всего, такое несовершенство вызвано отсутствием соответствующих общественной опасности действий юридического лица санкций. Такой санкцией является ликвидация юридического лица или запрет на деятельность в России для иностранной организации, тогда как административное законодательство предусматривает лишь временное приостановление деятельности сроком до 90 суток. Производство по делам об административных правонарушениях проходит по упрощенной процедуре, в сжатые сроки, здесь нет такого инструмента, как оперативно-розыскная деятельность, позволяющего более эффективно выявлять, предупреждать, пресекать и раскрывать преступления. Видится более целесообразным проводить расследование деяний физического лица, действующего от имени и в интересах юридического лица, и собственно юридического лица, в рамках одного процесса. На практике возникают проблемы, связанные с тем, что дела в отношении физических и юридических лиц рассматриваются разными судебными инстанциями, доказательства собираются в рамках разных дел. Административная ответственность юридических лиц также не позволяет наладить эффективное международное сотрудничество по вопросам преступлений, совершаемых организациями.

Введение уголовной ответственности юридических лиц, помимо вышеуказанных причин, необходимо для создания условий для экстерриториального уголовного преследования находящихся за рубежом организаций, совершающих преступления, направленные против интересов Российской Федерации. Видится полезным наличие института уголовной ответственности юридических лиц и в плане борьбы с офшоризацией российской экономики, что является достаточно актуальной проблемой. Такое обоснование введе-

ния уголовной ответственности юридических лиц приводит Следственный комитет РФ, в частности, его председатель А.И. Бастрыкин, считающий, что без таких изменений в уголовном праве России деофшоризация невозможна [7]. Без соответствующего уголовно-правового механизма представляется невозможным репатриация преступного капитала, выведенного за рубеж и поставленного на баланс иностранных организаций.

Естественно, что имеются и противники введения института уголовной ответственности юридических лиц в России. Так, против такой меры выступило Минэкономразвития [6]. В министерстве не видят необходимости в указанных изменениях, приводя в качестве довода положения части 3 статьи 61 ГК РФ, предусматривающие основание для принудительной ликвидации юридического лица в случае осуществления юридическим лицом деятельности, запрещенной законом, либо с нарушением Конституции Российской Федерации, либо с другими неоднократными или грубыми нарушениями закона или иных правовых актов. Однако стоит заметить, что формулировки данной статьи ГК РФ слишком обширны и не вполне позволяют определить, какие именно нарушения могут повлечь за собой ликвидацию юридического лица. Это позволяет сделать анализируемый законопроект, предусматривающий наказание в виде ликвидации юридического лица за конкретные общественно опасные деяния. Введение института уголовной ответственности юридических лиц в России будет подталкивать организации к более тщательному подбору персонала, обучению и контролю над должностными лицами, действующими от имени компании. В результате не только повышается правовая грамотность участников экономического оборота, но и решается задача профилактики преступности юридических лиц.

В настоящее время в России сложились предпосылки, свидетельствующие о необходимости введения института уголовной ответственности юридических лиц. К таким предпосылкам, прежде всего, относятся: характер экономических процессов, недостаточная эффективность существующего института административной ответственности юридических лиц и курс российских властей на деофшоризацию экономики, которая не осуществима без введения уголовной ответственности юридических лиц. Указанные предпосылки свидетельствуют о том, что введение института уголовной ответственности юридических лиц видится вполне обоснованным и целесообразным шагом на пути к снижению преступности юридических лиц, деофшоризации национальной экономики и повышению инвестиционной привлекательности Российской Федерации.

1. Арбузов, С.С. О перспективе введения в России института уголовной ответственности юридических лиц / С.С. Арбузов, С.П. Кубанцев // Журнал российского права. – 2012. – №10. – С. 99–106.
2. В СКР разработан проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [Электронный ресурс] // Конституционный суд Республики Ингушетия. URL: http://www.ks-ri.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=346:-q-q&catid=34:2010-01-23-12-44-44&Itemid=94 (дата обращения: 12.08.11).
3. Голованова, Н.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / Н.А. Голованова, В.И. Лафитский, М.А. Цирина отв. ред. В.И. Лафитский. – М., 2013. Додонов, В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография / В.Н. Додонов; под ред. С.П. Щербы. – М., 2010. – С. 167–174.
4. Голованова, Н.А. Тенденции развития института уголовной ответственности юридических лиц за рубежом / Н.А. Голованова // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся. – М., 2013. – С. 153–163.
5. Законопроект №750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц [Электронный ресурс] // Государственная дума Федерального Собрания Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=750443-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=750443-6) (дата обращения: 23.03.2015).
6. Минэкономразвития против уголовной ответственности для юрлиц [Электронный ресурс] // эж-ЮРИСТ. Юридическая газета эж-ЮРИСТ. Онлайн газета. Подписка. URL: http://www.gazeta-yurist.ru/new_paper/index.php?option=com_content&view=article&id=9494:2015-04-14-07-36-34&catid=69:2012-08-29-12-02-22&Itemid=76 (дата обращения: 14.04.2015).
7. СКР хочет ввести уголовную ответственность для юрлиц [Электронный ресурс] // ВЕДОМОСТИ. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/07/24/ugolovnaya-otvetstvennost-za-ofshory> (дата обращения: 24.07.2014).
8. Федоров, А.В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления / А.В. Федоров // Журнал российского права. – 2015. – №1. – С. 55–63.

**ОПЫТ СОЗДАНИЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ
И ПРОПАГАНДИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ,
НАПРАВЛЕННЫХ НА ПРОФИЛАКТИКУ
ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

**А.Р. Тюгаев
А.Ю. Докшина**
студенты 1 курса

Н.А. Олешкевич – научный руководитель; доцент кафедры философии и юридической психологии, кандидат философских наук, доцент,

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

В статье рассматриваются вопросы профилактики экстремизма среди молодежи. Описан опыт проведения уроков профилактики экстремизма в Академическом лицее Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

***Ключевые слова:** молодежь, экстремизм, профилактика*

**THE EXPERIENCE OF WORKING-OUT
AN EDUCATIONAL AND PROPAGANDA
MATERIALS FOR PREVENTION OF JUVENILE
EXTREMISM**

**A.R. Tyugaev
A.Y. Dokshina**
Students of the 1st grade, Institute of Law

N.A. Oleshkevitch – scientific adviser:
Candidate of philosophy, Associate professor of Philosophy and Legal Psychology
Department

*Vladivostok State University of Economics and Service
Russia, Vladivostok*

The issues of prevention of extremism among young people are analyzed in the article. The experience of extremism prevention at the Academic Lyceum of Vladivostok State University of Economics and Service is described.

Key words: *youth, extremism, preventive measures.*

В настоящее время молодые граждане России под воздействием социальных и политических факторов, продолжающегося расслоения общества, отсутствия конструктивных форм приложения собственных сил и влиянием пропаганды в социальных сетях продолжают приобщаться к экстремистской деятельности.

Как указывает И.Ю. Блясова в статье «Комплексный подход в профилактике экстремизма в молодежной среде»: «Среди наиболее опасных проявлений экстремизма выступают рост численности преступлений, совершаемых по мотивам политической, религиозной, национальной и расовой ненависти и вражды, поддержка экстремистских организаций и движений зарубежными антироссийскими силами, активное использование сети Интернет в целях пропаганды экстремистской идеологии и обеспечения участия в экстремистских акциях». [1, с. 248]

Специфика проявлений молодежного экстремизма рассматриваются в работах Д.Г. Давыдова, А.И. Долговой, Ю.А. Зубок, С.М. Кочан, В.Ф. Левичевой, В.В. Черноус, В.И. Чупрова, В.Н. Тамалинцева и др.

Основными целями экстремистов и политических сил, их поддерживающих, перечисленные авторы называют: удержание политической власти, стремление изменить конституционный строй, распространение экстремистской идеологии, основанной на вражде и ненависти к мигрантам, антисемитизме, русофобии.

Для достижения целей экстремистской деятельности используются организация массовых беспорядков, уничтожение или разрушение памятников истории и культуры, вандализм, разжигание расовой, религиозной и социальной вражды, организация и поддержка деятельности экстремистских организаций, вброс интернет-мемов провокационного содержания, изготовление и продажа нацистской символики и атрибутики в виде флагов, брелоков, футболок с изображениями.

Авторы В.И. Чупров и Ю.А. Зубок указывают, что основными факторами, влияющими на проявление экстремизма, являются:

- контакты с экстремистским окружением;
- низкий уровень материального положения молодежи;
- ориентация на риск;
- уровень доверия власти [2, с. 264.].

На наш взгляд существует несколько основных предпосылок молодежного экстремизма:

- низкий заработок большого количества населения;
- отсутствие возможностей дать детям необходимый уровень нравственного и интеллектуального развития;
- рост количества неблагополучных семей;
- отсутствие возможностей у школ быть инструментом компенсации недостатков семейного воспитания.

В этих условиях важной и трудной задачей является нахождение действенных способов противодействия распространению экстремизма в молодежной среде. Проблема усложняется еще и тем, что из-за большого количества пропагандистской информации в социальных сетях происходит снижение возрастного порога граждан, участвующих в экстремистской деятельности. В экстремистскую деятельность вовлекаются школьники 13-15 лет. Вследствие чего необходимы профилактические работы со школьниками уже в тринадцатилетнем возрасте.

По данным МВД, в 2011 году зарегистрировано 622 преступления экстремистской направленности. В 2012 году – 637 преступлений; в 2013 – 896, а за 2014 год было зарегистрировано 1024. Исходя, из этого можно сделать вывод, что экстремизм – это разрушительное явление, набирающее обороты. Следовательно, профилактика экстремизма всех направлений (религиозный, политический) является путем решения многих государственных проблем, так как экстремизм влияет на жизнь общества в целом.

Основными правовыми документами в сфере противодействия экстремизму являются: Конституция РФ (ч.5 ст. 13; ч.3 ст. 29) [3]; Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ [4].

В нашей стране складывается такая обстановка, что молодежный экстремизм проявляется в пренебрежении к существующим образцам поведения в обществе, а также в целом к законодательству РФ. Экстремисты проявляют свою агрессию к людям другой национальности, вероисповедания, принадлежности к определенной социальной группе. Процветание молодежного экстремизма – свидетельствует о недостаточной интеграции молодежи в общество, усвоение социальных установок, вызывающих противоправные образцы поведения.

Пути профилактики молодежного экстремизма, на наш взгляд, являются:

1. Отслеживание деятельности неформальных общественных объединений для формирования знаний о существующих субкультурах;

2. Отслеживание экстремистских настроений в СМИ и Интернет-ресурсах;

3. Организация и проведение совместно с органами правопорядка, а также с привлечением студентов высших учебных заведений просветительских бесед направленных на снижение хулиганства по мотивам национальной, религиозной и социальной розни;

4. Проведение бесед и тренингов с детьми, которые подвластны манипуляция и провокациям СМИ и Интернет-ресурсов.

5. Противостояние подмене понятий «национальность» и «патриотизм» понятиями «нацизм» и «национализм».

При проведении профилактических мероприятий среди школьников, по нашему мнению, необходимо помнить, что главный психологический корень экстремизма – это чрезмерное чувство собственной важности и значимости, основанное на самомнении лидеров-пропагандистов, которые не помнят истории своего народа и стремятся самоутвердиться в среде подростков, гораздо младше их по возрасту и с гораздо меньшим социальным опытом. Однако подростки, стремящиеся выделиться среди сверстников, но не имеющие для этого достойных оснований (не танцуют, не поют, не рисуют, не участвуют в предметных олимпиадах или в волонтерском движении), – стараются подражать именно таким лидерам.

В рамках изучения дисциплин «Социально-политический и религиозный экстремизм в молодежных организациях» и «Педагогика» нами было разработано профилактическое мероприятие, ориентированное на учащихся 7-11 классов Академического лицея Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Мероприятие проводилось в форме классного часа.

Как организаторы и ведущие мы ставили перед собой следующие цели:

- разъяснение того, что представляет собой экстремистская деятельность;
- разъяснение ответственности за экстремистскую деятельность, согласно российскому законодательству;
- формирование представления об экстремисте как о негативной личности.

Цели реализовывались через последовательное решение задач:

- раскрыть понятие «экстремизм» с нескольких сторон;
- рассмотреть на примерах проявление экстремизма;
- рассказать об ответственности за экстремистские действия;

– рассказать о том, на каких ресурсах можно найти информацию о запрещенных материалах и организациях, деятельность которых запрещена на территории РФ.

Занятие делилось на две части – информационно-разъяснительную и дискуссионную. Информационная часть включала в себя базовые определения, разбор примеров и описание информационных ресурсов. Итогом этой части стало формулирование установок поведения, исключающих экстремистские проявления:

- следить за своими мыслями и эмоциями и не искать себе оправдания в протестах;
- учить историю, опирающуюся на факты, на рассказы участников событий, а не на представления (интерпретации), изучать историю своей семьи, своих предков по фотографиям и воспоминаниям старших родственников и знакомых;
- разоблачать манипуляции, провокации и попытки заражения экстремистскими идеями и действиями через Интернет;
- изучать язык, культуру и верования народов, живущих в России и за рубежом, чтобы понимать особенности и уметь общаться и договариваться, не навязывая своей позиции;
- заниматься спортом, науками и творчеством, т.к. это помогает найти друзей и общаться на основе конструктивных интересов;
- стремиться быть полезным обществу, быть самостоятельным и самокритичным;
- жить по принципу равенства всех перед законом и подменять закон представлениями.

Дискуссионная часть представляла собой обмен мнениями о том, где школьники сталкивались с проявлениями экстремизма, как они поступали и как следует поступать в соответствии с законом и этикой поведения.

На начало занятий подростки не проявляли особого интереса к тому, о чем им рассказывали, словно им это все не надо и не интересно. Информацию мы старались излагать на языке подростков, с использованием примеров и изображений, доступных в социальных сетях. К середине занятия основная часть класса включилась и стала задавать много уточняющих вопросов, касающихся, например, выбора субкультуры как способа проявления своей индивидуальности. После окончания лекционной части мы перешли на практическую дискуссионную часть дети были раскрыты и откровенны, благодаря чему был получен положительный результат нашего проекта, т.е. достигнуты цели. В конце занятия школьникам был выдан раздаточный материал, где было еще раз написано,

что такое экстремизм, как за него наказывают и в какие службы нужно звонить в случае обнаружения материалов, предположительно имеющих признаки экстремизма, или признаков ведения экстремистской деятельности среди молодежи.

1. Блясова, И.Ю. Комплексный подход в профилактике экстремизма в молодежной среде / И.Ю. Блясова // Сборник конференций НИЦ Социосфера. – 2013.-№31. – С. 248–254.

2. Чупров, В.И. Социология молодежи: учебник / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. – М.: Норма: Инфра-М, – 2011. – 335 с.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398

4. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 31.12.2014) "О противодействии экстремистской деятельности" (25 июля 2002 г.) // СЗ РФ. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3031.

УДК 343.01, 343.97

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

А.Д. Уханов
студент 2 курса

В.И. Шульга – научный руководитель: доцент кафедры
публичного права, кандидат юридических наук, доцент

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

Борьба с преступностью остается по-прежнему одним из актуальнейших направлений государственной деятельности. В работе рассматриваются спорные вопросы о соотношении уголовного права и криминологии, политике государства по противодействию преступности, ее научным обоснованиям. Автор считает, что уголовно-правовая политика входит в состав криминологической политики, как комплексной системы мер (не только

законодательного характера), призванных декриминализировать общество, государство и отдельных личностей.

Ключевые слова и словосочетания: уголовно-правовая политика, борьба с преступностью, криминологическая политика, криминология, научный анализ.

THE CRIMINAL POLICY AS THE MAJOR ELEMENT OF CRIMINOLOGICAL POLICY

A.D. Ukhanov

Student of the 2nd grade, Institute of law

V.I. Shulga – scientific adviser:

Candidate of legal sciences, associate professor of Public law Department

*Vladivostok State University of Economics and Service
Russia. Vladivostok*

Crime fighting still remains one of the most actual kind of state activity. The issues of correlation between criminal law and criminology, state policy of crime prevention and its scientific grounds are considered in this article. The author finds that criminal law policy is part of criminological policy as integrated system of measures (that is not limited only by lawmaking ones), which is aimed on decreasing the criminality of state, society and individuals.

Keywords: *criminal policy, crime, criminological policy, criminology, scientific analysis.*

Как известно, государство, в рамках своего функционального назначения, устанавливает и обеспечивает определенный правопорядок. Основную угрозу существующему в том или ином государстве правопорядку представляет такое негативное явление как преступность. Государство, в свою очередь, в лице властных институтов и органов должно противостоять преступности, по целому ряду причин, в том числе для собственного сохранения. Любое действие государства по выполнению своих функций реализуется в политике как общей, так и специализированной. Традиционно принято считать, что политика, направленная на борьбу, либо противостояние преступности именуется *уголовно-правовой политикой*, т.е. главным образом выражающейся в нормативно-законодательной деятельности государства, которая путем формирования преимущественно карательного, репрессивного норма-

тивно-правового массива должна искоренять преступные проявления в обществе.

Относительно сущности уголовной политики, её состоянии в современной России и прочем, представителями отечественного правопедения в целом и уголовно-правовой науки в частности высказываются различные точки зрения. Так, ряд авторов указывает на кризисное состояние уголовной политики [1, с. 7], другие отмечают ее полный разрыв с научным обоснованием, что обрекает уголовную политику на заведомую неэффективность [2, с. 343], третьи считают, что никакой уголовной политики, удовлетворяющей требованиям борьбы с преступностью в РФ нет [3, с. 15] и т.д. Сама уголовная политика как понятие или категория остается до конца не определенной. Чаще всего она связывается именно с законодательной деятельностью государства по выработке нормативно-правовых актов (УК РФ, УПК РФ, УИК РФ), состоящих из норм, воздействующих путем устрашения (т.е. установление наказаний, порядка их назначения и отбывания) на индивидуумов, что предполагает вероятное исполнение возможности совершения преступного деяния.

Однако еще более открытым остается вопрос о соотношении уголовной политики с политикой криминологической. Остается нерешенной проблема первенства между уголовной и криминологической политикой в области борьбы с преступностью. Считаем, что уголовно-правовая (уголовная) политика входит в состав криминологической политики, как комплексной, междисциплинарной и межинституциональной совместной деятельности государства и гражданского общества, направленной на противодействие преступности (борьбу с преступностью). В работе будут приведены общетеоретические, исторические и понятийно-методологические аргументы в пользу данной позиции.

Представляется возможным выделить ряд оснований, позволяющих говорить, что криминологическая политика должна полностью охватывать собой и формировать основные направления политики уголовной.

Во-первых, это определяется статусом самой криминологии как *междотраслевой области научного знания и ее отношением с уголовным правом*. В отечественной науке криминология развивалась в рамках уголовного права, однако опыт зарубежных стран показывает, что криминология, имея один предмет изучения, признавалась наукой, входящей в разную систему знаний. Если у нас криминология признавалась только как наука общественного цикла, хоть и использующая математические методы, но в целом находящаяся в пределах уголовного права (правопедения). В других же странах дело обстояло иначе, так англосаксонская школа (Великобритания, США и др.) считала криминологию отраслью со-

циологии, а континентальная (ФРГ, Франция и др.) помещала между общественными и естественными науками, с преобладанием последних (психология, биология).

Из места криминологии в системе научного знания выводится доминирующий аспект ее предмета. Отечественная наука отдавала большее предпочтение правовым моментам преступности, относя социальное, психологическое и др. на более дальний план. Например, французская же наука в качестве основного аспекта преступности видела психологические, внутренние, общие моменты в поведении преступников.

Современное развитие науки в целом все больше «сращивает» отдельные области научного знания, особенно в пределах той или иной научной сферы (общественные науки, естественные и др.). Сама преступность начинает рассматриваться во всей ее многоаспектности, а криминология превращается в междисциплинарную фундаментальную науку, предметом которой является преступность. Поэтому, право начинает играть роль явления, не поглощающего преступность собой, а лишь пересекающегося с ним, потому как, безусловно, существуют правовые аспекты преступности и борьбы с ней.

Так же отмечается, что уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступности являются разнопорядковыми явлениями [4, с. 6], т.е. уголовно-правовая характеристика заключается в квалификации преступления, а криминологическая не ограничивается выяснение соответствия деяния его описанию в статье нормативно-правового акта, а затрагивает детерминанты, условия, уровень криминогенности общества и прочее.

Во-вторых, доминирующее положение криминологической политики в отношении уголовной политики обусловлено *социально-правовой природой преступности и преступления*. Так, произошедшее в недавнем времени санкционирование со стороны государства сугубо научной категории состава преступления в официальный нормативно-правовой акт – Уголовный кодекс Российской Федерации 1997 года – закрепило в законе социально-правовую природу преступления¹. Обращаясь к истории учения о преступлении можно выделить три подхода к его сущности, разделение которых проходило по соотношению таких признаков пре-

¹ На легальное разделение понятий состава преступления и преступления также указывает содержание ч. 1 ст. 24 УПК РФ, где в качестве основания отказа в возбуждении уголовного дела отдельно рассматривается отсутствие события преступления и отсутствие в деянии состава преступления, т.е. может иметь место факт реального преступления (13-летний подросток совершает кражу) и отсутствовать состав преступления (т.е. подростку только 13 лет и он не является субъектом, что исключает возможность привлечения к уголовной ответственности).

ступления как противоправность (формальный, юридический признак) и общественная опасность (материальный признак).

Формальный подход признает преступление чисто правовым явлением, «очищает» его от всего не связанного напрямую с нормами, описанными в нормативно-правовых актах. Классическое закрепление настоящий подход получил в Декларации прав человека и гражданина 1789 года в виде принципа «нет преступления, без указания на то в законе». Материальный признак стал ведущим в правовых социологических школах. Здесь преступление могло выходить за рамки нормативных актов и существовать только в виде общественно опасных деяний. Такая трактовка преступления значительно расширяла возможности правоисполнительных органов по квалификации деяний как преступлений. И наконец, интегративный подход, отраженный в российском законодательстве, где преступление имеет как правовое, так и социальное измерение.

Преступность классически в отечественной криминологии определяется как «исторически изменчивое *социальное* и *уголовно-правовое* негативное явление, представляющее собой систему преступлений, совершённых на определённой территории в тот или иной период времени (курсив мой – *А.У.*)» [5, с. 90]. Развитие учения о преступности и преступлении показывает, что невозможна абсолютизация одного из аспектов сложного феномена преступности. Раннее господствовавшее в советской криминологии положение о классовой природе преступности постепенно становится в один ряд с другими позициями о факторах, порождающих преступность. Например, все большее внимание уделяется психологическим моментам в становлении личности преступника¹.

Из этого следует, что признание за преступностью многоаспектности и вывод ее из исключительной сферы уголовного права, должны положительно сказаться на проведении мер по профилактике, и противодействию преступности мерами не уголовного характера. Следует обратиться к истории, так еще в Российской империи существовал Устав о предупреждении преступности (издавались в 1857, 1876 годах). В СССР принималась программа про-

¹ Так, Ю.М. Антонян и О.Ю. Звизжова в своей монографии «Преступность в истории человечества», после ретроспективного рассмотрения преступности на разных этапах существования человеческого общества, приходят к выводу, что классовые обстоятельства не всегда оказывают влияние, сравнимое по значимости с психологическими факторами, т.е. определяющее влияние по мнению данных ученых оказывают именно психологические составляющие, как общественные, так и индивидуальные (см. Ю.М. Антонян, О.Ю. Звизжова. Преступность в истории человечества. – М., 2012.)

филактики преступлений. Подобными примерами богат зарубежный опыт, который не помешало бы рецепировать. В современном правовом поле России существуют узконаправленные криминологическо-профилактические законы, к числу которых относятся ФЗ 2008 года № 273 «О противодействии коррупции», ФЗ 1999 года № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и ФЗ 2014 года № 44 «Об участии граждан в охране общественного порядка».

В-третьих, социальный характер права и правовой политики.

Следует учитывать, что право не может выступать в качестве универсального средства для достижения любых государственных или общественных целей. Современная общая теория права качественно переопределяет право, лишая его самодостаточности, выводит его из социальных отношений и структуры общества. Так же не каждая проблема имеет правовое измерение и нуждается в изучении с позиции нормативно-правового регулирования. Безусловно, как механизм, связанный с государством, право, в качестве совокупности норм, выраженных и описанных в различных текстах, должно привлекаться на помощь обществу и государству для противодействия преступности.

Однако, даже оставаясь на почве позитивизма, без привлечения широких подходов к пониманию права, следует констатировать ограниченный характер прямого правового, тем более уголовного, фактически карательного, регулирования, тем более чисто уголовного, поскольку многие детерминанты преступности лежат вне сферы уголовного законодательства, хоть и имеющего своей функцией превенцию, но на практике действующего уже *post factum*¹, т.е. на некоторые отношения для достижения поставленной цели следует воздействовать косвенно, опосредованно, через систему разнообразных мер.

Уголовная политика, бесспорно, является составным элементом правовой политики. Сама по себе правовая политика, пред-

¹ По поводу позитивного правопонимания известный ученый В.В. Лунеев с криминологических позиций справедливо отмечает: «юридическое, нормативистское представление (о природе права – А.У.) практически почти не имеет отношения к реальности», поскольку «законы разрабатываются не на основе фундаментального анализа и прогноза реалий, и научно не исследуется и не прогнозируется их возможная фактическая эффективность действия». (см. Лунеев В. В. Теории права и их связь с реальностью // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 1. – С. 19–23), т.е. закон может иметь минимальный регулятивный потенциал в случае разрыва с реальными общественными отношениями, уровнем правосознания в обществе и т.д.

ставляет собой научно обоснованную, последовательную деятельность всех субъектов права, осуществляемую соответствующими правовыми средствами и направленную на развитие правовой системы, повышение уровня правовой культуры, формирование правового государства, укрепление законности и правопорядка, искоренение негативных черт права, т.е. в целом на правовой прогресс общества [6, с. 104].

Другое дело, что меры, входящие в криминологическую политику будут так же предусмотрены нормами права, поскольку государство осуществляет свою деятельность (предписывает, устанавливает и т.д.) именно через него, но эти нормы будут иметь не уголовный, т.е. репрессивный, карательный, а иной характер. Так криминологическая политика может (и должна) так же формироваться нормами административного права, потому как зачастую административное правонарушение становится звеном в цепи преступного поведения [7]. Охват криминологической политикой административных правонарушений позволит «обосновать комплексный характер проблемы девиантного поведения, сформировать в обществе негативную оценку эту негативному явлению» [7].

Все сказанное выше позволяет утверждать, что уголовная политика, помимо того, что входит в криминологическую политику, должна быть ею научно обосновано, посредством криминологического анализа состояния общества, уровня преступности, статистики и проч. Так, А.И. Алексеев справедливо замечает, что «основной пробел и просчет современной уголовной политики состоит в ее недостаточной криминологической обоснованности, несоответствии высокому уровню криминализации общества» [1].

На недостаточную обоснованность уголовного законодательства криминологической наукой наглядно указывает игнорирование законодателем инициативы Российской криминологической ассоциации, состоящая из ученых криминологов, по написанию проектов законов, необходимых для борьбы с преступностью. Так, проект ФЗ «О борьбе с коррупцией» был предложен еще в 2001 году, однако законодательный акт подобного рода появился лишь в 2008 году (ФЗ № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»). До сих пор не принят закон, проект которого был разработан уже к 2007 году «О борьбе с организованной преступностью». Этой же ассоциацией в 2014 году было написано обращение к Президенту

РФ, с рядом предложений, которые остались на сегодняшний день незамеченными¹.

Таким образом, *во-первых*, уголовно-правовая политика полностью входит в состав криминологической политики, в силу статуса криминологии, социально-правового характера преступления и преступности, а так же по причине существующих пределов правового регулирования; *во-вторых*, уголовная-политика, уголовно-правовые нормы до момента описания их в нормативных актах, должны быть криминологически грамотно обоснованы, с учетом состояния преступности, уровня криминализации общественных отношений и т.д.; *в-третьих*, современное кризисное, неэффективное состояние уголовной политики объясняется подменой криминологической политики уголовной политикой, которая проявляется в оторванности уголовно-правовой законодательной практики от криминологической науки, чрезмерной увлеченности законодателя репрессивными мерами и отсутствии комплексных социальных (не только правовых) мер по профилактике преступности и единичных преступлений.

1. Босхолов, С.С. Современная уголовная политика как часть социально-правовой политики государства / С.С. Босхолов // Сибирский криминологический журнал. – 2006. – № 1. –С. 6–12.

2. Алексеев, А.И. О криминологической обоснованности уголовной политики / А.И. Алексеев // Противоположности преступности: материалы III Российского конгресса уголовного права. – М., 2008.

3. Алексеев, А.И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло. – М., 2006. – 144 с.

4. Шульга, В.И. Статистический анализ и оценка преступности в России, Дальневосточном федеральном округе и Приморском крае: монография / В.И. Шульга. – Владивосток, 2010. – 134 с.

5. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. – М., 2004. – 629 с.

6. Барсуков, А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория: учеб. пособие / А.Ю. Барсуков; под ред. А. В. Малько. – Саратов, 2006. – 128 с.

7. Дерюга, А.Н. Общественная опасность – признак административного правонарушения? /А.Н. Дерюга // Журнал российского права. – 2011. – № 8. – С. 48–55.

¹ С проектами законов и обращением к Президенту РФ можно ознакомиться на официальном сайте Российской криминологической ассоциации. Электронный доступ: <http://crimas.ru/>

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ И ЭКСТРЕМИЗМОМ В УГОЛОВНОЙ И СУДЕБНОЙ СТАТИСТИКАХ

В.И. Шульга

доцент кафедры публичного права, кандидат
юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток*

Данные официальной статистики о борьбе с терроризмом и экстремизмом не дают полного представления об этих явлениях ввиду многообразия использования показателей и терминов в них об этих явлениях, что дает искаженное представление о масштабах их проявления. В статистических отчетах МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации используются такие термины как «преступления террористического характера», «акт терроризма», «преступления экстремистской направленности» и т.п., что вносит путаницу при анализе и оценке статистических показателей указанных явлений.

Ключевые слова и словосочетания: терроризм, экстремизм, преступления террористического характера, акт терроризма, преступления экстремистской направленности.

COMBATING WITH TERRORISM AND EXTREMISM IN THE CRIMINAL AND JUDICIAL STATISTICIANS

V.I. Shulga

Candidate of legal sciences, Senior staff scientist,
associate professor of Public law Department

*Vladivostok State University of Economics and Service
Russia. Vladivostok*

The data of official statistics about the combating with terrorism and extremism do not give complete idea about these phenomena because of variety indices and terms used in statistics about these phenomena, which gives the distorted idea about the scales of their display.

In the statistical reports of Ministry of Internal Affairs of Russia and the Judicial department of Supreme Court of the Russian Federation used such terms as "the crime of terrorist nature", "act of terrorism", "crimes of extremist directivity", etc, which leads to a confusion during analysis and estimation of the statistical indices of the phenomena.

The keywords and the word combination: *terrorism, extremism, the terrorist crimes, the act of terrorism, extremist crimes*

В Интернет-портале "Российской газеты" от 20 мая 2014 года была опубликована статья «С тревогой не шутят» Владислава Куликова [1], в которой, как сообщал руководитель подразделения ФСБ Сергей Книгин, за пять лет в стране было зарегистрировано 14 тысяч ложных сообщений с угрозами террористического характера, установлены и изобличены свыше пяти тысяч анонимов, устанавливаются и изобличаются более 90 процентов лиц, причастных к ложным сообщениям об акте терроризма, к которым применяются меры, как уголовного, так и профилактического характера.

За 2013 год ложных сообщений с угрозами террористического характера было зафиксировано 2976, а пять лет назад их было чуть более полутора тысяч за год. Как отмечается экспертами, "статистика до сих пор ползла вверх". Так ли это?

В связи с этим возникла потребность обратиться к официальной, в основном, уголовной и судебной статистикам, как наиболее достоверным и развернутым по конкретным составам преступлений террористического характера и экстремистской направленности.

Так, в сборнике *Главного информационно-аналитического центра МВД РФ* (ГИАЦ МВД РФ) [2] о состоянии преступности за 2014 год в разделе об общей характеристике состояния преступности сказано, что в России было зарегистрировано 1128 преступлений террористического характера (прирост +70,5%), из которых раскрыто 579 преступлений, и 1034 преступлений экстремистской направленности (прирост +14,3%), из которых раскрыто 879 преступлений. При этом, было выявлено 513 лиц, совершивших преступления террористического характера, и 833 человека, совершивших преступления экстремистской направленности.

Как видно, официальная статистика оперирует иными цифрами, чем говорилось выше Сергеем Книгиным.

В этом же сборнике в разделе о преступлениях, предварительное следствие по которым обязательно, констатируется регистрация только 33 (прирост +3,2%) террористических актов (ст. 205 УК РФ), из которых раскрыто 26 преступлений и прирост составил +136,4% (раскрываемость составила 70,3%), и выявлено 58 (прирост +61,1%) лиц, совершивших эти преступления. Удельный вес

зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 205 УК, составил всего 2,9%.

В разделе о преступлениях, предварительное следствие по которым необязательно, содержится информация о регистрации 1328 (прирост +4,9%) заведомо ложных сообщений об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), из которых раскрыто 833 (прирост +9,9%) преступления и выявлено 795 (рост +9,5%) человек. Удельный вес зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 207 УК, составил 117,7%, что превышает объем всех зарегистрированных преступлений террористического характера (1128) из раздела об общей характеристике всех зарегистрированных преступлений, который составляет 100%.

Получается, что совокупный объем (1394) зарегистрированных преступлений только указанных составов, предварительное следствие по которым обязательно (33) и необязательно (1328), превышает объем всех зарегистрированных преступлений террористической направленности (1128). Также совокупный объем выявленных лиц по названным видам следствия (853 чел.) явно превышает объем всех выявленных лиц (513 чел.) по преступлениям террористического характера. Такая «математика» не под силу даже специалистам-криминологам.

Как видно, в сборнике ГИАЦ МВД РФ речь идет о преступлениях террористического характера, террористическом акте и заведомо ложном сообщении об этом акте, сведения, о которых не дают полного уголовно-правового и, тем более, криминологического представления о терроризме и экстремизме.

Конкретные составы преступлений экстремистской направленности в данном сборнике МВД России не указаны.

На *портале правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ* [3] к уже имеющимся данным из МВД России добавлены показатели о количестве преступлений террористического характера (367) и экстремистской направленности (720), уголовные дела о которых направлены в суд. При этом в разъяснениях к отчетности данного сайта перечисляются преступления террористического характера. К ним отнесены шесть преступлений, помимо террористического акта (ст. 205 УК РФ), вовлечения в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению (ст. 205.1 УК), публичного призыва к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2), заведомо ложного сообщения об акте терроризма (ст. 207), захват заложников (ст. 206) и организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208).

Преступлением экстремистской направленности, согласно паспорту показателя данного портала считается преступное деяние, если оно является проявлением экстремизма, а именно:

1) деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности России;

- подрыв безопасности России;

- захват или присвоение властных полномочий;

- создание незаконных вооруженных формирований;

- осуществление террористической деятельности;

- возбуждение расовой, национальной, или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;

- унижение национального достоинства;

- осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;

- пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики (символики) либо атрибутики (символики), сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;

4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств.

Форма статистического наблюдения для преступлений террористического характера и экстремистской направленности для них единая: «4-ЕГС» (код 494) «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений», которая утверждена

приказом Росстата от 13 октября 2009 г. № 222. Их предоставляют информационные центры МВД, ГУВД, УВД субъектов РФ.

Источник (формула расчёта) для преступлений террористического характера является форма 4-ЕГС, раздел 1, строка 10, графа 5, а для преступлений экстремистской направленности – та же форма 4-ЕГС, раздел 1, но строка 11, графа 5.

Данные формы статистической отчетности МВД и сами методики формирования показателей в официальной статистике в свободном доступе отсутствуют, что значительно затрудняет не только криминологический, но и уголовно-правовой анализ терроризма и экстремизма как самостоятельных социально-правовых явлений.

На *сайте Следственного комитета РФ* [4] в разделе статистическая информация данные о борьбе с терроризмом и экстремизмом отсутствуют.

Сайт ФСБ РФ статистической информации о борьбе с терроризмом и экстремизмом также не имеет. Иногда сообщаются некоторые сведения о борьбе с отдельными проявлениями преступлений террористического характера либо в целом. В частности, по данным информационно-аналитического портала Национального антитеррористического комитета по итогам работы за 2014 год было сказано, что количество преступлений террористической направленности было снижено почти в 3 раза относительно показателей 2013 года: с 218 до 78 преступлений [5], что также не соответствует данным официальной статистики.

Более подробно даются данные об отдельных составах преступлений террористического характера и экстремистской направленности на *сайте Судебного Департамента Российской Федерации при Верховном Суде Российской Федерации* [6], в частности, в форме 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации».

Так, по данным этого сайта в 2014 году по ст. 205 УК было осуждено 17 человек (в 2013 году – 19 человек), что составило снижение в 11,8%, ст. 205.1. «Содействие террористической деятельности» – 30 чел. (2013 году – 12 чел.), прирост составил +150,0%, ст. 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма» – 10 чел. (2013 год – 1 чел.), прирост +100,0%, ст. 205.5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации» – 3 чел. (2013 год – данных нет), ст. 206 «Захват заложника» – 6 чел. (2013 год – 3), прирост +100,0%, ст. 207 «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» – 602 чел. (2013 год – 549), прирост +9,7%, ст. 208 «Организа-

ция незаконного вооруженного формирования или участие в нем» – 236 чел. (2013 год – 149), прирост + 58,4%.

В совокупности по всем указанным статьям УК РФ за 2014 год было осуждено 904 человека (2013 год – 731 чел.), прирост составил +23,7%. Причем, число осужденных по преступлениям террористического характера в 2014 году было меньше на 107 чел., чем выявлено лиц, совершивших преступления, по делам следствие по которым было обязательно и необязательно, вместе взятых.

Такая уголовно-правовая картина статистических результатов борьбы с терроризмом не отражает истинных масштабов этого явления, степень эффективности деятельности правоохранительных органов и неотвратимости уголовной ответственности и наказания виновных лиц.

Аналогичная картина, вероятнее всего, складывается и по преступлениям экстремистской направленности, анализ которых не позволяет осуществить установленное ограничение объема статьи.

1. Куликов, В. С тревогой не шутят // Российская газета: Интернет-газета / В. Куликов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/05/20/soobshenia.html> (дата обращения: 28.04.2015).

2. Сборник о состоянии преступности за 2014 год [Электронный ресурс] / Главный информационно-аналитический центр МВД РФ: официальный сайт – 2014. – Режим доступа: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/pxOrdPt4BF.pdf. (дата обращения: 28.04.2015).

3. Статистические данные о преступности [Электронный ресурс] / Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ: официальный сайт. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_map. (дата обращения: 28.04.2015).

4. Сведения о деятельности Следственного комитета Российской Федерации за январь-декабрь 2014 года [Электронный ресурс] / Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.sledcom.ru/activities/statistic/>. (дата обращения: 28.04.2015).

5. В Москве прошло совместное заседание Национального антитеррористического комитета и Федерального оперативного штаба. 9 декабря 2014 года, Москва [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет: информационно-аналитический портал. – Режим доступа: <http://nac.gov.ru/nakmessage/2014/12/10/v-moskve-proshlo-sovmestnoe-zasedanie-natsionalnogo-antiterroristicheskogo-kom.html>. (дата обращения: 28.04.2015).

6. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации (форма 10-а) [Электронный ресурс] / Судебная статистика: данные судебной статистики // Судебный департамент Российской Федерации при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/>.(дата обращения: 28.04.2015).

Раздел 5

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: ТЕОРЕТИКО- ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 343

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В.Д. Бурлачук
студент 4 курса

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

Оперативно-розыскная деятельность имеет важное практическое значение. Это обуславливается тем, что в процессе такой деятельности правоохранительные органы выявляют преступления и пресекают противоправное деяние лиц, посягающих на права и законные интересы граждан, интересы общества и государства. Но необходимо отметить, что существует риск отрицательных последствий этой деятельности, так как чаще всего она носит скрытый характер. Из этого следует, что оперативно-розыскная деятельность нуждается в строгом регламентировании, чтобы использование оперативно-розыскных средств отвечало назначению уголовного судопроизводства.

***Ключевые слова и словосочетания:** оперативно-розыскная деятельность, преступление, использование, доказывание, уголовное дело.*

USING RESULTS OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITY IN REASONING ON CRIMINAL CASES

V.D. Burlatchuk
Student of 4th grade, Institute of Law

*Vladivostok State University of Economics and Service
Russia, Vladivostok*

Operational search activity has an important practical value. It is stipulated by that in the process of that activity law enforcement authorities reveal a crime and stop the illegal act of persons, trenching upon rights and legal interests of citizens, interests of society and state. But it is necessary to mark that there is risk of negative consequences of this activity, because it mostly has implicit character. It can be followed by that operational search activity needs strict regulation, that the use of operational search means can correlate with aim of criminal justice.

Keywords: *operational search activity, crime, use, reasoning, criminal case.*

Согласно ст. 1 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскная деятельность – вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств [1].

В соответствии с пунктом 36.1 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18 декабря 2001 г. # 174-ФЗ под результатами оперативно-розыскной деятельности¹ понимаются сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда [2].

Одной из задач стоящих перед оперативными работниками согласно статье 2 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» является раскрытие преступлений, а для того, чтобы раскрыть преступление нужно собрать доказательственную базу, на основе которой суд будет разрешать уголовное дело.

В Федеральном законе от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно- розыскной деятельности» закреплены положения о целях ОРД и средствах их достижения. В соответствии со статьей 11 ФЗ «Об оперативно- розыскной деятельности» можно отметить следующие позиции по применению результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам:

¹ Оперативно-розыскная деятельность – далее в тексте ОРД.

- они могут быть взяты за основу для подготовки и осуществления следственных и судебных действий;

- их можно использовать в доказывании по уголовным делам, если оформить в соответствии с требованиями, которые предъявляет уголовно-процессуальный закон к собиранию, проверке и оценке доказательств.

Статья 89 УПК РФ дублирует вышеизложенную норму, в ней закреплено, что в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, установленным УПК РФ.

В соответствии со статьей 86 УПК РФ основной способ собирания доказательств следственные и судебные действия, производимые в установленном УПК РФ порядке органами предварительного расследования, прокурором и судом.

Таким образом, в УПК РФ не закреплено, что оперативно-розыскные мероприятия являются одним из способов собирания доказательств.

За вычетом следственных действий остаются иные процессуальные действия. Можно ли рассматривать результаты оперативно-розыскной деятельности в качестве таковых? Как указывалось выше, в соответствии с нормами статьи 86 УПК РФ собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом.

В соответствии с пунктом 20 Приказа МВД России N 776, Минобороны России N 703, ФСБ России N 509, ФСО России N 507, ФТС России N 1820, СВР России N 42, ФСИН России N 535, ФСКН России N 398, СК России N 68 от 27.09.2013 "Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд" результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе [3].

Данная инструкция закрепляет критерии, которым должны удовлетворять предоставляемые результаты ОРД, чтобы затем на них можно было ссылаться при доказывании.

Критерии следующие:

1) результаты ОРД должны содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу;

2) должно быть указано оперативно-розыскное мероприятие¹, при проведении которого (которых) получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе (постановление о производстве оперативно розыскного мероприятия, протокол ОРМ)

Также стоит отметить, что указанная Инструкция (пункт 9) устанавливает, что предоставление результатов ОРД должностным лицом оперативного органа осуществляется на основании постановления руководителя органа осуществляющего ОРД. А пункт 14 этого документа фиксирует, если возникает необходимость рассекречивания сведений, содержащихся в материалах, отражающих результаты ОРД, руководителем органа, осуществляющего ОРД, выносится постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей.

В научной литературе можно встретить несколько точек зрения по поводу возможности использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам.

По мнению Ю.П. Гармаева, «результаты ОРД сами по себе доказательствами не являются, так как их использование в качестве таковых не предусмотрено ч.2 ст.74 УПК РФ, и они получены не теми субъектами, что указаны в ч.1 ст. 74 УПК РФ» [4].

Напротив, А.В. Верецагина [5] считает, что дополнительного процессуального оформления результаты ОРД не требуют, поскольку имеющиеся нормативные предписания позволяют использовать данную информацию. Свою позицию она аргументирует тем, что результаты документирования вполне соответствуют такому виду доказательств как иные документы (ст. 84 УПК РФ). При проведении ОРМ оперативные сотрудники должны соблюдать принципы законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина и др., которые имеют и уголовно-процессуальное закрепление. За деятельностью оперативных служб осуществляется судебный контроль, в том числе предварительный при проведении некоторых оперативно-розыскных мероприятий, и т.д. Закреплен-

¹ Оперативно-розыскное мероприятие – далее в тексте ОРМ.

ная ст. 144 УПК РФ доследственная проверка сообщений о преступлении, являющаяся процессуальной деятельностью, предусматривает в качестве субъекта ее проведения орган дознания, и такие приемы ее проведения, которые не сводятся к производству только следственных действий [5, с.36].

По нашему мнению, данная позиция не учитывает такой немаловажный фактор как добросовестность и грамотность оперативных работников, которые являются субъектами собирания оперативной информации. В случае их некачественной работы недостоверная информация будет попадать сначала к следователю, а затем в суд как доказательство. При этом возникает следующая картина: оперативные работники, из своей личной заинтересованности при желании, смогут влиять на итоговое решение суда по уголовному делу. Таким образом, не будет соблюдаться такой важный принцип уголовного судопроизводства, как право личности на законное и справедливое разрешение уголовного дела по существу.

Другую точку зрения имеет В.А. Семенцов. Он считает, что требования ныне действующего уголовно-процессуального закона в отношении оценки доказательств и признании их допустимыми должны оставаться неизменными, поскольку в противном случае теряется связь с источником информации.

Такая же позиция и у законодателя. В конце 2013 года была принята «Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», которая указывает, что необходимо ссылаться на источник получения оперативной информации, дабы не возникало вопросов по поводу достоверности таких данных [3].

Судебная практика результаты ОРД признает доказательствами, если есть указание на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе (постановление о производстве оперативно розыскного мероприятия, протокол ОРМ). Если данные требования не соблюдаются, то такие материалы в процессе доказывания не используются. Например, вина М. в сбыте наркотических средств была установлена посредством документирования поверочной закупки наркотических средств: постановлением о проведении поверочной закупки наркотических средств у М; постановлением о предоставлении результатов ОРД; постановлением о рассекречивании результатов ОРД; протоколами личного досмотра П. до и после проведения поверочной закупки, в ходе кото-

рых ничего запрещенного не обнаружено; актом вручения П. денег, актом добровольной выдачи П. приобретенных наркотиков [6].

Напротив, одной из причин оправдательного приговора, вынесенного судьей Ленинского района города Ижевска в отношении С., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст.290 УК РФ, явилось нарушение процедуры документирования, что не позволило убедиться в достоверности результатов ОРД. Так, к уголовному делу было приобщено постановление о проведении оперативного эксперимента, однако протокола самого оперативного эксперимента не было, в результате каких оперативных действий было обнаружено совершение преступления, следствие не установило. Таким образом, суд полагал, что оперативный эксперимент провели с нарушением требований закона, и его результаты не могут служить доказательством вины С. [7].

Таким образом, информация, полученная в процессе ОРД, может быть использована как доказательство по уголовному делу только при соблюдении требований допустимости, то есть процессуального порядка получения и удостоверения фактических данных, ибо этот порядок обеспечивает «проверяемость» доказательств, а следовательно, и определение их достоверности.

Приведенные позиции исследователей по поводу возможности и условий использования результатов ОРД в доказывании пор уголовным делам свидетельствует о том, что в теории, законодательстве и на практике до настоящего времени не выработано единого подхода к решению этой проблемы.

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (изм. от 21 декабря 2013 г. N 302-ФЗ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.05.2015).

2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ (изм. от 30 марта 2015 г. N 143-ФЗ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 30.04.2015).

3. Приказ МВД России N 776, Минобороны России N 703, ФСБ России № 509, ФСО России N 507, ФТС России N 1820, СВР России N 42, ФСИН России N 535, ФСКН России № 398, СК России N 68 от 27.09.2013 "Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 08.05.2015).

4. Гармаев, Ю.П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков / Ю.П.Гармаев [Электронный ресурс] // Практическое пособие. Изд-во ИПКПР ГП РФ. 2004. – Режим доступа: <http://www.antisud.com> (дата обращения: 28.04.2015).

5. Верещагина, А.В. Субъекты стадии возбуждения уголовного дела / А.В.Верещагина // Уголовное право. – 2008. – №6. – С.35–39.

6. Обвинительный приговор уголовному делу № 1-342/11 от 6.06.2011[Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-rubcovskij-gorodskoj-sud-altajskij-kraj-s/act-101287721/> (дата обращения: 13.05.2015).

7. Иванов, А.П. Проблемы уголовно-правового доказывания: монография / А.П. Иванов – Чебоксары, 2005. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://5fan.info/otrjgeujgyfsmertje.html> (дата обращения: 13.05.2015).

УДК 343.1

О ПРОБЛЕМАХ ОСМОТРА ЖИЛИЩА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

П.А. Голованова
курсант 3 курса

Н.Н. Загвоздкин – научный руководитель: начальник
кафедры уголовного процесса, полковник полиции,
кандидат юридических наук, доцент

*Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России
Россия, г. Владивосток*

Следователи, расследуя уголовные дела, проводят осмотры помещений, в которых временно или постоянно проживают граждане. Однако статус этих помещений зачастую неоднозначен. Определить относится ли то или иное помещение к жилищному фонду и соответственно процедуру производства следственного действия зачастую бывает затруднительно, в связи с чем необходимо исследовать понятие жилища в сфере уголовного судопроизводства.

Ключевые слова и словосочетания: уголовное судопроизводство, жилище, осмотр, следственные действия,

ON THE PROBLEMS OF THE LIVING PLACE INSPECTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

P.A. Golovanova
Student of the 3rd grade

N.N. Zagvozdkin – scientific adviser:
Candidate of legal sciences, Head of Department
of Criminal proceedings.
Colonel of police

*Vladivostok branch of Far Eastern Legal Institute
of Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation
Vladivostok, Russia*

Investigators are investigating criminal cases, making inspections of spaces where people resides constantly or temporarily, but the status of these premises is often ambiguous. To determine whether a particular room is housing facility and, accordingly, the procedure of investigative actions sometimes is very difficult, and therefore there is need to study the concept of living place in criminal proceedings.

Keywords and phrases: criminal justice, living place, investigations.

В ходе расследования преступлений следователи зачастую сталкиваются с ситуацией, когда местом происшествия является жилище, которое в соответствии с Конституцией РФ [1] является неприкосновенным. При этом производство осмотра или обыска (выемки) в жилище существенно затрагивают конституционные права человека, которые могут быть нарушены в результате производства указанных следственных действий. Чтобы этого не произошло, законодатель закрепил множество норм, посвященных данному институту.

Понятие «жилище» и указание на его неприкосновенность используется в Конституции РФ, но его определения там не дано, в связи с чем возникает необходимость исследования иных нормативно-правовых актов. В соответствии с п. 10 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ [2] под жилищем понимается индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми

помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания.

Уголовный кодекс РФ, в свою очередь, в примечании к ст. 139 определяет жилище следующим образом: «Под жилищем понимаются индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но *предназначенные* для временного проживания [2].

Анализируя вышесказанное, отметим, что в определениях, содержащихся в Уголовном кодексе РФ и в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, несмотря на практическую идентичность, есть существенное различие (выше выделенное курсивом), создающее множество коллизий на практике. В частности, многие ученые-теоретики и практики спорят о применении той или иной нормы при признании того или иного объекта жилищем [10, с. 330-331].

Для уточнения спорных моментов в определении понятия «жилище» обратимся к Жилищному кодексу РФ [4]. В нем, в частности, содержится понятие жилого дома, под которым, в соответствии с ч. 2 ст. 6, понимается индивидуально-определенное здание, состоящее из комнат, а также помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком здании.

Статья 25 Конституции РФ гласит, что «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения». Данная статья неразрывно связана со ст. 23 Конституции РФ, закрепляющей право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени.

Осмотр места происшествия может существенно затрагивать права и интересы граждан. Осмотр, особенно в жилых помещениях, да к тому же длящийся порой не один час, безусловно, стесняет права граждан и иногда наносит некоторый материальный ущерб. В связи с чем, осмотр жилища может быть произведен только с согласия проживающих в нем лиц (ч. 5 ст. 177 УПК РФ).

В.В. Кальницкий считает, что под проживающими в жилище

лицами, следует понимать его владельцев, основных квартиросъемщиков, зарегистрированных в нем (постоянно или временно) совершеннолетних лиц. Юридическое значение будет иметь также согласие на осмотр, исходящее от совершеннолетних родственников указанных лиц, которые фактически проживают в жилище или по сложившемуся укладу имеют в него доступ [11, с. 18].

Далеко не каждый гражданин даст согласие на проникновение в его жилище кого бы то ни было, пусть это будут даже представители закона. Но и здесь, дабы облегчить работу следователей и ограничить преступные деяния злоумышленников, законодатель дает право с разрешения суда проводить данное следственное действие, даже в случае несогласия проживающих в нем лиц (ч. 5 ст. 177; п. 5 ч.2. ст. 29 УПК РФ). Поскольку осмотр жилища, как мы уже сказали, является неотложным следственным действием, то в случаях, не терпящих отлагательства, следователь на основании постановления может произвести его незамедлительно, то есть без судебного решения. При этом следователь в течение 24 часов с момента начала осмотра должен уведомить судью и прокурора о производстве осмотра, направить копии постановления о производстве следственного действия для проверки законности. Если судья признает проведенное следственное действие незаконным, все доказательства полученные при производстве осмотра будут являться недопустимыми (ч. 5 ст. 165 ст. 75 УПК РФ).

Исходя из вышесказанного, УПК РФ предусматривает право проникновения в жилище следователя (дознателя) лишь в трех случаях; во-первых, при наличии согласия проживающих; во-вторых, при наличии судебного разрешения; и, в-третьих, в случаях, не терпящих отлагательств, по постановлению следователя.

Если рассматривать нормы уголовно-процессуального законодательства подробнее, «проникновение» в жилище возможно лишь на стадии предварительного расследования. Как же быть, если необходимо произвести следственное действие в жилище до возбуждения уголовного дела, в рамках проверки поступившего сообщения о преступлении? Как известно, на данной стадии возможно производство осмотра места происшествия, осмотра трупа и освидетельствования, а также назначение и производство экспертизы. А если жилище является местом совершения преступления, а проживающие в нем лица против осмотра их жилища? Вынесение соответствующего постановления следователем и получение судебного решения на данной стадии невозможно в силу неотложности ситуации [12, с. 58].

Возникает также справедливый вопрос что делать, если осмотр места происшествия совпадает с жилищем? К сожалению, в

настоящее время нет однозначного ответа на данный вопрос. Зачастую правоохранительные органы в своей деятельности руководствуются точкой зрения некоторых ученых, утверждающих, что осмотр места происшествия в жилище может быть проведен в отсутствие проживающих в нем лиц. При этом в дальнейшем о проведенном действии в жилище не уведомляются ни суд, ни прокурор. К примеру, В.И. Белоусов делает спорный вывод о том, что осмотр в жилище может быть произведен без разрешения суда и в отсутствие согласия проживающих в указанном жилище лиц. Однако следователь не должен в ходе осмотра собирать информацию о личной, семейной тайне или иной информации, затрагивающей честь и доброе имя человека [12, с. 71].

УПК РФ действительно регламентирует запрет на осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, а не на осмотр места происшествия в жилище (ч. 5 ст. 177 УПК РФ). По нашему мнению в ходе осмотра места происшествия в жилище следователь должен поступать таким же образом, как и входе осмотра жилища: если отсутствует согласие лиц, проживающих по указанному адресу, получить заранее судебное разрешение на осмотр. В случаях же не терпящих отлагательства, следователь может провести осмотр места происшествия в жилище на основании вынесенного им самим постановления, по аналогии с осмотром жилища. По окончании осмотра следователь обязан уведомить прокурора и судью о произведенном действии в течение 24 часов, так как был нарушен принцип неприкосновенности жилища, закрепленный в Конституции РФ.

Рассмотрим право проникновения в жилище сотрудников правоохранительных органов на основании иных нормативно-правовых актов. Сотрудники полиции, согласно закону «О полиции» вправе входить в жилища граждан в следующих случаях: 1) для спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях; 2) для задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления; 3) для пресечения преступления; 4) для установления обстоятельств несчастного случая [8].

Кроме того, согласно Федеральному конституционному закону от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» [6], а также Федеральному конституционному закону от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [5] сотруднику полиции разрешается входить в жилище граждан в условиях действия указанных законов.

Анализ изложенного позволяет прийти к выводу, что сотруд-

нику полиции при проверке заявлений и сообщений о преступлениях можно входить в жилище без получения согласия на то проживающих лишь для задержания преступников, для пресечения преступления и для установления обстоятельств несчастного случая.

В случае же, если преступление уже совершено или только готовится, согласно действующей редакции Закона «О полиции» и уголовно-процессуального законодательства сотрудники правоохранительных органов проникать в жилище без согласия проживающих в нем лиц не вправе.

Анализируя нормы Закона «О федеральной службе безопасности», проблема беспрепятственного вхождения в жилище сотрудниками данного ведомства разрешена. Так, согласно ст. 13 указанного закона сотрудники ФСБ вправе «беспрепятственно входить в жилые и иные принадлежащие гражданам помещения, на принадлежащие им земельные участки, на территории и в помещения предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности в случае, если имеются достаточные данные полагать, что там совершается или совершено общественно опасное деяние» [6], конечно, с дальнейшим уведомлением прокурора в течение 24 часов

В практике, к сожалению, бывают случаи, когда сотрудники ОВД, злоупотребляя своими служебными полномочиями, нарушают принцип законности при проведении осмотра в жилище. В частности, при опросе сотрудников УМВД по Приморскому краю, было выяснено, что при задержании лиц, при которых были обнаружены наркотические средства, пока они находятся в отделе полиции, в их жилище участковым уполномочены (или оперуполномоченным) незамедлительно производится осмотр места происшествия, что, несомненно, нарушает право на неприкосновенность жилища, предусмотренное Конституцией РФ.

Таким образом, проблема осмотра жилища в различных нормативных правовых актах определяется по-разному. В Уголовно-процессуальном и Уголовном кодексах РФ определение похожее, но не идентичное, но это пусть и несущественное различие, приводит к огромным проблемам на практике, нарушениям законных прав граждан и служат помехой для правоохранительных органов.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (в ред. ФКЗ № 11 от 21 июля 2014 г.) // Российская газета. -1993. – 25 дек.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 74-ФЗ (в ред. Федерального закона от 3.02.2015 № 7-ФЗ) // СЗ РФ. – 2001. – № 52. (Ч. 1). – Ст. 4921.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. – 2005. № 1 (часть 1). – Ст. 14.
5. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.
6. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» // СЗ РФ. – 2002. – № 5. – Ст. 375.
7. Федеральный закон от 03 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» // СЗ РФ. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.
8. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. – 2011.- № 7. – Ст. 900.
9. Приказ от 20 июня 1996 года №334 «Об утверждении инструкции по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений» (с изм., внесенными Приказами МВД РФ от 13.02.1997 N 90, от 18.01.1999 № 30) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=EXP&n=390400&req=doc> (дата обращения: 03.05. 2015).
10. Чернышев, М.А. Актуальные вопросы осмотра места происшествия в жилище / М.А. Чернышев // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 2. – С. 330–339.
11. Кальницкий, В.В. Следственные действия / В.В. Кальницкий. – Омск, 2003. – 72 с.
12. Кригер, А.Е. Жилище как объект осмотра места происшествия / А.Е. Кригер // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2012. № 1 (22). С. 58-60.
13. Белоусов, В.И. Осмотр мест происшествия в жилище и осмотр жилища / В.И. Белоусов // Уголовное право. – 2005. – № 3. – С. 70–72.

СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

И.С. Заводовская
курсант 3 курса,

Н.Н. Загвоздкин,
начальник кафедры уголовного процесса, кандидат
юридических наук, полковник полиции

*Владивостокский филиал Дальневосточный юридический
институт МВД России
Россия, г. Владивосток*

На сегодняшний день теоретики уголовного процесса и криминалистики, а также практики не могут прийти к единому мнению по поводу природы следственного эксперимента и проверки показаний на месте. Оживленная дискуссия развивается вокруг вопроса об их соотношении. Зачастую следователи и дознаватели не проводят никаких различий между ними, что приводит к нарушению процедуры и прав участников уголовного судопроизводства. Авторы предлагают сопоставительную таблицу для разграничения рассматриваемых следственных действий.

Ключевые слова и словосочетания: следственное действие, следователь, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, участник уголовного судопроизводства.

INVESTIGATIVE EXPERIMENT AND CHECK THE READING ON LOCATION: THE PROBLEM OF SEPARATION

I.S. Zavadovskaya
student of the 3rd course,

N.N. Zagvozdkin
Candidate of legal sciences, Head of Department
of Criminal proceedings, Colonel of police

To date, theorists of criminal procedure and criminalistics, as well as practice cannot come to a consensus about the nature of the investigative experiment and test evidence on the spot. A lively discussion developed around the question about their relationship. Often, investigators and inquiry officers don't draw any lines between them, which leads to the violation of the procedure and the rights of participants in criminal proceedings. The authors offer a comparative table for the separation of the considered investigation.

Keywords: *an investigative action, the investigator, investigative experiment, check the reading on the spot, the party to criminal proceedings.*

Законодатель в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [1] не дает определений следственного эксперимента (ст. 181) и проверки показаний на месте (ст. 194). Однако анализ указанных норм позволяет выделить существенные сходные черты, их объединяющие.

А.А. Койсин и Ю.Ю. Курьянова, исходя из основных целей рассматриваемых следственных действий, фактическими основаниями для их производства выделяют сомнения следователя в истинности уже имеющихся данных, наличие противоречий между собранными доказательствами, стремление следователя точно и подробно закрепить ранее полученные доказательства, обеспечить достоверность и наглядность собранных материалов [4, с. 83].

В ходе проверки показаний на месте и следственного эксперимента могут быть выявлены дополнительные источники доказательств по делу или получены новые – совершенно неожиданные – данные. При их производстве можно уточнить уже известные обстоятельства дела, а также проверить следственные версии. Одновременно могут быть определены условия, способствовавшие совершению преступления.

Таким образом, следственный эксперимент и проверка показаний на месте представляют собой действия по проверке, уточнению и обнаружению новых фактических данных, значимых для дела, проверке частных версий и устранению противоречий между доказательствами путем изучения обстановки места происшествия, обстоятельств и условий расследуемого преступления, а также действий его участников.

В процессуальной литературе существует мнение о том, что проверка показаний на месте является разновидностью следственного эксперимента. Сторонники данной позиции ссылаются на

сходные текстуальные формулировки указанных статей. Действительно, следственный эксперимент производится путем воспроизведения действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события, а проверка показаний на месте заключается «в том, что ранее допрошенное лицо воспроизводит на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события, указывает на предметы, документы, следы, имеющие значение для уголовного дела, демонстрирует определенные действия» [3, с. 9].

Под следственным экспериментом понимается самостоятельное следственное действие, сущность которого заключается в проведении специальных опытных действий для получения новых и проверки имеющихся доказательств, а также проверки и оценки следственных версий о возможности или невозможности существования различных фактов, значимых для уголовного дела.

Проверка показаний на месте является самостоятельным следственным действием, сущность которого состоит в том, что ранее допрошенное лицо, правдивость показаний которого проверяется, показывает определенное место, связанное с событием преступления; рассказывает о совершенных на нем действиях; демонстрирует отдельные действия. В результате проведения проверки показаний на месте происходит сопоставление информации, полученной от лица, чьи показания проверяются, с объективной обстановкой на месте [2, с. 628].

Согласно ст. 181 УПК целью проведения следственного эксперимента является проверка и уточнение значимых для уголовного дела данных. В свою очередь, целью проведения проверки показаний является установление новых обстоятельств, значимых для уголовного дела (ст. 194 УПК). Проанализировав данные статьи, можно сделать вывод, что с помощью проверки показаний на месте могут быть получены новые доказательства, ранее не установленные; а при следственном эксперименте происходит лишь подтверждение (опровержение) уже имеющихся доказательств по уголовному делу. Несмотря на законодательное закрепление цели следственного эксперимента, на практике в результате его производства может быть не только проверена уже имеющаяся информация, но и обнаружена новая. В ходе проверки показаний на месте на практике может быть не только получена новая следственная информация, но и проверена и уточнена ранее полученная.

Поводом для проведения следственного эксперимента служит необходимость в проверке или установлении фактов, имеющих существенное значение для уголовного дела, что может быть осуществлено только с помощью производства специальных опытов.

В свою очередь, поводом к проведению проверки показаний на месте служит наличие противоречивых или нуждающихся в проверке показаний лица, полученных в ходе допроса [4, с. 85].

С учетом характера проверяемых или устанавливаемых сведений или фактов, следователь определяет место проведения следственного эксперимента. Следственный эксперимент может быть проведен именно на том месте, где произошло исследуемое событие, а также в любом другом месте, в случае, если фактическая обстановка на этом месте не имеет определяющего значения для исследуемого явления, а если и имеет, то может быть воспроизведена на другом месте, без ущерба для достоверности полученных результатов.

Проверка показаний производится на действительном или предполагаемом месте происшествия. Место проведения определяет лицо, чьи показания проверяются.

Теоретически следственный эксперимент может быть проведен в любое время года и суток, при любой погоде. Однако на практике в зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела для его проведения требуется наличие специальных условий (например, погодные условия, освещение, которые имели место при совершении преступления). Соблюдение данного правила в этих случаях является обязательным, так как при его нарушении лишает эксперимент доказательственного значения. При этом необходимо учитывать, что рассматриваемые условия не должны препятствовать лицу, чьи показания проверяются, правильно ориентироваться в окружающей обстановке.

Участников следственного эксперимента может быть несколько. Если обстоятельства, интересующие следствие, могут быть установлены вне зависимости от психофизических возможностей участника, то его участие в проведении следственного эксперимента необязательно. Следственный эксперимент может быть проведен с другим лицом.

Необходимым условием проведения проверки показаний на месте является обязательное участие ранее допрошенного лица. Замена его кем-либо приведет к тому, что данное следственное действие потеряет смысл.

В протоколе следственного эксперимента указывается обстановка его проведения, расположение участников, характер и последовательность их действий, количество повторов и, конечно, полученные результаты. В протоколе проверки показаний основной акцент делается на показания допрошенного лица, различным особенностям его поведения на месте, ориентации на местности, в обнаружении искомых объектов.

Таким образом, следственный эксперимент и проверка показаний на месте представляют собой различные по своей процессуальной природе следственные действия, поскольку цели их проведения, порядок, фиксация и другие особенности не совпадают, что должно учитываться следователями и дознавателями в их практической деятельности.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Криминалистика / под ред. Р.С. Белкина. – М., 2007. – 944 с.

3. Баев О.Я. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации: практ. пособие. / О.Я. Баев, Д.А. Солодов. – М., 2009. – 208 с.

4. Койсин, А.А. Соотношение следственного эксперимента и проверки показаний на месте / А.А. Койсин, Ю.Ю. Курьянова // Сибирский юридический вестник. – 2008. – № 3 (42). – С. 82-85.

УДК 343.1

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ПРОИЗВОДСТВУ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ МАЛОЛЕТНИХ/НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Д.В. Завьялова

аспирантка кафедры криминалистики

*Воронежский государственный университет
Россия, г. Воронеж*

Приводятся рассуждения относительно участия психологов (педагогов) и законных представителей в производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Предлагается дополнить главу 8 УПК РФ ст. 61, закрепляющей процессуальные права и обязанности педагога-психолога. Рассматриваются вопросы отстранения законных представителей от участия в уголовном деле, следственных действиях.

Ключевые слова и словосочетания: несовершеннолетние, следственные действия, педагог, психолог, законные представители.

SITUATIONAL APPROACH TO PROCEEDING OF INVESTIGATIVE ACTIONS INVOLVING MINORS / JUVENILES

D.V. Zavyalova

Postgraduate student of Criminalistics department

*Voronezh State University
Russia, Voronezh*

Arguments concerning participation of psychologists (pedagogues) and legal representatives in criminal cases against minors are presented. It is proposed to complement Criminal-Procedural Code Chapter 8 Art. 61 which allocates the procedural rights and duties of the pedagogue-psychologist. The issues of exclusion of legal representatives from participation in criminal cases/investigating actions are examined.

Keywords: *minors, investigating actions, a pedagogue, a psychologist, legal representatives.*

Глава 50 УПК РФ закрепляет особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Кроме того, ст. 191 регламентирует порядок следственных действий с участием несовершеннолетних, выступающих в уголовном судопроизводстве в качестве свидетелей и потерпевших.

Несмотря на то, что в последнее время в УПК РФ были внесены существенные дополнения в части производства следственных действий с указанной категорией лиц, остается ряд практически значимых вопросов, требующих своего разрешения.

Так, согласно ч. 4 ст. 425 УПК РФ «в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно».

Аналогичное положение содержится и в ч. 1 ст. 191 УПК РФ «При проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля [...]. При производстве указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя».

В ч. 4 этой статьи отмечается, что «при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля [...] по уголовным делам о

преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно».

Таким образом, законодатель установил, что только по делам о преступлениях против половой неприкосновенности, обязательным является участие именно психолога. Во всех остальных случаях следователь имеет право выбора между психологом и педагогом.

Вместе с тем, в последнее время, все чаще в литературе стало высказываться мнение о необходимости исключения педагога из числа субъектов производства отдельных следственных действий с участием несовершеннолетнего. «Участие педагога в допросе, – полагает, например, С.Г. Любичев, – является архаизмом, отголоском того времени, когда в образовательных учреждениях и других организациях отсутствовали кадры профессиональных психологов, функции которых и возлагались на педагогов тех или иных учебных заведений как лиц, работающих с детьми и в ходе получения профессии изучавших учебный курс психологии» [4, с.166].

Э. Б. Мельникова также говорит о том, что «более полезными при допросе будут специальные познания не педагога, а психолога или врача-психотерапевта, присутствие при допросе несовершеннолетнего такого специалиста позволит обеспечить полноту допроса с помощью правильно сформулированных вопросов» [5, с. 96].

С.Н. Боков отмечает, что участие в допросе несовершеннолетнего педагога в настоящее время не имеет серьезных научных теоретических и практических обоснований», ибо «как такового универсального, отдельно взятого педагога не существует. Есть учитель начальных классов, учитель географии, русского языка и литературы, физкультуры, музыки и много других представителей педагогической профессии. Кто из них подразумевается в ст. 191 УПК РФ?». Более того, далее автор ставит аналогичный вопрос и применительно к психологам: «если психолог должен участвовать в допросе несовершеннолетнего, то какой? Ведь психология – наука достаточно разветвленная» [3, с. 59].

На наш взгляд, практически в настоящее время при решении этой проблемы следует ориентироваться на Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 26.08.2012 г. № 761н «Об утверждении Единого квалифицированного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования», согласно которому учреждена должность педагога-психолога, который проходит подготовку по направлению «педагог-психолог [1].

Кроме того, с тактической точки зрения немаловажным является решение следующего вопроса. Должен ли несовершеннолетний знать

педагога или психолога, или наоборот, целесообразнее пригласить незнакомого человека?

Безусловно, знакомый несовершеннолетнему педагог/ психолог, который к тому же, будет находиться с ним в доброжелательных отношениях, может оказаться более полезным субъектом, нежели чем человек, который видит несовершеннолетнего впервые. Однако практика свидетельствует о том, что в большинстве случаев, факт совершения преступления несовершеннолетним или в отношении него, при участии педагога (психолога), работающего в той же школе, в которой обучается несовершеннолетний, становится общеизвестным. Что не может не отразиться негативным образом на психическом здоровье несовершеннолетнего.

Потому, думается, что применение данного правила справедливо в небольших сельских местностях, когда у следователя отсутствует возможность вызова педагога из другой школы. В остальных случаях, целесообразно участие педагога (психолога) работающего в другом учебном заведении и не являющегося знакомым несовершеннолетнего.

Учитывая тот факт, что педагог/ психолог выступают как самостоятельные участники уголовного судопроизводства, имеющие конкретные цели участия, права и обязанности, предлагаем дополнить главу 8 УПК РФ ст. 61, примерно следующего содержания:

Статья 61. Педагог-психолог

1. Педагог-психолог – это лицо, имеющее высшее профессиональное образование по направлению подготовки педагогика и психология, привлекаемый к производству следственных действий с участием несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей в случае необходимости оказания психологической помощи, а также для разъяснения сущности задаваемых вопросов и ответов на них.

2. При производстве допроса, очной ставки, опознании, проверке показаний с участием несовершеннолетнего, не достигшего возраста шестнадцати лет, либо достигшего, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога-психолога обязательно. В остальных случаях педагог-психолог приглашается по усмотрению следователя, если личность несовершеннолетнего, обстоятельства совершенного преступления свидетельствует о необходимости оказания ему, в ходе производства следственных действий, психологической помощи.

3. Педагог-психолог вправе:

1) отказаться от участия в производстве следственных действий, если не обладает соответствующими специальными знаниями;

- 2) задавать уточняющие и дополняющие вопросы следователю и несовершеннолетнему с целью разъяснения их смысла;
- 3) знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, и делать заявления и замечания, которые подлежат занесению в протокол;
- 4) приносить жалобы на действия (бездействия) и решения дознавателя, следователя ограничивающие его права.

4. Педагог-психолог не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд, а также разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса. За разглашение данных предварительного расследования педагог-психолог несет ответственность в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Уголовно-процессуальный закон, наряду с требованием об участии педагога и психолога содержит положения, касающиеся обязательного участия законного представителя несовершеннолетнего. Практический интерес представляет решение вопроса о возможности отстранения законного представителя от участия в уголовном деле или следственных действиях.

Так, ч. 3 ст. 191 УПК РФ закрепляет, что «следователь вправе не допустить к участию в допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля его законного представителя и (или) представителя, если это противоречит интересам несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля [...]».

Несколько иначе рассматривается вопрос об отстранении законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого. В соответствии с ч. 4 ст. 427 УПК РФ «законный представитель может быть отстранен от участия в уголовном деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. [...]».

Вызывают определенные вопросы, две схожие, но вместе с тем, отличающиеся друг от друга формулировки, «действия, наносящие ущерб интересам несовершеннолетнего» и «действия, противоречащие интересам несовершеннолетнего».

Верховный Суд РФ дает разъяснения только «действиям, наносящим ущерб интересам несовершеннолетнего», под которыми понимается, невыполнение обязанностей, вытекающих из статуса законного представителя, в том числе, по воспитанию несовершеннолетнего, либо уклонение от участия в деле в качестве законного представителя, а равно злоупотребление процессуальными и иными правами, отрицательное влияние на несовершеннолетнего, создание пре-

пятствий для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела» [2].

Создание препятствий для выяснения всех обстоятельств, имеющих значение для дела, является наиболее неопределенным и неоднозначным из всех указанных выше действий. Возникает вопрос, какие действия являются препятствиями для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела? Можно ли, например, говорить о том, что молчаливое присутствие законных представителей при допросе несовершеннолетней, которая боится признаться в добровольности вступления в половой контакт, является препятствием для выяснения важных обстоятельств? Либо, наоборот, уместно говорить об активных действиях законных представителей, например, когда они из-за опасений каких-либо угроз, со стороны подозреваемых, всячески отговаривают несовершеннолетнего дать правдивые показания?

Можем предположить, что столь широкая формулировка охватывает все действия/ бездействия законных представителей, независимо от того, являются ли они правомерными или нет.

Думается, что «создание препятствий для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела» является самостоятельным основанием отстранения законных представителей и не охватывает понятие «действий, наносящих ущерб интересам несовершеннолетнего», поскольку в подобных случаях, его интересы не страдают. «Страдает» следствие, не имеющее возможности установить все обстоятельства дела.

Проблемы, связанные с участием несовершеннолетних в производстве по уголовному делу не исчерпываются теми, которые были рассмотрены выше. Участвовавшие случаи совершения преступления несовершеннолетними и в отношении них свидетельствуют о том, что данная тема нуждается в дальнейшем изучении и углублении со стороны теоретиков и практиков уголовного процесса.

1. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 26.08.2012 г. № 761н «Об утверждении Единого квалифицированного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/199499/> (дата обращения: 26.04.2015)

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144542/
(дата обращения: 27.04. 2015)

3. Боков, С.Н. Юрико-психологический анализ проблем допроса несовершеннолетних / С.Н. Боков // Воронежские криминалистические чтения. – Вып. № 15. – 2013. – С. 57–63.

4. Любичев, С.Г. Особенности расследования преступлений несовершеннолетних на современном этапе / С.Г. Любичев // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: сб. науч. статей. В 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Т.К. Рябичина, А.А. Козьявин. – Курск, – 2007. – 370 с.

5. Мельникова, Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учеб. пособие / Э.Б. Мельникова. – М., 2001. – 272 с.

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Ю.Г. Овчинников

доцент кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент

Е.О. Зинченко

курсант 3 курса

*Владивостокский филиал Дальневосточного юридического
института МВД России.
Россия, г. Владивосток*

В статье затрагивается проблема процессуального положения следователя, в части его процессуальной самостоятельности и независимости. Исследователи приходят к выводу, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, данное правовое явление, в связи с возрастанием ведомственного контроля и прокурорского надзора постепенно потеряло свою сущность. В практической деятельности провозглашенная независимость и самостоятельность, скорей всего есть формальность, нежели действенный и эффективный рабочий механизм.

Ключевые слова и словосочетания: участники уголовного процесса, следователь, процессуальная самостоятельность и независимость, ведомственный контроль, прокурорский надзор.

ON THE QUESTION OF PROCEDURAL INDEPENDENCE OF THE INVESTIGATOR

Y.G. Ovchinnikov

Candidate of legal sciences, Associate professor
of Department of Criminal proceedings

E.O. Zintchenko

Student of the 3rd grade

*Vladivostok branch of Far Eastern Legal Institute of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation
Vladivostok, Russia*

The authors address the problem of the procedural provisions of the investigator in the procedural part of its autonomy and independence. The researchers come to the conclusion that in the current criminal procedure legislation, this right phenomenon, due to the increase of institutional control and prosecutorial supervision gradually lost its essence. In practice, the declaration of independence and autonomy, there likely a formality than an efficient and effective working mechanism.

Keywords and phrases: *participants of criminal proceedings, the investigator, procedural autonomy and independence, institutional control, public prosecutor's supervision.*

Следователь – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством. Он уполномочен, самостоятельно направлять ход расследования и самостоятельно принимать решения, за исключением случаев, когда требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). В юридической литературе обозначенное полномочие традиционно понимается как процессуальная самостоятельность и независимость следователя, которое неоднократно освещается как учеными, так и практическими работниками [12, с. 15].

Анализируя процесс становления и развития института следователей в российском уголовном процессе, можно прийти к умозаключению, что с годами процессуальная самостоятельность и независимость данного участника постепенно угасала на законодательном уровне.

Итак, в Российской империи институт судебных следователей был создан в 1860 г. указом Александра II. Он не причислялся к органам обвинительной власти, был полностью самостоятелен в ходе направления предварительного расследования, служебное положение занимал наравне с судьями и пользовался почти всеми их преимуществами [10]. После революции 1917 г. действующая судебная система была полностью разрушена. Должность народного следователя появилась спустя год, и контроль над следователями осуществляли органы прокуратуры. Народный следователь не ограничивался никакими формальностями и был обязан всегда руководствоваться социалистическим правосознанием, требованиями закона и интересами дела. Следователь работал во взаимодействии с сотрудниками милиции и органами уголовного розыска. В 1928 г. Народный комиссариат юстиции РСФСР принял решение передать следователей в прокуратуру, после чего следователь стал подчиненным прокурору не только в процессуальном, но и в организационном, служебном и административном отношениях. Следователь был обязан исполнять все указания прокурора и все вопросы следствия, без каких-либо исключений.

В 1960 г. был принят УПК РСФСР, который также путем прокурорского надзора ограничивал процессуальную самостоятельность и независимость следователя. Согласно ч. 1 ст. 127 УПК РСФСР все решения о направлении следствия и производстве следственных действий следователь принимал самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусматривалось получение санкции прокурора. При этом следователь нес полную ответственность за законное и своевременное проведение таких действий. Прокурор, осуществляя в соответствии с ч. 1 ст. 211 УПК РСФСР надзор за исполнением законов, в пределах своей компетенции давал письменные указания о расследовании преступлений, об избрании, изменении или отмене меры пресечения, квалификации преступления, производстве отдельных следственных действий, отменял незаконные и необоснованные постановления следователя, санкционировал ряд следственных действий, продлевал процессуальные сроки, передавал дело от одного органа предварительного следствия другому, а также от одного следователя к другому и осуществлял ряд других процессуальных полномочий, которые существенно ограничивали процессуальную самостоятельность и следователя.

В 2001 г. был принят УПК РФ, который также регламентирует самостоятельность следователя, однако в практической деятельности, это положение скорей всего, «носит» декларативную, нежели реальную действительность.

Процессуальная самостоятельность следователя – базовая составляющая современной парадигмы досудебного производства. Только через осознание этого фундаментального тезиса лежит путь к разрешению большей части проблем уголовного судопроизводства [4, с. 8–9]. В настоящее время в российской правоохранительной системе сложилась парадоксальная ситуация, когда следственные аппараты входят в состав органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Исключение с недавнего времени составляет только Следственный комитет РФ. Остальные следственные аппараты входят в состав МВД, ФСБ и ФСКН, а значит, в данной ситуации говорить о независимости следственных органов не приходится. Получается, что следователи этих ведомств находятся в административном и процессуальном подчинении, как у своих непосредственных руководителей, так и начальников органов, в которые они входят.

Помимо этого существует «главный тормоз и препятствие» независимости следователя – прокурорский надзор. Согласно ст.ст. 1 и 2 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [1] прокуратура является надзорным органом с соответствующими надзорными полномочиями. Нередко надзорные функции прокуратуры заменяются контрольными. Надзор отличается от контроля тем, что целью надзора является наблюдение за деятельностью органов и проверка их неукоснительного исполнения законов и Конституции, а цель контроля – проверка целесообразности тех или иных действий и процессов. На сегодняшний момент можно констатировать, что прокуратура в силу определенных обстоятельств, практически во всех сферах прокурорской деятельности, выполняет контрольные функции, подменяя контролируемые органы.

Согласно закону прокурор имеет право отменить ряд важных решений следователя: о возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 146); об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 6 ст. 148); о приостановлении уголовного дела (ч. 1¹ ст. 211); о прекращении уголовного дела (ч. 1 ст. 214). Все это практически делает следователя подотчетным прокурору, и, естественно, лишает его независимости.

Самым главным препятствием к независимости следователя является право прокурора на возвращение уголовного дела на дополнительное расследование. Для чего нужно данное право, не вполне понятно, ведь суд, установив в судебном заседании какие-либо существенные нарушения закона в ходе предварительного расследования уголовного дела, должен вынести оправдательный приговор либо самостоятельно устранить данные нарушения, если

это возможно. На сегодня суд первой инстанции – это суд над преступлением, а прокурор – суд над делом. Возникает уместный вопрос: какая есть необходимость в органе, «отфильтровывающим» уголовные дела, направленные следственными органами в суд?

В 2004–2006 гг. в России вновь реанимировалась идея о соединении всего следственного аппарата в единую службу. Предполагалось, что данная служба будет представлять собой российский аналог американского Федерального бюро расследования. В ФБР США существуют и следователи, и люди, которые обеспечивают оперативную работу. Кроме того, в США есть следователи в каждом штате, которые не замыкаются на федеральном бюро, а действуют самостоятельно. Система следствия в США построена так, что даже министерство сельского хозяйства надделено правом расследования уголовных дел, связанных с преступлениями в области сельского хозяйства [12, с. 11].

Во Франции следователь принадлежит к судебному ведомству и от этого полностью независим от прокуратуры [7, с. 147]. В Германии предварительное следствие отменено, и расследование осуществляет полиция под руководством прокурора, а судебный следователь (участковый судья-дознатель) принимает в нем лишь эпизодическое участие, связанное с принятием важнейших решений по делу и легализацией доказательств [9, с. 346].

15 января 2011 г. был создан Следственный комитет Российской Федерации [2]. Созданием Следственного комитета РФ реализовалась идея разделения функций следователя и прокурорского надзора. Изменилась десятилетиями сложившаяся система организации расследования преступлений, когда на прокурора замыкались как расследование и надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, так и обеспечение активности органов, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия. Созданы определенные условия, по мнению отдельных авторов, для превращения следователя из «чиновника по выполнению определенного комплекса процессуальных действий» [11, с. 41–42], «слуги прокурора» [3, с. 60] в самостоятельную процессуальную фигуру. Идет постепенный отказ от презумпции недобросовестности следователя как принципа уголовного процесса [8, с. 6].

Теперь перейдем непосредственно к вопросу о том, привело ли создание Следственного комитета РФ к повышению самостоятельности следователя, о которой так много говорилось. Во-первых, основное содержание реформы свелось к двум основным мероприятиям: перераспределение контрольных полномочий от прокурора к руководителю следственного органа и выделение из системы прокуратуры следственного аппарата. Во-вторых, какие-

либо принципиальные изменения относительно процессуального статуса следователя или его процессуальных полномочий в УПК РФ в ходе реформы не вносились.

Руководителя следственного органа, который должен исполнять роль административно-хозяйственной фигуры, по отношению к следователю, наделили архиважными процессуальными полномочиями. Так, следователь обязан получать согласие руководителя следственного органа на: возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения, либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК); соединение уголовных дел (ч. 3 ст. 153 УПК); продление срока предварительного следствия (ст. 162 УПК); прекращение уголовных дел (ст. ст. 25, 28, 28¹ УПК) и т.д.

Руководитель следственного органа наделен полномочиями давать обязательные к исполнению указания следователю по уголовному делу, а также изымать из производства уголовное дело и передавать его другому следователю. По справедливому замечанию Н.А. Колоколова: «Следователь не защищен от произвола руководителя органа предварительного расследования. Более того, избранная им с согласия последнего мера пресечения не может быть отменена или изменена без согласия руководства. Следовательно, незаконно лишенный свободы должен будет находиться под стражей до тех пор, пока процессуальную ошибку за следователем не признает и его начальник» [11, с. 48]. В.С. Балакшин, также приходит к выводу: «Надежно заслонив следователя от прокурора, инициаторы реформы следственного аппарата не смогли гарантировать процессуальную самостоятельность следователя от указаний и решений руководителя следственного органа» [5, с. 28].

В заключение данной статьи хотелось бы процитировать слова Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина, в адрес качественной характеристики современного следователя. «И физически, и психологически работа следователя – одна из самых трудных. Поэтому в процессуальном противостоянии следователь должен иметь моральную прочность, выдержку, быть образцом нравственности. Эти качества – фундамент профессионализма и способны вызвать уважение противоположной стороны. Следователь обязан изобличить лицо, виновное в совершении преступления, но при этом не унижать достоинство личности. Все действия и решения следователя должны быть подчинены главной цели – отысканию истины» [6]. Для достижения такой благородной цели, как нахождение истины, следователь не должен быть в чем-либо ограничен. Ни прокурор, ни руководитель

следственного органа не должны мешать ему выполнять свои обязанности. Предоставляя следователю полную свободу действий, законодатель дает предварительному следствию гарантию эффективного развития.

1. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Российская газета. – 1992. – 18 февр.

2. Вопросы Следственного комитета Российской Федерации: Указ Президента РФ от 27.09.2010 № 1182 (ред. от 14.01.2011) // Российская газета. – 2010. – 28 сент.

3. Александров, А.С. Каким не быть предварительному следствию / А.С. Александров // Государство и право. – 2001. – № 9. – С.54–62.

4. Багмет, А.М. Следователь – судья на досудебной стадии / А.М. Багмет // Российский следователь. – 2014. – № 14. – С. 8–9.

5. Балакшин, В.С. Независимый-зависимый следователь / В.С. Балакшин // Законность. – 2011. – № 10. – С.29–35.

6. Бастрыкин, А.И. О работе следователя / А.И. Быстрыкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www/sledcom.ru>. (дата обращения: 03.05.2015).

7. Боботов, С.В. Правосудие во Франции / С.В. Боботов. – М., 1994. – 198 с.

8. Боруленков, Ю.П. О некоторых вопросах реформирования органов уголовного преследования / Ю.П. Боруленков // Российский следователь. – 2013. – №10. – С. 6–10.

9. Калиновский, К.Б. Основные черты уголовного процесса зарубежных государств / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс: Сборник учебных пособий. Особенная часть. Вып. 3. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2003. – С. 346-387.

10. Квачевский, А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. – СПб., 1866. Ч. 1 / А.А. Квачевский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pda.litres.ru/aleksandr-kvachevskiy>. (дата обращения: 12.04.2015).

11. Колоколов, Н.А. Укрепление власти следственной / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. – 2007. – № 7. – С.41–52.

12. Мельников, В.Ю. Процессуальная самостоятельность следователя как гарантия защиты прав и свобод личности / В.Ю. Мельников // Безопасность бизнеса. – 2007. – № 2. – С. 6–12.

ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

А.И. Помалейко
студентка 5 курса

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

Для современного уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации актуальным вопросом является институт досудебного соглашения о сотрудничестве в целом, что обусловлено его новизной, отсутствием или же противоречивостью сложившейся правоприменительной практики в разрешении возникающих спорных моментов при реализации указанного института.

Ключевые слова и словосочетания: досудебное соглашение о сотрудничестве, основания и условия заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, проблемы регламентации.

PROBLEMS OF REGULATION OF PRE-TRIAL AGREEMENT ABOUT COOPERATION

A.I. Pomaleyko
Student of the 5th grade, Institute of Law

*Vladivostok State University of Economics and Service
Russia, Vladivostok*

Actual question for modern criminal and criminal-proceeding legislation is institution of pre-trial agreement about cooperation in common, that is caused by its novelty, absence of differentiation of existing legal practice in settlement of arising issues during realization of that institution.

Keywords: Pre-trial agreement about cooperation, terms and conditions of signing pre-trial agreement about cooperation, problems of regulation

Федеральным законом от 29.06.2009 № 141-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации введен новый институт – особый порядок применения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Этим же Законом были внесены соответствующие изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации [1].

В законодательстве закреплено следующее определение: досудебным соглашением о сотрудничестве называется соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения (п. 61 ст. 5 УПК РФ) [2].

Данный институт нашел свое нормативное закрепление в содержании гл. 40.1 УПК РФ (ст. 317.1 – 317.9).

По смыслу гл. 40.1 УПК РФ заключение досудебного соглашения о сотрудничестве допускается только на предварительном следствии и невозможно при проведении расследования в форме дознания и по делам частного обвинения, из чего следует заключить, что эти нормы рассчитаны на применение только по уголовным делам, по которым производится предварительное следствие.

Введение нового института досудебного соглашения о сотрудничестве требует тщательного изучения уголовно-процессуального права, уяснения и понимания причин введения в УПК РФ данного института, оснований, обусловивших появление правовой нормы, цели, условия применения его в сфере уголовной юстиции и на практике.

Законодательство, в том числе и уголовное, обусловлено конкретными историческими, политическими, социально-экономическими и иными факторами. Происходящая модернизация государства, выражающаяся в изменении его функций, характера и объема государственных дел, а также теми изменениями, которые происходят в настоящее время во всех сферах жизни нашего общества – все это не может не влиять на изменение права, его связи с государством.

При всех происходящих изменениях сегодня по-прежнему актуальной проблемой остается преступность, особенно организованная. Наиболее уязвимым объектом преступлений продолжает оставаться собственность. Для разрешения проблемы снижения роста преступности направлены усилия государства в целом, его правоохранительных и судебных органов. Идет непрерывный поиск способов, позволяющих остановить этот рост преступности. Одним из таких способов является обеспечение положительного

посткриминального поведения лица, виновного в совершении противоправного деяния. Это производится посредством применения уголовно-процессуальных механизмов регулирования отношений, возникающих в связи с совершенным преступлением. Разрабатываются и внедряются в уголовный процесс уголовно-процессуальные процедуры и институты, позволяющие привлекать к сотрудничеству лиц, состоящих в преступных организациях и сообществах. Идея о возможности заключения соглашения между подозреваемым или обвиняемым и представителями стороны обвинения зрела в России давно и реально применялась в практике правоохранительных органов в форме, так называемого, института особого порядка судебного решения. Заключение соглашения осуществлялось при согласии подозреваемого или обвиняемого с предъявленным обвинением, что предполагало смягчение наказания лицу, признавшему предъявляемое обвинение о преступлениях, за которые может быть назначено наказание в виде лишения свободы до 10 лет. Такая процедура является тоже своеобразной сделкой между сторонами обвинения и защиты, так как применяется исключительно с согласия государственного обвинителя и потерпевшего. Однако положительно зарекомендовавший себя институт, в порядке которого рассматривалось значительное количество уголовных дел, не решал задачи расширения возможностей влияния уголовного и уголовно-процессуального законодательства при противодействии организованной преступности, коррупции, расследовании деятельности преступных сообществ (преступных организаций, члены которых, как правило, отказываются от дачи показаний о преступной деятельности соучастников и организаторов преступлений). В связи с этим авторы законопроекта аргументировали необходимость его принятия тем, что в целях раскрытия и расследования «заказных убийств, фактов бандитизма, наркопреступлений, коррупционных проявлений» чрезвычайно важно представить правоохранительным органам возможность привлекать к сотрудничеству лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, при условии значительного сокращения таким лицам уголовного наказания и распространения на них государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. По их мнению, положения законопроекта представляются реальной мерой по противодействию организованным формам преступности и учитывают многолетний положительный опыт применения аналогичных правовых институтов в других государствах. Таким образом, введение нового института под названием досудебное соглашение о сотрудничестве явилось объективной необходимостью. В целом можно сказать,

что произошла легализация, законодательное закрепление «сделки с правосудием», как и считают многие юристы. Это вынужденные шаги государства, оказавшегося в состоянии необходимой обороны от посягательства уголовного мира на его существование [3, с. 4].

Введение нового института, появление новой главы в УПК РФ вызвали острые дискуссии и появление противоречивых точек зрения. До настоящего времени устойчивая практика применения досудебного соглашения о сотрудничестве еще не сложилась, отсутствуют официальные статистические данные, поэтому предстоит серьезная работа по его реализации.

Главой 40.1 УПК РФ определены уголовно-процессуальные основания, соблюдение которых необходимо при заключении соглашения о сотрудничестве.

В нормах названной главы УПК РФ нет указаний на статьи тяжести преступлений, на конкретные составы, конкретных субъектов. Однако применение главы 40.1 УПК РФ невозможно по всем преступлениям и в отношении всех лиц. Согласно ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ положения указанной главы не применяются, если содействие подозреваемого или обвиняемого следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности. С учетом выше сказанного сомнений не остается, гл. 40.1 УПК РФ применяется только по делам о преступлениях, совершенных несколькими лицами (в соучастии, группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)).

Из положений п. 2 ч. 1 ст. 317.5, п. 1 ч. 2 ст. 317.6 и п.2 ч. 1 ст. 317.7 УПК РФ следует, что соглашение возможно лишь в тех делах, в которых подозреваемый или обвиняемый помог разыскать имущество, добытое в результате преступления (то есть преступления, ставшего основой для заключения соглашения о сотрудничестве, а не какие-либо другие преступления). Если судья в этом не убедится, то он не примет решение о применении особого порядка в данном случае. Это положение уже игнорируется практиками, так как нет ясности по уголовным делам, которые возбуждаются по признакам, предусмотренным, например ст. 126 УК РФ (похищение человека), где не идет речи о розыске имущества [4]. Поэтому я поддерживаю мнение юристов-практиков о необходимости изменения формулировки названных статей таким образом, чтобы содействие в розыске имущества не было обязательным условием применения данного порядка.

В УПК РФ предусмотрены способы уменьшения наказания при наличии смягчающих обстоятельств: явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытому в результате преступления, оказание медицинской или иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления и иные действия, направленные на уменьшение размера вреда потерпевшему, при отсутствии отягчающих обстоятельств – срок или размер наказания не могут превышать $\frac{2}{3}$ максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания.

По делам о преступлениях, за которые предусмотрено пожизненное лишение свободы или смертная казнь, данные виды наказания не применяются, а наказание, назначенное подсудимому, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве не может превышать $\frac{2}{3}$ от максимально возможного. При этом как следует из ч. 4 ст. 62 УК РФ по данным делам требования о наличии определенных смягчающих и об отсутствии отягчающих обстоятельств не применяются. Данные идеи законодателя трудно понять, требуется существенное уяснение.

Уголовно-процессуальным законом от 29.06.2009 № 141-ФЗ введено нормативное регулирование заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. В УПК РФ предусматривается порядок заявления ходатайства о сотрудничестве, рассмотрение этого ходатайства, что должно содержать ходатайство и само досудебное соглашение о сотрудничестве, порядок проведения предварительного следствия по выделенному в отдельное производство уголовному делу в отношении подозреваемого или обвиняемого, порядок передачи в суд подобного дела, проведение судебного заседания, рамки обжалования судебного решения по подобного рода делам. Стоит отметить, что в содержании УПК РФ видна правовая несогласованность в действиях участников данного процесса. Заключение с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве (п. 1 ч. 1 ст. 317.2, ст.317.3 УПК РФ) отнесено к исключительной компетенции прокурора, однако ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ содержит предписания, в соответствии с которыми ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве предоставляется прокурору подозреваемым или обвиняемым, его защитником через следователя. Следователь, в свою очередь, после выполнения определенных процессуальных действий и согласования их с руководителем следственного органа, направляет прокурору. Нуждается в корректировке процедура рассмотрения следователем и прокурором ходатайства подозреваемо-

го или обвиняемого о заключении соглашения. Отсутствует в уголовно-процессуальном законе перечень причин отказа следователя и прокурора в удовлетворении ходатайства подозреваемого или обвиняемого.

Система процессуальных полномочий следователя дополнена полномочием на получение и разрешение ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, что закреплено в ст. 317.1 УПК РФ, устанавливающей порядок заявления подозреваемым или обвиняемым ходатайства о заключении соглашения. Из содержания гл. 40.1 УПК РФ выявляется необходимость процессуального урегулирования полномочий прокурора и следователя, их взаимоотношений. В свете последних изменений прокуратура не вмешивается в действия следователя по уголовному делу, не отменяет постановления следователя, прокурор реагирует только на процессуальные нарушения следователя, тем самым определяя свое место в системе как надзорного органа за соблюдением законодательства. Поэтому не совсем ясно, как рассматривать право на обсуждение условий сделки и ее заключение. Согласно содержанию ч. 2, 3 ст. 317.4 предусматривается защита безопасности подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, его близких родственников и близких лиц. Законодательно не закреплены меры и способы обеспечения безопасности данных лиц, помогающих изобличить особо опасных профессиональных и авторитетных преступников [5]. Требуют процессуального закрепления гарантии по отношению к подозреваемому, обвиняемому, заключающему соглашение о сотрудничестве.

Не ясным остается и вопрос о процедуре обжалования и основаниях отмены или изменения приговора суда по уголовному делу в случае рассмотрения его в особом порядке.

Судебная стадия начинается направлением уголовного дела в суд. Основанием проведения судебного заседания в особом порядке является поступившее в суд уголовное дело с представлением прокурора об особом порядке проведения судебного заседания. Статьей 317.6 УПК РФ определен особый порядок проведения судебного заседания и вынесения решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, если суд удостоверится, что:

- государственный обвинитель подтвердил активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления;
- досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено добровольно и при участии защитника.

Суд по итогам рассмотрения уголовного дела постановляет обвинительный приговор, причем по его усмотрению подсудимому с учетом положений УК РФ может быть назначено наказание более мягкое, чем предусмотренное за данное преступление, условное осуждение или же освобождение последнего от отбытия наказания.

Статья 317.8 УПК РФ предусматривает в случае установления факта представления лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, ложных сведений или сокрытия от следователя либо прокурора каких-либо иных существенных обстоятельств совершения преступления, назначение судом наказания в общем порядке без применения указанных выше новых положений УК РФ.

Таким образом, проанализировав уголовно-процессуальные нормы, закрепляющие заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, можно сделать вывод, что в регламентации гл. 40.1 УПК РФ законодателью останавливаться нельзя, эта глава требует поправок и дополнений, поскольку речь идет о человеческих судьбах. Сегодня очевидно одно: для обеспечения эффективности досудебного соглашения о сотрудничестве необходима выверенная уголовно-процессуальная основа. Однако насколько будут успешны эти процессуальные нормы, зависит напрямую от деятельности судов и правоохранительных органов.

1. Великий, Д.П. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе / Д.П. Великий // Журнал российского права. – 2010. – № 2. – С. 84-89.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: по сост. на 30.03.2015 [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177263/ (дата обращения: 08.05.2015).

3. Безлепкин, Б.Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя / Б.Т. Безлепкин – М.: Проспект, 2011. – 280 с.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: по сост. на 30.03.2015, с изм. от 07.04.2015 [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (дата обращения: 08.05.2015).

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс». –

УДК 343.148

ЭКСПЕРТИЗА КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА

К.А. Пьянников
студент 4 курса

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

Воздушный транспорт является источником общественной опасности, происходит это в силу того, что деятельность по эксплуатации транспорта создает повышенную вероятность причинения вреда в связи с невозможностью полного контроля над ней со стороны человека, данное обстоятельство и приводит к гибели, увечьям, причинению имущественного вреда гражданам и организациям. Именно поэтому обеспечение транспортной безопасности продолжает оставаться для Российской Федерации актуальным вопросом. В целях повышения эффективности расследования преступлений против безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта необходимо всестороннее, глубокое изучение указанной проблемы. В рамках данной статьи автором рассматриваются различные виды экспертиз, которые используются при расследовании преступлений против безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта.

Ключевые слова и словосочетания: *экспертиза, техническая экспертиза, криминалистическая экспертиза, судебно-медицинская экспертиза.*

EXPERTISA AS A MEAN OF PROOF IN THE INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST TRAFFIC SAFETY AND OPERATION OF AIR TRANSPORT

K.A. Pyannikov

Student of 4th grade, Institute of law

*Vladivostok state university of economics and service
Russia. Vladivostok*

Air transport is a source of public danger, this is due to the fact that the transport operation creates a high probability of causing harm in connection with impossibility of complete control over her person, this circumstance leads to the deaths, injuries, property damage to citizens and organizations. Therefore, the transport security remains for the Russian Federation topical issue. In order to improve the efficiency of investigation of crimes against traffic safety and operation of air transport is needed, in-depth study of this problem. In this article the author discusses the various types of examinations that are used in the investigation of crimes against traffic safety and operation of air transport.

Key words: *expertise, technical expertise, forensic examination, forensic medical examination.*

Качественное расследование происшествий на воздушном транспорте является одной из наиболее сложных и важных задач, требующих особого отношения к ним следственных органов. Расследование происшествий на данном виде транспорта не обходится без проведения различных экспертиз. Это помогает разобраться в механизме произошедшего.

Как отмечает Н.Ю. Авдащенко, под экспертизой следует понимать, эмпирическое исследование обособленного объекта, проводимое сведущим лицом (экспертом), основанное на специальных (профессиональных) знаниях, с применением особых методов (их совокупности – методик), имеющее целью получение нового знания об объекте, которое оформляется в виде заключения [1].

Экспертиза выступает в качестве способа установления существенных обстоятельств дела. Результатом ее проведения является получение заключения эксперта, которое может быть использовано в качестве доказательства.

Для того чтобы более эффективно использовать в доказывании результаты экспертизы при расследовании преступлений против безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта, сле-

дователю необходимо знать виды экспертиз, их содержание и различия, правильно формулировать вопросы, которые ставятся на разрешение эксперта. К сожалению, у следователей с небольшим стажем практической работы возникают трудности в данном вопросе.

Отмечая значение взаимодействия следователя с экспертом при исследовании доказательств, следует отметить, что взаимодействие начинается еще на этапе осмотра места происшествия. Важно то, что действующий закон снял имевшийся ранее запрет на дальнейшее проведение специальных исследований экспертом (специалистом), участвовавшим в производстве данного следственного действия. Это, по нашему мнению, напротив способствует более качественному экспертному исследованию, выдвижению большего числа экспертных гипотез, основанных на собственных впечатлениях сформировавшихся в ходе осмотра места происшествия [2]. В соответствии с п. 2.1.1 ПРАПИ-98 расследование авиационных происшествий с гражданскими воздушными судами Российской Федерации и гражданскими воздушными судами иностранных государств на территории России организует и проводит Межгосударственный авиационный комитет (Далее: МАК) с участием заинтересованных федеральных органов исполнительной власти и организаций [3]. МАК формирует и назначает комиссию по расследованию авиационного происшествия, которая имеет статус государственной комиссии. Для транспортного происшествия с участием воздушного судна характерно образование материальных следов в виде отпечатков, различного рода разрушений, повреждений, деформаций объектов, наслоений и отслоения. Образуясь на земном покрове, взлетной полосе, на воздушном судне, на зеленых насаждениях, на телах и вещах пострадавших, они характеризуются недолговечностью. Атмосферные осадки в виде дождя или снега могут за непродолжительное время частично или полностью уничтожить следы. В связи с этим к осмотру нужно приступать немедленно, несмотря время суток и неблагоприятные погодные условия. Место авиакатастрофы зачастую труднодоступно (удалено от населенных пунктов, расположено в лесу, болоте и т.д.) В этом случае целесообразно привлекать к участию органы МЧС РФ, которые смогут обеспечить доставку в указанный район лиц, участвующих в осмотре места происшествия. Место авиакатастрофы на время ликвидации ее последствий находится в оцеплении, то есть под охраной. Как правило, охрану осуществляют сотрудники органов внутренних дел. При осмотре места происшествия необходима слаженная работа следователя и эксперта (экспертов), так как данное обстоятельство зачастую является определяющим в успешном расследовании уголовного дела.

При расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта наиболее часто проводятся следующие виды экспертиз: техническая, криминалистическая, судебно-медицинская [4].

Техническая экспертиза назначается для выяснения причины авиационного происшествия и отдельных его обстоятельств. Она в свою очередь подразделяется на экспертизы более узкого профиля: 1) летно-техническая; 2) пожаротехническая; 3) взрывотехническая; 4) метеорологическая; 5) экспертизы по расшифровке фонограмм, данных автоматических и электронных устройств. Вышеперечисленные виды исследований на практике применяются наиболее часто.

Летно-технические экспертизы проводятся для выяснения качества пилотирования и штурманского обеспечения, технического состояния транспорта, а также для выяснения происхождения и характера тех или иных следов, повреждений и разрушений на частях воздушного судна. Благодаря пожаротехнической и взрывотехнической экспертизам, возможно, выяснить причину и место взрыва или очаг пожара, возникшего на воздушном судне. Метеорологическая экспертиза предназначена для выяснения вопроса связанного с погодными условиями. Она проводится, чтобы выяснить, правильно ли было организовано метеообеспечение полета воздушного судна. Экспертиза по расшифровке фонограмм, данных автоматических и электронных устройств необходима для выяснения причины выхода из строя агрегатов, узлов и приборов воздушного судна, наземных средств управления и оборудования аэропорта. Выяснив данные обстоятельства, можно определить, произошло ли крушение в результате неисправности определенной аппаратуры или нет.

При расследовании уголовного дела, возбужденного по факту крушения вертолета МИ-171 №22468 в Республике Коми, необходимо было выяснить причину авиационного происшествия. Следовательно с этой целью назначил летно-техническую экспертизу. Эксперту задавался вопрос следующего характера: «Вследствие чего произошло столкновение вертолета МИ-171 с земной поверхностью?».

В соответствии с заключением летно-технической экспертизы № 10061-1 от 20.07.2019 создание пилотом большого угла тангажа – 26,8 градусов привело к глубокой потере поступательной скорости до 39 км/час и созданию большой вертикальной скорости 7 м/с и более на высоте 50 м. и менее. Это повлекло попадание вертолета в режим «вихревого кольца», характерного бросками по тангажу и крену, снижению эффективности управления общим шагом несущего винта, что в совокупности ухудшило характеристики управляемости вертолета. Вследствие чего вертолет столкнулся с земной поверхностью [5]. Данные нарушения, допущенные пилотом МИ-171, состоят в

прямой причинно-следственной связи с авиационным происшествием.

На приведенном примере видно, что, благодаря назначенной следователем экспертизе, удалось выяснить причину крушения вертолета. В итоге заключение эксперта использовалось в качестве доказательства и легло в основу обвинительного заключения.

Таким образом, летно-техническая экспертиза позволяет установить причинно-следственную связь между неисправностью транспортного средства, действиями пилота, диспетчера и других лиц и наступившими последствиями (столкновение воздушного судна с землей, с другим воздушным судном и с прочими объектами). В связи с этим правильной будет постановка вопроса эксперту о причинной связи между действиями указанных лиц и последствиями катастрофы (материальным ущербом, смертью пассажиров и другими) [6].

С целью определения механизма и последовательности разрушений деталей и конструкции воздушного судна следователь может назначить трасологическую экспертизу. Она является одним из видов криминалистических экспертиз. Проведение такой экспертизы позволяет выяснить следующие обстоятельства: 1) является ли пробойна результатом воздействия определенной детали, осколков; 2) какого направления срыва заклепок.

Также в литературе выделяется трасологическая экспертиза установления целого по частям, с помощью неё выясняются следующие обстоятельства: 1) составляли ли ранее единое целое два представленных фрагмента, например, тяги управления рулем высоты; 2) является ли данный кусок металла частью какой-то детали, узла, конструкции и воздушного судна.

Существует и еще один вид криминалистической экспертизы, баллистическая, назначаемая для исследования следов взрыва. Её проведение дает информацию о повреждениях деталей самолета (вертолета) посредством результата воздействия взрывной волны, где произошел взрыв – в воздухе или на земле и т.п. Также баллистическая экспертиза назначается для исследования на наличие повреждений от выстрела по самолету орудием (оружием).

Проведение такого исследования, как мы полагаем, проводилось по установлению причин гибели самолета Boeing 777, авиакомпании Malaysia Airlines. На борту находилось 283 пассажира и 15 членов экипажа, все они погибли. В сентябре 2014 года голландский главный прокурор по делу Boeing 777 Фред Вестербеке выступил с заявлением. Он сообщил, что наиболее вероятной версией катастрофы является сбивание самолета с земли. В октябре 2014 года он уточнил, что, хотя эта версия является основной, рассматриваются и иные возможные причины падения самолёта, в частности, атака с другого

самолёта [7]. Такой вывод не мог быть сделан без результатов баллистической экспертизы.

Одной из наиболее распространенных экспертиз при расследовании этой категории дел является судебно-медицинская, которая назначается для разрешения вопросов медико-биологического характера. Помимо «традиционных вопросов» о причине наступления смерти, времени ее наступления, характере, локализации и степени тяжести телесных повреждений, состоянии здоровья членов экипажа перед происшествием, следователь должен поставить перед экспертом вопрос о наличии на теле и одежде участника происшествия специфических следов травмы полученной в результате аварии на воздушном транспорте. А также: 1) являются ли останки частями тела человека; если да, то какими именно; 2) какому члену экипажа или кому из пассажиров принадлежат обнаруженные останки, предметы снаряжения, одежда и обувь; 3) какие повреждения обнаружены на трупах членов экипажа, пассажиров; каков механизм их образования; 4) в какой позе находились пилот и другие члены экипажа и пассажиры в момент столкновения самолета с землей; 5) имеется ли в крови и тканях погибших этиловый спирт; 6) есть ли на трупах пилота, других членов экипажа и у пассажиров огнестрельные или колото-резанные раны, иные повреждения, не являющиеся авиационной травмой; 6) каким было состояние здоровья пилота и других членов экипажа перед полетом.

Примером безусловного судебно-медицинского исследования погибших членов экипажа является авиационная катастрофа 24 марта 2015 года. Самолёт Airbus A320-211 со 144 пассажирами и 6 членами экипажа на борту выполнял рейс 9525 из Барселоны в Дюссельдорф. Спустя полчаса после вылета, самолет перешёл в быстрое снижение, а ещё через 10 минут врезался в горный склон в Прованских Альпах. При этом погибли все находившиеся на борту самолета. На пресс-конференции французские следователи объявили, что второй пилот Андреас Любиц умышленно перевёл самолёт в режим снижения [8]. Это обстоятельство является основанием для назначения вышеупомянутой экспертизы.

По мнению В.И. Елинского, в отношении погибших перед судебно-медицинской экспертизой в отдельных случаях необходимо поставить дополнительные вопросы о кислородном голодании, отравлении угарным газом, наличии следов пожаров и взрывов, а также огнестрельных и резаных ранениях [9].

Существуют ситуации, когда личность погибшего невозможно установить без молекулярно-генетического исследования. Оно проводится по образцам, изъятым в ходе судебно-медицинской экспертизы фрагментов тел погибших. Для сравнительного исследования

экспертам также предоставляются биологические образцы ближайших родственников погибших и ставится вопрос о том, какие из представленных на исследование фрагментов человеческих тел являются останками конкретного человека, находившегося на борту воздушного судна. На основании молекулярно-генетической экспертизы судебно-медицинские эксперты определяют принадлежность человеческих останков конкретному погибшему и заканчивают проведение судебно-медицинской экспертизы [10].

При расследовании уголовного дела, возбужденного по факту крушения самолета Ан-12 в Омсукчанском районе Магаданской области заключением судебно-медицинской экспертизы установлено, что все находившиеся на борту люди погибли в результате воздействия запредельных перегрузок при ударе воздушного судна о земную поверхность. Проведенные молекулярно-генетическими экспертизами идентифицировали 10 из 11 человек, находившихся на борту.

Также по делу назначалась взрывотехническая экспертиза, на разрешение которой были поставлены вопросы о наличии следов взрывчатых веществ на борту и соответствие топлива ГОСТу [10].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что экспертные заключения являются одним из основных средств доказывания по делам о преступлениях в сфере безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта. Эффективное использование специальными знаниями при расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта возможно только в том случае, если следователь ориентируется в видах существующих экспертиз и умеет правильно формулировать вопросы перед экспертом.

1. Авдащенко, Н.Ю. Проблемы назначения и производства экспертизы в ходе доследственной проверки до возбуждения уголовного дела / Н.Ю. Авдащенко // Ученые записки – 2005. – № 2 (24). – С. 210–215.

2. Верещагина, А.В. Институт специалиста в УПК РФ / А.В. Верещагина // Уголовное право. – 2007. – №3. – С. 86–90.

3. О введении в действие Правил расследования авиационных происшествий и инцидентов с гражданскими воздушными судами в Российской Федерации: Приказ Федеральной авиационной службы России от 11.08.1998 № 254 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 15.04.2015).

4. Виды экспертиз // Следователь – криминалист [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.xn7sbbfjfdzabsffmrh6bisin2t.xn--p1ai/metodiceskij-material> (дата обращения: 18.04.2015).

5. Уголовное дело №22468 // СудАкт. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/qa/questions/score:all> (дата обращения: 18.04.2015).

6. Расследование авиационных происшествий: методические рекомендации / Главное управление криминалистики. – М., 2009. – С. 36–38.

7. Катастрофа Boeing 777 в Донецкой области РФ // Лента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2015/> (дата обращения: 18.04.2015).

8. Катастрофа А320 под Динь-ле-Беном // Лента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2015/> (дата обращения: 30.04.2015).

9. Елинский, В.И., Коткин, П.Н. Особенности производства первоначальных следственных действий по уголовным делам об авиационных происшествиях. / В.И. Елинский, П.Н Коткин // Российский следователь. - 2009. – № 19. – С. 5–9.

10. Уголовное дело № 100456 // СудАкт. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/qa/questions/score:all> (дата обращения: 03.05.2015).

УДК 343.16

О СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ В ЯПОНИИ

А.Ф. Реховский

профессор, Юридическая школа

*Дальневосточный федеральный университет
Россия, г. Владивосток*

В современной Японии происходит масштабное реформирование правовой системы. Одним из главных изменений в системе уголовной юстиции является привлечение населения к участию в судебном разбирательстве уголовных дел. Существующие формы участия населения в осуществлении правосудия в Японии имеют общие черты как континентального, так и англосаксонского права. В то же время действующая система привлечения населения к осуществлению правосудия имеет смешанный тип, построенный с учетом национальных особенностей японцев.

Ключевые слова и словосочетания: Япония, суд присяжных, народные заседатели, реформа правовой системы, правосудие.

ON THE JURY TRIAL IN JAPAN

A.F. Rekhovskiy
Professor

*Law School of Far Eastern Federal University
Russia, Vladivostok*

In modern Japan is undergoing major reform of the legal system. One of the major changes in the criminal justice system is to attract people to participate in the trial of criminal cases. The existing forms of public participation in the administration of justice in Japan have common features of both continental and Anglo-Saxon law. At the same time, the current system of attracting people to the administration of justice is of mixed type, built taking into account the national peculiarities of the Japanese.

Keywords: *Japan, the jury, lay judges, reform of the legal system, justice.*

В стране Восходящего солнца – в Японии правовые институты, позволяющие представителям народа участвовать в осуществлении правосудия по уголовным делам, появились только в XX веке. Возможно, это объясняется историческими и географическими причинами существования островного государства. Япония в ходе реформирования своей правовой системы изначально заимствовала опыт стран Европы, а затем после окончания Второй мировой войны – опыт США. Хотя японские исследователи не оставляли без внимания и опыт участия в правосудии народных заседателей в СССР. И все же, Япония, используя заимствование правовых идей и институтов зарубежных стран, выстраивает свою собственную правовую систему, не похожую на другие. В настоящей статье попытаемся дать анализ развития суда присяжных и его эволюции в Японии.

В 1880 году в Японии был введен в действие законодательный акт, именуемый "Чизайхо", созданный по модели УПК Франции 1808 года [1, с.112]. В 1890 г. в Чизайхо был внесен ряд изменений, и в итоге данный законодательный акт был трансформирован в Уголовно-процессуальный кодекс, на основе которого была создана первая в Японии система уголовной юстиции западного образца. В 1922 году был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс, разработанный под существенным влиянием германского права [1, с.113]. Эта система не использовала принцип состязательности сторон, а также не включала в себя права на защиту подозреваемых и обвиняемых. Тем не менее, под давлением демократическо-

го движения в Японии во время эры Тайши правительство ввело в законодательство систему суда присяжных заседателей в 1928 году [2].

Суд присяжных действовал до 1943 года, когда правительство приостановило его действие в связи с участием Японии во Второй мировой войне. В период с 1928 по 1943 гг. суд присяжных в Японии был весьма ограничен в своей власти и функциях и поэтому говорить о полноценном участии граждан в осуществлении правосудия по уголовным делам не представляется возможным.

Присяжными заседателями в тот период могли быть только взрослые мужчины, имеющие определенный доход. Перечень уголовных дел, подлежащих рассмотрению судом присяжных, имел очень узкий диапазон и относился только к тяжким преступлениям. Обвиняемый мог отказаться от рассмотрения его дела судом присяжных в пользу рассмотрения дела судьей единолично.

Важным вопросом эффективности суда присяжных является то, что председательствующий судья мог отменить вердикт присяжных, если он его не устраивал. Иными словами, суд не был связан вердиктом присяжных заседателей вообще. Ни одна из сторон не могла обжаловать приговор в вышестоящий суд [3, с. 104].

Как отмечает Дэвид Джонсон, действие старой системы суда присяжных было приостановлено правительством не только по причине участия Японии в войне на Тихом океане, но и по другим причинам вследствие: а) позиции обвиняемых, которые выбирая суд присяжных, отказывали себе в праве на подачу апелляции; б) присяжные отвечали на вопросы в опросном листе, оформленного судьей. Результаты опроса суд мог отвергнуть, изложив свои выводы о фактах; в) японского менталитета, который предполагает уважение японцев к власти. Обвиняемые предпочитали, чтобы их судили профессионалы, а не сверстники [4].

В послевоенные годы в Японии была принята Конституция в 1946 г., а затем, на ее основе – Уголовно-процессуальный кодекс в 1948 году, действующий в настоящее время, который может быть охарактеризован «как гибрид континентальной европейской и англо-американских правовых систем» [1, с.113].

Япония пережила значительную международную и внутреннюю критику того, как работает ее система правосудия. В 1999 году в Японии был создан Совет из 13 человек по реформированию судебной системы. Первые рекомендации Совета были представлены премьер-министру Японии Ихиро Коидзуми 12 июня 2001 г. Совет внес конкретные предложения по внедрению двух различных систем: 1) Saiban-in Seido (система квази-жюри или

смешанный трибунал) и, 2) система большого японского жюри или комиссия по уголовному преследованию [5, с.517-518].

Термин "*Saiban-in*", был впервые введен профессором права Токийского университета Масахито Инойя в 2001 г., который предложил создать систему гибридного жюри, имеющую следующие шесть отличительных особенностей: (1) особая роль гражданина или судебных заседателей (т.е. *Saiban-in*) в судебном процессе; (2) роль профессиональных судей в координации с судебными заседателями в одном процессе; (3) стандартизованный метод отбора судебных заседателей, права и обязанности судебных заседателей; (4) обсуждение окончательных приговоров; (5) формальный метод процедуры судебного разбирательства; и (6) процедура обжалования [5, с. 523].

Система квази-жюри предусматривает две различные коллегии для уголовного судопроизводства. Группа из трех профессиональных и шести судебных заседателей выбирается в оспариваемой случае, в то время как один профессиональный судья и четыре судебных заседателя выбираются в неоспоримых случаях, когда факты и проблемы, выявленные в досудебной процедуре бесспорны.

28 мая 2004 года, японский парламент обнародовал Закон о народных заседателях [6]. Однако его введение в действие было отложено на пять лет. Первый процесс по новой системе состоялся в Японии 3 апреля 2009 года.

В ст. 1 Раздела 2 Закона отмечается, что система народных заседателей имеет цель включить общественность к участию в рассмотрении дел в уголовном судопроизводстве, что позволит отразить в судебных решениях здравый смысл и комментарии народных заседателей. Это позволит гражданам понимать и поддерживать судебную систему, и в то же время создать основу для создания системы уголовного правосудия ориентированную на граждан в долгосрочной перспективе.

В газете Джапан Таймс от 5 мая 2014 г. была опубликована статья «Совершенствование системы народных заседателей» [7]. В ней приведены интересные, на наш взгляд, данные. Так, при проведении социологического опроса в 2013 году среди 7698 респондентов, участвующих в судебных разбирательствах в качестве народных заседателей 66,5 % ответили, что судебное разбирательство было «легко понять». По сравнению с 2012 годом эта цифра составляла 58,6%. Начиная с 2009 года, в общей сложности около 36 000 чел. выступили народными заседателями и еще 12 000 чел. запасными народными заседателями, которые участвовали в судебных заседаниях по делам о тяжких преступлениях. По состоянию на

конец февраля 2014 г. в Японии судили с участием народных заседателей 6392 чел. Из них 6222 чел. были признаны виновными, в том числе 20 чел. были приговорены к смертной казни.

Новая система рассмотрения уголовных дел в Японии, именуемая «Сайбан-ин», предполагает создание смешанного жюри из профессиональных судей и граждан по европейскому образцу. Две категории тяжких преступлений подпадают под вынесение судебного решения в новых условиях: 1) преступления, наказуемые смертной казнью или лишением свободы на неопределенный срок или каторжными работами, и, 2) преступления, в котором жертва умерла из-за умышленного преступления. Закон не дает обвиняемому право отказаться от суда присяжных (это болевая точка с некоторыми противниками новой системы, которые отмечают, что подсудимые в разных странах могут отказаться от своего права на суд присяжных).

Жюри для спорных случаев состоит из шести народных заседателей и трех профессиональных судей. В безальтернативных случаях, в которых признание было получено, жюри будет состоять из четырех народных заседателей и один профессионального судьи.

Народные заседатели выбираются случайным образом из списков избирателей. Единственным положительным критерием для народного заседателя является допуск к голосованию на выборах Сейма, для которого японские граждане должны иметь возраст не менее 20 лет. Потенциальные народные заседатели сначала получают повестку по почте, а затем в первый день появления в суде они заполняют анкету и проходят собеседование у профессиональных судей и представителей сторон обвинения и защиты. Закон также содержит процедуру, которая позволяет как стороне обвинения, так и стороне защиты заявить отводы до четырех человек без объяснения причин.

Не могут быть избраны народными заседателями лица по таким причинам, как: преклонный возраст, криминальная история, неспособность завершить обязательное образование, членство в правительстве, психическое или физическое заболевание, занятость. Кроме того, те лица, которые должны заботиться о членах своей семьи, и те, кому будут нанесены серьезные финансовые трудности, могут быть освобождены от выполнения обязанностей народных заседателей.

Закон о народных заседателях предусматривает, что смешанное жюри должно вынести вердикт на основании признания фактов и применения законов, и если приговор "виновен", жюри должно затем вынести соответствующий приговор. Таким образом,

народные заседатели должны помочь суду найти факты и вынести приговор. Только профессиональные судьи имеют право толковать закон и принимать решения о порядке судебного разбирательства, но народные заседатели могут оставлять комментарии по таким вопросам. Во время судебного разбирательства, народные заседатели могут также допрашивать свидетелей, потерпевших и обвиняемых, хотя закон предусматривает мало указаний о том, как народные заседатели и профессиональные судьи должны взаимодействовать во время совместной работы [4].

Для вынесения обвинительного приговора необходимо большинство голосов народных заседателей и голос как минимум одного профессионала. «Смешанное правило большинства» означает, что в малом жюри (1 профессиональный судья и 4 народных заседателя) один профессиональный судья может противостоять мнению четырех народных заседателей, а в большом жюри (3 профессиональных судьи и 6 народных заседателей) в случае расхождения мнений расколы толкают к позиции, которую занимают профессиональные судьи.

Наконец, Закон о народных заседателях гласит, об их уголовной ответственности за утечку секретов, ложные сведения в ходе допроса или других процессуальных действий, за ложное заявление о невозможности присутствовать на суде и др.

Система большого жюри была впервые создана в 1948 году с помощью Верховного командования оккупационных войск США с явным намерением сократить чрезвычайно мощную компетенцию прокуратуры Японии в конце Второй мировой войны. Это во многих отношениях сродни японской версии американской системы большого жюри с конкретной функцией изучения и оценки законности решения прокуратуры по вынесенному обвинительному заключению. Система большого жюри состоит из 11 человек, выбранных случайным образом из местного населения. На основании оценки доказательств, представленных прокуратурой большое жюри вправе дать три рекомендации: 1) не выдвижение прокурором обвинительного заключения правильно; 2) не выдвижение прокурором обвинительного заключения неправильно и подлежит пересмотру; 3) обвинительное заключение правильное и обвиняемый подлежит судебному преследованию. Иными словами злоупотребление обвинительной властью прокурорами Японии потенциально заключается в их усмотрении не возбуждать уголовное преследование в отношении потенциальных преступников. Тем не менее, рекомендации большого жюри рассматривались как консультационные.

29 мая 2014 г. парламент Японии принял Закон о пересмотре Уголовно-процессуального кодекса и существующего Закона о комиссии по уголовному преследованию [8]. Пересмотренный Закон о комиссии по уголовному преследованию даровал большому жюри полномочия требовать объяснений прокурора по его решению об отказе в возбуждении уголовного преследования и сделал обязательным для прокурора вынесение обвинительного заключения, если большое жюри дважды рекомендовало прокурору возбудить уголовное преследование.

Новый закон учредил два этапа в процессе формирования юридически обязательного характера резолюции большого жюри. Во-первых, когда большое жюри решает, что возбуждение уголовного преследования необходимо, то прокурор обязан пересмотреть свое решение об отказе в возбуждении уголовного преследования, несмотря на то, что рекомендация большого жюри не является в этот момент юридически обязательным. Если прокурор по-прежнему не возбудит уголовное преследование или если прокурор не может предъявить обвинение в течение 3-х месяцев, то прокурору будет предложено объяснить свое бездействие вопреки рекомендации большого жюри. После этого большое жюри будет пересматривать дело и может принять юридически обязательное для прокурора решение в пользу обвинения. В случае принятия большим жюри такого решения суд должен назначить адвоката, который будет выполнять функцию судебного преследования, пока не будет достигнуто окончательное решение.

Таким образом, в Японии существуют две формы участия населения в осуществлении правосудия. Одна из них предназначена для контроля над деятельностью прокурора при осуществлении им уголовного преследования. Другая применяется для участия населения в судебных разбирательствах по уголовным делам в судах общей юрисдикции по делам о тяжких преступлениях. Вторая форма наиболее значима. Поскольку именно здесь граждане непосредственно участвуют наряду с профессиональными судьями в разрешении уголовных дел по существу. При этом данная форма является смешанной, т.к. имеет признаки суда присяжных, присущих таким странам как США, Великобритания, России, а также отдельные элементы суда шеффенов, т.е. континентального права.

1. Мишина, Е.А. Реформа системы правосудия в Японии / Е.А. Мишина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – № 3. – С.112–119.

2. Kazuko Ito. Wrongful Convictions and Recent Criminal Justice Reform in Japan / Ito. Kazuko // University of Cincinnati Law Review. Vol. 80 [2012]. Iss. 4. Art. 10. P.1245-1275.

3. Raneta Lawson Mack. Reestablishing Jury Trials in Japan: Foundational Lessons from the Russian Experience / Raneta Lawson Mack // Creighton International and Comparative Law Journal. Vol. 2. Spring 2012. No 2. P.100-127.

4. David Johnson. Early Returns from Japan's New Criminal Trials / David Johnson // The Asia-Pacific Journal. Vol. 36-3-09. September 7, 2009.

5. Hiroshi Fukurai. A Step in the Right Direction for Japan's Judicial Reform: Impact of the Justice System Reform Council (JSRC) Recommendations on Criminal Justice and Citizen Participation in Criminal, Civil, and Administrative Litigation. Hastings Int'l & Comp. L. Rev. [Vol. 36:2 2013]. P. 517-567.

6. Saiban'in no Sanka Suru Keiji Saiban ni kansuru Horitsu // Law for Implementation of Lay Judge System in Criminal Court Procedures. Law No. 63 of 2004, translated in Kent Anderson & Emma Saint, Japan's Quasi-Jury (Saiban-in). Law: An Annotated Translation of the Act Concerning Participation of Lay Assessors in Criminal Trials, 6 ASIAN-PAC. L. & POL'YJ. 233, 233 (2005).

7. Japan Times. Improving the lay judge system. 2014. May 5.

8. (Keiji Soshohoto no Ichibu o Kaiseisuru Horitsu [Act to Revise the Code of Criminal Procedure] [hereinafter PRC Act], Law No. 62 of 2004, <http://law.egov.go.jp/htmldata/S23/S23HO147.html>. (дата обращения 10.05. 2015).

УДК 34.05

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА СТРАН СНГ: АНАЛИЗ НОРМАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ

А.О. Сосункевич
студентка 5 курса

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

В современном мире актуальным является вопрос о вещественных доказательствах: какие предметы могут быть признаны вещественными доказательствами, каковы критерии ограничения

от других видов доказательств. Анализ нормативных моделей позволит выявить общие закономерности и особенности вещественных доказательств в странах СНГ. Это необходимо, прежде всего, для выявления и устранения недостатков в национальном законодательстве.

***Ключевые слова и словосочетания:** вещественные доказательства; основания признания вещественным доказательством; хранение доказательств; возврат вещественных доказательств.*

MATERIAL EVIDENCES INSTITUTION IN THE CIS COUNTRIES: ANALYSIS OF LEGAL MODELS

A.O. Sosunkevitch

Student of the 5th grade, Institute of Law

*Vladivostok State University of Economics and Service
Russia, Vladivostok,*

There is actual question in the modern world arising about material evidences: what can be recognized as material evidence, what are the criteria for separation from other types of evidence. Analysis of legal models can be helpful in revealing general patterns and characteristics of material evidence in the CIS countries. It is necessary, first of all, to identify and address weaknesses in national legislation.

***Keywords:** evidence; grounds for recognizing the material evidence; storage of evidence; return of material evidence.*

В состав Содружества независимых государств входят: Республика Азербайджан, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан.

В каждой из названных стран вещественные доказательства образуют самостоятельный вид судебных доказательств.

Передо мной была поставлена цель проанализировать уголовно-процессуальные кодексы стран СНГ в части, закрепляющей положения о вещественных доказательствах. По результатам проведенного анализа выявить общие закономерности, а также определить особенности.

Анализ проводился по следующим критериям:

1. понятие вещественных доказательств;
2. основание признания предмета вещественным доказательством;

3. хранение вещественных доказательств;
4. решение вопроса о вещественных доказательствах при вынесении приговора или прекращения дела;
5. действия сторон, в случае невозможности возврата вещественных доказательств, последствия;
6. действия при передаче вещественных доказательств.

Вещественными доказательствами являются те предметы, которые имеют следующие признаки:

- служили орудиями совершения преступления или были объектами преступных действий;
- сохранили на себе следы преступления;
- могут служить средством для обнаружения преступления, установления обстоятельств дела.

Это перечислены общие признаки вещественных доказательств, присущие всем государствам, входящим в состав СНГ.

В 7 странах выделяют следующий признак вещественных доказательств. Такие доказательства должны служить средством для выявления виновных лиц либо опровержения обвинения или смягчения ответственности [1].

В 3 государствах указано следующее. Вещественными доказательствами являются деньги, ценности и иное имущество, которое получено в результате совершения преступления.

В целом вещественными доказательствами признаются предметы, документы, деньги, ценности и иное имущество.

В статье 203 УПК Узбекистана закреплены иные признаки вещественных доказательств, отличающиеся от указанных ранее: «Вещественным доказательством является предмет, имеющий физические признаки или метки, по которым можно установить его происхождение, принадлежность какому-либо лицу, применение его или пригодность для применения в определенных целях, перемещение этого предмета, воздействие на него тех или иных веществ, предметов, процессов и явлений, а также любые иные признаки и следы, указывающие на обстоятельства дела» [2].

Что касается признания предмета вещественным доказательством, то в странах СНГ существуют два основания для признания:

1. постановление органа, осуществляющего уголовное производство;
2. определение (постановление) судебной инстанции.

В ряде стран предметы признаются вещественными доказательствами лишь на основании постановления органа, осуществляющего уголовный процесс [3]. В уголовно-процессуальных кодексах этих государств (Туркменистан, Армения) не закреплена

норма о том, что предмет признается вещественным доказательством на основании определения (постановления) суда.

В уголовно-процессуальных кодексах Азербайджана, Молдовы, Таджикистана отдельно указываются и те условия, при которых суд признает предметы вещественными доказательствами. Должны быть:

1. подробно описаны, опечатаны сразу же после обнаружения, была устранена возможность подмены;
2. опознаны подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелями непосредственно до исследования в суде [4].

В УПК РФ наиболее четко закреплена процедура хранения вещественных доказательств. В статье 82 УПК РФ указаны виды вещественных доказательств, которые подлежат хранению: предметы, которые в силу громоздкости и иных причин не могут храниться при деле; большие партии товаров, хранение которых затруднено; изъятые из незаконного оборота наркотические средства, психотропные вещества, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества; деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления; электронные носители информации; изъятые из незаконного оборота товары легкой промышленности; изъятая алкогольная и спиртосодержащая продукция [5]. В то время когда в УПК других государств перечень предметов намного меньше.

В УПК государств (Армения, Кыргызстан, Таджикистан, Беларусь) указывается лишь то, что предметы, которые в силу громоздкости и иных причин не могут храниться при уголовном деле, должны быть сфотографированы либо засняты на видеопленку, и должны храниться в месте, указанном следователем, а также могут быть переданы на хранение организациям, предприятиям.

В общем, вещественные доказательства:

1. хранятся при деле;
2. сдаются на хранение организациям, банкам;
3. возвращаются владельцам;
4. в случае невозможности возврата оцениваются и с согласия владельца либо по решению суда передаются на реализацию;
5. уничтожаются, если скоропортящиеся товары пришли в негодность.

Что касается сроков хранения, то вещественные доказательства хранятся:

- до вынесения постановления о прекращении уголовного дела;
- до вступления приговора в законную силу;

- в отдельных случаях предметы могут быть возвращены владельцам да вышеназванных сроков.

И лишь в статье 97 УПК Р. Беларусь указано, что вещественные доказательства могут храниться до вступления приговора в законную силу или до истечения срока на обжалование постановления или определения о прекращении производства по уголовному делу, но не более трех лет [6]. То есть, закреплен максимальный срок хранения вещественных доказательств.

Существуют два вида решений о вещественных доказательствах:

1. решения, принимаемые до окончания производства по уголовному делу;
2. решения, принимаемые при вынесении приговора.

Существуют УПК, которые выделяют два вышеуказанных вида решений вида решений (Азербайджан, Армения, Молдова, Узбекистан). В остальных УПК государств СНГ решения не разделяются [7].

До завершения производства по уголовному делу решается вопрос о возвращении собственнику следующих предметов, являющихся вещественными доказательствами:

- скоропортящиеся вещи;
- вещи повседневного бытового спроса;
- домашние животные и птицы;
- автомобиль или другое транспортное средство.

В приговоре, а также определении или постановлении о прекращении уголовного дела вопрос о вещественных доказательствах решается с соблюдением следующих правил:

- орудия преступления подлежат конфискации или уничтожаются;
- предметы, запрещенные к обращению, подлежат передаче в соответствующие учреждения или уничтожаются;
- деньги и иные ценности, добытые преступным путем или явившиеся объектом преступных действий, возвращаются собственнику или при необходимости подлежат обращению в доход государства;
- документы, являющиеся вещественными доказательствами, остаются в деле в течение всего срока его хранения либо передаются заинтересованным лицам или учреждениям;
- вещи, не представляющие ценности, уничтожаются в установленном законодательством порядке, а в случае ходатайства заинтересованных лиц могут быть им выданы;

- остальные вещи возвращаются их владельцам, а при неустановлении последних переходят в собственность государства.

В УПК государств СНГ (Казахстан, Российская Федерация, Туркменистан, Молдова) закреплены действия сторон в случае невозможности возврата вещественных доказательств [8]:

1. Вещественные доказательства, подвергающиеся быстрой порче, если не могут быть возвращены владельцу, сдаются в соответствующие организации для использования по назначению, либо для реализации.

2. В случае невозможности возврата изъятых в ходе производства следственных действий электронных носителей информации их законному владельцу содержащаяся на этих носителях информация копируется по ходатайству законного владельца изъятых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации.

3. В случае невозможности установления принадлежности предметов, подлежащих возвращению, при рассмотрении уголовного дела в суде спор разрешается в порядке гражданского судопроизводства.

4. Если законный собственник или владелец вещественных доказательств неизвестен или их возвращение невозможно по другим причинам, они сдаются в соответствующие налоговые органы для решения вопроса о их использовании, хранении, уходе за ними или их продаже.

В УПК Азербайджана, Узбекистана, Молдовы существуют нормы, закрепляющие положения о последствиях невозможности возврата вещественных доказательств [9].

Стоимость вещи, испорченной, уничтоженной либо утраченной во время экспертизы либо других законно произведенных следственных или иных процессуальных действий, относится на судебные издержки. Если эта вещь принадлежит осужденному или гражданскому ответчику, ее стоимость не возмещается. Если эта вещь принадлежит другому лицу, ее стоимость возмещается приговором суда за счет средств государственного бюджета, либо может быть удержана с осужденного и гражданского ответчика. При вынесении оправдательного приговора, а также прекращении производства по уголовному преследованию стоимость вещей, испорченных, уничтоженных либо утраченных во время экспертизы либо других законно произведенных следственных или иных процессуальных действий, возмещается их владельцу или законному собственнику за счет средств государственного бюджета [10].

Общим в УПК стран СНГ является положение о передаче вещественных доказательств. Так, при передаче уголовного дела ор-

ганом дознания следователю или от одного органа дознания другому либо от одного следователя другому, а равно при направлении уголовного дела прокурору или в суд либо при передаче уголовного дела из одного суда в другой вещественные доказательства передаются вместе с уголовным делом.

В целом, анализ нормативных моделей других государств позволяет выявить существующие недостатки в национальном законодательстве и найти пути для его совершенствования.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения: Закон от 01.09.1998 №ЗР-248 (с изменениями от 21.06.2014) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7460 (дата обращения: 28 04.2015).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан: Закон от 22.09.1994 №2013-ХП (в ред. закона от 04.09.2014 №ЗРУ-373) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=889#doc_text (дата обращения: 28 04.2015).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана: Закон от 18.04.2009 (в ред. закона от 03.05.2014) [Электронный ресурс] / http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=27706

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан: Закон от 03.12.2009 (в ред. закона от 27.11.2014 №1134) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=30692 (дата обращения: 28 04.2015).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ (в ред. от 30.03.2015) [Электронный ресурс] / СПС «Консультант» (дата обращения: 28 04.2015).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: Закон от 16.07.1999 №295-З (в ред. закона от 05.01.2015 №241-З) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2002 (дата обращения: 28 04.2015).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова: Закон от 14.03.2003 №122 (в ред. закона от 18.07.2014 №163) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3833(дата обращения: 28 04.2015).

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: Закон от 04.07.2014 №231-ЗРК (в ред. закона от 07.11.2014 №248-ЗРК) [Электронный ресурс] Режим доступа:

http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=69097(дата обращения: 28 04.2015).

9. Уголовный процесс Республики Узбекистан: учеб. пособие / У.А Тухташева. – Т.: ТГЮИ, 2007. -513 с.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской республики: Закон от 14.07.2000 №907 (в ред. закона от 28.10.2014 №1088) [Электронный ресурс] Режим доступа: [http://base. spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=11597](http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=11597) (дата обращения: 28 04.2015).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: Я ПРЕОДОЛЕЛА СВОЙ СТРАХ

В числе традиций подготовки и проведения во ВГУЭС Конивских чтений есть появившееся в 2011 году правило: по окончании их дня через два-три написать эссе «Мои суждения о Конивских чтениях». Это делают первокурсники, которые присутствуют на таких мероприятиях впервые.

Хотелось бы привести несколько цитат из этих пока еще наивных, но искренних оценок.

«Такие чтения должны проходить как можно чаще... Они мне очень понравились, произвели на меня неизгладимые впечатления. Из каждого выступления, – пишет студентка группы БЮП-14-02 Тамара Горицян, – я вынесла для себя много интересной, а главное – познавательной и нужной информации... Эти Чтения дают возможность, выступая, изложить свое видение той или иной темы, высказать свою точку зрения..., выступления помогают развивать ораторские способности.

Такие мероприятия помогают расширить кругозор, поделиться своими мыслями, услышать об опыте других, узнать что-то новое, закрепить или дополнить уже известную информацию.

На следующих Конивских чтениях... я хотела бы и сама принять участие в качестве докладчика».

Ей вторит студентка группы БЮП-14-02 Валерия Аникеева, выступавшая с темой «А.Ф. Кони как создатель русской школы судебного красноречия»:

«Я безумно рада, что стала частичкой Конивских чтений. Очень радует, когда мероприятия, проводимые в нашем университете, привлекают все новых и новых участников.

Мои впечатления исключительно положительные. Но, приобретая первый опыт выступления на таком публичном мероприятии, я дальше в течение чтений не была активной – не хватало знаний по некоторым вопросам, для меня они были совершенно новыми для понимания... Объем полученной информации заставил после чтений ее углубить, самой найти по некоторым темам литературу.

Для нас, первокурсников, очень важно участвовать в таких мероприятиях, так как здесь мы приобретаем ценный опыт и полезные знания».

Ее сокурсница Лилия Золотарева, также отмечая «полезный опыт докладчиков, которые расширили ее понимание и видение

насущенных политических, социальных и правовых проблем», пишет, что «выступления белорусских участников подтолкнули ее на разные мысли и размышления, вдохновили ... заниматься научной деятельностью, которую хочется серьезно реализовать, начиная со второго курса...

Четырнадцатые ежегодные Конивские чтения лично для меня стали источником новых идей, мыслей, мотивирующим толчком к шагам вперед в сферу научной деятельности, внутреннего культурно-правового и мировоззренческого роста.

В качестве выступающих на следующих чтениях вызвались в своих эссе более 10 первокурсников: Валентин Наймушин, Ксения Кривцова, Каролина Боблакова, Татьяна Вершинина, Мария Беловош, Максим Сотников и другие.

«Именно здесь я задала свой первый вопрос докладчику. Раньше я стеснялась. Да и в этот раз тоже. Но выступление о судах присяжных меня очень заинтересовало, и я все-таки преодолела свой страх и задала интересующий меня вопрос, на который получила исчерпывающий, развернутый ответ...

Жаль, что не все студенты, – сетует студентка группы БПЮП-14-01 Дарья Севрюк, – которые хотели присутствовать на Чтениях, смогли это сделать – зал, хоть он и не мал, не смог их вместить».

И еще одно из трех десятков эссе – выступившей с докладом о деятельности и перспективах развития института суда присяжных в России Елены Федоренко.

«Свое выступление я запомню надолго. К сожалению, мне не удалось выступить так, как хотелось бы: побороть страх и волнение, собраться и четко изложить свой материал, который я хорошо знала.

Понимаю, что мое выступление далеко от идеала и не слишком заинтриговало слушателей по той причине, что у меня был слишком быстрый темп изложения, скорее всего монотонная интонация в голосе, который от природы тихий. К тому же я не уложила во временной регламент.

Я не чувствовала себя свободно и комфортно. Волновалась настолько, что предпочла уткнуться в свой распечатанный материал и читать с листа, а не озвучивать на память то, что знала дословно. Не хватило эмоционального изложения, собранности.

Но, несмотря на это, я получила удовлетворение от процесса выступления: появилось чувство некоторого прояснения, словно я поумнела. Я смогла! А над указанными недостатками мне пред-

стоит поработать. Надеюсь, в дальнейшем удастся их ликвидировать».

Должен заметить, более 50 процентов сокурсников и некоторые гости из других ВУЗов, студенты старших курсов и преподаватели назвали ее выступление в числе заметных, оставивших в их памяти свой след.

Анализовавший студенческие эссе
и проводивший опрос о впечатлениях
от Конивских чтений во ВГУЭС,
председатель Конивского комитета,
профессор кафедры Публичного права
Института права ВГУЭС, канд. юрид. наук,
А.Б. Пекарский

Научное издание

**СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА
И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ГОСУДАРСТВ
ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

**Материалы XIV Международных
Конивских чтений**

13–14 мая 2015 г.

г. Владивосток

В авторской редакции

Подписано в печать 20.10.2015. Формат 60×84/16.
Бумага писчая. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 22,75. Усл. печ. л. 15,11.
Тираж 100 экз. Заказ

Издательство Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано в множительном участке ВГУЭС
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41